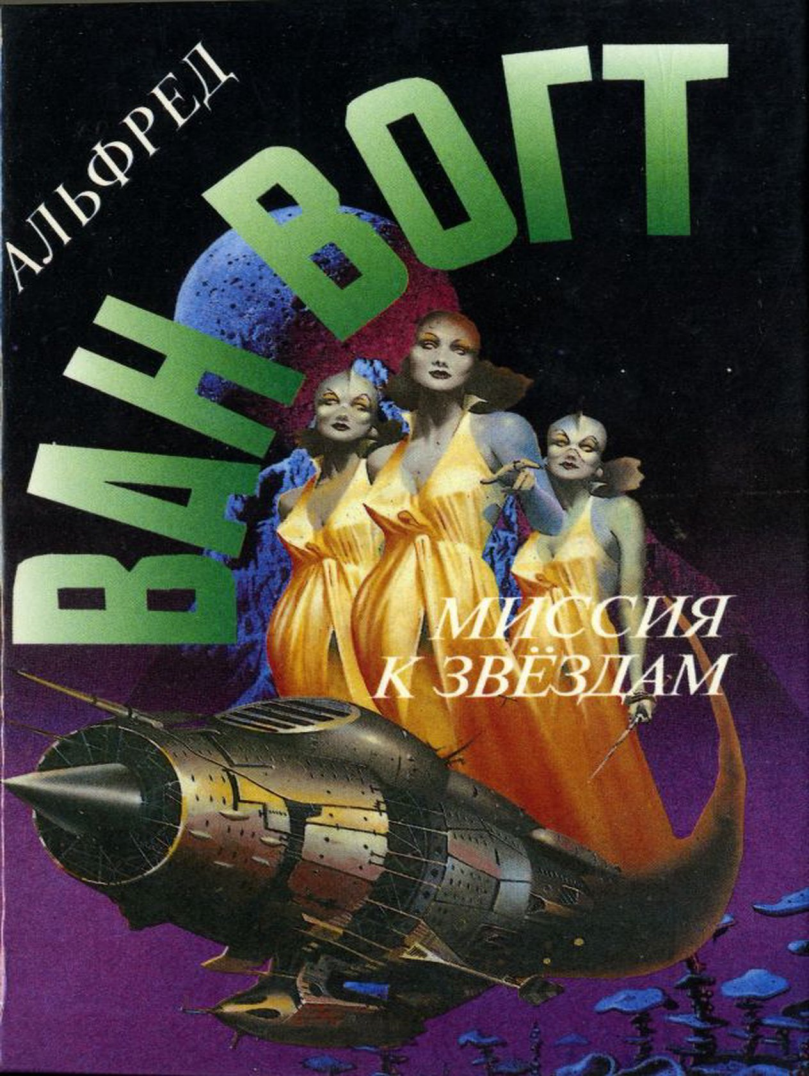
АЛЬФРЕД

ВАН ВОГТ



МИССИЯ К ЗВЁЗДАМ

Миссия к звездам
Альфред Элтон Ван Вогт

Аннотация
Untitled
ЦЕЛЬ
ПРОЦЕСС
РЕПЛИКАТОРЫ
МИССИЯ К ЗВЕЗДАМ
РАССКАЗЫ
Дорогой друг
Ультра-человек
Первый марсианин
Вид шестой: робот-чудовище. Заключительный приказ
Вид седьмой: электронное чудовище. Нечто
Звездный святой
«Завершение»
Коо-о-о-о-о-о-т!
Таймер

Аннотация

Альфред Ван Вогт Вып. 7. (Англо-американская фантастика XX века).

В сборник вошли повести «Цель», «Процесс», «Репликаторы», «Миссия к звездам», а также рассказы: «Дорогой друг», «Ультра-человек», «Первый марсианин», «Вид шестой: робот-чудовище Заключительный приказ», «Вид седьмой: электронное чудовище Нечто», «Звездный святой», «„Завершение“», «Коо-о-о-о-о-т!», «Таймер».

Альфред ВАН ВОГТ

****

Цель
Процесс
Репликаторы
Миссия к звездам
Рассказы

«Сигма-пресс». Москва
1996

ЦЕЛЬ

Вирджиния Меньшин оказалась там совершенно случайно. Когда она выходила из ресторана, то перед открытой дверью какого-то одноэтажного здания, охваченного огнем, увидела пять пожарных машин.

Вирджиния направилась туда. Ее как журналистку сразу же заинтересовало это происшествие. Пожары не входили в сферу ее профессиональных интересов, но раз уж она оказалась неподалеку… Мысленно она уже представила начало статьи:

«Пожар, вызванный тем-то и тем-то, вспыхнул в… Причинен незначительный материальный ущерб». На табличке, висевшей на фасаде здания, было написано:

«НАУЧНО-ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ЛАБОРАТОРИИ
Невралгические и органикологические исследования».

Вирджиния занесла эти данные в свою записную книжку, как и номер дома — 411 по

Уэйнворт-авеню. Когда она закончила, пожарные, грохоча башмаками, выходили из двери. Вирджиния схватила брандмейстера за руку.

— Я из «Геральд». Случайно оказалась поблизости. Что-нибудь серьезное?

Брандмейстер, крупный неуклюжий мужчина, нехотя ответил:

— Нет. Дешевая офисная мебель. Хозяин отсутствует. Похоже, пожар начался из-за непотухшего сигаретного окурка, брошенного в корзину с бумагами.

Усмехнувшись, он продолжил:

— Секретарем тут работает какой-то странный молодой парень. В жизни не видел человека, столь перепуганного. Он тараторил, как сорока, когда я выходил из комнаты. Ни одного разборчивого слова.

Потом брандмейстер лукаво захихикал.

— Если он себя так ведет сейчас, то представляю себе, что будет, когда прибудет его шеф. Ну, пока!

Он направился к своей машине.

Вирджиния Меньшин не знала, что же ей теперь делать. Да, она уже получила всю необходимую информацию. Но осталось неудовлетворенным ее любопытство. И она направилась к все еще открытой двери.

Вирджиния заглянула в небольшой кабинет. В нем она приметила три стула и стол, расписанный белой и синей краской, вернее, некогда он был бело-синим, а сейчас — полу обуглившимся, и непривлекательный вид его еще более подчеркивала пена, которую безжалостно разбрызгивали пожарники. Дальше располагалось нечто вроде ЭВМ.

За столом также сидел секретарь.

Взгляд Вирджинии надолго остановился на нем. Это был высокий и очень худой молодой человек. Его одежда была слишком коротка для него по длине и слишком просторна по ширине. Впалые щеки на бледном лице. Подбородок, лоб и шея покрыты прыщами, а кадык ходит вверх-вниз.

Он в ужасе смотрел на девушку огромными карими глазами. Рот раскрылся, и он что-то пробормотал нечленораздельно. По крайней мере, ничего из этого обычный человек не понял бы, но не Вирджиния, научившаяся разбирать подобное бормотание во время редакторской правки или интервью.

— Что мне нужно? — громко повторила она. — Я — репортер. Какова стоимость всей этой мебели?

— Ядд-недд-дау, — ответил молодой человек.

— Я не знаю. Гм-м! В кабинете полный беспорядок, за исключением счетной машины, или что там у вас за столом. Мне кажется, я просто напишу в заметке: «Причинен ущерб только мебели кабинета».

Девушка сделала пометки в записной книжке и резко захлопнула ее.

— Ну, мы еще встретимся.

Она уже начала разворачиваться, чтобы уйти, когда ее остановил резкий звонок. Из какой-то точки на стене за спиной молодого человека послышался глубокий и спокойный мужской голос:

— Эдгар Грей, нажмите кнопку 74.

Молодого человека словно током ударило. Казалось, все его руки и ноги рванулись в сторону стола. Но каким-то образом он сохранил над ними контроль. Один из его длинных костлявых пальцев коснулся кнопки на «вычислительной машине».

Затем Грей выпрямился, держа глаза закрытыми, но продолжая жать на кнопку. Вирджинии казалось перед этим, что лица, бледнее, чем у него, она в жизни не видела. Но сейчас оно еще больше побелело и продолжало мертветь и дальше. В конце концов по его лицу пробежались

темные тени. Казалось, что жизнь молодого человека находится в огромной опасности.

Все это было невероятно и неестественно. Вирджиния глядела на него округлившимися от удивления глазами.

Прошла минута. Потом человек глубоко вздохнул. Оторвав руку от кнопки, он открыл глаза. И увидел Вирджинию. Лишь теперь на его лице начал восстанавливаться прежний румянец.

Вирджинии Меньшин удалось выдавить из себя:

— Господи, что это было?

Эдгар Грей все еще не способен был дать вразумительный ответ. Он мутным взглядом смотрел на девушку, и у той создалось впечатление, что он вот-вот рухнет в обморок. Громко вздохнув, Грей уселся на обгоревший стул.

Он бессильно оперся о спинку стула, словно больной пес.

Вирджиния произнесла дружелюбным голосом:

— Послушайте-ка, Эдгар, как только сюда приедет ваш шеф, немедленно отправляйтесь домой и ложитесь в постель отдыхать. Это будет только на благо вашему здоровью.

Она повернулась и вышла. И тут же забыла об

Эдгаре Грее.

Спустя пять минут после ее ухода из стены снова раздался четкий вибрирующий низкий женский голос:

— Эдгар!

Молодой человек вздрогнул. Потом встал. Женский голос нетерпеливо произнес:

— Эдгар, задерни шторы, закрой дверь и включи свет.

Словно автомат, молодой человек выполнил этот приказ. Но руки его дрожали, когда он наконец замер возле двери, не сводя с нее округлившихся глаз. Эта дверь отделяла кабинет от остальной части здания.

За ней раздался какой-то шорох, потом сквозь щель внутрь комнаты пробилась тоненькая полоска света. Дверь так и не открылась, однако сквозь нее в комнату шагнула какая-то женщина.

Сквозь дверь!

Призрачная женщина! Ее фигура имела призрачные очертания, она явно была нематериальна. На ней было белое платье из тонкого прозрачного материала. Какой-то миг Эдгар видел сквозь тело призрачной женщины саму дверь.

Она замерла, словно неземной дух, ожидающий материализации своей пока еще призрачной оболочки.

И вдруг она уже больше не была прозрачной. Материализация завершилась. Она была во плоти. Женщина шагнула вперед. Взмахнув рукой, она дала пощечину Эдгару. Довольно сильную.

Тот покачнулся, но устоял на ногах. А потом начал хныкать, и слезы его были вызваны болью и ненавистью.

— Эдгар, тебе ведь запретили курить.

Снова взлетела вверх рука. Еще одна звонкая пощечина.

— Ты останешься здесь до конца своего дежурства и будешь выполнять свои обязанности. Понятно?

Женщина холодно посмотрела на него.

— К счастью, я прибыла сюда как раз вовремя, чтобы увидеть эту журналистку. К счастью для тебя. Я собиралась наказать тебя хлыстом.

Она повернулась и направилась ко второй двери, но у самой двери остановилась на секунду, после чего шагнула сквозь нее и исчезла.

Мир полон случайностей, которые западают нам в душу, такова уж природа человека. До пожара Вирджиния сотни раз проходила мимо

здания «Научно-футурологических лабораторий», не обращая на него никакого внимания. Но после этого случая она не переставала думать об этом учреждении.

На утро третьего дня после пожара она вместе с мужем вышла из того же самого ресторана. Подождав, пока он не скроется за углом, направившись в сторону университета, Вирджиния повернулась и пошла в противоположном направлении. Оказавшись рядом со зданием лабораторий, она, внезапно вспомнив о пожаре, остановилась и бросила взгляд на стеклянную витрину.

— Гм-м! — произнесла она.

На месте полуобгоревшего стола стоял новый, появился также и новый стул. На этом стуле сидел Эдгар Грей и читал какой-то журнал.

Вирджиния видела его бледное лицо и ясно различала профиль его кадыка. Рядом с ним на столе стояла полупустая коробка с едой.

Вполне обычная сцена, не заслуживающая ну ни малейшего внимания. Однако в начале десятого вечера, когда она в сопровождении мужа ехала в такси в театр, проезжая мимо «Футурологических лабораторий», она выглянула из такси.

Огромная стеклянная дверь отражала свет от лампы, расположенной позади стола, за которым

сидел Эдгар Грей, что-то читавший.

— А он до сих пор еще работает, — вслух произнесла Вирджиния.

— Что ты сказала? — спросил профессор Меньшин.

— Ничего, Норман.

Спустя неделю они возвращались с одной вечеринки домой и проезжали в четверть двенадцатого мимо «Футурологических лабораторий». И снова Вирджиния увидела, как Эдгар Грей сидит и читает за столом.

— Ну и ну! — не сдержалась Вирджиния. — Кто бы ни был владельцем этого учреждения, у него служит верный работник!

Норман Меньшин с улыбкой посмотрел на жену.

— Работа в газете определенно обогатила твой словарный запас, дорогая.

Вирджиния кратко обрисовала ему то, что ей было известно о «Футурологических лабораториях». Его лицо нахмурилось, а красивые глаза сузились, когда ее рассказ подошел к концу. Однако он лишь пожал плечами.

— Возможно, сейчас очередь Эдгара нести ночное дежурство. После войны ощущается нехватка рабочих рук, а по закону даже ты вынуждена

работать. И нам приходится обедать в ресторанах и есть витаминизированную пищу, ведь не можешь же ты одновременно и работать, и готовить еду. — Он скорчил гримасу. — Рестораны! Ах, ах!

Вирджиния рассмеялась, потом серьезным тоном сказала:

— Хотя, возможно, и существует недостаток рабочих рук, но люди, которых можно нанять на простую работу, ведут себя, как чванливые чинуши.

— Гм-м, полагаю, ты права. Боюсь, что тогда мне не удастся тебе помочь. Сейчас, когда я читаю лекции по практической психологии, я постепенно утрачиваю свои былые городские связи. Почему бы тебе не посоветоваться со стариной Кридли из твоей редакции? Ведь он, кажется, неплохой человек.

Кридли, редактор научного отдела, слушал Вирджинию, поглаживая бороду.

— «Научно-футурологические лаборатории», — произнес он, растягивая слова. — Нет, не могу сказать, что когда-либо слышал о них. Так, ну-ка посмотрим.

Он придвинул к себе коммерческий журнал, лежавший у противоположного края стола, и открыл его.

— Гм-м! — сказал он. — Да, вот здесь... Исследования. Это ничего не объясняет, но, — он посмотрел на девушку, — ни вполне законны.

Потом Кридли добавил с иронической усмешкой:

— А я почему-то решил, что у тебя было иное мнение.

— Ну, мне казалось, что тут может получиться неплохая статья для нашего журнала.

В какой-то степени это было так. Старина Кридли протянул руку к телефону.

— Я сделаю звонок доктору Блэйру, единственному моему знакомому неврологу. Возможно, он сообщит мне кое-какие сведения.

Разговор по телефону длился довольно долго. Вирджиния успела даже выкурить сигарету. Наконец старый пройдоха повесил трубку. Потом посмотрел на нее.

— Ну, — произнес он, — ты действительно наткнулась на нечто интересное.

— Вы хотите сказать, там не все чисто?

Шеф улыбнулся.

— Нет-нет, тут другое. В это предприятие вложены крупные средства. Десять, двадцать, тридцать миллиардов долларов.

— Да уж, крошечное предприятие, ничего не

скажешь! — воскликнула Вирджиния.

— Похоже, — продолжал старина Кридли, — филиалы этого «крошечного предприятия» разбросаны по всему миру. На каждой главной улице во всех городах нашей планеты, где население не меньше двухсот тысяч человек. Есть даже на Марсе в Каналис Махорис и по одному — на каждом из двух главных островов Венеры.

— Но чем они занимаются?

— По всей видимости, они действительно занимаются какими-то исследованиями. Впрочем, по правде говоря, тут замешана какая-то организация, которая оказывает на людей значительное давление, заставляя их вкладывать деньги в эти исследования. Было предпринято несколько робких попыток расследовать деятельность этой организации, но они так и угасли в самом своем зародыше.

— Доктор Дориэл Крэнстоун, основатель, когда-то был довольно известным специалистом в своей области. Около пятнадцати лет назад он начал этот сумасшедший проект и создал превосходную систему изымания золотишка у сердобольных богатых глупцов, которые жаждут потратиться на развитие науки. А на деле все идет группе мужчин и женщин, чьи имена у всех на

устах. Они сверкают в толпе, словно бриллианты. Тебе знаком этот тип людей. Ты ведь сама начала свою карьеру именно с работы в этих кругах.

Вирджиния пропустила этот комплимент мимо ушей.

— Но сделали ли они хотя бы одно действительно важное открытие?

— Мне об этом ничего не известно.

Вирджиния помрачнела.

— Как странно, что ничего больше о них не известно. Наверное, мне следует копнуть это дело поглубже.

Вскоре после пяти начался дождь. Вирджиния Меньшин укрылась в подъезде, на дверях которого висела табличка «Сэм Хэбердэшери», и с унылым взглядом посмотрела на хмурое небо.

В ее сознание начала прокрадываться мысль, что ей предстоит здесь провести всю оставшуюся ночь. Удивительное дело, но она не собиралась отказываться от задуманного. Простая логика подсказывала, что за Эдгаром лучше всего следить после ужина.

А именно это она и собиралась делать.

В семь дождь прекратился. Вирджиния выскользнула из подъезда и быстрым шагом прошлась взад-вперед мимо офиса, не сводя с него

взгляда. Там загорелась лампа, освещая все тот же стол, за которым все также сидел Эдгар Грей и читал какой-то журнал.

«Жалкий трусишка! — про себя в ярости выругалась Вирджиния Меньшин. — Неужели у тебя не хватает храбрости взять и настоять на своих правах? Я-то ведь знаю, что ты работаешь с самого утра».

Через несколько минут ее ярость угасла. Неумолимо уходило время. В десять минут одиннадцатого она торопливо проскользнула в ресторанчик, выпила чашку кофе и позвонила мужу.

Когда Вирджиния описала свои бдения возле офиса, профессор Меньшин захихикал в трубку, и она почувствовала себя лучше.

— Через час я ложусь спать. Поговорим обо всем утром.

— У меня нет времени, — отрезала Вирджиния, тяжело дыша. — Я ужасно боюсь, что он уйдет куда-нибудь в мое отсутствие.

Но когда она заглянула внутрь дома, свет там по-прежнему горел, а Эдгар все также стоически читал журнал.

Удивительное дело, но Вирджинии вдруг представилось, как он день за днем, год за го-

дом приходит каждое утро на работу и остается допоздна. И никому до этого нет дела, по всей видимости, об этом никто и не знает. Да и сам Эдгар не задумывается о своей жизни, поскольку, очевидно, он не ведет обычную жизнь примерного семьянина. Она ощутила жалость к Эдгару, как к какому-то близкому человеку: «Ну и житуха у тебя, врагу не позавидуешь!»

Вирджиния увидела, как он поднялся и нажал на одну из клавиш на «вычислительной машине».

Потом она потрясла в замешательстве головой. С каждой минутой занятие Эдгара представлялось ей все более и более бессмысленным. Одиннадцать часов вечера. Одиннадцать тридцать. В одиннадцать тридцать два неожиданно свет погас, и спустя минуту Эдгар появился на улице.

Лишь в четверть девятого утра на следующий день Вирджиния Меньшин, спотыкаясь, начала подниматься по единственному лестничному пролету к двери своей квартиры.

— Не задавай мне никаких вопросов, — устало сказала она мужу. — Я провела всю ночь на ногах. Расскажу все, когда высплюсь. Пожалуйста, позвони в редакцию и скажи, что меня не будет.

У нее едва хватило сил, чтобы раздеться, набросить на себя пижаму и добраться до постели.

Когда она проснулась, на часах было четыре тридцать… А в кресле рядом с постелью сидела какая-то женщина, одетая в длинное белое платье.

У женщины, как сразу же заметила про себя еще не полностью пришедшая в себя Вирджиния, были голубые глаза и очень красивое лицо. То есть его можно было считать таковым, если бы не высокомерное и холодное выражение на нем. Тело — стройное и длинное. В правой руке у нее был нож с длинным и острым лезвием.

Женщина тихим голосом нарушила тишину:

— Теперь, раз уж вы начали расследование нашей деятельности, вы должны быть готовы и к последствиям подобного излишнего рвения.

Она умолкла на несколько секунд, улыбнувшись мимолетной загадочной улыбкой, встревоженно следя за тем, как Вирджиния медленно начала приподниматься. Вирджиния успела даже подумать, что она раньше где-то видела эту женщину, когда та продолжила:

— Женщины к тому же вызывают больше симпатии… Моя дорогая, вы попали в такую переделку, которая оставить след на всю вашу оставшуюся жизнь. — Последние слова она про-

изнесла медленно и участливо.

Только сейчас к Вирджинии вернулся дар речи:

— Каким образом вы попали в квартиру?

Хотя женщина казалась ей смутно знакомой, но этот вопрос был первым, пришедшим ей в голову. И только потом до нее стал доходить смысл угрозы, прозвучавшей в словах незнакомки. Голос Вирджинии стал еще более пронзительным, когда она повторила:

— Каким образом вы попали в квартиру?

Светловолосая женщина улыбнулась, обнажая зубы:

— Сквозь стены, конечно.

Слова эти прозвучали со скрытым сарказмом, но вывели Вирджинию Меньшин из оцепенения. Она глубоко вздохнула… и застыла.

Внезапно осознав, насколько сверхъестественной является их встреча, она, сузив глаза, уставилась на собеседницу. Ее взгляд приковал к себе чудовищный нож, а потом страх охватил Вирджинию.

Вирджиния представила, как в комнату входит Норман и видит ее труп, с ножом в сердце. Вот она — мертвая, а он живой, смотрит на нее! Вот ее труп лежит в гробу…

Кровь быстрее побежала по венам, когда всю ее охватил ужас.

Взгляд ее переместился вверх, к лицу женщины… и страх рассеялся.

— Э, — удивленно воскликнула Вирджиния, — я вспомнила, кто вы такая! Вы — жена местного воротилы Фила Паттерсона. Я видела ваши фото в газетах в разделе светской хроники.

Страх теперь быстро отступал. Она не слишком хорошо разбиралась в психологии, но люди, которых она знала, — а это были Очень Важные Персоны, — не совершают убийств. Убийства совершают неизвестные, потерявшие все человеческое обличье типы, на несколько мгновений высунувшиеся из безликой толпы перед телекамерами после того, как их поймает полиция, чтобы затем, после приведения в исполнение приговора, кануть навсегда в небытие.

Вирджиния снова смогла членораздельно продолжить:

— Итак, вы работаете в «Научно-футурологических лабораториях».

Женщина кивнула.

— Верно. Да, я оттуда. А теперь, — она слегка выпрямилась, и голос ее зазвенел, словно колокольчик, — мне не хочется терять зря время на

пустую болтовню.

— Что вы сделали с Эдгаром Греем? — спросила ровным голосом Вирджиния. — Он — какой-то автомат, вещь, а не человеческое существо.

Женщина, казалось, не слышала ее слов. Она пребывала в нерешительности. Наконец она загадочно произнесла:

— Я должна убедиться, сколь много вы знаете. Слышали ли вы когда-либо о Дориэле Крэнстоне?

Наверное, по удивленному выражению на лице Вирджинии женщина поняла ответ:

— Ага, вижу, вы еще не до всего докопались. Премного благодарна вам за это! Вы могли бы представлять для нас тогда серьезную опасность.

Она умолкла и встала. Потом добавила удивительно бесцветным голосом:

— Это все, что я хотела узнать. Глупо сообщать информацию тем, кто вскоре умрет.

Она оказалась возле постели раньше, чем до Вирджинии дошел весь ужас, скрывавшийся за этими словами. Нож, о котором Вирджиния почти позабыла, сверкнул в руке женщины, потом начал движение вниз, к левой груди Вирджинии.

Тело девушки разорвала мучительная, обжигающая боль. Она успела увидеть нож, торчавший

из груди, как раз над сердцем.

А потом Вирджиния провалилась в спасительную темноту.

Профессор Норман Меньшин, весело и тихо насвистывая, вошел в свой дом. Часы на стене показывали ровно восемь. Когда он повесил шляпу и плащ на вешалку и поставил трость в угол, а затем миновал пустую гостиную и кухню, минутная стрелка указывала пять минут девятого.

Снимая плащ, он успел заметить, что плащ Вирджинии, ее шляпка и прочие вещи находятся там же, где и всегда.

По-прежнему насвистывая, но уже тише, он прошел к двери в ее спальню и постучал.

Ответа не последовало. Он торопливо возвратился в гостиную и взял вечерний выпуск «Геральд», который купил по дороге домой.

Скорость чтения у него была довольно высокой, до тысячи двухсот слов в минуту, и газету он прочитал довольно быстро, особенно, если учитывать, что он, как всегда, прочитал все разделы, кроме светской хроники.

В полдевятого он сложил газету, но потом остался сидеть, нахмурив брови. Он раздраженно подумал, что если Вирджиния дрыхнет с самого утра, то ее следует разбудить и устроить взбучку.

Кроме того, ей пора удовлетворить его любопытство и сообщить, что же она выяснила во время своего дежурства возле «Научно-футурологических лабораторий» прошлой ночью.

Он постучал еще раз в дверь спальни, а когда вновь не последовало ответа, открыл ее и перешагнул через порог.

Комната была пуста.

Профессора Меньшина это не слишком удивило. Он грустно посмотрел на неприбранную постель, потом покачал головой и улыбнулся. За двенадцать лет совместной жизни с Вирджинией он слишком хорошо знал причуды женщин-репортеров.

Впрочем, это не было похоже на Вирджинию — оставить комнату неприбранной, хотя такое раньше уже случалось пару раз, и тогда он поступал так же, как и сейчас: застелил постель, пропылесосил ковер и вымыл пол.

Убирая постель, он обратил внимание на кровавое пятно на простыне.

— Проклятье! — раздраженно пробормотал профессор Меньшин. — Вирджинии не следовало выходить на улицу, когда из носа идет кровь, да еще и без плаща.

Наконец он вернулся в гостиную и включил

радиоприемник, настроенный на комедийный сериал, пользующийся популярностью, в котором, впрочем, он уже какую неделю безуспешно пытается разобраться.

В этот вечер он снова ничего не понял. Лишь однажды он рассмеялся, но это было мало похоже на настоящий смех. Когда эта пытка закончилась, он выключил радио и начал тихо насвистывать.

Через некоторое время он посмотрел на часы: одиннадцать вечера. Возможно, стоит позвонить в редакцию «Геральд»… Нет, не надо. Ведь Вирджиния вроде считается больной.

Он раскрыл детективный роман, который уже месяц как собирался начать читать. В двенадцать, когда он дочитал его до конца, Норман взглянул на часы.

Уже через некоторое время, читая книгу, он почувствовал, как внутри все сильнее разгорается слабая тревога, дававшая о себе знать где-то в глубине сознания, и тогда он захлопнул книгу.

Профессор Меньшин встал и громко выругался. Он сказал себе, что очень зол на Вирджинию. Она не должна была уходить из дома таким образом и ни разу потом не позвонить по телефону!

Он решил лечь спать.

Проснулся он внезапно. Часы показывали во-

семь часов, и солнечные лучи уже заглядывали в комнату через окно. Ощущая тревогу, он выбрался из-под мягкого одеяла и направился в спальню Вирджинии.

Там ничего не изменилось.

«Самое главное, — сказал себе профессор Меньшин, — действовать логически. Допустим, я вызову полицию… проверив, конечно, предварительно, нет ли ее в редакции или в других местах, которые я могу вспомнить.

Полицейские станут задавать вопросы. Ее описание? Ну, она была поразительно красива: пяти футов и шести дюймов ростом, волосы русые, впрочем, имеют несколько необычный оттенок, который…»

В этом месте Меньшин заставил себя думать о другом. Не время сейчас предаваться романтическим воспоминаниям.

— Русоволосая, — произнес он вслух твердым голосом, — и одета она была в…

Здесь профессор Меньшин угрюмо замолчал. По крайней мере, на это он мог бы дать ответ с научной точностью.

Он решительно направился к платяному шкафу с ее одеждой. В течение десяти минут профессор рылся в сумраке шкафа среди пятидесяти

платьев, пытаясь узнать, какого же не хватает. Удивительное дело, но в шкафу он обнаружил довольно много платьев, которые были ему незнакомы.

Наконец через десять минут он признал себя побежденным. Он вернулся в спальню, и именно в эту секунду туманная фигура какого-то человека шагнула сквозь стену комнаты.

Этот мужчина застыл на несколько секунд, словно остановившийся кадр фильма. Потом призрачная фигура начала уплотняться, обретая очертания человека, одетого в смокинг. С надменным ироничным видом мужчина холодно поклонился и сказал:

— Не вызывайте полицию. Не совершайте никаких глупостей. Занимайтесь своими обычными делами и придумайте какое-нибудь правдоподобное объяснение отсутствия вашей жены. После этого — ожидайте. Просто ждите.

Мужчина повернулся. Его тело начало снова изменяться, становясь призрачным, потом он шагнул сквозь стену. И исчез.

Он не знал, что делать, может, последовать совету незнакомца? Однако во время войны ему приходилось принимать быстрые решения.

Меньшин не знал, как же ему поступить. Он

медленно направился в свою комнату и из дальнего конца выдвижного ящика письменного стола достал «люгер», лежащий там уже много лет. Военный трофей. А поскольку его наградили медалью, то не требовалось разрешения на ношение оружия.

С растущим скептицизмом он проверил пистолет. В конце концов, успокоив себя исключительностью сложившихся обстоятельств, он сунул его в карман плаща и вышел на улицу.

На полпути к университету до него вдруг дошло, что сегодня суббота. Меньшин замер как вкопанный посреди улицы и рассмеялся сухим смехом. Надо же, как он умудрился забыть об этом?!

Он стоял в нерешительности, насупив брови, внезапно с тревогой подумав: «Человек, проходящий сквозь стены! Здесь кроется причина исчезновения Вирджинии!»

Его рассудок отказывался принимать этот факт. Он почувствовал странную вялость и сухость в горле, словно внутри его тела разгорелся огромной силы пожар. А пальцы, когда он поднес их к горящему лбу, были сухими и царапали, как наждак. Профессор с удивлением посмотрел на них. Потом торопливо направился к аптеке на

углу улицы.

— Дайте мне жаропонижающее, — попросил он. — Я чуть было не потерял сознание и до сих пор чувствую головокружение.

Только наполовину это была ложь: он и вправду испытывал страдания после перенесенного потрясения и нуждался в чем-то успокоительном.

— С вас доллар, — сказал аптекарь спустя минуту.

Меньшин с благодарностью заплатил, после чего вышел на улицу. Ум его снова заработал на полную катушку, а в физическом плане стали исчезать слабость и полуобморочное состояние. Теперь необходимо было оценить ситуацию.

Он безучастно сказал себе: «Какие имеются факты? „Научно-футурологические лаборатории“ …Эдгар Грей… Доктор Дориэл Крэнстоун… незнакомый мужчина с бесстрастным лицом, проходящий сквозь стены»…

Тут профессор остановился. Он понял, что снова кружится голова. Он глухо прошептал:

— Невозможно. Наверное, это все мне пригрезилось. Человеческое тело эволюционировало от еще более примитивных форм. Поэтому, если только…

Теория Хигдена! По ней любой человек, кото-

рому однажды уже удалось при помощи своих врожденных способностей пройти сквозь материальную субстанцию, мог повторить это, если ему на помощь потом приходила энергия извне. Выходит, теория Хигдена, что современный человек деградировал от более высшей и организованной формы, верна!

Меньшин отрывисто рассмеялся. Потом укоризненно заметил:

— Что это я веду сам с собой академическую дискуссию, в то время как Вирджиния…

Тут его мысль оборвалась. Он почувствовал, как снова возвращается прежнее напряжение. Впереди увидел вывеску еще одной аптеки. Он вошел в нее и купил вторую — хватит на этом! — дозу жаропонижающего.

Потом, полностью восстановившись физически, но по-прежнему оставаясь психически подавленным, он вошел в кафе и занял одну из кабинок. Спустя час реальность, открывающаяся перед ним, оставалась все такой же безнадежной.

Он был до смерти перепуган. Но поскольку боялся он не за себя, ничего другого не оставалось, кроме как исполнять совет незнакомца.

Ждать!

Воскресенье. Одиннадцать часов утра. Меньшин выехал в центр города и бросил взгляд на стеклянную дверь здания «Научно-футурологических лабораторий». Там, внутри, находился Эдгар, длинноногая костлявая образина, уткнувшаяся в журнал.

Следующие десять минут Эдгар только тем и занимался, что переворачивал прочитанные страницы. Меньшин вернулся в свою квартиру.

Понедельник. В этот день у него не было лекций. Оказавшись в деканате с тремя профессорами, Меньшин перевел разговор на «Научно-футурологические лаборатории».

Траубридж, профессор физики, подпрыгнул, услышав это название, а потом рассмеялся вместе с остальными.

Кассиди, помощник профессора с кафедры английского языка, сказал:

— Ты сейчас напоминаешь комика Томми Рокета, новую звезду эстрады.

Третий профессор сменил тему разговора.

Вторник. У него не было свободного времени. Во время полуденного перерыва он прошел в библиотеку и попросил принести ему книги, написанные доктором Дориэлом Крэнстоном, а

также что-нибудь о нем самом.

Вскоре он получил две книги, написанные самим доктором, и еще одну — о нем, автором которой был доктор Томас Торранс. Первая из этих книг, состоящая из двух томов, была озаглавлена: «Физическое сходство человеческой расы». Удивительно, но написана она была в пацифистском ключе. Крэнстон проклинал межнациональную грызню, которая приводила к массовой резне, истерически весьма эмоционально отстаивал тезис, что все люди — братья. Доктор восхвалял пожатие рук как символ дружбы, воспевал поцелуй между мужчиной и женщиной, высоко оценивал обычай тереться носами, принятый у эскимосов.

«Люди разных народов, — писал он, — имеют противоположные электрические заряды, и только физический контакт снимает разность потенциалов между ними. К примеру, белая женщина, позволившая китайскому студенту поцеловать ее, обнаружит на сотый раз, что его поцелуи вовсе не внушают ей отвращения. С течением времени этот парень становится для нее обычным человеком, внушающим ей чувства, с которыми она не способна совладать. Она начинает думать о следующем шаге — замужестве.

То, что вначале было просто захватывающей экзотической забавой, теперь приобретает более приличествующий статус. Мы видим вокруг себя огромное множество подобных примеров, но пока сами не установим подобных связей, просто не в состоянии воспринять их как реально существующий факт».

Книга доктора, если не замечать пацифизма, в основном-то и содержала подобные тезисы. Когда Меньшин закончил чтение, прошло время обеда. Две другие книги он взял с собой, чтобы вечером прочитать их дома.

Вторая книга Крэнстона являлась развитием первоначальной темы и была написана в еще более догматическом и резком стиле, чем первая. Автор решительно навязывал читателю свои взгляды, и Меньшину пришлось приложить значительные усилия, чтобы дочитать второй толстенный том до конца.

Потом он раскрыл биографию Крэнстона, написанную Торрансом, быстро пролистал страницы, нашел начало первой главы и прочитал:

«Доктор Дориэл Крэнстон, пацифист, известный невролог, родился в Луизвилле, штат Кентукки, в…»

Меньшин устало захлопнул книгу. Он уже был

полностью согласен с тем, что физический контакт действительно делает чудеса в отношениях между людьми. Но уже было ясно, что, читая эти старые труды Крэнстона, он не обнаружит никакой связи с нынешним положением дел.

Среда. Новых идей не возникло.

Четверг. Когда Меньшин направился домой, профессор Траубридж пристроился чуть сзади него.

— Норман, — начал он, — я хочу сказать вам несколько слов относительно намеков, которые вы сделали позавчера в адрес «Научно-футурологических лабораторий». Если вы вступили в контакт с этими людьми, не надо колебаться. Они могут сделать то, что обещают.

На какую-то секунду Меньшину показалось, что это был набор слов, произнесенных наугад каким-то автоматом. Но в конце концов до него дошел весь их скрытый смысл. Меньшин понял, что лучше всего сейчас удержаться от вопросов, которые вот-вот могут сорваться с его языка, и скрыть свое невежество в этом вопросе. Он сглотнул и сделал паузу, боясь, что Траубридж догадается, однако тот продолжил:

— Три года назад мой врач доктор Хоксвелл

сказал мне, что мое сердце выдержит самое большее, еще полгода. Я отправился в клинику Майо, где получил подтверждение этого диагноза. Спустя месяц, когда я уже совсем отчаялся, ко мне обратились люди из «НФЛ» и сказали, что я мог бы заменить себе сердце за десять тысяч долларов. Они продемонстрировали мне это сердце — бьющееся в стеклянном сосуде. Это было живое сердце, Норман! Мне сказали, что при соответствующей оплате я в любой момент могу заменить в случае нужды любой орган.

— А я считал, — произнес Меньшин, — что трансплантация органов невозможна из-за…

Он умолк. В его уме возникло нечто — не мысль, а скорее какая-то картина, даже вопрос, нахлынувший, словно приливная волна. Откуда-то издалека он услышал, как Траубридж произносит:

— Они действительно способны сделать это, потому что открыли принципиально новый подход в электроорганике.

Сознание Меньшина сейчас было занято только одной мыслью. Глухим голосом он пробормотал ужасные слова:

— Откуда же они берут эти свои живые заменители органов?

— Что?! — воскликнул Траубридж. Его глаза расширились. На лице появилось выражение удивления, когда он прошептал: — Никогда не задумывался над этим.

К тому времени, когда Меньшин дошел до своей пустой квартиры, ему тоже не хотелось думать над этим.

Затем появилась цель.

Он, злясь на себя за то, что ждал так долго, мерял нервными шагами гостиную. И все же проблема перед ним стояла все та же: что ему делать, может ли он предпринять какие-либо эффективные действия!

Отправиться в полицию?

Он тут же отбросил эту мысль, потому что еще оставалась возможность все уладить самому. К тому же ему посоветовали, как бы между прочим, не обращаться к представителям власти, а просто спокойно подождать.

А ждал он уже несколько дней. Почему бы ему не отправить по почте письмо в банк с указанием поместить его в сейф, открыть который можно будет только в том случае, если с ним что-то случится? Да, он так и сделает.

Профессор Меньшин написал письмо, потом

остался сидеть за письменным столом, погруженный в думы. Так он просидел довольно долго, после чего начал составлять список возможного хода событий, пункт за пунктом:

«Вирджиния случайно обнаружила существование „Научно-футурологических лабораторий“. Она исчезла после этого.

Какой мужчина, способный проходить сквозь стены, сделал мне предупреждение оставить все как есть? Я обнаружил, что:

1) Доктор Дориэл Крэнстон, основатель „НФЛ“, фанатичный приверженец пацифизма, к тому же известный врач-невролог.

2) Люди „НФЛ“ продают человеческие органы в широком масштабе богатым людям (это, вероятно, чисто коммерческое предприятие, источник их доходов).

3) Способность проходить сквозь стены, очевидно, имеется только у них, и они не намереваются ни с кем делиться этим даром (впрочем, им, похоже, наплевать на то, что я знаю об этом).

4) Кридли, редактор научного отдела „Геральд“, сказал, что сообщал Вирджинии, что предпринималось несколько попыток расследовать деятельность „НФЛ“, однако они все заканчивались на зачаточной стадии, что доказывает,

что „НФЛ“ оказывают поддержку влиятельные люди в верхах.

5) Абсолютно нет никаких причин полагать, что они поступят с Вирджинией не так, как с другими, с теми, кто становился для них источником получения живых органов».

Дрожащей рукой написав последнее предложение, Меньшин пробежал взглядом по списку. Он его не удовлетворил: похоже, не было никакой зацепки, которая могла бы привести его к Вирджинии.

Через несколько секунд он медленно начал писать:

«Если я отправлюсь в полицию, и будут арестованы доктор Крэнстон и Эдгар Грей, то Крэнстон покинет тюрьму, пройдя сквозь стены, а Эдгар…».

Меньшин, пораженный внезапной догадкой, отложил ручку в сторону. Эдгар! Если верно, что филиалы «НФЛ» находятся во всех крупных городах, то, значит, по всему миру сотни таких эдгаров исполняют роль клерков. Ну да. Эдгар!

Вирджиния исчезла после ночи, когда наблюдала за Эдгаром.

Что же она обнаружила?

Возбуждение, охватившее его мозг, пронеслось

волной по всему телу. Меньшин посмотрел на каминные часы. Они показывали без одной десять. Если поторопиться, то можно успеть на центральную площадь как раз к тому времени, когда она позвонила домой в ночь слежки за Эдгаром.

«Ведь я тоже могу притаиться, как и она, у прядильной фабрики», — подумал Меньшин.

Эдгар до сих пор не покинул свой кабинет. Меньшин припарковал автомобиль чуть дальше по улице, однако с этого места он ясно видел Эдгара, сидевшего за столом под лампой.

Тот читал какой-то журнал. В одиннадцать тридцать Эдгар встал, надел шляпу, выключил свет и вышел на улицу. Потом запер дверь на замок.

Он не оглядывался, а прямо направился к ресторану, где профессор Меньшин часто обедал с женой. Меньшин выбрался из машины и направился к окну ресторана.

Подойдя к стойке, Эдгар заказал кусок торта и чашку кофе. Он бросил на прилавок несколько монет и тут же отправился назад — у Меньшина едва хватило времени, чтобы повернуться спиной к выходу, когда из дверей на улицу вышел Эдгар.

Он торопливо пошел вниз по улице. Через пять

минут Эдгар свернул в едва освещенное фойе какого-то кинотеатра, работавшего всю ночь. Меньшин вновь выбрался из своей машины, купил билет и, слегка запыхавшись, спустя минуту устроился на стуле в трех рядах от Эдгара, который сел прямо напротив экрана.

В три часа Эдгар все еще находился в кинотеатре, хохоча над смешными эпизодами, мелькавшими на экране. Вскоре Меньшин уснул.

Проснулся он внезапно. На часах было шесть сорок пять. Эдгар сидел, сгорбившись, на своем стуле, запрокинув ноги на спинку сиденья впереди. Однако он не спал.

В семь сорок он резко встал и торопливо вышел из кинотеатра, после чего направился прямо к ресторану. Меньшин следовал за ним в ста футах позади. Заказанную еду Эдгар получил через четыре минуты, еще три минуты он потратил, чтобы покончить с ней. Девушка за стойкой передала ему две коробочки с ленчем, после чего он вышел на улицу.

У аптеки Эдгар остановился, чтобы купить четыре журнала.

Без одной восемь он ключом открыл дверь «Научно-футурологических лабораторий» и расположился на своем привычном месте за

столом. Раскрыв один из журналов, он принялся его читать.

По всей видимости, весь его обычный распорядок дня пройдет так же, как всегда, без всяких изменений.

«И что теперь мне делать?» — подумал Меньшин.

Возвратившись домой, Меньшин помылся под холодным душем, чтобы окончательно пробудиться, торопливо съел завтрак, состоящий из кусочков поджаренного хлеба и чашки кофе, после чего отправился в университет. До первой лекции, начинавшейся без двадцати десять, был еще вагон времени, и можно было хорошенько обдумать то, что он только что обнаружил.

«В самом деле, — спросил себя Меньшин, — а что же я обнаружил? Ничего особенного, если не считать еще одного результата неврологических исследований доктора Крэнстона. Несомненно, этот человек гениален. Наверное, я слишком быстро пролистал его книги и что-то упустил».

В настоящее время ему ничего другого не оставалось, кроме как дожидаться конца рабочего дня, а вечером достать с полки биографию Дориэла Крэнстона, написанную Томасом Торрансом, доктором философии, которую он еще не успел

прочитать.

Открыв книгу, он обнаружил на первой странице фотографию человека, стоявшего на террасе загородного дома.

Увидев ее, Меньшин вздрогнул, потом повнимательнее присмотрелся к холодному ироничному лицу доктора, довольно крупного человека. Надпись внизу гласила:

«Автор книги доктор Томас Торранс в своем загородном доме в Нью-Деллафильде, штат Массачусетс».

Ошибки быть не могло. Торранс и был тем человеком, который проходил сквозь стены и предупредил его, чтобы он не вызывал полицию.

Меньшин сейчас никак не мог собраться с мыслями: последствия бессонной ночи, нервного истощения от переживаний за последнюю неделю дали о себе знать именно в то время, когда ему больше всего требовались силы, чтобы поразмышлять над различными аспектами, следовавшими из сделанного им важного открытия.

Его последней мыслью перед тем, как он окончательно провалился в сон, было: «Все то, что случилось с Вирджинией, произошло во время ее сна в тот день. Может быть, и со мной тоже…»

Проснувшись, он с неудовольствием обнару-

жил, что с ним ничего не случилось, после чего в его сознании медленно начала выкристаллизовываться цель, которой теперь будут подчинены все его действия. На часах было одиннадцать пятнадцать. Меньшин встал и направился прямо к телефону.

Поскольку вызывал он Калифорнию, долго ждать ему не пришлось. Через десять минут прозвучала телефонная трель.

— Ваш заказ, сэр, — раздалось в трубке.

Меньшин глубоко вздохнул, потом с напряжением в голосе сказал:

— Алло!

Последовал щелчок… телефонист повесил трубку… пауза, после чего знакомый голос спокойно произнес:

— Что вы задумали, профессор?

Меньшин сглотнул. Он ждал вовсе не этих слов. Уверенный, спокойный тон собеседника, то, что за ним скрывалось, буквально ошарашили его. Он едва поверил, что сумел произнести, ощущая вместе с тем всю нелепость своей угрозы:

— Торранс, если моя жена не будет немедленно мне возвращена, я начинаю действовать.

Последовала короткая пауза, потом хихиканье.

— Вы меня заинтриговали, — произнес собесед-

ник, — и какие же именно действия вы думаете предпринять?

Теперь в его голосе явно чувствовалось высокомерие. Меньшин почувствовал, как вдруг засосало под ложечкой. Он попытался побороть это неприятное ощущение.

— Прежде всего, — глухим тоном начал он, — я встречусь с газетчиками.

— И что это вам даст? — вопрошающе заметил Торранс. Голос его был при этом бесстрастным. — Все владельцы газет в стране пользуются услугами нашего банка органов. И на всякий случай, если вы лелеете еще какие-то замыслы, знайте, что то же относится и к губернаторам, лейтенант-губернаторам, государственным адвокатам, членам кабинета министров и так далее.

— Должно быть, вы лжете, — заметил Меньшин. Внезапно пришло спокойствие, он стал более уверен в себе. Это было бы вопреки всем вероятностным законам, если бы все из упомянутых Торрансом людей начали бы действовать против него по указке «НФЛ».

В трубке раздался смешок Торранса.

— Боюсь, что мы до сих пор так и прозябали бы в неизвестности, — начал он, — если бы полагались только на законы природы. — Он продолжил

более серьезным тоном: — Наша главная база, Меньшин, расположена в Северной Америке, поэтому мы можем уберечься от случайностей и подобраться к людям, занимающим важные посты, и теперь, смею уверить вас, они крепко сидят у нас на крючке.

Без паузы он продолжил:

— Я не буду объяснять вам, профессор, как нам это удалось сделать. Вы, конечно же, можете отправиться в местное отделение полиции. До мелких полицейских сошек нам нет никакого дела, пока они не беспокоят нас. После чего мы просто-напросто нейтрализуем их. Надеюсь, я все ясно объяснил. И теперь, если вы не против, я…

Ярость вспыхнула в Меньшине так неожиданно, что он просто не успел совладать с ней.

— Торранс, — закричал он. — Что вы сделали с моей женой?

Последовал холодный ответ:

— Мой дорогой друг, вас это, конечно, удивит, но у нас нет вашей жены. До свидания!

Потом последовал щелчок — Торранс повесил трубку.

Меньшин упрямо заказал новый вызов, на этот раз в небольшой городишко, где располагалась резиденция Крэнстона.

— Алло, — сказал он, когда наконец его соединили. — Это вы, доктор Крэнстон?

Снова в трубке раздалось хихиканье.

— Ну-ну, — послышался голос Томаса Торранса, — какой же вы упрямец!

Меньшин тут же, ни слова не говоря, бросил трубку. Он не понимал до конца, каким образом звонок в Нью-Джерси был переключен на Массачусетс, но фактам приходилось верить.

Он с озадаченным видом направился в гостиную, но тут призрачная Вирджиния отшагнула от стены коридора.

На ней была пижама. Меньшин наблюдал, как буквально на глазах обретала материальность ее призрачная рука. Целую минуту она не сводила с него глаз, в которых читались боль и мука.

Потом Вирджиния начала плакать. Слезы струились по ее щекам. Она бросилась к мужу. И с силой, приумноженной отчаянием, прижала его к себе.

— О дорогой, дорогой! — всхлипывала она. — Они убили меня. Убили!

Вирджиния стонала и плакала, пока окончательно не пробудилась. Ужасная картина последних минут перед тем, как она провалилась в темноту, навсегда запечатлелась в ее памяти.

Она проснулась внезапно.

Вирджиния обнаружила себя лежащей в огромной, довольно необычной комнате. Лишь через минуту она поняла, что лежит на каком-то столе, и еще одна минута потребовалась, чтобы осознать, что нож больше не торчит в груди прямо под ее сердцем.

Ее словно обожгло огнем, когда она поняла, что не чувствует боли и что она жива.

Жива! Вирджиния неуверенно привстала. И тут же снова рухнула вниз от резкой боли в левой стороне груди.

Боль постепенно отступала. Но то, что она вообще появилась, вызвало страх у нее. Она обессиленно лежала, не смея пошевелиться.

Постепенно Вирджиния все яснее различала обстановку вокруг себя.

Она находилась в помещении, имевшем примерно сто квадратных футов. Почти полностью оно было заставлено небольшими стеклянными конструкциями прямоугольной формы, выстроенными в ряд вдоль стен, с оставленными узкими проходами, причем каждая конструкция была разделена на отделения примерно в два квадратных фута.

Повернув голову, Вирджиния ясно разглядела,

что же находится за стеклянными перегородками слева и справа от нее.

В каждой из подвешенных к потолку конструкций находилось то, что выглядело, как человеческое сердце.

Вирджиния ошарашенно смотрела на них и уже собиралась отвести взгляд в сторону, когда с внезапно нахлынувшим ужасом ей открылось: эти сердца бились!

Они постоянно то расширялись, то сжимались. Паузы в их мерном движении не было. Монотонная ритмичность этого движения произвела успокаивающее действие на напряженные нервы Вирджинии. Через пять минут она подумала, что следует самой все осмотреть.

Осторожно, в этот раз почти без страха, она приподняла голову. Лишь теперь она увидела то, чего ранее не замечала.

Из ее шелковой пижамы был вырезан квадратный кусок. На этом месте виднелась белая повязка, тщательно наложенная там, куда вонзился нож.

Самое удивительное, именно эта белоснежная повязка и успокоила ее. Стало ясно, что за ней ухаживают. Смертельная опасность миновала.

Вирджиния предположила, что находится в

частной клинике какого-то хирурга, расположенной по соседству с ее квартирой. Наверное, ее поспешно доставили к нему, чтобы он произвел операцию.

Она жива, но казалось странным, что рядом не оказалось никакой сиделки. Конечно же, ее не должны были оставить одну здесь, на этом столе!

Ее охватила ярость. А поскольку страх все еще затуманивал ее сознание, гнев этот был неестественно сильным и безрассудным.

С течением времени гнев отступил. Если бы она лежала в мягкой постели, то осталась бы спокойно лежать в ней и ждать развития событий. Но разве можно долго пролежать на твердой плоской поверхности стола без всяких удобств?

Вирджиния снова оторвала голову от поверхности стола. Потом осторожно перенесла вес на правую руку и приняла сидячее положение.

Ничего не случилось. Не было той мучительной боли, которую она испытала перед этим. По всей видимости, главное — не двигаться слишком быстро.

Целую минуту Вирджиния просидела на краю стола, свесив ноги и оглядываясь среди этого фантастического нагромождения человеческих

сердец.

Потом возник страх. Ведь это невозможно — видеть все ряды спокойно бьющихся сердец, живых сердец!

Больше всего тревожило полное отсутствие людей. Никого и ничего, только эти жуткие стеклянные конструкции.

Дрожа, Вирджиния опустилась на пол. Потом она замерла, дожидаясь, когда силы вольются в ее тело.

К радости своей она поняла, что вся ее слабость исчезла.

Вирджиния пошла по какому-то проходу, бросая лишь мимолетные взгляды на двойной ряд сердец. От огромного их количества она снова почувствовала беспокойство. В противоположном конце комнаты она увидела дверь, висевшую на петлях, с замком. Однако она легко открылась. За ней был коридор, в конце которого она увидела еще одну дверь.

Ощущая нетерпение, убежденность, что она должна поскорее убраться от этого бесконечного ряда беззвучно бившихся сердец, она переступила через порог.

Вторая дверь оказалась металлической. Несмотря на то, что в замке торчал ключ, сам замок

был грубо выломан.

С той же нетерпеливостью Вирджиния открыла дверь и шагнула на тропинку среди джунглей. Над вершиной холма, расположенного вблизи, светило яркое солнце, освещая несколько футов склона. Вирджиния начала подниматься по нему, а когда оказалась на вершине, то застыла, парализованная открывшимся ей видом.

Вирджиния Меньшин сделала перерыв в своем рассказе. Ее муж лежал перед ней на кровати. Она смотрела на него, муж ласково глядел на нее.

— Но ведь ты не умерла. Ты же со мной, живая и в безопасности!

— Ты не понимаешь, милый, — сказала она с отчаянием в голосе. — Ты… не понимаешь.

— Продолжай, моя дорогая, — спокойно заметил профессор Меньшин. — Что же такого необычного ты увидела там?

Она оказалась на острове — атолле, утопающем в зелени джунглей, а вокруг — только голубые воды океана, обступавшие остров повсюду, куда ни кинь взгляд.

Хотя солнце еще высоко висело на небосклоне, было ясно, что вечер не за горами. Стояло настоящее пекло, и Вирджиния почувствовала слабость.

Чувствуя головокружение, она повернулась, чтобы посмотреть на дверь, через которую выбралась наружу. Вирджиния ожидала увидеть здание, но ничего подобного не оказалось.

Густые заросли поднимались вокруг стеной. Даже открытая дверь была наполовину скрыта лишайником, которым поросла внешняя поверхность металлической двери.

Стоял сильный запах разлагавшейся растительности.

Внезапно Вирджинию, в одиночестве стоявшую на вершине холма под сверкающим небом, охватил беспричинный страх. Вот сейчас дверь закроется, и она останется навеки в этом безлюдном мире.

Она не сводила глаз с этой двери. Вирджиния сделала только три шага, когда услышала какой-то тонкий, пронзительный звук, шедший сверху и справа от нее. Сперва слабый и далекий, потом усилившийся и приближающийся.

После мгновения тревожного замешательства она с облегчением узнала источник этого звука — это летел реактивный самолет.

А потом она его увидела — черную точку в небесной голубизне. Это был аппарат длиной около двухсот футов, с двадцатью реактивны-

ми двигателями, бескрылый, если не считать небольших приподнятых вверх хвостовых подпорок, поддерживающих фюзеляжи реактивных двигателей вертикального взлета.

Он пролетел мимо, так и не обратив внимания на ее неистовые взмахи, — пассажирский лайнер, летевший на восток, в сторону садившегося солнца.

Вирджиния следила за самолетом, пока он не исчез в ослепительном сверкании солнца. Надежда постепенно угасала. Она вздрогнула, когда наступила тишина. Взволнованная и окончательно подавленная, она вновь ощутила страх, что дверь может закрыться.

Вирджиния торопливо прошла к ней, закрыла за собой, но не заперла на ключ. Раньше она не обратила внимания, насколько прохладно и уютно было в огромном помещении, где она проснулась. Ей бросился в глаза и мягкий свет, льющийся из невидимых источников. Все знакомое, искусственное, механическое. «Наверное, — встревоженно подумала она, — здесь имеется подвальное помещение или даже подземные этажи. Электроэнергия обязательно должна где-то вырабатываться».

В течение неопределенного времени она иссле-

довала вторую дверь, но добилась лишь того, что вконец утомила себя. Затем легла на кушетку, которую обнаружила в конце помещения. Там она отдыхала, пока вдруг не заметила, впервые за все время, что к каждому прозрачному отделению этих бесконечных рядов прикреплена небольшая табличка. На первой, которую она исследовала, было отпечатано:

«Моррисон, Джон Лоренс
257 Карригат-стрит
Нью-Йорк».

На второй табличке также указывалось его имя, и ничего больше. Вирджиния медленно шла вдоль ряда отделений. Когда она дошла до буквы «Н», до нее дошло, что эти отделения расположены в алфавитном порядке.

Мелькнула фантастическая догадка, и Вирджиния бросилась к отделениям с буквой «П». Там она обнаружила имя, которое искала, после чего ошарашенно уставилась на табличку:

«Паттерсон, миссис Филип
(Сесили Дороти)
Квартира 2, Мэйфейр
город Крест, штат Калифорния».

Внезапно все поплыло перед глазами. С резким выдохом она бросилась к ряду, в котором должна была быть табличка «Грей». Однако таковой с именем Эдгар там не оказалось. Единственная, на которой была указана такая же фамилия, была:

«Грей, Персиваль Уинфилд
3 Хантигдон Корт
Западный Таттенхэм
Лондон, Англия».

Быстро успокоившись, Вирджиния стояла, не сводя глаз с мерно бившегося сердца Персиваля, погрузившись в размышления:

«Ну конечно же! Эдгар не из их компании. Он раб. Его держат в рабском повиновении, повлекшем за собой и бессонные ночи».

Больше ничего путного в голову не приходило. Но потом появилась еще одна мысль, столь безумная и шокирующая, что сознание ее трижды, пока она приближалась к секции с буквой «М», пыталось отторгнуть ее. Но всякий раз эта мысль возвращалась, становясь еще более навязчивой и невыносимой.

Она обнаружила сосуд, который разыскивала. Сердце в нем слегка отличалось от остальных. Оно мерно билось, но на его коронарной вене

виднелась крошечная аккуратная повязка. Последние сомнения Вирджинии развеяла надпись на табличке:

«Меньшин, миссис Норман (Вирджиния)…»

Вирджиния Меньшин разглядывала свое сердце широко раскрытыми глазами, словно птенчик, загипнотизированным взглядом змеи. Сзади раздался какой-то звук, но она не расслышала его. Затем звук повторился, в этот раз она его заметила. Кто-то прокашлялся. Спокойный голос, растягивая слова, произнес:

— К вашим услугам доктор Дориэл Крэнстон, мадам.

Вирджиния не помнила, как повернулась. Ее абсолютно не смущал тот факт, что она стояла в пижаме перед незнакомым мужчиной.

Пожилой человек, который предстал перед ее взором, оказался совсем не таким, каким она его себе представляла. Впрочем, она и сама не могла сказать, кого же она ожидала увидеть, но отнюдь не это добродушное лицо пожилого мужчины, не совсем еще превратившегося в немощную развалину, с выцветшими голубыми глазами.

Старик грациозно поклонился и снова загово-

рил странным суховатым голосом:

— Проблема консервации живых органов, отделенных от тела, была разрешена во многих странах — во время и после Второй мировой войны. Но лучших результатов добилась Россия. Конечно, для консервации органов я просто-напросто воспользовался открытиями, сделанными русскими учеными и специалистами из других стран. Сам я невролог и…

Только в этот момент к Вирджинии вернулся дар речи. Она продолжала стоять, не сводя глаз со стеклянного сосуда, но, по мере возвращения к ней мужества, ее покидала робость перед этим внешне беззащитным стариком. И все же, хотя она и почувствовала некоторое облегчение, в ней оставалось еще напряжение, жажда новых знаний, и прежде всего, о самой себе.

— Но если это мое сердце, — она указала внезапно одеревеневшей рукой на живую плоть за стеклом, — что же тогда бьется сейчас внутри меня? Что?

В голосе безобидного старичка внезапно появились холодные и недружелюбные интонации.

— Ведь вас зарезали, правильно? И тем не менее вы здесь и разговариваете со мной. К чему тогда беспокоить себя вопросом о том, что внутри вас.

Я взял от вас гораздо больше, чем просто сердце. Но не стоит искать шрамов, оставшихся после других операций. Я не пользуюсь варварскими методами. Пройдемте сюда.

Не дожидаясь ее ответа, он повернулся и скользящим старческим шагом направился в глубь комнаты. Потом прикоснулся к чему-то в голой стене. Тут же беззвучно отворилась дверь, за которой были ступеньки, ведущие вниз.

Находившаяся внизу комната была такой же огромной, как и та, которую они только что покинули. Она тоже была сплошь заставлена стеклянными конструкциями. Содержимое сосудов было самым разным: помимо сердец здесь были легкие, органы, похожие на печень, поджелудочные железы и несколько пар почек.

Все эти органы казались живыми. Про легкие это можно было сказать определенно: они медленно и постоянно расширялись и сжимались.

Старик остановился перед сосудом, где хранилась пара легких. Он молча указал на табличку. Вирджиния пыталась взять себя в руки, приближаясь к ней. Предчувствие ее не обмануло — на табличке она прочитала собственное имя.

Медленно она повернулась лицом к старику. Сознание ее прояснилось, страх отступил. Реаль-

ность заключалась в том, что она была жива. Все остальное не имело значения. Она отрывисто рассмеялась.

— Пожалуйста, перестаньте шутить надо мной! Что вам от меня нужно? Что?

Вирджиния сказала себе, что надо успокоиться, но эта истерика поразила ее. «Эта женщина, — подумала она, — эта ужасная женщина сделала из меня психопатку».

— Доктор Крэнстон, — с волнением произнесла она, — вы выглядите честным человеком. Что же это такое? Что произошло?

Старик пожал плечами.

— Боюсь, что я не осмелюсь рассказать вам ничего, кроме того, что это ваши легкие, а сердце в помещении наверху — тоже ваше. Изъятие органов не причинило никакого вреда вашей нервной системе, кроме одного или двух участков, но легко было устранимо. — Он посмотрел на нее. — Полагаю, вы уже побывали снаружи. Мне не удалось прибыть сюда так быстро, как я намеревался, поэтому у вас было время. Прошу извинить меня за это. Я никак не мог починить замки на двери. Их сломал один человек, которому я, как и вам, спас жизнь. Он… — Крэнстон умолк. — Неважно. Что же касается органов, —

продолжил он, — то после вашей смерти мне ничего другого не оставалось, кроме как заняться изъятием ваших органов. Вот здесь, — он повернулся к ближайшему сосуду, — ваш мозг. Миссис Паттерсон постаралась на совесть. Заколов вас, она воспользовалась длинной иглой, чтобы проткнуть ваш мозг, после чего та же участь постигла ваши легкие. Она постаралась сделать так, чтобы после реанимации вы никогда не смогли бы стать тем, кем были прежде. Она вместе с другими считает, что если я позволяю себе делать им замечания, то меня автоматически можно заставить поставлять для них рекрутов. Хотя, — он грустно улыбнулся, — до сих пор они оказывались правы.

Он помрачнел, потом торопливо сунул руку в карман, и достал ожерелье с кулоном, свесившимся у него с ладони. Он протянул его девушке.

— Это ваша радиоаппаратура. Если вам потребуется энергия, нажмите этот маленький рычажок и произнесите в кулон: «Нажмите клавишу 243». Это ваш номер. Двести сорок три. Не забудьте его. Сейчас я сам произведу вызов, чтобы вы могли попасть домой.

Он застегнул ожерелье вокруг ее шеи и, коснувшись крошечного рычажка, сказал:

— Нажмите клавишу 243.

После паузы Вирджиния почувствовала обжигающий жар. Боль была такой сильной, что она закричала. Дыхание участилось и стало причинять страдание. Она хотела куда-то бежать, но бежать-то было некуда — боль оставалась вместе с ней, и убежать от этого жара было невозможно.

Теперь она не сомневалась, что она в самом деле умерла… и все, что она видела, просто сон, мелькающие картинки калейдоскопа, бред, рожденный чудовищной агонией в момент смерти. Откуда-то из тумана донесся голос доктора Крэнстона:

— Сначала это очень болезненно. Но помните, что ваш мозг может управлять этой энергией. Стоит вам только подумать, что вы нематериальны, как вы переходите в такое состояние. А в ту секунду, когда вы перестаете думать об этом, автоматически начинается процесс материализации. Энергия для свершения подобной трансформации рассчитана на несколько часов, после чего необходима перезарядка. Я провожу вас до стен вашей квартиры.

Вернувшись домой, Вирджиния в течение нескольких минут быстро рассказала мужу о своих злоключениях, и лишь после этого оконча-

тельно осознала, что она не мертва. На самом деле она оказалась в состоянии худшем, чем смерть.

Наверное, она провела в бессознательном состоянии на острове целую неделю, но в памяти отложились лишь несколько часов после пробуждения.

К полудню ничего не изменилось. Она никак не могла умолкнуть. Дважды Меньшин убеждал ее лечь спать, но каждый раз, когда он уходил на кухню, чтобы приготовить ей лекарство, жена откидывала одеяло и следовала за ним.

После второго раза Меньшин понял, что с ее психикой не все в порядке. Ей сейчас просто необходимо было дать время, чтобы она смогла прийти в себя.

Наконец ему удалось заставить ее принять снотворное. Однако ему пришлось лежать рядом с ней, дожидаясь, когда она уснет и ее дыхание станет ровным.

Времени было достаточно, чтобы спросить себя, что же ему теперь, после ее возвращения, делать. Он по-прежнему пытался разрешить эту дилемму, когда через два часа Вирджиния проснулась, внезапно став напряженной. На лице ее было выражение ужаса.

— Эта женщина, — начала она глухим то-

ном. — Она проткнула иглой мой мозг через ухо и проколола мои легкие. Она…

— У многих людей проколоты барабанные перепонки, — заметил Меньшин. — Самое главное, они тебя не портят.

Он часто говорил эту фразу раньше, и всегда она оказывала на нее свое магическое воздействие. Так произошло и в этот раз. Ее взгляд перестал быть странным и безумным. Она долгое время лежала, не двигаясь. Так долго, что это обеспокоило профессора Меньшина.

Он бросил осторожный взгляд на жену. Глаза у нее были открыты, однако она, задумавшись о чем-то, уставилась куда-то вдаль, сузив зрачки. Целую минуту он следил за ней, когда, наконец, растягивая слова, решился произнести:

— По всей видимости, мы имеем дело с бандой безжалостных убийц, закоренелыми негодяями. Все началось в результате неврологического открытия доктора Дориэла Крэнстона, но сам он не из их банды, политическое и технологическое могущество которой неизмеримо. Эта организация слишком огромна — подобно гигантскому спруту, она раскинула свои щупальца по всей Земле. И просто жалкими кажутся попытки Крэнстона устранить вред, который приносят созданные им

чудовища.

— Норман!

Тон ее голоса показал Меньшину, что до нее не дошло ничего из того, что он говорил.

— Да, дорогая? — тихо сказал он.

— Норман, доктор Крэнстон долго не протянет. Неужели ты еще этого не понял?

Он знал, что за ее словами таится еще что-то, помимо простой констатации. Через мгновение ему показалось, что он понял это.

— Ты хочешь сказать, — начал он, — что тогда некому будет управлять этими монстрами?

И снова, похоже, его слова пролетели мимо ее внимания.

— Норман, если он единственный, кто знает, где расположен этот остров, то что случится с моим сердцем и остальными сердцами и органами после его смерти? — спросила Вирджиния нетерпеливым, нервным голосом. — Конечно, когда за ними не будут следить, они перестанут биться, они погибнут.

Удивительное дело, но в тот момент, когда прозвучали эти слова, их смысл не дошел до Меньшина, его больше тревожило то, что жену необходимо успокоить — слишком уж она была перепугана. С его губ готовы были уже сорваться

успокаивающие слова, когда он остановил себя.

Он оставался неподвижным, буквально окаменевшим от сделанного им только что открытия. «Вот оно что! — подумал он. — Вот чего они боятся! Наверное, они в отчаянном положении. Они ни перед чем не остановятся».

В голове возникали одна за другой всевозможные гипотезы. К вечеру он все еще никак не мог прийти к решению. На удивление трудно было придумать что бы то ни было, что можно было бы предпринять против этой огромной организации.

Шли дни, а он по-прежнему никак не мог прийти к определенному решению. Каждый день Меньшин говорил себе: «Да, именно сегодня что-то произойдет. Они начнут действовать и проявят себя каким-либо образом, дадут понять, ради чего они сделали все это с нами».

Вирджиния вернулась на свою работу. Прошел целый месяц. Еще неделя. В полдень, когда Меньшин как раз входил в квартиру, Вирджиния прошла сквозь стену и материализовалась в коридоре.

Лицо ее сияло. Буквально чуть ли не светилось. В прошлом он неоднократно видел ее такой оживленной и возбужденной. Но никогда в такой

степени. Ее тело вибрировало и, казалось, светилось аурой нечеловеческого могущества.

Меньшин внимательно посмотрел на нее. Постепенно ее и без того румяные щеки раскраснелись еще больше, пока окончательно не потеряли свой естественный цвет. Сегодня они вместе собирались пообедать дома. Ни слова не говоря, Вирджиния повернулась и торопливо прошла на кухню.

Через два часа, когда она обрела свой привычный внешний вид, Меньшин оторвал взгляд от газеты и тихо окликнул ее:

— Вирджиния.

Жена вздрогнула, потом отозвалась:

— Да?

Нельзя было не заметить ее волнения. Меньшин с потрясением вдруг подумал, что она, очевидно, по каким-то особым причинам надеялась, что он не станет спрашивать о происшедшем. Он стиснул зубы.

— Это случилось впервые, — наконец произнесла она тихим голосом.

Меньшин знал, что Вирджиния не умеет врать. Ее ложь была так же очевидна, как ложь ребенка. Меньшин почувствовал слабость и, в подсознательной попытке защитить ее, сказал себе, что

она до сих пор еще не отошла после всего приключившегося с ней.

— Почему ты это сделала? — тихо спросил он.

Казалось, ее обрадовало то, что он принял ее объяснение. Вирджиния с волнением в голосе начала:

— Я хотела посмотреть, как это происходит, главным образом потому, что это было в моих силах, и, возможно, это поможет мне защититься от них — к тому же я просто не запомнила, на что же это походило в тот первый раз. Тогда я была слишком взволнована и, кроме того, испытывала ужасную боль.

— И что было в этот раз? — твердым голосом спросил Меньшин.

— Боли не было. Я чувствовала себя просто чудесно, полной сил. Спустя некоторое время я пожелала стать нематериальной, и это тут же произошло. Потом я решила пройти сквозь стену, одновременно пожелав оказаться на улочке за офисом «Геральд», — и в тот же миг я там оказалась. При этом я ничего не почувствовала — перемещение в пространстве оказалось мгновенным.

Глаза Вирджинии расширились, когда она пристально смотрела на мужа. Вскоре все следы

страха исчезли с ее лица.

— Норман, это было чудесно, я ощущала себя богиней! Это…

— А почему бы не попытаться, — перебил ее Меньшин, — представить себя на том острове? Мне бы хотелось поговорить с доктором Крэнстоном.

Вирджиния энергично покачала головой.

— Это невозможно. До сих пор я не хотела говорить тебе, но я уже пыталась. Предприняла несколько попыток побывать там, где ни разу не была, — и ничего не случилось. Необходимо знать местонахождение и направление перемещения и при этом мысленно представить себе это место. Необходимо знать, куда ты желаешь переместиться.

Меньшин медленно кивнул.

— Понятно, — сказал он.

Он оставил эту тему, но про себя подумал: «Именно этого они и ждут от нее — чтобы вся реальность того, что с ней случилось, проникла в ее сознание. Они дали ей время, чтобы она осознала, что связана с ними одной веревочкой».

«Но почему? Чего им нужно от нее? Сперва они убили ее, потому что она кое-что узнала о них. Потом, после вмешательства Крэнстона и „ожив-

ления“ Вирджинии, они предупредили меня, ее мужа, чтобы я не обращался в полицию. Они чего-то хотели. И теперь, когда они добились того, что Вирджиния начала экспериментировать с врученной ей силой, совсем скоро они непременно дадут о себе знать».

Меньшин взглянул на Вирджинию. Та сидела, уставившись куда-то вдаль, полузакрыв глаза. Внезапно Меньшин почувствовал огромное беспокойство.

Было около десяти часов вечера, когда задребезжал дверной звонок. Меньшин посмотрел на Вирджинию, а затем встал.

— Вряд ли это кто-нибудь из наших друзей приперся к нам в столь поздний час, — сказал он. — Лучше позвони Эдгару и скажи, чтобы он нажал кнопку 243. Не стоит зря рисковать.

Он подождал, пока Вирджиния не передаст по радио этот приказ, потом сунул «люгер» в карман и направился к двери. Там оказался посыльный с письмом, в котором говорилось:

«Среда, 23.

Профессор Меньшин с супругой приглашаются в пятницу в семь часов вечера на прием в главный зал ресторана гостиницы „Гранд Йорк Отель“. Придя, назовите свои имена метрдотелю.

Сесили Паттерсон».

Когда Меньшин читал письмо, в голове стучала только одна мысль: вот и начались активные действия. Если он и намеревался когда-либо противодействовать их игре, то теперь настала пора для этого.

Всю ночь он провел в размышлениях, пытаясь найти какую-нибудь зацепку. И лишь когда он утром следующего дня прочитал уже половину лекции, его вдруг осенило.

Он замер как вкопанный, глядя на аудиторию. Лица учеников были видны, как в тумане.

«Господи! — подумал он с изумлением. — Это же должно было открыть нам глаза еще до того, как вернулась Вирджиния. Какими же глупыми слепцами мы были, если до сих пор этого не поняли!»

Но только по пути домой он действительно понял, что же ему теперь нужно делать.

Он оставил окно своей спальни открытым.

Дождавшись, когда светящийся циферблат его наручных часов покажет два часа, он молча оделся и обулся, после чего подождал, пока мимо не станет проезжать какой-то автомобиль, и, воспользовавшись поднятым машиной шумом,

вылез в открытое окно.

Прыжок из окна со второго этажа достаточно чувствительно отозвался во всем теле, но мягкая почва в саду и густая трава самортизировали удар.

Автомобильный гараж, работавший круглые сутки, находился в трех кварталах от дома. Через полчаса Меньшин занял место в кинотеатре рядом с Эдгаром Греем.

— Все в порядке, Эдгар, — тихо сказал он. — Есть к тебе одно дельце. Идем.

— Бу-бу, — испуганно прошептал тот.

— Идем же! — угрожающе прошипел Меньшин и показал свой «люгер».

Эдгар подчинился. Меньшин выехал за город, потом свернул с главной магистрали и наконец остановился у обочины дороги неподалеку от какой-то фермы.

Меньшин не выключил двигатель, а передачу оставил на второй скорости, ногу держа при этом на сцеплении — просто на всякий случай. Однако он знал, что находится в безопасности. Даже они не могли быть вездесущими.

Идея использовать Эдгара для своей цели с каждой минутой казалась Меньшину все более и более предпочтительной. С ним было связа-

ны только две проблемы: первая — научить его говорить более-менее связно; вторая — позаботиться, чтобы Эдгар никому не проболтался об этой встрече и ее результатах.

Первая проблема оказалась самой трудной. Но через полчаса она начала распутываться сама собой. Меньшин вдруг поймал себя на том, что начинает понимать тарабарщину Эдгара. Пробившись сквозь дебри его бессвязного бормотания, он понял, что Эдгар говорит по-английски.

Чего-то сверхсенсационного Меньшин не надеялся получить от допроса Эдгара, да так оно и получилось.

Разум Эдгара был затуманен, он был совсем поверхностным, без какой-либо глубины. Если человеческий мозг можно сравнить с книгой, то эдгаровский — с журналом, причем крайне небрежно отпечатанным. У него почти не было никакого личного опыта.

Став сиротой еще младенцем, он первые пятнадцать лет провел за стенами детского приюта и интерната. В пятнадцать лет его вытащили из интерната, и он оказался за стеклянной дверью офиса «НФЛ», где и пребывал все оставшееся время.

— Но, — заметил в замешательстве Мень-

шин, — ведь они воздействовали на тебя, в результате чего ты перестал нуждаться во сне. Когда это было сделано?

— Когда они изъяли у меня сердце, — пробормотал Эдгар, — а также мои легкие, мозг и прочие органы, они заявили, что отныне я не буду нуждаться во сне. Они делают это, чтобы необходимые им люди подчинялись им.

— Да, — вслух подумал Меньшин, — Вирджиния-то спит нормально. Видимо, существуют вариации.

— Вначале мне было страшно, — перешел к концу своей простенькой истории Эдгар, и его голос вдруг сжался от ненависти, — но после того, как та женщина пару раз отстегала меня хлыстом, я не смел противиться их приказаниям.

Эдгар с такой яростью, хотя и пытался скрыть это, произносил слова «та женщина», что было ясно, что нет сложностей и со второй проблемой — он никому не расскажет о встрече с Меньшином.

— Послушай, Эдгар, — с волнением начал Меньшин. — Я на твоей стороне в борьбе против этой женщины. Когда я покончу с ней, она больше никогда не будет бить тебя хлыстом, и у тебя появится возможность делать все, о чем ты мечтал

всю свою жизнь.

Это последнее имело большое значение. Молодой паренек, начитавшийся приключенческих романов, вроде Эдгара, наверное, просто сходит с ума от желания отправиться куда-нибудь и заняться каким-либо своим делом.

— Послушай, — сказал Меньшин, — вот чего я хочу от тебя. Завтра в полночь отсюда в Лос-Анджелес улетает турбореактивный самолет. В час тридцать три другой ракетный лайнер покидает Лос-Анджелес. Я хочу, чтобы ты на реактивном самолете прибыл в Лос-Анджелес и прошел на борт этого ракетного корабля с одним посланием.

— Я — и на борту ракетного корабля? — в экстазе прогундосил Эдгар.

— Ты успеешь вовремя вернуться на работу — так что не беспокойся насчет этого. Вот, возьми деньги, а в записной книжке — точные инструкции относительно твоих действий. Я тут даже оставил поля, где ты можешь написать вопросы, если что-то будет непонятно.

Меньшин передал Эдгару записную книжку и деньги и проследил за тем, как Эдгар засунул записную книжку во внутренний карман, а деньги — в бумажник. Пальцы Эдгара при этом дрожали от волнения.

То же самое происходило и с самим Меньшином, но отнюдь не по причине волнения. Его бросало то в жар, то в холод при мысли, что целые сутки в руках Эдгара будет его записная книжка. Если она окажется у людей «НФЛ»…

Меньшин вздрогнул и достал свою «пушку». Он заставил свой голос звучать твердо и холодно:

— Эдгар, выслушай меня в последний раз. Если ты каким-то образом провалишь это дело, то я прикончу тебя вот этим пистолетом. Понятно! Так что постарайся сделать все чин-чином!

В слабом свете приборной панели глаза Эдгара сияли, выражая понимание.

— Бу-бу, — выдохнул Эдгар.

На следующее утро Меньшин, как всегда, отправился на занятия в университет. Во время полуденного перерыва он сделал телефонный звонок.

— Передайте ей, — коротко сообщил он слуге, который поднял трубку, — что звонит профессор Меньшин.

Спустя минуту в трубке раздался женский голос.

— Миссис Паттерсон, — сказал Меньшин, — желательно, чтобы время начала ужина было изменено с семи на полночь. Я полагаю, что тан-

цы в «Гранд Йорке» длятся до глубокой ночи, так что не будет никаких затруднений с исполнением моей просьбы.

— Какова же ее причина?

Меньшин отрывисто рассмеялся.

— А я что, должен ее сообщать? Просто замечу, что если вы не согласитесь, то ни я, ни моя жена не появимся в ресторане. Вы уж постарайтесь! А вы согласны? Ну и чудненько!

Когда он вешал трубку, то ощущал одновременно и радость, и тревогу. Он начал рискованную игру и мог возбудить у них подозрения. Но он постарался, чтобы за действиями Эдгара никто не наблюдал. И теперь оставалось три опасных момента. Первый — что его попытки ни к чему не приведут. Второй — что на самом деле ему так и не удастся их одурачить. Третий… Сам дурачок Эдгар.

Их провели к столу, где сидело четверо мужчин, одним из которых был Торранс, и пять женщин во главе со светловолосой миссис Паттерсон. Мужчины встали. Женщины, перестав оживленно о чем-то болтать, принялись с любопытством их разглядывать.

Их лица были неестественно оживленными. Все девять, как женщины, так и мужчины, бук-

вально излучали огромную энергию. Их столик привлекал к себе внимание всего зала. Обедающие за соседними столами исподтишка бросали на них любопытные взгляды.

Рядом с ними Меньшин ощущал себя скованным и вялым. Он уселся в одно из двух пустых кресел. Это было чисто физическое чувство. Морально же он чувствовал себя как никогда бодрым и решительным.

«Убедить Вирджинию, — подумал Меньшин, — что она не имеет ничего общего с этой бандой. Заняться сбором информации. И дать Эдгару время без всяких проблем проделать свое длинное, но скоротечное путешествие». Такими были его намерения.

Вся его надежда была сейчас на то, что у Эдгара осталось достаточно сил, чтобы устроить этим типам хорошенькую встряску.

Это его беспокоило. Когда он мысленно представил возможные исходы, в горле возник комок, и он с трудом заставил себя допить фруктовый коктейль. Именно Торанс ответил на его тщательно подготовленный вопрос:

— Нет, эдгары в наших центрах не являются «аккумуляторами» — они передатчики. Ключом к пониманию является слово «отрицательный».

Всякий раз, когда кто-нибудь проходит мимо огромной стеклянной двери-окна, за которой дежурит Эдгар, к нему начинает течь от прохожего крошечный поток, но он не может воспользоваться им. Там, где раньше у Эдгара (как у меня и моей жены) располагались внутренние органы, теперь вставлены электронные импульсаторы, изготовленные большей частью из тантала. Вся разница в том, что Эдгар заряжен отрицательно. Мы же — ваша жена, я и все остальные, — положительно. Вам ясно?

Для Меньшина это было китайской грамотой. Но, главное, у него появилась возможность получить кое-какую информацию. Он задал новый вопрос. Торранс тут же ответил:

— Нас — включая вашу жену, — двести сорок три человека. Разумеется, — продолжал он, — речь идет только о тех, кто обладает реальной властью. Мы владеем громадным капиталом, на нас работают десятки тысяч людей, включая и наблюдателей за вами и вашей женой.

Торранс рассмеялся. Но Меньшин не находил в этом ничего смешного. Он попытался заставить себя сбросить нервное напряжение и расслабиться. «Сейчас имеет значение только то, что я сделал прошлой ночью», — попытался ободрить

себя он. Ведь благодаря предпринятым им мерам предосторожности никто, абсолютно никто, не смог проследить за ним. В этом он был совершенно уверен.

Однако было ясно, что Торранс отводит ему в своем плане какую-то роль. И это несколько пугало Меньшина. Еще одно напоминание о том, насколько большим влиянием обладает эта группа людей.

Ошеломленный этой мыслью, он лишь теперь принялся разглядывать лица собравшихся за столом людей.

Сначала у него сложилось впечатление, что все четверо мужчин физически совершенны, а пять женщин — весьма привлекательны и грациозны. В некотором отношении так оно и было. Даже теперь, приглядевшись повнимательнее, он не мог отрицать того, что все девять держались с достоинством и уверенностью, что еще более подчеркивалось их строгой элегантной одеждой.

Но на этом вся их красота и ограничивалась — словно дорога, резко обрывавшаяся на пролете взорванного бомбой моста.

Их точеные лица были не более, чем застывшие маски, за которыми скрывалась безжалостность, нечеловеческая врожденная жестокость. Глаза их

— голубые, серые и карие — обжигали холодом. Губы у всех были тонкими и плотно сжатыми.

Но господствующей и объединяющей их чертой, присутствующей в облике каждого, являлось высокомерие, необычайное и пугающее высокомерие.

Не было никаких сомнений — они действительно верили в свое всемогущество.

Меньшин доедал свой супчик, пытаясь успокоить себя. Он украдкой бросал взгляд на Вирджинию, но та была поглощена исключительно содержимым своей тарелки.

И тут он с удивлением и тревогой отметил, что все едят молча. Пока что они только и делали, что отвечали на его вопросы.

Он увидел, как Торранс загадочно улыбается.

В Меньшине все сильнее крепла убежденность, что с ним ведут какую-то игру. И все-таки до сего времени он ничего не потерял, даже узнал кое-что новое.

Пока выбранная им линия поведения ничем не грозила ему. И он продолжал задавать очередные вопросы. Как и раньше, отвечал Торранс все так же незамедлительно и откровенно.

— Вы правы, в своих книгах Крэнстон почти ничего не сообщает о сделанном им открытии,

главным образом потому, что в то время, когда писал эти книги, он только приступил к научной деятельности. А написанная мной биография о нем своей целью ставила обмануть его, дать нам время на создание собственной организации.

Он умолк на несколько секунд.

— Не забывайте, задавая свои вопросы о Крэнстоне и его работах, что сам доктор — немножко со сдвигом. Например, лишь тогда, когда он понял, что его идея-фикс о распространении доброй воли человечества посредством всеобщих физических контактов не может быть экспериментально проверена, в его мозгу и возникла мысль, что искусственно усиленную нервную энергию — именно то, что он искал, — можно передавать без какого-либо физического контакта.

Никогда еще созданная человеком теория не возводилась на столь зыбкой почве. Тем не менее, она до сих пор работает.

Всего за один год доктор Крэнстон выяснил, что обмен энергией имеет место всякий раз, когда рядом друг с другом оказываются два и более человеческих существа. При этом происходит перекачка жизненной силы, но для достижения такого же эффекта, что и при физическом контакте, это явление нуждается в интенсификации.

Поэтому доктор Крэнстон привлек к работе высококлассных инженеров (меня в том числе) для создания электронных трубок и цепей, которые не просто усиливали бы «нервную энергию», как он назвал ее, но и по желанию регулировали бы длину волны.

Модифицированный вариант этого контура в настоящее время находится в теле вашей жены и поддерживает ее связь с сердцами, легкими и мозгами, хранящимися в секретной лаборатории доктора Крэнстона.

Торранс внимательно посмотрел на Меньшина.

— Крэнстон никогда не объяснял мне, почему столь необходимо, чтобы органы существовали вне самого тела, — только то, что передача потока на расстояние крайне необходима. Но в то же самое время не может быть и речи о каком-либо расстоянии! Кровь, нервная энергия, каждый вдох и выдох воздуха, которым мы дышим, нагнетается и очищается через органы, хранящиеся в стеклянных сосудах! Если что-нибудь случится с ними, мы все погибнем.

У Меньшина пропало всякое желание задавать вопросы. Впрочем, он узнал почти все, что хотел. Все неясности, которые оставались у него,

сводились лишь к местонахождению этих человеческих органов на острове доктора Крэнстона.

И связи между ними. Неразрывной связи. Они все были повязаны одной веревочкой с этим сумасшедшим старым фанатиком. Как бы то ни было, вся эта банда, воспылавшая макиавеллиевской мечтой о мировом господстве, была в руках у Крэнстона.

Но почему — о Господи! — почему Крэнстон не воспользуется своей властью и не покончит с ними?

Этот вопрос помимо воли вырвался у Меньшина. И Торранс, сверля его своими серыми глазами, процедил сквозь зубы:

— Потому что он не способен убивать других — это шло бы вразрез с его принципами пацифизма. Вспомните: ведь это его открытие, невероятное открытие, порождено сентиментальным желанием способствовать распространению доброй воли в нашем грешном мире.

Эта сентиментальность представляет для нас смертельную опасность. Она способна запудрить ему мозги. Да, он не может заставить себя убить нас. Но ведь ему уже семьдесят восемь лет. В наши дни это далеко не преклонный возраст, но он все-таки перевалил через средний возраст

жизни людей.

И Крэнстон может умереть в любой момент. Однако он упрямо отвергает такую возможность. И не позволяет нашим врачам обследовать его. По каким-то странным причинам он убедил себя, что если он умрет, а мы к тому времени не обнаружим местонахождения своих органов, то он не будет в действительности нести ответственность за нашу гибель.

Каким же образом он этого достиг? Мой друг, да разве кто-нибудь мог предположить, что этот старый придурок окажется настолько хитер?! Он прооперировал всех нас, кроме самого себя. И по какой-то причине, стал недоверчиво к нам относиться.

Повествование полностью захватило Торранса. В его серых глазах сконцентрировалось столько страсти, что Меньшину казалось, что они сверкают, как две яркие лампочки.

— Меньшин, мы должны выяснить, где же располагается эта лаборатория. Мы должны сами контролировать наши жизненно важные органы. Этим и займется ваша жена.

Торранс умолк.

Не было никакого сомнения, что он дошел до кульминационного момента своего повество-

вания.

— Понимаете, профессор, — тихо продолжил он, — всякий раз, когда мы обнаруживаем, что кто-то, могущий нам пригодиться, сует нос в наши дела, мы начинаем ждать, пока человек этот не узнает о нас достаточно, чтобы перенести шок от воскрешения из мертвых. Удивительно, как мало информации в этом факте, но насколько она важна: десятки людей, которых мы приводили с улиц, узнав истину, сходили с ума и утрачивали для нас всяческую ценность. В таком случае мы убиваем «ищейку», после чего доставляем труп в дом доктора Крэнстона. Вот здесь снова необходимо проявлять осторожность. Старик в последнее время быстро устает. И тогда его утомленный мозг начинает нашептывать ему, что все его действия бесполезны. Поэтому мы стали считать, что нельзя доставлять ему слишком много новых тел.

А в обычных же обстоятельствах бедный старый дурачок не выносит вида мертвых людей, когда понимает, что может действительно что-то сделать для них. Особенно он чувствителен, — тут Торранс с улыбкой поклонился Вирджинии, — к красивым женщинам. И хотя он полностью осознает наши намерения, но он достиг такой

стадии, когда и это его совершенно перестало волновать. Его охватило безнадежное отчаяние, он чувствует себя абсолютно раздавленным нашей громадной организацией.

Таким образом, по прошествии некоторого времени мы попытались воссоздать обстановку, окружающую его тайное убежище. Нам известно, что оно расположено на каком-то острове, где-то в тропиках. Мы надеемся, что ваша жена добавит новые штрихи в этой картине. Поскольку на кон поставлена ее собственная жизнь, она, я не сомневаюсь в этом, рада будет сообщить все, что знает.

Торранс умолк и посмотрел сначала на Вирджинию, потом на Меньшина с удивительным хладнокровием.

— Теперь вам все понятно? — спросил он.

— Да, — ответил Меньшин.

Его вдруг охватила безудержная ярость. Но не столько даже из-за убийств, хотя ему страшно было представить приблизительное число жертв этой банды. И не из-за мыслей о Вирджинии и ее муках, — они вызывали боль и страх. Нет, эта ярость была связана со стариком и тем, во что превратили его идеализм.

Уничтожение прекрасной, хотя и слишком

идеалистической мечты старика о всеобщей доброй воле человечества, то, что его изобретением пытаются воспользоваться в грязных целях, — вот что больше всего возмутило Меньшина. Внезапно он почувствовал прилив сил, которые заполнили всего его целиком, до глубины души. В тот же миг он принял неумолимое решение покончить с этими выродками в человеческом обличье, как только ему представится благоприятная возможность.

Удивительное дело, но только сейчас его осенило, что совершенно случайно у Вирджинии имеется ключ к разгадке местонахождения острова.

Эти убийцы пока что не знали об этом.

И нельзя было этого допустить.

— Когда моя жена очнулась в крэнстоновской лаборатории, — твердым голосом начал Меньшин, — доктор был уже там. У нее не было времени осмотреть окрестности, поскольку он тут же отправил ее домой. Куда, если мы вам больше не нужны, мы с женой и намереваемся сейчас отправиться.

Он отодвинул стул, потом нерешительно посмотрел на Вирджинию.

Несколько секунд стояла тишина, потом одна

из светловолосых женщин, но не миссис Паттерсон, резко рассмеялась:

— Я вижу, профессор Меньшин, ваша жена не имеет ни малейшего желания следовать за вами. Может, она вспомнила о чем-то, что бросилось ей в глаза на острове?

Такая мысль уже пришла в голову Меньшину.

Все зависело от нее.

Постепенно Меньшин собрался с силами. Он посмотрел на Вирджинию и увидел, что ее лицо стало мертвенно-бледным. Губы ее дрожали, когда она встретилась с ним взглядом… и она тут же отвела глаза в сторону.

Меньшин нетерпеливо сказал:

— Вирджиния!

Она снова посмотрела на мужа. В ее глазах стояли слезы.

— Вирджиния, ты слышала, чего хотят от тебя эти люди. И вопрос вовсе не в том, знаешь ли ты, где он, или нет. Вопрос поставлен ребром: ты или с ними, или нет. Не принимай пока поспешных решений.

Ведь есть вещи, которые мы просто обязаны сделать. Если мы проявим настойчивость, то, думаю, мы и сами сможем добраться до доктора Крэнстона. Я уверен, что если нам удастся пере-

говорить с ним, то он наконец-то решится убить эти существа. Он пребывает в изоляции от всего человечества. Должен же он наконец понять, что дело всей его жизни еще можно вырвать из рук этих крыс, этих убийц, этих…

Внезапно он умолк и повернулся к Торрансу.

— Сколько, — резко спросил он, — сколько человек вы убиваете ежегодно, чтобы использовать их внутренние органы?

— Примерно пять тысяч, — не колеблясь ответил Торранс. — Главным образом это сироты, бедняки, мыкающиеся с места на место в поисках работы и пропитания, люди без роду и племени…

— Гм-м! — хмыкнул Меньшин.

Он вовсе не ждал ответа — задал этот вопрос только, чтобы подчеркнуть всю мерзость деятельности этих людей. Однако этот ответ придал его мыслям иное направление.

— Пять тысяч! — повторил он.

Эта цифра казалась какой-то нереальной. Она буквально потрясла его. Он считал, что готов к любым неожиданностям, которые могут произойти на этом смертельно опасном ужине в ресторане. Но только не к такому.

Ему сделалось дурно. Нечеловеческим усилием

он попытался взять себя в руки. Ему нечего было сказать, как нельзя было найти что-нибудь еще, что потрясло бы его больше. Цифра сама по себе была чудовищной.

Однако он все же нашел в себе силы произнести слабым голосом:

— Остается только защищаться.

Потом посмотрел на Вирджинию — она улыбалась сквозь слезы. Это была печальная улыбка, но тем не менее она улыбалась!

— Ах, бедный ты мой дурачок! — проговорила она. — Не нужно убеждать меня. Тебе не нужно ничего мне доказывать. Зло, которое правит здесь бал, не нуждается ни в каких доказательствах. Это зло в крайнем своем воплощении! Ты только взгляни на них!

Она вяло махнула рукой, но Меньшин уже успел насмотреться на эти девять рож. Все они криво улыбались от разыгрываемого перед ними представления.

— Здесь собирается все зло вселенной, с которым не под силу одному человеку справиться. За одним-единственным исключением. Только доктор Франкенштейн может уничтожить созданное им чудовище. Нам же, прочим, остается только попытаться спасти своих близких. О Норман,

неужели ты не видишь…

— Я вижу, — резко перебил ее Меньшин, — что ты намерена отступить.

— Норман, — произнесла она, побледнев, — они говорят с нами совершенно откровенно. Они ясно дают нам понять, что их не заботит, сколько мы узнаем. Неужели ты не видишь, что это означает?

— Говоря так, ты имеешь в виду только себя, — сказал Меньшин.

— Неужели? — Она перевела взгляд на Торранса. — Неужели?

— Сегодня ваша жена более благоразумна, чем вы, Меньшин, — заметил Торранс. — Как вы сами видите: она жива и здорова. Крэнстон по одной ему известной причине заботится о том, чтобы ничего плохого не случилось с теми, кто в его глазах имеет хотя бы малейшую ценность.

Он повернулся к Вирджинии.

— Если вы в течение ближайших двух минут решитесь поделиться с нами своими сведениями, то после этого вы и ваш муж вольны отправляться домой. И больше мы никогда уже не побеспокоим вас. А когда мы получим контроль над органами, то гарантируем, что никакого зла вам не будет причинено. Хотя, конечно, мы бы предпочли,

чтобы все, кто может пользоваться «нервной энергией», присоединились к нам.

Он бросил взгляд на свои часы.

— Мы не даем необдуманных обещаний, ибо не нуждаемся во лжи. Сейчас сорок три минуты первого. У вас на размышление лишь две минуты.

Вирджиния открыла было рот, словно собираясь что-то сказать, но, заметив взгляд Меньшина, тут же закрыла его. И осталась сидеть, глядя на мужа, как загипнотизированный птенчик.

— Даже и думать не смей об этом! — угрожающим шепотом просвистел Меньшин. — Мой военный опыт свидетельствует, что не может быть и речи о компромиссе в подобного рода делах. Их обещания не стоят и цента. Если у тебя имеется хоть какая-либо зацепка, мы воспользуемся ею, чтобы покончить с ними.

В то же самое время он не должен был допустить, чтобы у этих людей появилась уверенность, что такая зацепка у них имеется.

— Две минуты истекли, — бесстрастно заметил Торранс.

Он повернулся к Вирджинии.

— Вы идиотка! Своим молчанием вы приговариваете своего мужа к смерти! Начиная с этого момента, — обвиняющим ледяным тоном про-

должал он, — вы еще можете сохранить ему один год жизни! Через минуту срок этот сократится до пятидесяти одной недели, и так далее. И если к концу пятьдесят второй минуты вы не заговорите, ему останется жить несколько дней.

В любом случае ваш муж — не жилец на этом свете. Миссис Меньшин, в вашей власти дать прожить ему еще год. Так что давайте рассказывайте.

Меньшин встал.

— Вирджиния, — сказал он резко, — идем.

Торранс протянул руку и схватил Меньшина за руку.

— Да сядьте же вы на свое место, идиот.

Меньшин ударил его по лицу и тут же пожалел о своей несдержанности. Но было уже поздно что-либо исправить.

Официанты, не особо церемонясь, но и без особой суеты, поволокли его к дверям. И все-таки Меньшину удалось еще раз крикнуть жене:

— Вирджиния, даже думать не смей!.. — но тут его выпихнули с треском на улицу, и он очутился на тротуаре.

Он ждал, но напрасно. Прошло десять минут, а Вирджинии все не было.

Минута текла за минутой. Дважды Меньшин

пытался прорваться в ресторан, но швейцары у входа были начеку.

— Не сегодня, парень, не сегодня, — приговаривал один из них. — Сейчас ты слишком перебрал.

К выходу из ресторана Вирджинию провел Торранс. Он выглядел торжествующим.

— Антильские острова! — взволнованно выкрикнул он. — Какая удача, что как раз, когда Вирджиния вышла, мимо пролетал один из немногих недавно сконструированных самолетов с двадцатью реактивными двигателями, иона обратила внимание, что шла вторая половина дня, а сама она вернулась в Калифорнию примерно в полдень. Эта разница во времени поможет нам определить, где же затаился этот старый прохвост. Наконец-то мы его вычислим!

Он холодно посмотрел на Меньшина.

— Слишком плохо, что вы — бывший военный. Нам ведь в действительности наплевать, будете ли вы живы или мертвы, но зато нам теперь известно, что офицеры армии, флота или ВВС в отставке не склонны сотрудничать с нами, даже если это может заметно поправить их дела. — В конце он добавил: — Ваша жена говорила двадцать пять минут, но все это было одно вранье,

пока мы не подключили к ней детектор лжи. Вас заколят кинжалом в конце отведенного вам срока… а затем мы заставим вашу жену присоединиться к нам. Прощайте!

Он развернулся и направился в отель, и Меньшин с ненавистью буравил взглядом ему спину, ощущая в ладони холодную сталь своего «люгера», пока тот не скрылся из виду, и лишь тогда с угрюмым видом он убрал руку из внутреннего кармана.

— Ничего не выйдет, — горестно заметил он. — Убив одного, я ничего не изменю. Кроме того, нет никакого желания попадать в тюрьму на ночь глядя.

Шедшая рядом с ним Вирджиния хмуро сказала:

— Прости меня, Норман.

— Это ты прости меня, — мягко ответил Меньшин, — за все то, что я успел наговорить тебе там.

Вирджиния снова что-то начала говорить, но Меньшин ее не слушал. На часах, висевших над украшенным орнаментом входом в отель, стрелки показывали час сорок. Меньшин посмотрел на часы и прикинул в уме.

Рейсовый корабль «Лос-Анджелес — Майами»

уже около десяти минут как находится в воздухе, в ослепительном пламени покинув стартовую площадку. Эдгар прибудет в Майами минут через тридцать пять и приступит к своим наблюдениям.

К тому времени Торранс со своими помощниками, воспользовавшись потоком «нервной энергии», уже должны будут вылететь к острову на самом скоростном реактивном самолете, который только смогут достать.

Профессор уверял себя, что они оторвались от возможных преследователей, после того как они трижды поменяли такси на пути в аэропорт.

Они взяли билеты на ракетный корабль, отправлявшийся из Лос-Анджелеса в Майами в три тридцать. Прижатый к мягкому креслу во время чудовищного ускорения, Меньшин вдруг понял, что у него остается только один шанс.

Вирджиния все-таки ходила по острову. А Торранс и остальные восемь его сообщников, что присутствовали на ужине, нет.

Когда он рассказал жене свой план, она беспокойно посмотрела на него.

— Допустим, Эдгар отправился домой без четверти три по лос-анджелесскому времени на ракетном корабле.

— Я так не думаю, — уверенным тоном возразил Меньшин. — Уже много лет Эдгар мечтал о приключениях. Он дотянет там до четырех сорока пяти по местному времени, как я ему и велел. Но не более того. Все-таки он недостаточно храбр.

Они отыскали Эдгара в углу зала ожидания. Тот читал журнал.

Эдгар передал Меньшину записную книжку.

— Я совершил четыре полета по одному и тому же маршруту между Майами и Антильскими островами, — запинаясь, сообщил он Меньшину. — Каждый рейс длился шесть часов туда и обратно.

Потом Эдгар провел их к огромной настенной карте Антильских островов.

На ней маршрут был отмечен белой линией. На трассе в районе, подходящем по времени, находился только один островок.

В справочнике Меньшин отыскал Майамский филиал «НФЛ», после чего они втроем проехали туда. С помощью кирпича он высадил окно. Осколки со звоном посыпались на мостовую.

— Залазь внутрь, Эдгар! — приказал Меньшин. — Нажми кнопку 243, после чего быстро возвращайся в аэропорт.

Спустя две минуты, когда только что утренние

лучи озарили череду кучевых облаков, Меньшин потащил получившую новый заряд «нервной энергии» жену к дверям.

— Дорогая! — крикнул он. — Ну, теперь все!

После некоторых раздумий он добавил:

— Это должно сработать. Они перенесли твое тело в дом Крэнстона, когда ты уже стала трупом. И точно таким же образом Крэнстон доставил тебя на остров. Должно быть, когда ты «заряжена», встроенный радиоизлучатель создает вокруг тебя силовое поле. Если они могли переместить твое тело тогда, то это удастся тебе сейчас.

Увидев выражение, появившееся на ее лице, Меньшин поторопился добавить:

— Не забывай, ведь ты уже побывала там. И тебе по крайней мере известно, где находится этот остров и направление к нему. — Он указал на восток. — Остров находится вон там. Мысленно представь холм, на котором ты стояла в тот день, когда вышла из подземной лаборатории доктора Крэнстона. Ты сможешь это. Я знаю, что сможешь.

Он почувствовал, как она вся напряглась, сосредоточившись.

— Обними меня покрепче! — прошептала Вирджиния. Меньшин тут же прижал ее вибри-

рующее тело к себе.

Где-то рядом какой-то ирландец стал сыпать проклятиями — наверное, от того, что от ударной волны лопнуло его окно.

Внезапно этот ругающийся голос пропал. Меньшин ощутил странное вибрирующее покалывание, немного неприятное.

Наконец это ощущение исчезло. Они оказались в комнате, уставленной рядами стеклянных колб, а перед ними стоял старик. В одной руке он держал топор, а в другой — револьвер.

— У меня есть своя маленькая система защиты, — сказал доктор Крэнстон странным усталым голосом. — Я звоню по телефону доктору Торрансу, и если мне не удается связаться с ним, тогда я прихожу сюда, так, на всякий случай, вдруг он что-то замышляет.

Он опустил пистолет.

— И вот как раз, когда я уже почти убедил себя, что мне придется убить первого, кто появится здесь, появляются двое невинных людей.

Меньшин не колебался ни секунды. Перед ним был человек, который обманывал себя, когда дело доходило до таких моментов, как брать на себя ответственность за смерть других.

И он воспользовался предоставленной ему

возможностью.

Меньшин сделал несколько шагов вперед и забрал пистолет из рук старика. Тот не оказал ему никакого сопротивления.

— Я хотел бы, — сказал Меньшин, — чтобы вы добровольно отдали мне свой топор.

Доктор Крэнстон устало пожал плечами.

— А что мне еще остается делать?

Он протянул топор Меньшину. Внезапно в глазах его заиграли веселые искорки.

— Полагаю, что, как бы я ни стал уговаривать вас сейчас, это абсолютно не повлияет на ваши намерения.

— Лучше, — с хмурым видом заметил Меньшин, — покажите те сосуды, которые, по вашему мнению, следует сохранить. Но их должно быть совсем немного.

Когда наконец Меньшин отбросил в сторону топор, нетронутыми осталось только двадцать три сосуда.

ПРОЦЕСС

Лес дышал, нежась под яркими лучами далекого солнца. Он сразу же обратил внимание на садящийся звездолет, пронзивший разреженные верхние слои атмосферы. Но присущая всему живому инстинктивная враждебность ко всему чужому не сразу переросла в тревогу.

Могучий и обширный, Лес раскинулся на десятки тысяч квадратных миль, опираясь на множество корней, которые переплетались между собой под землей, и тихо раскачивая миллионами крон под дуновениями легкого ветерка. А дальше, среди холмов и гор и вдоль чуть ли не бесконечного морского берега протянулись другие леса, столь же могучие и обширные.

С незапамятных времен Лес охранял эту землю от какой-то неясной опасности. Что это за опасность, только теперь он постепенно начал припоминать. Да, тогда тоже с неба спустились корабли. Сейчас Лес не мог точно припомнить, каким образом ему удалось в тот раз отразить нападение пришельцев, но он знал наверняка: защищаться придется.

По мере того, как Лес все отчетливее осознавал приближение корабля, уже мчавшегося над ним в серо-красном небе, его листья шептали друг другу истории о былых сражениях, случившихся в незапамятные времена, — и выигранных. Стволы раскачивались в мерном потоке мыслей, и в такт им, совсем незаметно, заколыхались несущие ветви.

Вскоре это колыхание охватило весь Лес. Возник глухой шум. Сначала почти незаметный, вроде легкого ветерка, медленно пронесшийся сквозь вечно зеленую листву узкой долины. Но постепенно он зазвучал громче.

Звук уже требовал материализации. Он стал всеохватывающим. И весь Лес уже ходил ходуном от охватившей его враждебности, дожидаясь спуска корабля с неба.

Ждать слишком долго не пришлось.

Корабль изменил курс и устремился к земле. Теперь стало ясно, что его скорость и размеры оказались значительно больше, чем Лес предполагал первоначально. Спланировав вниз, к ближайшим деревьям, корабль стремительно понесся по касательной, ничуть не заботясь о кронах деревьев. Трещали кусты, ломались ветки, целые деревья были вырваны с корнем, словно

они были игрушечными и ничего не весили.

Корабль продолжал свой спуск, продираясь сквозь пронзительно вопивший и стонавший Лес. Наконец он тяжело вдавился в землю в двух милях от первой снесенной им кроны, оставив позади себя просеку поваленных и сломанных деревьев — полосу уничтожения, а ведь именно уничтожение (Лес внезапно вспомнил это) и случилось тогда, в прошлом. Покалеченные деревья содрогались, трепеща листвой в лучах солнца.

Лес начал отсекать от себя поврежденные массивы, оттянув оттуда сок и уняв озноб. Позднее Лес посадит в этих местах новые побеги — на месте уничтоженных, но теперь он смирился с мучительной частичной смертью.

Страх смешивался с гневом. Лес стойко терпел чужой корабль, стоявший на сломанных деревьях, ощущая его вес той своей частью, что была еще жива. Он чувствовал холод и твердость металлической обшивки, и его страх, как и гнев, еще более усилился.

Мысли шепотом проносились по сенсорным каналам. «Послушай, — говорил он себе, — где-то во мне скрыто какое-то воспоминание. Воспоминание о давно случившемся событии — прибытии сюда других подобных кораблей».

Но это воспоминание никак не желало всплывать из глубин памяти. В напряжении, все еще чувствуя неуверенность, Лес готовился совершить свою первую атаку — он начал обволакивать корабль.

Давным-давно Лес узнал, что мощный рост может служить нападением. Когда-то он вовсе не был таким громадным, как сейчас. Но однажды он вдруг обнаружил, что по соседству с ним растет еще один лес, во всем похожий на него.

Два бурно разраставшихся лесных массива, два колосса переплетенных между собой корней, медленно и осторожно приближались друг к другу, с изумлением взирая на аналогичную себе жизненную форму, существовавшую, наверное, все это время, и к этому удивлению примешивалась опаска. Приблизившись, они соприкоснулись — и началась схватка, которая продлилась не один год.

В течение этой продолжительной борьбы жизнь в центральных массивах практически прекратилась. На деревьях перестали расти новые ветки, а на старых листья уплотнились — в силу необходимости, — растянув на все более продолжительный период времени свой жизненный цикл. Медленно удлинялись корни под

землей, и все силы Леса были брошены на этот процесс постоянной защиты и нападения.

За ночь воздвигались целые стены из деревьев. Огромные корни ввинчивались в землю, прогрызали многокилометровые туннели, разрушая скалы, пробиваясь сквозь породы, выстраивая барьер из живого дерева на пути приближающегося леса-чужака. Внизу, у поверхности земли, этот барьер превращался в узкую, шириной с милю, полосу деревьев, стоявших чуть ли не впритык. И на этой фазе схватка наконец завершилась. Лес смирился с неприступностью преграды, созданной его врагом.

Позднее он начал сражение, чтобы остановить еще один лес, уже с другой стороны, где тот его атаковал.

Образовались границы территории, и эта демаркационная линия выглядела столь же естественно, как и огромный океан на юге или ледник на севере, лежавший, не тая, круглый год на горных вершинах.

Как когда-то во время схватки с соседями, наш Лес всю свою силу направил на приближающийся корабль. Деревья стремительно росли вверх — со скоростью один фут в несколько минут. Лианы взбирались по деревьям и набрасывались

на корабль, захлестывая его сверху, а затем, обежав всю металлическую обшивку, сомкнулись с деревьями на противоположной стороне. Корни этих деревьев вгрызались глубоко в землю и в скалистые породы, которые превращались в своеобразный якорь, поднять который был не в состоянии ни один корабль. Стволы деревьев утолщились, а лианы превратились в огромные толстые канаты.

Когда свет первого дня померк и наступили сумерки, корабль оказался погребенным под тысячью тонн Леса, скрытый листвой, настолько густой, что под ней невозможно было ничего увидеть.

Наступило время для заключительной фазы атаки.

Вскоре после наступления темноты крошечные корни начали елозить по днищу корабля. Они были бесконечно маленькими, столь маленькими, что в своей начальной стадии их толщина составляла всего лишь несколько десятков атомов в диаметре; столь маленькими, что такой твердый на вид металл обшивки был чуть ли не вакуумом для них; столь невероятно маленькими, что они без всякого труда просачивались сквозь твердую сталь.

И как раз теперь — словно корабль специально дожидался этой атаки, — он предпринял ответные действия. Металлический корпус начал разогреваться, постепенно раскалившись докрасна. Ничего другого и не требовалось. Крошечные корни скорчились и погибли. Постепенно, по мере того как испепеляющий жар достиг больших по размерам корней, сгорели и они.

Из сотен отверстий в корпусе корабля изверглось ослепительное пламя, и сначала лианы, а затем деревья начали гореть. Но это не было бушующим огнем неконтролируемого пожара, язычки пламени не прыгали с одного дерева на другое во всесокрушающей ярости. Давным-давно Лес научился тушить пожары от молний или самовозгорания. Дел-то всего — направить соки в пораженный район. Чем зеленее было дерево, тем больше сока, а значит, тем труднее было устоять и разгуляться пламени.

Лес сразу и не мог припомнить, доводилось ли ему когда-либо сталкиваться с пожаром, который мог вот так прорываться в полосу деревьев, несмотря на то, что каждое из них буквально исходило капающим из трещин коры соком.

Но пожару это удалось. Он не был похож на остальные — это было не просто пламя, но

энергия. Ему не нужны были деревья, чтобы поддерживать себя; энергия, питавшая его, заключалась в нем самом.

Лес осознал этот факт — и включилась ассоциативная память. Он четко и безошибочно вспомнил, каким образом в незапамятные времена избавил себя и планету от подобного корабля.

Лес начал отступать от звездолета, оставляя после себя остатки деревьев и кустов, с помощью которых пытался уничтожить чужеродную структуру. По мере того как драгоценный сок впитывался в те деревья, которым предстояло стать вторым щитом обороны, пламя разгоралось все ярче и ярче, а огонь стал столь ослепительно сверкающим, что все вокруг было залито сверхъестественнымсветом.

Лишь спустя некоторое время Лес понял, что огненные лучи больше не вырываются из корабля и что красные язычки пламени и остатки дыма исходят, как при обычном пожаре, только от горящего леса.

И это тоже соответствовало воспоминаниям о том, что случилось в прошлом.

Лихорадочно, но без особой радости Лес перешел к осуществлению того, что, как он теперь осознал, являлось единственным способом изба-

виться от пришельца. Лихорадочно — потому что он с ужасом понял, что огонь звездолета способен уничтожить все деревья. А без особой радости — потому что во время защитных действий ему придется страдать от энергетических ожогов, и эта энергия лишь ненамного будет слабее пламени, только что вырывавшегося из отверстий в обшивке корабля.

Десятки тысяч корней начали расти в направлении скалистых и почвенных массивов, не ощутивших на себе воздействия инопланетного корабля. Крошечные корни, дрожащие от злобы и нетерпения, проникали в рудные породы и благодаря сложному осмотическому процессу извлекли крупицы чистого металла из первоначально нечистой руды. Эти крупицы были почти столь же микроскопических размеров, что и те корешки, с помощью которых Лес совсем недавно пытался проникнуть сквозь металлическую обшивку корабля, но достаточно маленькими, чтобы растительный сок начал разносить их через лабиринт своих больших по размерам корней.

Сначала по этим каналам двигались тысячи частичек, но вскоре — уже миллионы. И хотя каждая из них сама по себе была совсем крошеч-

ной, почва, где они оказались выброшенными на поверхность, заискрилась в свете умирающего пожарища. Когда солнце этого мира поднялось над горизонтом, серебристым сиянием было охвачено уже все пространство вокруг корабля на сотню футов.

Только во второй половине дня звездолет начал реагировать вторично. Раскрылось двенадцать шлюзов, и из них вылетело двенадцать аппаратов. Приземлившись, они принялись собирать серебристый порошок. Специальные насосы всасывали крошечную пыль. Работа велась с величайшей осторожностью, и за час до наступления темноты они успели собрать более двенадцати тонн тончайше распыленного урана-235.

После прихода ночи все двуногие существа исчезли внутри судна. Задраили шлюзы, а потом длинная торпеда медленно приподнялась над землей и устремилась в верхние слои атмосферы, еще освещаемые солнцем.

О том, что ситуация изменилась, Лесу сообщили корни, глубоко заведенные под корабль, когда внезапно уменьшилось на них давление. Лишь спустя несколько часов Лес решил, что враг и в самом деле убрался. И прошло еще несколько часов,

прежде чем до него дошло, что вокруг полно урановой пыли, которую необходимо куда-то убрать, чтобы не попадать под действие радиации.

Случившееся затем происшествие было вызвано одной простой причиной. Поскольку Лес извлекал радиоактивные частицы из различных скал, то, чтобы избавиться от них, ему надо было просто вернуть их снова в ближайшие урановые породы, и желательно того типа, что лучше всего поглощали радиоактивность. Для Леса все это выглядело проще пареной репы.

Спустя час после начала осуществления этого плана грянул взрыв, и ядерный гриб вознесся над планетой.

Он поразил столь огромную площадь, что это было выше понимания Леса. Он не мог ни видеть, ни слышать этого силуэта — посланца смерти. Но и того, что он чувствовал, было достаточно. Образовавшийся ураган смел с лица земли растительность на многие квадратные мили. Адский жар и радиация привели к возникновению пожаров, которые всего за несколько часов опустошили все вокруг.

Страх медленно отступал — после того как Лес вспомнил, что все это уже было. Но гораздо более отчетливо, чем этот всплеск памяти, перед ним

начала вырисовываться картина того, что может произойти в результате всех этих событий… И их характер.

На рассвете последующего дня Лес начал атаку. Жертвой его стал лес, который согласно ошибочным воспоминаниям Леса вторгся на его изначальную территорию.

Серия последовательных атомных взрывов раздалась вдоль всей границы, разделявшей двух великанов. Барьер из деревьев, служивший второму лесу внешней защитой, рухнул, снесенный следовавшими друг за другом взрывами энергии, которой ничто не в силах было противостоять.

Враг, следуя обычной защитной тактике, направил туда свои резервы сока. Когда он полностью переключился на постройку нового барьера, снова начали рваться бомбы. В результате взрывов были уничтожены его главные резервы сока. И, поскольку он перестал понимать, что происходит, то, начиная с этого момента, был обречен.

В «ничейную зону», куда были сброшены бомбы, Лес выдвинул множество отростков-корней. Всякое сопротивление сметалось атомной бомбардировкой. Спустя месяц с небольшим колоссальным взрывом был уничтожен центральный массив деревьев, обладавший разумом. И это был

конец схватки.

Лесу понадобилось несколько месяцев, чтобы прорасти на территории поверженного врага, выкорчевать погибшие корни, повалить деревья, теперь беззащитные, и утвердить свое полное господство на этой земле, чего уже никто не мог оспорить.

Как только Лес выполнил эту задачу, он тут же в ярости набросился на соседа с другой стороны. Снова он использовал во время атаки атомные бомбы, пытаясь в пламени огня уничтожить своего противника.

Но его атака захлебнулась, встретив равный ему по силам атомный контрудар!

Знание об атомных взрывах просочилось через барьер переплетенных между собой корней.

И оба чудовища почти истребили друг друга. Они превратились в искалеченные существа, которые вновь начали восстанавливать былую мощь медленным, мучительным приращением своих массивов. С годами воспоминание об этом событии стерлось из памяти. Впрочем, это уже мало что значило. К этому времени зачастили корабли. И даже если бы Лес вспомнил о них, он в любом случае не смог бы производить атомные взрывы в присутствии какого-нибудь корабля.

Ведь единственный способ заставить корабли покинуть планету — окружить каждый из них тончайшей радиоактивной пылью. Тогда звездолет втягивал в себя всю эту пыль, после чего стремительно улетал.

Стало так легко одерживать победы.

РЕПЛИКАТОРЫ

1.

Убив чудовище, Мэтлин замер как вкопанный, чувствуя, что им овладевает безумие.

В смертельной агонии двенадцатифутовая тварь резко дернулась в конвульсии и оказалась в кузове грузовика Мэтлина.

И теперь монстр лежал там, завалившись на бок, со своей огромной слоноподобной головой и коротким туловищем, так, что были видны торчавшие из заднего борта его огромные конечности. И эта черная лоснящаяся туша, сейчас безвольно распростершаяся на металлическом дне кузова грузовика… создавала проблему.

Мысли Мэтлина сейчас только этим и были заняты: как разрешить эту проблему.

Первым побуждением Стива Мэтлина, вообще-то крайне подозрительного и вспыльчивого человека, было вывалить зверя на заросшую сорняками обочину дороги. С неохотой он решил попробовать найти какой-нибудь иной выход. Как плохо, что два офицера патрульной службы видели, как он поехал по этой глухой дороге в

сторону озера. И, обнаружив тушу этой твари, им не составит труда понять, кто именно ее прикончил.

Мэтлин понимал, что именно ему и придется заняться перевозкой убитого чудовища. А что, если он допустит ошибку и вывалит тварь не в том месте, то где тогда найти кран, чтобы снова погрузить чудовище в кузов грузовика? Ну, а если он просто отвезет его домой, то ему еще придется выкопать яму, чтобы захоронить в ней его.

«Лучше всего, отвезу чудовище в полицию, — угрюмо решил он, — и, как добропорядочный гражданин, последую их указаниям».

Ощущая на душе беспокойство, он решительно выехал на главную магистраль. Вместо того, чтобы свернуть налево к своей ферме, он направился в сторону Миндена, ближайшему к происшествию пригороду. Добравшись до него, он сразу же подкатил к полицейскому участку, остановился у обочины и дал резкий гудок.

Никто не отозвался.

Когда разъяренный Мэтлин собрался было жать на клаксон непрерывно, чтобы вынудить полицейских откликнуться, он вдруг сделал поразительное открытие. Здание полицейского участка располагалось на боковой улочке, и

непонятно почему, но вокруг не было ни то что автомобилей — ни одного прохожего.

...Жаркий полдень, пустая улица, редко кто в такое время прохаживается по улицам...

Мэтлин рванул рукоятку механизма сбрасывания груза. Мгновение спустя он почувствовал, как туша чудовища съехала вниз и вывалилась на дорогу. После чего он, недолго думая, дал задний ход и умчался прочь, на ходу опуская кузов.

2.

Вечером, перед тем как они ложились спать, его жена Кора сказала ему:

— Ты слышал об этом инопланетном чудовище?

Тут же в голове Мэтлина возник образ монстра, которого он отвез в город.

«Какие-то чокнутые! — презрительно подумал он. — Надо же, чудовище из космоса!» Вслух же он громким голосом пробурчал:

— Ты что, услышала об этой чуши по телевизору?

— Об этом сообщалось в выпуске новостей, — защищаясь, ответила она. — Чудовище нашли прямо посреди улицы.

Итак, они нашли того монстра, что он прикон-

чил. Внезапно вспыхнуло ликование — его же так и не засекли! Потом он самодовольно подумал: «Сэкономил двадцать пять баксов. Да, удачное я тогда выбрал время!»

Потом он молча направился спать.

Кора лежала некоторое время молча, прислушиваясь к его ровному тихому дыханию, думая о чудовище из космоса… и о мире, который существует вне стен их жилища. Когда-то она преподавала в школе. Но ее учениками было четверо детей, да и было это двадцать лет назад. Временами даже трудно вообразить, насколько же далек их убогий мирок от настоящей современной жизни.

Где-то там, на улице перед полицейским участком маленького пригорода Миндена, лежало мертвое существо, впервые оказавшееся на Земле. Это была новость дня, о которой везде только и судачили, в каждой гостиной. Но никто не имел ни малейшего представления, каким образом эта тварь оказалась там, где ее обнаружили. Как сообщали репортеры, к этому колоссальному трупу уже начали слетаться, как мухи, сановники и военные самого высокого ранга.

Прошло два дня. По окрестным фермам начала разъезжать комиссия, проводя опрос относи-

тельно чудовища. Когда они прибыли на ферму Мэтлина, Кора лишь покачала отрицательно головой и категорическим тоном отвергла всякое предположение, что именно Стив и был тем человеком, что оставил тварь перед полицейским участком.

— В конце концов, — язвительно сказала она, — он бы рассказал мне об этом. Это уж точно! Но вы, конечно, э-э…

Тут она замолчала, подумав: «Ах, что за мужик! Его действия невозможно предугадать! Он и в самом деле способен учудить подобное!»

Посетители, похоже, не заметили ее внезапного замешательства. И они тоже, по всей видимости, считали, что супруг рассказал бы о таком происшествии своей жене. Председатель комиссии, красивый мужчина ее возраста с бархатистым голосом, представившийся как Джон Грэхем (единственный член комиссии, не имевший отношения ни к полиции, ни к армии), любезным тоном сказал:

— Передайте своему мужу, что уже назначена награда в сто тысяч долларов для тех, кто поможет нам в поисках.

Члены комиссии, рассевшись на мотоциклах и автомобилях, с грохотом отправились к следу-

ющей ферме.

Около десяти часов утра на следующий день Стив Мэтлин увидел второе чудовище.

Он шел в тот момент по следам первого из них по дороге, ведущей к озеру, когда вдруг очутился перед еще одним монстром.

Он тут же нырнул в ближайший овражек, где распластался на земле, затаив дыхание.

Мэтлин и сам ясно не понимал, что же он ожидал обнаружить здесь. Когда Кора сообщила ему об объявленной награде, он тут же поднял ее на смех, подшучивая над ее доверчивостью.

— Эти сукины дети никогда не отдадут ее, если только тип, клюнувший на приманку, не представит абсолютно неопровержимые доказательства, — сказал он.

И вот он отправился за этими доказательствами.

Вид второго монстра явился для него шоком. Словно бы тысяча раскаленных иголок вонзилась в копчик, после чего жар начал подниматься по позвоночнику и, достигнув мозга, раскатился мучительной волной страха. Дрожа, Мэтлин поднял ружье.

И едва он это сделал, как чудовище — оно сидело на корточках — привстало, держа в лапах

какой-то блестящий на солнце предмет. В следующую секунду над головой Мэтлина просвистело что-то и врезалось в дерево с оглушительным, словно раскат грома, шумом. Затряслась земля. А в следующий миг ушей Мэтлина достиг грохот взрыва.

Судя по его мощности, вполне вероятно, что стреляли из небольшой пушки.

Пока он производил это мысленное сравнение, вспоминая свой опыт бывшего морского пехотинца, участника Второй мировой войны, оружие, напоминавшее винтовку (хотя и громадных размеров), выплюнуло второй залп. В этот раз пуля врезалась в скалу ярдах в десяти от Мэтлина, в результате чего его засыпало кучей осколков. Все тело пронзила мучительная боль, а когда он снова смог что-то различать вокруг — после того как вдали затерялось эхо второго взрыва, — то увидел, что его руки сплошь в крови.

Это привело его в ужас, но одновременно и заставило действовать: он опрокинулся на спину, откатился в сторону и, низко наклонясь, побежал к краю овражка. Остановился он лишь тогда, когда понял, что овраг кончился и теперь не мог служить ему укрытием.

Что же теперь делать?

В памяти мгновенно вспыхнули воспоминания о рискованных операциях, в которых ему довелось участвовать. Реалии войны (с которой он так никогда и не смирился, и которая отняла у него несколько лет жизни) заставляли его идти на риск. Но он не забыл, как совершать марш-броски, быстро передвигаться по-пластунски. Ему всегда казалось безумием то, что вполне рассудительному человеку приходится вторгаться на территорию, занятую врагом. И все-таки, подчиняясь ненавистному гнету военной дисциплины, он проявлял решительность и отвагу, оказываясь в самых отчаянных ситуациях.

Неужели и теперь он оказался в аналогичном положении — и только из-за собственной глупости? Какого черта он приперся сюда?

Он бросился на землю, охваченный ужасом, и тут же один за другим два снаряда уничтожили скалу, за которой он всего несколько секунд назад прятался. Пушка против ружья! Мэтлину захотелось провалиться сквозь землю, куда-нибудь подальше от этого ужасного места. Весь хитроумный план, который он опрометчиво наметил, направившись сюда, привел лишь к тому, что он оказался лицом к лицу с разрушительной силой оружия, пытающегося его уничтожить.

Он лежал, вдавившись в крошечную выемку, от которой вел свое начало овражек, не смея поднять голову.

Его собственное ружье казалось ему игрушечным, когда рядом…

Зазвенел телефон. Когда Кора взяла трубку и спросила, кто звонит, ей понадобилось несколько секунд, чтобы узнать доносившийся с противоположного конца провода хриплый голос:

— Я звоню тебе из таксофона на краю шоссе. Ты можешь узнать, где в данный момент находится эта поисковая комиссия по чудовищу? — спросил Мэтлин.

— Только что звонила мама. Они на ее ферме. А в чем дело?

— Оно преследует меня, — ответил Мэтлин. — Скажи им, что я направляюсь в сторону шоссе через ангар для лодок. Чудовище ведет грузовик с опрокидывающимся кузовом величиной с дом.

— Что преследует тебя? — пронзительно закричала Кора в трубку. — И где?

— Другой монстр. На дороге за озером, — со стоном ответил Мэтлин и повесил трубку.

3.

Сражение на шоссе началось около двух часов дня. Чудовище выбралось из кабины грузовика-самосвала высотой в двадцать футов. Спрятавшись за машину, оно принялось стрелять из ружья размером с пушку во все, что двигалось.

Две дюжины человек на своих хрупких машинах и с крошечными ружьями вгрызлись в землю позади кустарника. Лежа рядом с Грэхемом, Мэтлин услышал, как тот нетерпеливо сказал армейскому командиру:

— Потребуйте еще раз поддержки с воздуха!

Через десять минут после этого на горизонте появился первый вертолет. Как оказалось, это была передвижная станция телевидения, с камерами на борту. Летающий монстр сделал круг над грузовиком, снимая сверху огромное чудовище. Сначала казалось, что твари в голову не приходит взглянуть вверх, на источник раздражающего звука. Но вот внезапно эта мысль посетила ее.

Длинное ружье нацелилось в небо. Первая же пуля пробила кокпит. Какой-то осколок угодил в летчика, и тот потерял сознание. Вертолет стал зигзагами удаляться, когда еще одна пуля снесла его хвостовую часть, после чего металлическая

птица с подбитыми крыльями рухнула вниз и скрылась среди деревьев на противоположной стороне невысокого холма.

Но хуже всего было то, что потом, когда прибыли армейские вертолеты, об эффекте неожиданности уже и речи быть не могло. Когда они приблизились, пушка-ружье начала стрелять. Пришлось изменить курс, но раньше они успели потерять три машины, а потом еще одна рухнула вниз, объятая пламенем. За единым исключением остальные начали вести огонь, правда, не рискуя приблизиться.

Та же машина, что являлась этим исключением, взяла курс влево и исчезла за холмом. Вскоре аппарат появился сзади чудовища и, в то время как остальные машины продолжали идти сплошным строем спереди, этот одинокий вертолет начал приближаться к цели.

Шквал пуль, который пилот обрушил на монстра, едва не оторвал его огромную голову от тела. Чудовище даже не увидело, откуда явилась его погибель.

Мэтлин вместе с остальными охотниками пошел вперед, нервно теребя в руках бумажку с «требованием» о выдаче ему вознаграждения за содействие в поисках. Его привело в ярость то,

что о его правах на это вознаграждение никто даже и не вспомнил. Хотя он ожидал этого, но смириться с этим было трудно.

Дойдя до грузовика, он стоял, переминаясь с ноги на ногу, в то время как остальные исследовали это существо, огромную машину и ружье. Внезапно Мэтлин понял, что его кто-то дважды спрашивает. Это наконец-то вывело его из состояния мрачной задумчивости. Грэхем указал на десятифутовое ружье.

— Что вы на это скажете?

Задушевный тон, вопрос, заданный ему, как равному, привел к тому, что его гнев мгновенно испарился. «Сейчас или никогда!» — решил Мэтлин. Он вручил Грэхему свой листок с просьбой:

— Мне бы хотелось, чтобы вы поставили здесь свою подпись.

Потом он нагнулся и осмотрел огромное оружие.

Вскоре он сделал замечание:

— Это смахивает на винтовку с магазином, точно такую же, какая есть у меня, только во много раз большую. Возможно, оба вида оружия произведены одной и той же компанией.

При этих словах его начало раздражать то, что Грэхем по-прежнему держит его листок с проше-

нием в руке — и даже не взглянул на него!

— Что это за компания? — странным тоном спросил Грэхем.

— У меня ружье марки «Мессер», — ответил Мэтлин.

Грэхем вздохнул и в замешательстве потряс головой.

— Прочтите-ка марку, выгравированную на этой огромной винтовке, — сказал он.

Мэтлин нагнулся. Черными отчетливыми буквами выделялась надпись на металле: «Производство компании „МЕССЕР“».

— А какой марки ваш грузовик? — спросил Грэхем.

Мэтлин, не отвечая, быстро обошел огромный самосвал и посмотрел на металлическую пластинку на капоте. Слово там было такое же, как на его собственном грузовике: «ФЛАГ».

Когда Мэтлин вернулся, Грэхем с кивком передал ему обратно его листок с прошением и сказал ровным голосом:

— На вашем месте, мистер Мэтлин, я бы сформулировал его так: «Как человек, сделавший все для того, чтобы помешать обнаружить следы существа из космоса, я признаю сам — я имею в виду вас, мистер Мэтлин, — что являюсь лицом, менее

всего заслуживающим это вознаграждение».

Настолько неожиданным было это предложение, подобная отрицательная реакция Грэхема, с такой внезапной безапелляционностью отвергались его претензии на вознаграждение, что Мэтлин побледнел. Но лишь несколько секунд длилось его замешательство, вызванное этими словами. А потом он дал выход своему гневу.

— В чем дело, проклятое жулье!

— Одну минутку! — пронзительно начал Грэхем и поднял руку, останавливая Мэтлина. Окинув его циничным взглядом безжалостных серых глаз, он продолжал: — Послушайте, если вы действительно поможете нам определить, где находятся эти существа, если выведете нас на их след, то я пересмотрю свое мнение. Вы согласны?

Опустившаяся ночь застала охотников за чудовищами возле озера, где они разбили лагерь. Внезапно ночную тишину разорвало громоподобное рычание. Вывалившись из заднего сиденья своей машины, Мэтлин бросился к берегу озера и начал пристально всматриваться в темнеющие воды, окружавшие островок в центре озера. Внезапно он заметил, что к нему подходят остальные члены экспедиции и становятся рядом.

Именно оттуда и доносился этот звук.

— Такое впечатление, будто летит целая эскадрилья реактивных самолетов, — прохрипел кто-то, пытаясь перекричать этот рев. — И, похоже, прямо на нас.

Неожиданно истина этих слов явилась им воочию — на несколько секунд, когда источник оказался прямо над ними: на фоне темного синего неба выделялись очертания чудовищных размеров вертолета.

Машина исчезла в гряде облаков. Рев постепенно сошел на нет, превратился в далекий гул.

Подойдя в темноте к Мэтлину, Грэхем спросил:

— Кажется, вы говорили, что тут поблизости рядом с озером есть какой-то ангар?

— Ага, — осторожно ответил Мэтлин.

— У вас там есть катер?

Мэтлин вздрогнул от ужасной догадки.

— Неужели вы всерьез собираетесь отправиться туда, на этот остров? — прохрипел он. — Прямо сейчас!

— Мы заплатим вам за прокат вашего катера, — твердым голосом пообещал Грэхем, — и дадим гарантии на случай, если тому будет нанесен материальный ущерб, причем в письменном виде. И если именно это и есть та база, откуда делают свои вылазки эти твари, то я подпишу

ваше прошение.

Мэтлин несколько секунд раздумывал. Катер и клочок земли возле озера были сокровенной его мечтой. Никто, даже Кора, не представлял себе, что они значили для него. Ведь в тот день, с которого все и началось и когда он прикончил первое чудовище, он вез песок со своей фермы, чтобы высыпать его на дорожку возле самого берега, обустраивая уголок по своему вкусу.

Мэтлин стоял в нерешительности, мысленно подсчитывая, сколько понадобится денег для осуществления его мечты: покрыть корявый и ухабистый берег ровным слоем песка, выстроить охотничий павильон, поставить шалаш для рыбной ловли, купить катер побольше — тех моделей, что часто уже он представлял в фантазиях своей собственностью, но в реальной жизни возможности приобрести их ему так и не представлялось.

— Хорошо, я сделаю это, — ответил он.

Добравшись до островка, Мэтлин осторожно, пользуясь время от времени своим фонариком, отвел Грэхема и еще двух членов комиссии туда, где земля внезапно стала… потверже.

Когда они начали копать землю, то обнаружили под слоем травы оголенные провода.

Грэхем тихо по радио связался с лагерем, который они только что покинули, после чего выслушал с Мэтлином ответ: при помощи более мощного передатчика будет вызван армейский отряд парашютистов. К рассвету сюда подтянутся несколько сотен вооруженных людей, боевые танки, инженерные подразделения и артиллерия.

Но, когда радио замолчало, они снова остались одни в темноте. До прибытия подкрепления утром оставалось еще несколько часов.

И опять именно Мэтлин обнаружил нависавшую скалу, которая вела к огромному ярко освещенному космическому кораблю.

Он настолько был погружен в свои грезы и так заинтригован этой находкой, что лишь оказавшись вместе с остальными тремя членами комиссии на первой палубе, понял вдруг, насколько далеко он влез в это дело.

Он остановился. И, полуобернувшись, уже готов был бегом умчаться прочь, но замер, парализованный тем, что увидел.

Они оказались в круглом помещении, имевшем в диаметре четыреста футов. За исключением целого ряда металлических профилей, на вид основательных и прочных, ниспадавших с по-

толка и выступавших из пола, помещение было пустым.

Мэтлин с остальными спутниками направился к трапику, ведущему на следующий мостик. Здесь тоже были — в еще большем количестве — огромные металлические профили — интересно, что же это такое? — но тоже никого не было.

На третьей палубе они обнаружили двух спящих инопланетных «ребятишек».

Каждый из них лежал на спине в длинном черном металлическом ящике. Старший был примерно вдвое меньше взрослого инопланетянина, младший же был ростом всего в два фута. У обоих были приземистые тела, и они, несомненно, были более юными версиями тех чудовищ, что были уже убиты.

Пока трое спутников Мэтлина — Грэхем и два офицера — вопросительно обменивались взглядами, охотник достал свой листок с прошением и вручил его Грэхему. Правительственный агент удивленно взглянул на него, потом, очевидно, поняв, чего хочет Мэтлин, качнул головой с обреченным видом, взял ручку и подписал бумагу.

Едва только получив в руки подписанный листок с прошением, Мэтлин направился к трапику.

От страха его тело покрылось потом. Однако он понимал, что по-иному он поступить не мог — он должен был получить эту подпись на листке. Ну, а теперь…

…убраться как можно скорее и подальше отсюда, от этого чертова дела, которое его совсем не касается!

Добравшись до воды, он тут же завел мотор катера и направил его к ангару. Заперев судно там, он осторожно прошел в темноте к своей машине и тотчас же отъехал.

Миновав полосу деревьев, скрывавших ферму, до которой оставалось еще около мили, он увидел, что весь двор объят пламенем. Он услышал грохот гигантских двигателей…

Его дом, сарай, гараж — все горело! В ослепительном свете пламени он увидел по ту сторону костра гигантский вертолет, который взлетел и быстро исчез в ночном небе.

Так вот куда направлялся тот, что не так давно пролетел у них над головой! А сейчас миновал его немного правее — источник оглушительного звука в затянутом тучами небе, сейчас совершенно невидимый в непроглядной темноте.

Мэтлин обнаружил Кору и сына спрятавшимися в поле неподалеку от школы. Жена что-то

пробормотала насчет чудовища, устремившегося прямо на ферму.

— Откуда оно могло знать, что это твоя ферма? — удивленно спросила она. — Вот этого я понять не могу.

4.

Пожар потихоньку затихал. Во двор сгоревшей фермы начали съезжаться соседи. Хлопали дверцы подъезжающих машин. Расстроенный Мэтлин, неся сына на руках, вместе с Корой прошел к гаражу, когда уже рассветало.

Самого Мэтлина занимала мысль другого рода: почему эта тварь не убила его жену и сына? Ведь Кора и мальчик были полностью в его власти, как и ферма.

До его руки дотронулся сосед, звали его Дэн Грей.

— Может, ты с Корой и мальчуганом сегодняшнюю ночь проведешь у меня, а, Стив? — спросил он.

Когда они вошли в дом на ферме Грея, какой-то мужчина на экране телевизора описывал, как Стив Мэтлин оставил трех человек на острове на милость возвращающегося инопланетного монстра.

Он произнес фамилию Мэтлина.

Мэтлин узнал в этом человеке одного из членов экспедиции, отправившейся на поиски чудовища.

Он оглянулся и увидел, что Грей, его жена — высокая худощавая женщина — и Кора пялятся на него. Кора сказала с ужасом в голосе:

— Стив, ведь ты не мог поступить так!

Мэтлин был ошеломлен этими словами.

— Я подам в суд на этого парня за нанесение морального ущерба! — пронзительно закричал он.

— Значит, это неправда, — простонала Кора. — Как же это омерзительно — лгать столь бессовестным образом!

Мэтлина вывело из себя ее непонимание.

— Это не то чтобы вранье, — поправил он, — просто раздутое без всякой надобности дело. С какой стати я должен был оставаться на том острове? Если они собирались безумствовать и быть храбрыми, что ж, это их дело, не мое.

По их лицам Мэтлин понял, что эта очевидная для него истина не была таковой в их глазах. Он помрачнел.

— Ладно, как я вижу, мне здесь уже не рады. Пойдем отсюда, Кора.

— Кора и мальчик могут остаться, — поджав

губы, поправила его миссис Грей.

Мэтлин, уже смирившись с их глупостью, кивнул в знак согласия.

— Я заберу вас завтра утром, — сказал он жене.

Кора не ответила.

Грей проводил Мэтлина к его машине. Возвращаясь в гостиную, он покачивал головой.

— В одном я теперь уверен, — сказал Грей, обращаясь к Коре. — Ваш муж ничего от вас не утаивает.

— Вот именно! — жестко произнесла Кора. — Только представьте: бросить тех людей! — В ее глазах сверкали слезы.

— Он утверждает, что они заманили его в ловушку на том острове.

— Никто не гнал Стива туда. Он сам отправился на остров, держа в голове кое-какие темные мысли.

— Он говорит, что внезапно осознал, что с ним поступили, как это делают генералы во время войны — отсылают рядовых на передовую. А поскольку это вовсе не его война…

— Если это не его война, то чья же тогда? Ведь он первым сделал выстрел.

— Ну что ж, в любом случае, генералы сейчас на огневом рубеже, и с какой стати Стиву теперь

беспокоиться о них? Таково мое мнение.

— Немыслимо! — воскликнула пораженно Кора. — Он считает, что Вторая мировая война была заговором с целью заставить его потерять несколько лет жизни. Он всю жизнь живет в собственном мирке, сконцентрировавшись только на себе. Вы же сами только что видели: ничто не может поколебать его уверенность в этом.

Вернувшись на ферму, Мэтлин провел ночь на заднем сиденье машины.

Утром его встретил Дэн Грей.

— Ну, Стив, эта война в конечном счете станет твоей, — сказал он, ухмыляясь.

Мэтлин посмотрел на ухмыляющееся, несколько тяжеловатое лицо соседа, однако ничего не ответил. Похоже, до него так и не дошел смысл этих слов. Он лишь просто выбрался из машины и прошел в дом.

Обе женщины смотрели телевизор. Мэтлин даже не взглянул на экран.

— Ты готова, Кора? — спросил он.

Женщины, обернувшись, как-то странно посмотрели на него. Наконец миссис Грей сдавленно выдохнула:

— Вы слишком просто оцениваете ситуацию.

— Оцениваю что?

Миссис Грей беспомощно посмотрела на Кору.

— Я не могу сказать ему это, — едва слышно произнесла она.

Мэтлин вопросительно посмотрел на жену.

— Возможно, ты уже слышал эту новость. Та тварь, вернувшись на остров, обнаружила мистера Грэхема и его двух спутников. И переговорила с ними при помощи какого-то механического переводного устройства. Чудовище сообщило, что собирается покинуть Землю, но сперва должно закончить одно дело. Оно сказало… оно сказало…

— Ради Бога, Кора, нам нужно ехать, — нетерпеливо поторопил ее Мэтлин. — Ты мне все расскажешь по пути.

— Оно сказало… — повторила Кора и запнулась, — что перед отлетом обязательно убьет тебя.

Теперь уже у Мэтлина перехватило дыхание.

Наконец он смог произнести, запинаясь:

— Меня! — Через несколько секунд добавил, все еще не веря: — Это же смешно! Я ведь не имею к этой истории никакого отношения.

— Но оно утверждает, что ты на Земле единственный, кто оказался вовлечен в эту историю.

Шокирующая мысль все сильнее проникала в сознание Мэтлина. Он ничего не мог возразить

на это обвинение и вообще вымолвить что-либо в ответ. Только в глубине своего сознания он попытался молча протестовать: «Но ведь то первое чудовище приближалось ко мне. Откуда мне было знать, с какими намерениями?»

— Существо утверждает, что на всех планетах, которые оно посетило, никто никогда раньше не убивал без предупреждения, не задав хотя бы одного вопроса.

Мэтлин с отчаянием в глазах посмотрел на жену. Он чувствовал себя побежденным, полностью уничтоженным. На какое-то мгновение он снова не мог поверить в реальность происходящего. «Я хочу только одного, — подумал он, — чтобы меня оставили в покое!»

Но эта мысль тут же оборвалась: он внезапно осознал, что все эти годы цеплялся за ложную истину: моя хата с краю, ничего не знаю.

И настолько умело он притворялся, впадая во внезапные вспышки гнева, что окружающие просто обменивались многозначительными взглядами между собой и умолкали, после чего никогда впоследствии не заводили разговор на эту тему. А он же с удовлетворением при этом думал: «Чертовы ублюдки! Им бы лучше заткнуться, — потом презрительно добавлял:

— хотя, ладно, пусть думают, что хотят».

Сейчас же он был единственным человеком, которого гость с другой планеты считал своим долгом убить…

Мэтлин опять увидел улыбку на лице Дэна Грея. Тот беспомощно развел в стороны руки.

— Ничем не могу помочь, Стив. Веришь ты мне или нет, но ты мне нравишься. Мне даже кажется, что я понимаю тебя. Но извините меня, Кора, по мне — так это случай подлинной справедливости. Ты заслужил то, что заслужил.

Мэтлин повернулся и вышел из комнаты. Он заметил, что Кора торопливо бросилась вслед за ним.

— Погоди, Стив, — сказала она. — У меня к тебе дело.

Мэтлин обернулся. Они были одни в коридоре. Он вдруг заметил, что она с трудом сдирает с пальца обручальное кольцо.

— Вот, — сказала она. — Мне следовало бы вернуть его тебе девятнадцать лет назад, но тогда мне это помешал сделать наш первенец.

Она разжала его пальцы, положила на ладонь кольцо и сжала затем его кулак.

— Теперь, Стив, ты свободный мужчина. После двадцати лет жизни самого эгоцентричного в

мире человека, поглощенного только самим собой, попробуй встретить свою судьбу тоже в одиночку.

Мэтлин хмуро посмотрел на кольцо, потом заметил:

— Ба! Подумаешь! Посмотри на меня — я такой же, как и все, типичный представитель человеческой расы. Просто я никогда не лукавил, вот и все.

Он сунул кольцо в карман.

— Я не выброшу его и верну тебе назад, когда ты придешь в лучшее расположение духа. Моя любовь к тебе никогда не была притворством.

Он повернулся и пошел к выходу.

Когда Мэтлин выходил из дома, подъехала какая-то машина. Из нее выбрался Грэхем и направился к автофургону, в который уже собирался было забраться Мэтлин.

— Я приехал поговорить с вами, — сказал Грэхем.

— Тогда поторопитесь!

— У меня для вас сразу три послания.

— Выкладывайте!

— Совершенно очевидно, — начал Грэхем, — что правительство Соединенных Штатов не позволит, чтобы его гражданина преднамеренно

и произвольно уничтожили. Ввиду этого, — более официальным тоном продолжал он, — все вооруженные силы страны выступят, если в том возникнет необходимость, на защиту Стива Мэтлина от инопланетянина.

Мэтлин посмотрел на него с непоколебимой враждебностью.

— Монстр способен воспроизвести любое оружие, которое есть у нас, так что ваши обещания — не более, чем пустые слова.

Грэхем тем же официальным тоном заметил, что военные власти учли эту способность существа воспроизвести сперва ружье, потом грузовик, после чего и вертолет.

Короткий смешок Мэтлина дал ясно понять, что, по его мнению, должны сделать генералы с такой информацией.

— Ладно, валяйте дальше, — грубо сказал он, — что там у вас за второе послание?

— Оно личное, — ответил Грэхем.

Он стремительно шагнул вперед, и его кулак угодил прямо в челюсть Мэтлина. Того отбросило к его машине, потом он соскользнул на землю, после чего приподнялся и остался сидеть, потирая челюсть и глядя на Грэхема. Затем спокойным тоном произнес:

— Похоже, все считают, что я получаю по заслугам. Наверное, это действительно так, поэтому отвечать я не буду. Ну, и в чем же суть последнего послания?

Грэхем, по всей видимости, ожидая, что тот бросится на него, отступил назад. При последних словах его хмурое настроение улучшилось. Он удивленно потряс головой и сказал:

— Стив, вы меня поражаете. А возможно, даже вызываете уважение.

Мэтлин ничего не ответил. Он просто сидел, положив локти на колени.

Через несколько секунд Грэхем продолжил:

— Как считают генералы, должна быть еще одна причина, по которой это существо хочет убить вас. Возможно, вам что-то известно. — Серые глаза Грэхема пристально разглядывали Мэтлина. — Может, вы что-то скрыли от властей?

Мэтлин покачал головой, но эти слова его заинтриговали. Он медленно поднялся, с хмурым видом размышляя, и стряхнул с себя пыль.

— Как полагают, — продолжал Грэхем, — способность чудовища к дубликации вещей основывается на чем-то вроде чувства восприятия, которым не располагают люди.

— Чего? — удивился Мэтлин, глаза его округли-

лись. — То есть вы намекаете на нечто такое, что есть у почтовых голубей, птиц, которые каждый год летают на юг, или лососевых, что возвращаются в тот водоемчик, где они родились?

— Существует мнение, — начал Грэхем, — что у вас возникла обратная связь с Бог знает чем, почему существо и хочет убить вас прежде, чем вам удастся передать кому бы то ни было то, что вам известно.

Мэтлин покачал головой.

— Да они все там поехали! Ничего-то мне не известно.

Грэхем чуть дольше задержал на нем взгляд. Потом, по всей видимости, удовлетворенный, сказал:

— Во всяком случае, военные власти считают, что они не могут рисковать с существом, которое угрожало убить гражданина Америки. Поэтому они намерены бросить атомную бомбу на этого монстра и сразу и навсегда покончить со всем этим делом.

Почему-то Мэтлин тут же почувствовал тревогу.

— Погодите, — с сомнением произнес он. — Предположим, он воспроизведет и бомбу? Тогда вполне возможно, что у него будет все самое тай-

ное наше оружие, а мы и знать об этом не будем!

Грэхем отреагировал сдержанно.

— О Стив, не стоит так волноваться. Бомба будет маленькой, но достаточной, чтобы распылить на атомы его космический корабль. Лично мне очень жаль, что приходится идти на такие методы в этом деле, но я не сомневаюсь в их эффективности. Когда бомба будет сброшена, то чудовищу ничего не останется воспроизводить, да его и вообще тогда на свете не будет.

— Все же лучше посоветовать им, — заметил Мэтлин, — чтобы они обождали с этой бомбой, пока все получше не обдумали.

Грэхем посмотрел на часы.

— Боюсь, что для этого уже нет времени, Стив. Потому что они считают, что у вас может быть нечто вроде телепатической связи с этим созданием. Я не стал вам говорить, но бомбу сбрасывают… как раз… в этот момент!

При этих словах раздался оглушительный, хотя и далекий грохот.

Инстинктивно они оба пригнулись. Потом выпрямились и поспешили взглянуть на ближайшие фермы, лежавшие дальше, за грядой низких холмов и рощицами деревьев. Из-за горизонта возник небольшой, но такой знакомый

зловещий гриб.

— Что ж, — сказал Грэхем, — вот и все. Очень жаль. Но существу не стоило угрожать вам смертью.

— А как насчет корабля второго? — спросил Мэтлин.

— Какого еще второго? — переспросил Грэхем.

Они обменялись этими репликами спонтанно. А потом уставились друг на друга.

Грэхем прервал молчание.

— О Господи! — вырвалось у него.

5.

В штаб-квартире заупрямились. В течение двух решающих дней категорически отвергалась даже сама идея возможности существования второго космического корабля.

Потом в конце третьего дня радар зафиксировал присутствие небольшого постороннего объекта высоко над базой «Н», откуда вылетал атомный бомбардировщик для уничтожения космолета, приземлившегося на островке.

Приближающемуся летательному аппарату немедленно отправили сигналы, но когда ответа не последовало, оператора охватила паника, и он включил тревогу на случай бомбардировки,

после чего бросился вниз по лестнице, ведущей в укрытие, расположенное глубоко под землей.

Благодаря столь поспешным действиям он оказался в числе восьмисот человек с быстрыми рефлексами, которым удалось уцелеть.

Спустя всего несколько секунд, когда оператор оказался в безопасном укрытии, атомная бомба уничтожила базу «Н».

Как раз в это время вертолет телевизионщиков, зависнув у островка над озером Мэтлина, снимал кратер, оставшийся после взрыва сброшенной туда бомбы. Вдруг откуда ни возьмись рядом оказался космический корабль и совершил бесшумную посадку на островок.

Вертолет предпочел не задерживаться. Телевизионщики успели снять лишь несколько кадров, да и то с дальнего плана.

Грэхем в поисках Мэтлина приехал к Коре.

Однако та лишь покачала головой.

— Стив сказал, что будет бродить по дорогам, пока со всем этим делом не будет покончено. Он сказал, что, по его мнению, лучше ему нигде не задерживаться, пока это существо занимается его поисками.

Ведь его фотографию показывали по телевидению.

Спустя четыре дня Грэхем допрашивал четверых мрачных молодых парней, пытавшихся схватить Мэтлина с целью передать его чудовищу.

— Если бы мы сделали это, — заявил один из них, говоря как бы за всех, — отдали монстру этого типа, который и заварил всю эту кашу, то все оставшиеся жители смогли бы вернуться к исполнению своих каждодневных обязанностей.

Они вышли гуськом, один на костылях, еще двое — с забинтованными руками, и все — в повязках, едва сдерживая стоны от полученных травм.

На следующий день Грэхем допрашивал двух человек, утверждавших, что они были свидетелями схватки на открытом пространстве шоссе между Мэтлином, ехавшим в своем автофургоне, и чудовищем, летящим на огромном реактивном самолете. У Мэтлина была базука, при помощи которой ему в конце концов удалось заставить чудовище признать поражение и удалиться.

Генерал Максвелл Дей, стоявший рядом с Грэхемом, подумал, что не Мэтлин ли ограбил склад боеприпасов Военно-Морских Сил? Там были похищены ракетная противотанковая установка и четверть тонны взрычатки. Не удержавшись,

он высказал свою мысль вслух.

Грэхем позвонил Коре.

— Я знакомлюсь с одним отчетом, — сказал он. — Как вы считаете, не мог ли Стив решиться на то, чтобы воспользоваться военным имуществом Военно-Морских Сил?

— Это оружие принадлежит народу США, правильно? — осторожно, в свою очередь, спросила Кора.

— Да.

— Ну тогда, я думаю, Стив мог решить, что он, как один из тех, кому принадлежит это вооружение, имеет право владеть им — не чувствуя за собой какой-либо особой вины — поскольку исправно платит налоги, к тому же учитывая его воинские заслуги во время Второй мировой войны.

Грэхем прикрыл трубку.

— Считаю, что у него могла возникнуть такая мысль.

Офицер Военно-Морских Сил протянул руку.

— Позвольте мне поговорить с ней, — сказал он. — Миссис Мэтлин?

— Да.

— Могу я задать вам несколько вопросов, касающихся вашего мужа?

— Да, задавайте.

— Знаете, миссис Мэтлин, мистер Грэхем, присутствующий здесь, весьма высокого о вас мнения, поэтому хорошенько подумайте над следующим вопросом: умен ли ваш муж?

Кора несколько секунд раздумывала, потом ответила:

— Я понимаю, чего вы хотите знать. В каких-то отношениях нельзя сказать, что он умен, но вот в других у него просто блестящий ум.

— Он храбрый человек?

— Если послушать его самого, то нет. Но, по-моему, вообще-то он мужественный человек. Мне кажется, чтобы это проявилось, требуется его заинтересовать и практически вовлечь в дело.

— Каково его мнение о генералах?

— Что они идиоты.

— Он честный, законопослушный человек?

— Ну-у-у, как сказать. Например, он взял с собой ружье в тот первый тень, надеясь, что ему удастся незаконно убить оленя.

— Я имею в виду, чтит ли он свои обязательства по долгам?

— Могу лишь процитировать в этой связи его самого: он бы не хотел доставить кому-либо удовольствие похваляться, что он его должник.

Генерал Дей улыбнулся.

— А теперь, миссис Мэтлин, ответьте, согласитесь ли вы на его возвращение к семейному очагу, если я присвою ему чин сержанта?

— А почему не капитана?

— Мне очень жаль, миссис Мэтлин, но если вы немного подумаете, то согласитесь со мной, что он никогда не унизится до того, чтобы принять это звание.

— О! Да мне и размышлять особо не надо. Вы правы! Да, я, возможно, и соглашусь принять его. Н-но-о, ведь он больше не служит в Военно-Морских Силах.

— Это мы уладим, миссис Мэтлин. До свидания.

Он повесил трубку.

Спустя час по телевидению, радио и в газетах было объявлено, что Мэтлина восстановили в рядах военнослужащих Военно-Морских Сил и что в этой связи он обязан явиться для прохождения службы в ближайший военный комиссариат.

Около полуночи реактивный самолет, на борту которого находился Грэхем с несколькими офицерами, совершил посадку на базе Военно-Морских Сил, где Мэтлин безропотно дожидался их. Они достали для него униформу рядового морского

пехотинца. Когда угрюмый, небритый мужчина без особого удовольствия натягивал ее, они набросились на него с вопросами. Их интересовала любая мысль, которая по какой-либо причине возникала даже на несколько мгновений в сознании Мэтлина.

— Но это же чистое безумие, — возражал Мэтлин. — Я не знаю ничего особенного… за исключением того, что эта тварь ищет меня.

— Мы уверены в обратном.

— Но столько всего…

— Рядовой Мэтлин! Это приказ!

Насупившись, но относясь к своим обязанностям предельно сознательно, Мэтлин повиновался. Он поведал им все мысли, что пришли ему в голову за последние несколько дней в связи с этим существом. А их было столько-столько… да еще и самые невероятные, безумные, отвратительные, что ему уже начало казаться, что он и сам сошел с ума. В его видениях ему представлялся дом на какой-то планете далекой звезды. Что он долгие-предолгие годы путешествует в космосе. Картина звездолета, сокрытого на острове, где воспроизводятся тысячи атомных бомб.

Его слушатели побледнели, однако Грэхем сказал ему:

— Продолжайте.

И он продолжил:

— Существует только одно существо, но оно привезло с собой целый ряд запасных тел и может вырастить и другие.

Потом Мэтлин замолчал.

— Проклятье, — проворчал он. — Не хочется мне говорить всю эту ерунду! Да и вообще, почему вы хотите слышать все это? Ведь это просто безумные сны.

Грэхем бросил взгляд на командующего офицера Военно-Морских Сил, потом на Мэтлина.

— Мэтлин, — начал он, — мы не думаем, что это вообще сны. Мы полагаем, что вы находитесь — каким-то непонятным образом — в телепатической связи с разумом этого существа. И нам необходимо знать, что оно замышляет… Поэтому, ради Бога, продолжайте!

В конце концов из различных кусочков была выложена стройная картина: инопланетянин прибыл в солнечную систему на двух кораблях, между которыми в равной степени был разделен груз с запасными телами, рассортированными по стадиям их естественного развития. Когда один корабль — со своим запасом тел — был впоследствии уничтожен, существо воспроизвело его

заново, и теперь у него снова два звездолета.

Каждое из уничтоженных тел было немедленно восстановлено и уже через два дня достигало полной взрослой стадии. Во всех этих новых телах имелась полная «память» о том, что случилось с предыдущим — именно туда при помощи соответствующей автоматической системы записи заносились данные обо всем, что с ними происходило.

По прибытии первое тело находилось в состоянии полной восприимчивости. Ему требовалось теперь лишь воспроизвести мысли и чувства жителя этой только что обнаруженной населенной планеты.

Стать таким, как они, думать, как они, знать их язык…

Существо находилось в беспомощном состоянии, с пустым нетронутым сознанием, когда случайно наткнулось на Стива Мэтлина.

Вот и вся история. Существо вобрало в себя личность Мэтлина.

— Стив, — начал Грэхем, — неужели ты так и не понял, что все эти убийственные мысли существо переняло у тебя?

Мэтлин растерянно захлопал глазами.

— Э-э?

Грэхем, вспомнив слова Коры насчет мужа, продолжил:

— У тебя есть хоть один друг, Стив? Кто-нибудь, кто нравился бы тебе? Где-нибудь?

Мэтлин не мог никого вспомнить. За исключением, конечно, Коры и ребятишек. Но его чувства к ним были смешанными. Она настояла на отправке трех старших детей в город на учебу в школе. Но он действительно испытывал к ней сильную привязанность, как и к детям, хотя и меньшую.

— Вот почему она до сих пор еще жива, — сдавленно сказал Грэхем. — Это объясняет, почему чудовище не убило ее в тот день, когда сожгло вашу ферму.

— Н-но-о… — запротестовал Мэтлин, — почему же оно уничтожило ферму?

— Вы ведь ненавидели это проклятое место, разве не так?

Мэтлин ничего не ответил. Он тысячу раз говорил это раньше.

— Как вы считаете, Стив, что нам следует сделать с половиной жителей этой страны?

— Полагаю, что нам вообще следовало бы стереть человеческую расу с лица Земли и начать все с нуля, — не задумываясь, ответил Мэтлин.

— А как, по-вашему, мы должны поступить с русскими?

— По мне, так нам следовало бы забросать атомными бомбами всю Азию.

Немного погодя Грэхем тихо спросил:

— А вам, Стив, не хотелось сменить настрой своих мыслей?

Мэтлин, закончив переодеваться, хмуро уставился в зеркало.

— Послушайте, — наконец произнес он, — вы приперли меня к стенке. Согласен: пусть мне пудрят мозги все эти чертовы генералы, задурившие себя какой-то идеей. Так что говорите, что вам от меня надо.

В тот же самый момент Нечто перестало лихорадочное воспроизводство атомных бомб… и стало самим собой.

Его принудительная мысленная связь с Мэтлином оборвалась.

Содрогнувшись, Нечто передало сообщение — через систему передатчика мгновенной связи, — которое принял приемник, находящийся на расстоянии в несколько световых лет.

— Все, чего мы опасались в случае приближения пустого разума к новой планете, наконец случилось со мной. Когда я находился в состо-

янии невероятной восприимчивости к любой мысли, мое первое тело было уничтожено двуногим жителем этой системы, существом с самыми невероятными мыслями, возникшими, судя по всему, в результате какого-то дурного обращения в прошлом. Эта неспособность освободиться от шокирующих впечатлений детства, похоже, является уникальным явлением для людей этой планеты.

Понимая, что я оказался в ловушке, оставаясь при этом все еще в живых, я предпринял несколько попыток убить его, закончившихся неудачно, потому что этот человек оказался неожиданно изворотливым. Но сейчас он носит костюм, называемый униформой, и это тотчас же превратило его в миролюбивого человека.

Вот таким способом я смог освободиться. Естественно, я еще способен чувствовать, где он находится, но больше он не может воспринимать мои мысли, как и я — его. Однако я должен сообщить, что на меня устроил облаву воздушный флот. Происшедшие события полностью разрушили мой образ благожелательного пришельца. Я ясно дал им понять, что не применю против них никакого оружия; поэтому, возможно, стоит прекратить эту экспедицию.

На разведку был выслан отряд астронавтов. Они, без помех поднявшись на борт второго корабля Нечто, доложили, что там находятся только четыре тела на разной стадии развития.

В то время как на околоземную орбиту выводили этот корабль, Мэтлина доставили на берег озера, где в его полное распоряжение предоставили правительственный катер, после чего Грэхем и генерал Дей наблюдали в бинокли, как Мэтлин, совсем не заботясь о возможном ущербе для своего судна ценой в тридцать тысяч долларов, мчится по направлению к острову.

— Мне кажется, он разобьет катер, — заметил Грэхем.

— Ну и отлично.

— Отлично?

— Вся моя теория насчет него разрушится, если он будет относиться к государственной собственности с тем же рвением и заботой, как и к своей. И меня радует, что он оказался именно таким, каким я его себе и представлял.

Мэтлин в это время подплыл к тому месту, где на дне воронки, созданной взрывом бомбы, лежал второй корабль инопланетянина. Вода просочилась сквозь глинистую породу. Действуя согласно полученным инструкциям, Мэтлин

проник в вязкую промоину. С высоко поднятой винтовкой и громко ругнувшись, он направился к входу.

6.

Грэхем, генерал Дей и майор артиллерии наблюдали за продвижением Мэтлина на экране портативного телевизора. Изображение передавалось из одного корабля, зависшего на высоте в семьдесят тысяч футов над островом. Сцена внизу была видна предельно ясно, и на ней Мэтлин — отражаясь через систему замечательных линз, — действительно выглядел крошечным человечком, шедшим вперед.

— Но зачем было вообще посылать кого-нибудь? — удивленно спросил Грэхем. — Почему бы просто не взорвать корабль? Вы ведь сами уже подчеркивали, что у нас достаточно сил и оружия там, — он указал на небо, — чтобы уничтожить его.

Генерал Дей объяснил, что теперь он принял прежнюю точку зрения Грэхема — что инопланетянин может оказаться в состоянии защитить себя.

— Но уже слишком поздно осторожничать, — заметил Грэхем. — Все мосты сожжены.

Как объяснил офицер Военно-Морских Сил, просто еще большей глупостью было бы провоцировать существо, пока не произошла стычка.

— Стычка между суперсуществом… и Мэтлином!

— А кого еще мы могли бы послать? Какого-нибудь беднягу? Нет, именно Мэтлин лучше всего подходит для этого дела. Ему будет не впервой увидеть облик инопланетянина, столкнуться с ним лицом к лицу.

— А почему было не послать вас? Меня?

Дей уверенным голосом ответил, что в данной ситуации принимать решения должны люди, которые не руководствуются, как они, прописными истинами и не связаны официальными рамками.

— А каким образом, по-вашему, я стал генералом? Если у меня возникают сомнения, то я прислушиваюсь к мнениям других людей. У них врожденная осторожность, которая превосходит интеллект.

Прилагая огромные усилия, Грэхем успокоился.

— Вы слышали мнение Мэтлина о человеческой расе… — начал он, но генерал Дей, бросив на него удивленный взгляд, перебил его:

— Вы хотите сказать, что не придерживаетесь этого мнения?

— Да, не придерживаюсь.

— И вы не считаете, что люди бывают совершенно невыносимыми?

— Ну, по-моему, они просто ужасны, — согласился Грэхем.

— Мой мальчик, ну вы загнули, — терпеливым тоном заметил генерал. — Я-то еще могу понять то, что у нас, морских пехотинцев, сложилось представление о поведении людей, превосходящее ваше, всех тех, кому промыли мозги. — Он умолк на несколько секунд. — Мэтлину крепко досталось во время Второй мировой войны.

— Что? — неуверенно произнес Грэхем.

— И вы еще спрашиваете, как нам со всем этим покончить? Вариантов множество. Видите ли, мистер Грэхем, вы должны понять, что настоящий морской пехотинец — сам себе король. Ну, а Мэтлин — того же типа, настоящий морской пехотинец в душе. Но с ним обращались в армии, как с обычным солдатом. Он так и не смог смириться с этим и двадцать лет он ожидал признания, лелеял эту мысль. А я наконец-то реализовал ее в действительности. Морской пехотинец, который действует, как король, мистер Грэхем, способен

вести целую войну, командовать городом или же вести переговоры с противником, словно представитель правительства. А морские пехотинцы, которые становятся генералами, рассматриваются, как одна из подверсий людей подобного типа. Все морские пехотинцы совершенно ясно понимают это. Мэтлину никогда не придет в голову проконсультироваться со мной, с вами или правительством Соединенных Штатов. Он сам оценит ситуацию, примет решение, а мне останется лишь прикрыть его.

Генерал повернулся к майору и отдал приказ:

— Отлично! Начинайте стрельбу!

— Стреляйте! — вскричал и Грэхем.

Дей терпеливо, словно ребенку, стал объяснять, что в столь критических обстоятельствах необходимо внушить этому особенному морскому пехотинцу забытую им со временем простую истину, что генералы всегда только портят все дело.

— Просто напомнить это, мистер Грэхем, вот и все.

…Когда первый снаряд взорвался слева от него, Мэтлин скользил по грязи, и его обдало облаком тонко распылившейся жижи. Второй снаряд ударил справа. Хотя ни один из осколков не по-

пал в него, Мэтлин пришел в ярость и не мог не заметить этого.

К тому времени, когда стрельба закончилась, гнев его исчез и он пребывал в том особенном состоянии сознания, которое можно описать только одним словом: морской пехотинец.

Человек, вскоре вошедший в корабль инопланетянина, знал наверняка, что жизнь — штука беспощадная, что никому из людей нельзя доверять, что всем на него наплевать. Именно такую правду он всегда отстаивал, испытывая при этом горечь, смешанную с гневом.

Но места для сомнений в его сознании больше не оставалось. Таковы уж люди. Они будут стрелять вам в спину, если не могут сделать это, стоя лицом к лицу.

Понимая это, вы можете вести себя с ними дружелюбно, пожимать им руки, наслаждаться их обществом — и не испытывать никакой потребности судить их или осуждать.

Но и днем, и ночью, вы поступаете по-своему, где бы ни находились.

Увидев существо, Мэтлин навел ружье, намереваясь использовать его для той цели, с которой взял его с собой. Однако затем он вполне осознанно бросил его, и ружье с грохотом упало на

металлический пол.

Когда эхо затихло, воцарилась тишина. Инопланетянин и человек застыли, уставившись друг на друга.

Мэтлин ждал.

Внезапно из динамика, скрытого где-то на потолке, донесся голос, услышать который он так надеялся:

— Я разговариваю с вами при помощи компьютера, переводящего мои мысли на ваш язык. То же самое он будет проделывать с вашей речью. Почему вас послали ко мне — именно того единственного человека, которого я обещал убить?

Нечто добавило:

— У меня больше нет намерений убивать вас. Поэтому можете говорить без всякой опаски.

— Мы никак не можем решить, как же нам поступить с вами, — неуверенно начал Мэтлин. — А что вы сами намерены делать?

— Я хочу покинуть планету. Вы можете устроить это?

Мэтлин был практичным человеком. «Способно ли существо улететь независимо от того, хотят того люди или нет? — задал он себе вопрос, и сам же ответил: — Нет!»

Этот простой отрицательный ответ слегка оза-

дачил Мэтлина.

— Так вы что, не захватили с собой никакого особенного оружия?

— Нет, — признался инопланетянин.

Этот ответ также удивил Мэтлина.

— Вы хотите мне сказать, что мы можем поступить с вами так, как сочтем нужным? И вы не сможете остановить нас?

— Да, за исключением…

Мэтлину очень хотелось узнать, что же это за исключение.

Огромные глаза удивленно моргнули, черные в складках веки на глазных яблоках, спрятанных в сложном мускульном узле, опускались и поднимались в особенном ритме. Такого Мэтлину не доводилось прежде видеть ни у одного живого существа.

— За исключением того, что действия, предпринимаемые с целью убить меня, не принесут вам никакой пользы.

— А ну-ка, выкладывайте, что вы под этим подразумеваете, — потребовал Мэтлин.

И, глядя на него, Нечто дало ему пояснения.

Катер Мэтлина был почти затоплен водой, когда ему наконец удалось причалить к берегу рядом с местом, где Грэхем и остальные дожида-

лись его возвращения.

Покинув катер, он приветствовал их. Генерал Дей тут же отсалютовал ему в ответ и сказал:

— Докладывайте.

— Я сказал ему, что он может спокойно улетать, — начал Мэтлин. — И сейчас он лишь дожидается моего сигнала.

— Что? — раздался пронзительный голос Грэхема. Казалось, он сам не верил тому, что слышал. — Но почему?

— А вот это уже не имеет никакого значения, — произнес генерал Дей. — Именно к этому все и шло. Так тому и быть. — Он сказал в микрофон: — Солдаты, через несколько минут корабль инопланетянина взлетит. Пусть улетает. В результате переговоров, которые вело должным образом уполномоченное лицо, было принято такое соглашение.

Для Мэтлина подобный стиль ведения разговора был не вполне ясен.

— Все в порядке? — спросил он обеспокоенно.

На мгновение Грэхему показалось, что генерал Дей колеблется. И он тут же нетерпеливо спросил:

— Но вы хоть попытаетесь узнать, что же заставило его согласиться на это?

Похоже, Дей пришел к какому-то решению. Его секундным колебаниям пришел конец.

— Да, все в порядке! — ответил он Мэтлину. — Действуйте, сержант.

Мэтлин поднял вверх свое ружье и выстрелил в воздух.

— Еще никогда в жизни я не проигрывал пари, поставив на морского пехотинца-аса, — сказал генерал Грэхему. — Надеюсь, что и сейчас не проиграю.

Обмен сигналами состоялся. Вдали, на острове, заработали бесшумные двигатели инопланетного корабля, приводимого в движение без всяких ракет и реакторов.

Пролетев над их головами, корабль начал набирать скорость, становясь все меньше и меньше, пока не превратился в крошечную точку и исчез.

На его борту инопланетное существо, с которым разговаривал Мэтлин, приступило к предварительным расчетам курса межзвездного путешествия, после чего возвратилось в одну из анабиозных кабинок. Вскоре оно находилось в состоянии сна…

И тогда произошло то, о чем поведало чудовище Мэтлину — та самая глубокая реальность, которая делала бесполезным, ненужным и даже

опасным уничтожение самого существа и его корабля.

На одной планете в нескольких десятках световых лет от Земли шевельнулось истинное Нечто, пробудилось и приподнялось со своего ложа.

МИССИЯ К ЗВЕЗДАМ

Пролог

Земной звездолет так быстро миновал лишенную планет звезду Гиссер, что система слежения метеорологической станции, расположенной на метеорите, просто не успела засечь его. Когда Дежурный осознал присутствие огромного корабля, тот уже был заметен на экране в виде полоски света. На самом же корабле, вероятно, системы оповещения сработали: движение яркой точки явно замедлилось, по всей видимости, корабль тормозил, описывая широкую дугу. И вот сейчас он медленно полз в обратном направлении, очевидно, пытаясь определить местонахождение небольшого объекта, вызвавшего помехи на энергетических экранах звездолета.

Когда он оказался в пределах видимости, его громадный корпус в сиянии далекого желто-белого солнца закрыл почти весь экран. Ничего столь огромных размеров никогда не появлялось вблизи Пятидесяти Солнц. Корабль выглядел исчадием ада, вынырнувшим из глубин космоса, чудовищем, явившимся из полумифического

мира, и, хотя он казался современным, в нем можно было признать имперский земной крейсер, описания которых сохранились в исторических хрониках. Ужасное пророчество предупреждало потомков, что настанет день и подобное чудовище явится.

Дежурный по станции знал, что теперь он должен сделать: послать предупреждающий сигнал, которого с тревогой ожидали уже несколько поколений людей, населяющих Пятьдесят Солнц, по подпространственной связи, чтобы невозможно было засечь направление, откуда он исходит, — после чего должен был убедиться, что ничего ценного на станции не осталось. После разрушения перегруженных атомных установок массивное строение, составлявшее спутник погоды, просто развалилось на части.

Дежурный не предпринимал попыток спастись. Его знания, его память не должны были попасть к врагу. Последовала короткая ослепляющая вспышка боли, когда тело распадалось на атомы, а затем наступила вечная темнота.

Леди Глория Лорр, первый капитан «Звездного скопления», не сопровождала экспедицию, высадившуюся на астероид, но внимательно следила за действиями людей на видеоэкране.

Уже с самых первых мгновений, когда приборы показали на своих экранах человеческую фигуру, находившуюся на спутнике погоды, она поняла всю исключительную важность этого открытия. Тут же ее сознание начало перебирать несколько вероятных вариантов.

Метеостанции означают межзвездные путешествия, а люди на них могли быть только потомками землян. Леди Глория Лорр представила, как это могло произойти: в незапамятные времена, когда люди еще не знали способа путешествовать в подпространстве, была отправлена экспедиция, а отсюда следовал вывод, что они вполне могли населить множество планет, и численность человеческих колоний здесь могла достичь большой отметки. «Это весьма обрадует Его величество», — подумала первый капитан.

Ее это тоже обрадовало. В радостном возбуждении она вызвала машинное отделение.

— Ваши умелые действия, капитан Глоун, — с теплотой в голосе сказала она, — когда вы быстро обхватили весь метеорит защитным барьером, заслуживают всяческой похвалы. Вы будете награждены.

Человек на видеоэкране поклонился.

— Благодарю вас, благородная леди. Думаю,

что нам удалось спасти электронные и атомные компоненты всей станции, но, к сожалению, из-за помех атомной энергии самой станции, насколько я понял, фотографическому отделу так и не удалось получить четкие снимки.

Леди Глория Лорр невесело улыбнулась и сказала:

— Достаточно того, что у нас есть этот человек, его матрицы, и поэтому мы можем обойтись и без снимков.

Она прервала связь, по-прежнему улыбаясь, и снова стала смотреть за тем, что происходило на метеорите.

Наблюдая за ослепительным сиянием, сопровождающим работу поглотителей энергии и материи, первый капитан подумала: «В зале метеостанции висела карта с отмеченными штормами». Она видела ее во время сканирования метеостанции S-лучами. Один из этих штормов выглядел довольно устрашающе. И было бы рискованно ее огромному звездолету лететь по неизвестной области с высокой скоростью, пока не будут точно определены границы этого шторма.

На мерцающем экране тогда перед ее взором предстал довольно красивый молодой человек.

Целеустремленный, смелый. С точки зрения примитивных вкусов даже, наверное, интересный. Первым делом, конечно, его следует подвергнуть психическому воздействию для получения нужной информации. Хотя и теперь ошибка могла бы привести к долгим и трудным поискам. Десятки лет могут пройти в скитаниях взад-вперед по этому району, ограниченному всего несколькими световыми годами: звездолет при этом не в состоянии будет развивать больших скоростей, да, к тому же, без точного метеорологического прогноза перемещаться даже на малых скоростях было бы небезопасно.

Она увидела, что люди покидают метеорит. Первый капитан решительно выключила внутренний коммутатор, произвела настройку оборудования и шагнула на приемную площадку нуль-Т-передатчика, после чего перенеслась в приемную комнату в полумиле от ее рубки.

К ней подошел офицер и отсалютовал. С мрачным видом он произнес:

— Я только что получил снимки из фотографического отдела. К сожалению, на карте есть пятно энергетического тумана. Я бы предложил сперва попытаться восстановить здание и то, что в нем находилось, оставив мужчину напоследок.

По-видимому, почувствовав ее несогласие с ним, он торопливо продолжил:

— В конце концов он не более чем обычная человеческая матрица. Его восстановление практически ничем не отличается от способа работы нуль-Т-передатчика, только немного посложнее. В обоих случаях происходит разложение составляющих элементов, которые потом необходимо вернуть в прежнее состояние.

— Но почему нужно оставлять его напоследок? — спросила первый капитан.

— По техническим причинам, связанным с большей сложностью неодушевленных предметов. Высокоорганизованная материя, насколько вы знаете, мало чем отличается от легкополучаемых углеводородных соединений.

— Ну хорошо. — Она не была так, как офицер, уверена в том, что этот молодой варвар с его знаниями, благодаря которым и была создана карта, представляет меньшую важность, чем сама карта. Но если они получат и то, и другое… Женщина кивнула, приняв решение. — Начинайте.

Она смотрела, как здание начинает формироваться внутри огромной приемной платформы. Затем при помощи антигравитационных крыльев оно было доставлено в самый центр гро-

мадного металлического пола. Из кабины, качая головой, вышел техник и провел ее с полудюжиной других посетителей по восстановленной метеостанции, указывая на недостатки.

— На карте указаны только двадцать семь солнц, — заметил он. — Это явно не все, даже учитывая то, что эти люди занимают совсем небольшой район космоса. Кроме того, обратите внимание на большое количество штормов, многие из которых находятся далеко за пределами местонахождения всех этих солнц. И…

Он умолк. Взгляд его сфокусировался на призрачной двери за машиной, находившейся в двадцати футах от него.

Взгляд женщины проследовал вслед за его взглядом. Там лежал человек, дергаясь в судорогах.

— А я думала, — произнесла первый капитан, — что мужчина-то останется напоследок.

— Наверное, мои помощники неправильно поняли, — извиняюще произнес ученый. — Они…

— Неважно, — оборвала его женщина. — Немедленно отправьте его в Центр психологии и передайте лейтенанту Неслору, что я вскоре буду там.

— Слушаюсь, благородная леди.

— Подождите! Передайте от меня привет главному метеорологу и попросите его спуститься сюда, пусть он изучит эту карту и на основе этого даст мне свои соображения насчет прокладки курса.

Повернувшись лицом ко всей группе, она рассмеялась, обнажая ровные белые зубы:

— Клянусь космосом, наконец-то появилась настоящая работа после десяти лет скучных монотонных исследований. Мы быстренько найдем норы эти прячущихся крыс и повытаскиваем их наружу!

Ее глаза горели от возбуждения.

Удивительное дело, но Дежурный по станции знал о том, что он жив, еще до того, как открыл глаза.

Почувствовав возвращение сознания, он инстинктивно начал делать деллианскую разминку мышц шеи и головы, дыхательные упражнения и гимнастику для тела и разума. Только когда он выполнил уже половину всей системы, в его мозгу вдруг мелькнула ужасающая мысль: «Я прихожу в сознание?!» Именно в тот момент, когда его мозг уже готов был взорваться от потрясения, вызванного этой мыслью, пришло понимание того, каким образом это произошло.

В результате его мысли потекли спокойным потоком. Он пристально посмотрел на женщину, которая сидела, откинувшись на спинку кресла, возле его кровати. У нее было красивое лицо с благородным овалом и величием, как-то не особенно подобающим для столь юной особы. Она внимательно рассматривала его сверкающими серыми глазами. Неподвижный взгляд женщины буквально парализовал сознание Дежурного.

Наконец у него мелькнула мысль: «Меня запрограммировали на спокойное пробуждение. Что же еще они сделали… узнали?»

Мысль эта начала разбухать в его сознании:

«ЧТО ЖЕ ЕЩЕ?..»

Он заметил, что женщина улыбается ему едва заметной снисходительной улыбкой. Это было словно прием тоника. Он еще больше успокоился, когда женщина произнесла мелодичным голосом:

— Не тревожься. То есть не слишком тревожься. Как тебя зовут?

Дежурный открыл было рот, но сразу же закрыл его и хмуро покачал головой. Его охватило желание сказать ей, что, ответив врагу даже на один вопрос, он разорвет мысленный запрет в своем сознании деллианца, после чего у него легко

будет получить всю остальную, не подлежащую разглашению, информацию.

Молодая женщина нахмурилась.

— Ты что, не желаешь отвечать даже на такой простой вопрос? Но ведь, сообщив свое имя, ты ничем не рискуешь!

«Свое имя, — повторил про себя Дежурный. — Потом придется отвечать, с какой я планеты, где в системе Гиссера она расположена, да еще дать информацию о надвигающихся штормах, и так далее. Этому не будет конца.

Чем дольше мне удастся отказывать этим людям в информации, которую они так желают от меня получить, тем больше времени будет у Пятидесяти Солнц, чтобы организовать защиту против самого огромного из всех летательных средств, которые когда-либо оказывались в этой части космоса».

Здесь его мысль оборвалась. Женщина встала, в глазах ее появился стальной блеск. В голосе зазвучали металлические нотки:

— Кто бы ты ни был, знай: ты находишься на борту имперского крейсера «Звездное скопление», и перед тобой его первый капитан леди Лорр. Знай также и то, что мы не отступимся, пока ты не сообщить нам курс, по которому наш

корабль без опасности выйдет на орбиту вокруг твоей центральной планеты.

Последовала пауза, потом она резким голосом продолжила:

— Я твердо убеждена, что вам уже известно, что Земля не признает отдельных правительств. Космос неделим. Вселенная не станет местом бесконечной борьбы отдельных суверенных наций за власть. Таков закон. Те, кто выступают против него, объявляются вне закона, преступниками, подлежащими любому наказанию, которое будет определено в каждом конкретном случае. Учти это предупреждение.

Не дожидаясь ответа, леди Лорр повернулась и направилась к выходу.

— Лейтенант Неслор, — произнесла она у выхода, снова обернувшись к Дежурному, — есть какие-нибудь успехи?

— Да, благородная леди, — ответил женский голос. — Я взяла интеграл на основании исследований Мьюира-Грейсона по колониальным народам, оказавшихся в изоляции от основного потока галактической жизни. Но подобных случаев длительной изоляции, кажется, в истории зарегистрировано не было, так что я решила предположить, что они миновали статический

период и вступили сейчас в период развития. Однако, мне кажется, нам следует начать с самого простого: несколько вынужденных ответов откроют его мозг для дальнейшего воздействия. Тем временем на основании скорости, с которой меняется его сопротивление воздействию нашей аппаратуры, мы сможем сделать важные выводы. Разрешите приступить?

Женщина, сидящая в кресле, кивнула. Из стены напротив Дежурного ударил луч света. Он попытался уклониться и тут только обнаружил, что его крепко держит в постели нечто невидимое, не являющееся ни веревкой, ни цепью, но столь же крепкое, как сталь, и столь же эластичное, как резина.

Больше он ни о чем не успел подумать: свет проник через глаза в его разум, хлестнул ослепляющей яростью. Сквозь него, казалось, прорывались какие-то голоса, они пели что-то в танцевальном ритме. Один голос произнес:

— Такой простой вопрос… конечно, почему бы мне не ответить… конечно, конечно, конечно… Я Дежурный с Гиссер. Родился на планете Кейдер III, родители — деллианцы. На Пятидесяти Солнцах семьдесят населенных планет общей численностью тридцать миллиардов человек. В

районе четыреста представляющих какую-либо опасность штормов, самый крупный из них на широте 473. Центральное Правительство располагается на блистательной планете Кассидор VII…

В ужасе от того, что он делает, Дежурный остановил хлынувший поток безудержных мыслей при помощи особого мыслительного приема, известного деллианцам, и прервал губительные откровения. Он знал, что больше никогда не поймается на этом… «Слишком поздно, — подумал он, — слишком поздно».

Женщина отнюдь не была в этом уверена. Выйдя из спальни, она вскоре оказалась в помещении, где лейтенант Неслор, дама средних лет, занималась приведением в порядок полученных данных.

Подняв взгляд, психолог сказала с удивлением в голосе:

— Благородная леди, его сопротивление в момент остановки работы аппарата достигло по IQ[1] отметки 800! Знаете, это совершенно невероятно, особенно учитывая тот факт, что он начал говорить при воздействии, по IQ 167,

---

[1] Примечания: 1

IQ — показатель интеллекта. (*Прим. перев.*).

что соответствует его внешним данным и что, как ты знаешь, является средним показателем. Наверное, за этим сопротивлением стоит система тренировки сознания. И мне кажется, ключ к разгадке подобного феномена — в упоминании им своих деллианских предков. Именно после того, как он произнес это слово, кривая диаграммы подскочила резко вверх. Все это очень серьезно и может надолго нас задержать… если только мы не собираемся разрушить его мозг.

Первый капитан покачала головой и сказала:

— Доложите мне обо всех дальнейших успехах.

По пути к нуль-Т-передатчику она задержалась, чтобы определить местонахождение крейсера. Легкая улыбка промелькнула на ее губах, когда она увидела на экране, как тень корабля вращается вокруг более светлых контуров солнца.

Бросила взгляд на часы. И тут ей в голову пришла мысль, от которой по спине пробежал холодок: «Возможно ли, чтобы одному человеку удалось остановить корабль, способный завоевать целую Галактику?»

Старший метеоролог корабля лейтенант Кэннонс поднялся с кресла, когда первый капитан направилась в его сторону через весь огромный зал, в котором все еще находилась метеостанция

Пятидесяти Солнц. Волосы у него уже поседели, что было неудивительно, ведь он, насколько помнила леди Лорр, был очень стар. Идя навстречу ему, она подумала: «В этих мужчинах, следящих за огромными космическими штормами, почти не ощущается пульса жизни. Возможно, это все из-за ощущения ими тщетности всего происходящего, безвременности. Наверное, штормы, которые лишь спустя столетия достигают полной своей мощи и силы, и люди, заносящие их в свои реестры, приобретают родственные черты».

В его голосе звучала неторопливая величавость, когда он грациозно поклонился ей и сказал:

— Первый капитан, достопочтенная Глория Сесили, леди Лорр из благородного рода Лорров, для меня большая честь, что вы почтили нас своим личным присутствием.

Она ответила на приветствие, потом прокрутила запись, сделанную на ленте. Прослушав ее, метеоролог нахмурил брови и наконец вымолвил:

— Широта бурь, которую он сообщил нам, для нас бесполезна. Эти невероятные существа разработали свою систему координат в Малом Магеллановом Облаке, не имеющей никакой видимой связи с магнитным центром всего Облака.

Вероятно, в качестве центра этой системы они выбрали какую-то звезду, относительно которой и построили всю пространственную географию.

Старик резко повернулся и, пройдя через всю метеостанцию, подошел к краю ямы, над которой висела восстановленная карта погоды.

— Эта карта совершенно бесполезна для нас, — коротко сказал он.

— Что?

Первый капитан видела, что он внимательно и задумчиво смотрит на нее своими голубыми глазами.

— Скажите мне, а что вы думаете об этой карте?

Женщина молчала, не испытывая особого желания высказывать свое мнение перед столь уверенно чувствующим в своей области специалистом. Потом она, нахмурив брови, произнесла:

— По-моему, все во многом так, как вы описывали, и обстоит на самом деле. Они создали собственную пространственную систему, и все, что нам нужно, это отыскать ключ к ней.

Оно закончила более уверенно:

— Как мне кажется, наша самая главная проблема — выбрать направление, куда двигаться, чтобы осмотреть окрестности найденного нами

метеоспутника. Если мы ошибемся, то это приведет к досадной задержке. К тому же остается еще главная помеха для быстрого перемещения в этом районе — вероятность нарваться на какую-нибудь бурю.

Первый капитан вопросительно посмотрела на метеоролога. И увидела, что он печально трясет головой.

— Боюсь, что все не так просто, — сказал он. — Эти яркие точки, изображающие солнечные светила, выглядят величиной с горошину из-за аберрации света, но при внимательном рассмотрении через метроскоп видно, что в диаметре они составляют только несколько молекул. Если такова их пропорция относительно солнц, то они представляют…

Первый капитан не раз бывала в самых различных критических ситуациях, благодаря чему научилась скрывать свои чувства от подчиненных. Вот и сейчас она стояла, внутренне ошеломленная, но внешне сохраняющая холодный задумчивый вид, являя собой само спокойствие. Наконец она произнесла:

— Вы имеете в виду, что каждое из этих солнц — их солнц — затеряно среди тысяч других звезд?

— Хуже, — ответил он. — Я бы сказал, что у

них одна населенная система на десять тысяч звезд. Нам никогда нельзя забывать, что Большое Магелланово Облако состоит из пятидесяти миллионов звезд. А это огромное число.

В конце старик спокойно добавил:

— Если желаете, я рассчитаю траектории полета ко всем ближайшим звездам, предусматривающие максимальные скорости корабля в десять световых дней в минуту. Возможно, нам повезет.

Женщина резко покачала головой.

— Одна система на десять тысяч. Не будьте идиотом! Так вышло, что я знаю законы вероятностей, которые применимы и к данному случаю. Итак, мы имеем один к десяти тысячам. Значит, в лучшем случае нам придется посетить двадцать пять тысяч звезд, если же не повезет — то от тридцати пяти до пятидесяти тысяч.

— Нет-нет, — ее прелестные губы сжались в хмурой улыбке, — мы не собираемся тратить пять сотен лет на поиски иголки в стоге сена. Я больше доверяю психологии, чем удаче. У нас есть пленник, который разбирается в этой карте, и нужно лишь немного подождать, прежде чем он в конце концов расколется.

Она направилась было к выходу, но внезапно

остановилась.

— А как насчет самого здания? — спросила она. — Говорит ли вам о чем-нибудь его конструкция?

Он кивнул.

— Старого типа, использовалась в Галактике пятнадцать тысяч лет назад.

— Никаких улучшений, изменений?

— Никаких, насколько я могу судить. Один наблюдатель, который и делает всю работу на метеостанции. Просто и примитивно.

Первый капитан несколько секунд простояла в задумчивости, покачивая головой, словно пытаясь прояснить голову от какого-то тумана.

— Это кажется удивительным. Ведь, несомненно, за пятнадцать тысяч лет они могли бы добавить что-нибудь свое. Правда, колонии обычно консервативны, но не до такой же степени!

Следующие три часа она занималась изучением обычных докладов, когда раздались сигналы астровизора. Пришли два сообщения.

Первое — из Центра психологии. В нем был всего один вопрос:

— Разрешено ли нам «вскрыть» разум пленника?

— Нет! — послала ответ первый капитан Лорр.

Прочитав второе послание, она бросила взгляд на табло орбит. Оно было испещрено орбитальными символами. Этот упрямый старик не подчинился ее приказу и стал рассчитывать курсы движения корабля.

Усмехнувшись, она прошла к табло и принялась изучать сверкающие линии, а потом отправила приказ в Отделение главных двигателей. Вскоре она наблюдала за тем, как ее огромный звездолет погружается в темноту ночи.

«В конце концов, — подумала она, — ведь можно одновременно гнаться за двумя зайцами. Контрапункт — это не только в музыке; еще раньше он появился в человеческих отношениях».

Первый день она рассматривала внешнюю планету, вращавшуюся вокруг светло-голубого солнца. Планета медленно плыла в темноте под кораблем — лишенная воздуха масса, состоящая из камня и металла, унылая и внушающая страх, как и любой метеорит, мир первозданных каньонов и гор, где никогда не было ничего живого.

S-лучи показывали на экранах только одни бесконечные скалы, никаких признаков движения ни в настоящем, ни в прошлом.

Было еще три других планеты, одна из них — теплый зеленеющий мир, где ветер колыхал

девственные леса, а по долинам бродили стада животных.

Но не было ни жилых строений, ни самого человека.

С хмурым видом женщина-капитан произнесла по внутренней связи:

— На какую глубину S-лучи могут проникнуть в почву планеты?

— На сто футов.

— А существуют ли какие-либо металлы, способные имитировать сто футов грунта?

— Да, несколько, благородная леди.

Разочарованная ответом, она прервала связь. В тот день звонков из Центра психологии не было.

На следующий день перед ее нетерпеливым взглядом появился красный гигант. Вокруг массивного родителя вращалось на своих огромных орбитах девяносто четыре планеты. На двух из них была жизнь, но только девственные леса и дикие животные были обнаружены на них — не тронутые ни рукою человеческой, ни металлом цивилизации.

Главный зоолог экспедиции сообщил интересный факт своим размеренным голосом:

— Процент животных соответствует среднестатистическим данным для миров, где нет

разумных существ.

— А не приходило ли вам в голову, — огрызнулась первый капитан, — что это, возможно, сознательная политика, целью которой является поддержание уровня численности животных на одном, высоком уровне, с законами, которые запрещают простую обработку почвы даже для собственных нужд?

Ответа она не стала дожидаться. Впрочем, его и не последовало. Промолчала и лейтенант Неслор, главный психолог.

Третья звезда находилась еще дальше. Леди Лорр увеличила скорость корабля до двадцати световых дней в минуту, о чем пожалела, когда корабль начало трясти во время небольшого шторма. Наверное, он был небольшим: едва начавшись, вибрация металла прекратилась.

— Пошли разговоры, — обратилась первый капитан к своим тридцати помощникам, собравшимся на совещание, — что мы должны вернуться в Галактику и просить отправить новую экспедицию на розыск этих запрятавшихся мошенников. Да еще какой-то малодушный член экипажа распространил слух, дошедший до моих ушей, что мы-де были по пути домой, когда обнаружили факт существования цивилизации

Пятидесяти Солнц, и за десять лет, проведенных в Облаке, заслужили право на отдых.

Ее серые глаза блестели, голос стал ледяным:

— Можете быть уверены, что поддерживающим подобные пораженческие настроения не придется лично докладывать о неудаче правительству Его величества. Поэтому позвольте мне ободрить павших духом и пессимистов, что, если потребуется, мы останемся в Облаке еще на десять лет. Передайте офицерам и членам экипажа, чтобы они были готовы к этому. Это все.

…Вернувшись на командирский мостик, она узнала, что до сих пор не поступило сообщения из Центра психологии. Набирая номер Центра, она еще чувствовала гнев и нетерпение, но постаралась взять себя в руки, когда на экране возникло лицо лейтенанта Неслор.

— Что случилось, лейтенант? — спросила первый капитан. — Я с волнением ожидаю новой информации от пленника.

Женщина-психолог покачала головой.

— Мне нечего доложить.

— Нечего?! — В голосе леди Лорр прозвучало удивление.

— Я дважды испрашивала разрешение, — последовал ответ, — на «вскрытие» его разума. Ты,

наверное, понимаешь, что нелегко решиться на такой ответственный шаг.

— О! — Первый капитан хорошо знала это, как знала и то, что многим по возвращении домой не понравится подобная мера, ее обвинят в насильственных действиях против отдельной личности. И теперь…

Психолог не позволила ей высказать свою мысль вслух:

— Я предприняла несколько попыток заставить его уснуть, делая упор на бесполезность сопротивления Земле и на то, что со временем все планеты Пятидесяти Солнц будут обнаружены. Но это только убедило его в том, что его прошлые признания не особенно нам помогли.

— Лейтенант, — к первому капитану вернулся дар речи, — нужно ли понимать это так, что тебе нечего предложить, кроме насилия? Нечего, да?

На экране астровизора изображение головы женщины-ученой закачалось в отрицательном жесте:

— Сопротивление, эквивалентное IQ 800 в мозгу с индексом 167,— это что-то новое для меня.

В голосе психолога сквозило неподдельное удивление.

— Я не могу понять этого,— пожаловалась

она. — У меня такое чувство, что мы что-то упустили, что-то очень важное. Вроде того, как мы совершенно случайно наталкиваемся на метеостанцию в системе из пятидесяти миллионов солнц, станцию, единственный дежурный которой тут же, вопреки всем законам самосохранения, покончил с собой, чтобы только не попасть нам в руки.

За пятнадцать тысяч лет не произошло никаких изменений или улучшений в старой модели метеостанции. И сам такой огромный промежуток времени, как и размер мозга указывают на то, что изменения должны были произойти. Да и имя человека, Дежурный, довольно типично для докосмической эры, когда на Земле людей называли по роду их занятия. Возможно даже, что сама звезда, за которой он ведет наблюдение, передается в его семье по наследству — от отца к сыну. В этом есть что-то гнетущее… что-то…

Психолог умолкла, помрачнев. Потом спросила:

— Что же ты предлагаешь?

Через минуту психолог кивнула.

— Понятно… Хорошо. Доставить его в одну из спален у капитанского мостика. И речи быть не может о том, чтобы кто-нибудь другой присмат-

ривал за ним — я сама сделаю все необходимое. До завтра.

Она спокойно сидела у экрана астровизора, глядя на изображение пленника. Дежурный лежал на кровати, почти не шевелясь, закрыв глаза, однако его лицо казалось странным и напряженным. «Он выглядит, — подумала леди Лорр, — как человек, обнаруживший, что впервые за четыре дня опутавшие его невидимые узы исчезли».

Стоявшая рядом с ней женщина-психолог прошептала:

— Он все еще сохраняет подозрительность и, вероятно, будет оставаться таким, пока ты немного не успокоишь его разум. Его мысли все более и более будут сосредоточиваться на одном: только он один способен уничтожить звездолет, и эта убежденность будет крепнуть в нем с каждой минутой. Он должен будет действовать, невзирая на риск, со всей беспощадной решимостью. Последние десять минут я воздействую на него таким образом, чтобы свести его сопротивление к минимуму. Через несколько секунд ты увидишь… Ах!

Дежурный стал подниматься с постели. Из-под простыни выскользнула одна нога, и уже через несколько секунд он оказался на ногах. Его движения были на удивление уверенными, в них

чувствовалась сила.

Несколько секунд он постоял — высокая фигура в серой пижаме. Он очевидно обдумал свои действия заранее: бросив быстрый взгляд на дверь, он прошел к встроенным в стену ящикам, слегка подергал их, после чего без малейших усилий принялся один за другим открывать их, ломая замки.

Вслед за лейтенантом Неслор челюсть отпала и у первого капитана.

— Боже милостивый! — вырвалось наконец у женщины-психолога. — Не спрашивайте у меня, каким образом ему удается взламывать эти металлические замки. Наверное, эту силу он получил в результате деллианской подготовки. Благородная леди…

Первый капитан взглянула на психолога — в голосе той сквозило беспокойство.

— Да?

— Как, по-вашему, при подобных обстоятельствах следует ли вам лично участвовать в операции по подчинению его разума? Он, очевидно, достаточно силен, чтобы справиться с любым находящимся на борту человеком…

Благородная леди Глория Сесили Лорр властным жестом оборвала ее:

— Я не могу рисковать тем, чтобы какой-нибудь идиот все испортил из-за собственной ошибки. Я приму обезболивающее. Скажи мне, когда настанет время войти к нему.

Входя в рубку на командном мостике, Дежурный ощущал холод и возбуждение. В одном из запертых ящиков он обнаружил свою одежду. Он не знал, что она находится там, но эти ящики привлекли его внимание. Сделав несколько предварительных упражнений из деллианской гимнастики для получения дополнительных сил, он принялся взламывать замки, которые легко поддались его рукам супермена.

Остановившись на пороге, он обежал взглядом все огромное куполообразное помещение. На мгновение его охватил страх, что он и его род обречены, но потом пришел прилив надежды. Ведь сейчас он свободен!

Эти люди не имеют ни малейшего представления, каково действительное положение дел. Наверное, на Земле давно забыли о величайшем из гениев Джозефе М. Делле. Конечно, его освобождение преследует какую-то цель, но…

«Смерть, — с яростью подумал он, — смерть им всем. Однажды они уже принесли смерть другим и могут стать снова убийцами».

Дежурный изучал ряды контрольных приборов, когда краем глаза увидел, как из ближней к нему стены в комнату вошла женщина.

Он переместил взгляд на нее и подумал с дикой радостью: «Командир корабля! Естественно, сейчас на меня направлено оружие для ее защиты, но откуда им знать, что я все эти дни только тем и занимался, что лихорадочно изыскивал способы, как заставить их пустить в ход оружие. Клянусь космосом, они не могут быть готовы, чтобы снова собрать меня по частям! Сам факт моего освобождения показывает, что ими движут психологические аспекты».

Не успел он и рта раскрыть, как женщина, улыбаясь, опередила его:

— Знаете, мне не следовало позволять вам исследовать эти устройства управления. Но мы решили в вашем случае применить другую тактику — вам предоставляется полная свобода передвижения по кораблю и возможность встречаться с членами экипажа. Мы хотим убедить вас… убедить вас…

Наверное, леди Лорр почувствовала что-то в его мрачной решимости. Она запнулась, встряхнула головой, не скрывая недовольства собой, после чего улыбнулась с более уверенным видом и

продолжила увещевающим тоном:

— Мы хотим, чтобы вы поняли, что мы не оборотни. Мы хотим покончить с вашими страхами, что мы-де чем-то угрожаем вашему народу.

Теперь, когда мы узнали о вашем существовании, вы должны понять, что обнаружение центра вашей цивилизации — всего лишь вопрос времени.

Земля больше не является жестокой метрополией. Мы требуем лишь минимума лояльности, да и то только к идее общей сплоченности и неделимости космоса. Также необходимо существование общих уголовных законов, обеспечение высокого минимального уровня заработной платы для рабочих. И еще — абсолютный запрет на ведение войн любого рода.

За исключением этого каждая планета или группа планет может выбрать собственную форму правления, вести торговлю с кем угодно, жить собственной жизнью. Конечно, во всем этом нет ничего настолько ужасного, чтобы оправдать ту нелепую попытку самоубийства, предпринятую вами, когда мы обнаружили метеостанцию.

Слушая ее, он думал: «Сначала я разобью ей голову. Для этого лучше всего схватить ее за ноги, а потом размозжить ей голову о метал-

лическую стену. Кости легко сломаются». При этом он добьется осуществления двух важных целей: во-первых, это ужасное зрелище послужит прекрасным предупреждением для остальных офицеров звездолета, а во-вторых, он вызовет на себя смертоносный огонь ее охранников.

Он сделал шаг в ее сторону, одновременно начиная слегка напрягать мускулы, разминаясь перед тем, как его тело нальется деллианской суперсилой.

— Вы как-то сказали, что ваш народ населяет Пятьдесят Солнц в этой районе космоса, — начала первый капитан. — Почему только пятьдесят? Ведь за двенадцать тысяч лет уровень населения вполне мог достигнуть двенадцати биллионов.

Дежурный сделал еще один шаг. Еще. Потом понял, что должен что-то ответить, если не хочет, чтобы в эти такие драгоценные секунды, пока он сантиметр за сантиметром подбирается к ней, у нее возникли подозрения. Он сказал:

— Две трети наших семей бездетны. Это очень прискорбно, но, видите ли, все дело в том, что у нас два типа людей. И поэтому когда заключается смешанный брак (чему обычно никто не препятствует), то…

Дежурный был почти рядом с женщиной, когда

она спросила:

— Вы хотите сказать, что произошла мутация и что от двух разных типов людей не может быть потомства?

Однако он не ответил на этот вопрос — он был всего в десяти футах от нее и тигриным прыжком бросился к ней.

Первый энергетический луч поразил его слишком низко, чтобы оказаться смертельным, но вызвал безумную обжигающую боль, тошноту и ужасную тяжесть во всем теле. Он услышал пронзительный вопль леди Лорр:

— Лейтенант Неслор, что ты делаешь?

В этот момент он уже схватил ее. Его пальцы крепко сжали руку, которой она пыталась защититься, и тут второй залп попал ему в грудь, по ребрам. Во рту появилась кровавая пена. Помимо его воли рука женщины начала выскальзывать из его пальцев. О космос, как же он жаждет забрать ее вместе с собой в царство смерти!

И снова женщина закричала:

— Лейтенант Неслор, ты что, спятила? Прекрати стрелять!

За миг до того, как третий луч со всей своей разрушительной силой обрушился на Дежурного, он успел со злорадством подумать: «Она по-преж-

нему ничего не подозревает. В отличие от кого-то — кто в самый последний момент осознал истину. Слишком поздно, — подумал он, — слишком поздно, вы, глупцы! Давайте ищите нас! Предупреждение уже отправлено, его получили, и у нас есть время спрятаться еще лучше. К тому же Пятьдесят Солнц разбросаны среди миллиона звезд, среди…»

Смерть прервала его мысль.

Женщина поднялась с пола. Голова кружилась. Она пыталась привести в порядок свои мысли и чувства. Словно в тумане, она увидела, как в комнату из нуль-Т-передатчика вывалилась лейтенант Неслор. Она остановилась возле мертвого тела Дежурного с Гиссера, потом бросилась к ней.

— С тобой все в порядке, моя дорогая? Было так сложно вести огонь, глядя с экрана астровизора, что…

— Сумасшедшая! — У первого капитана перехватило дыхание. — Ты что, не понимаешь, что тело невозможно реконструировать в случае, если будут уничтожены жизненно важные органы. Растворение или разложение не может осуществляться по частям. Нам придется возвращаться без…

Она замолчала, заметив, что психолог смотрит прямо на нее.

— Его намерение напасть на тебя, — начала лейтенант Неслор, — не вызывало сомнений. Все это случилось так неожиданно для меня — вопреки всем моим расчетам. Признаюсь честно, он совершенно не подходил под рамки человеческой психологии. В самый последний момент я вспомнила о Джозефе Делле и массовом истреблении деллианских суперменов, случившемся пятнадцать тысяч лет назад. Просто немыслимо, что кое-кто из них сумел избежать гибели, после чего выжившим удалось основать цивилизацию в этом отдаленном районе космоса. Теперь ты понимаешь: деллианец — Джозеф М. Делл — изобретатель идеального деллианского робота.

1.

Уличный громкоговоритель ожил, разнося резонирующий мужской голос:

— Внимание, граждане планет Пятидесяти Солнц! Вы слышите боевой земной крейсер «Звездное скопление». Через несколько секунд к вам обратится капитан Сесили Лорр из благородного рода Лорр.

Малтби, направлявшийся к вагончику фуни-

кулера, остановился, когда раздался голос из громкоговорителя. Другие люди тоже остановились.

Он впервые оказался на Ланте. Ее столица очаровала его своим сельским видом после перенаселенного Кассидора, где располагалась основная база Космического Флота Пятидесяти Солнц. Звездолет Ланта приземлился сутки назад, выполняя общий приказ командующего Флотом незамедлительно найти пристанище на какой-нибудь ближайшей населенной планете в связи с объявлением чрезвычайного положения.

И это было выполнено с неизбежно возникшей паникой. Из того, что он слышал в офицерской кают-компании, ему стало ясно, что что-то надо сделать с этим земным звездолетом, который сейчас передавал сообщение по всей радиотрансляционной сети планеты.

Мужской голос в динамике выразительно произнес:

— Сейчас к вам обратится леди Лорр.

Звонкий серебристый голосок главнокомандующей земного корабля был тверд:

— Люди Пятидесяти Солнц, мы знаем, где вы находитесь. В течение нескольких лет мой звездолет «Звездное скопление» занимался разведкой

и изучением Большого Магелланова Облака. Случайно мы проникла в район, где расположена одна из ваших метеорологических станций и захватили обслуживающего ее человека. Прежде чем он покончил с собой, мы узнали, что где-то в этом Облаке, состоящем из примерно ста миллионов звезд, находятся пятьдесят населенных звездных систем с семидесятью планетами, где живут люди.

И теперь наша цель — обнаружить вас, хотя на первый взгляд это может показаться невозможным. Определить местонахождение Пятидесяти Солнц, разбросанных среди ста миллионов звезд, кажется трудной задачей, если заниматься поисками чисто механически, последовательно. Однако у нас есть решение этой проблемы, механическое лишь частично.

Слушайте внимательно, люди Пятидесяти Солнц. Мы знаем, кто вы. Мы знаем, что вы — так называемые роботы деллианской и неделлианской Федерации, хотя на самом деле вы не совсем роботы, а гуманоидные существа из крови и плоти. И, просмотрев свои книги по истории, мы прочитали о дурацком восстании, случившемся пятьдесят тысяч лет назад, которое перепугало ваших предков, заставило их покинуть нашу Га-

лактику и искать спасение и безопасность далеко за пределами человеческой цивилизации.

Пятьдесят тысяч лет — очень большой срок. Люди изменились. Теперь больше невозможны неприятные инциденты, подобные тому, чему свидетелями были ваши предки. Я заявляю это для того, чтобы успокоить ваши страхи: вы должны вернуться в лоно цивилизации, которую покинули. Вы должны присоединиться к Земному Галактическому Союзу, члены которого обязаны выполнять лишь определенный минимум обязательных постановлений и создать коспоморты для посадки межзвездных кораблей.

Ввиду наличия у вас особых причин скрываться, вам предоставляется одна неделя звездного времени, чтобы сообщить нам местонахождение своих планет. В течение этого времени мы не будем предпринимать никаких действий. Но по истечении этого срока, если вы не сообщите нам необходимых сведений, за каждые последующие сутки звездного времени отсутствия контакта с нами вас будет ждать все более суровое наказание. А в том, что оно последует, можете не сомневаться. Мы найдем вас. И быстро!

Громкоговоритель умолк, как бы специально, чтобы позволить смыслу произнесенного дойти

до сознания каждого. Один человек неподалеку от Малтби сказал:

— Но ведь это всего лишь один корабль. Чего бы это нам опасаться его? Неужели она считает, что сможет найти нас?

Второй мужчина мрачно заметил:

— Это невозможно. Напоминает поиски иголки в стоге сена, только еще сложнее.

Малтби промолчал, хотя склонялся к этому мнению. Ему казалось, что в голосе капитана земного звездолета леди Лорр слышался самый показной оптимизм, который он когда-либо слышал в своей жизни.

Ее превосходительство Глория Сесили снова заговорила по радио:

— На всякий случай, если у нас могут быть расхождения во времяисчислении, я хочу вам сказать, что один звездный день составляет двадцать часов и сто минут ваших суток. В одной минуте сто секунд, а одна секунда равняется времени, за которое свет преодолевает расстояние в 100 тысяч миль. Наш день, таким образом, немного длиннее, чем это было в стародавние времена, когда минута состояла из шестидесяти секунд и скорость света равнялась 186,3 тысячи миль в секунду. Итак, вам дается одна неделя, начиная с

момента получения вами этого сообщения. В указанный день я снова свяжусь с вами по радио.

Последовала пауза. А потом голос мужчины, но не того, что представил женщину-капитана, произнес:

— Граждане Пятидесяти Солнц, вы прослушали сообщение, записанное на пленку и, полученное нами, Советом Пятидесяти Солнц, примерно час назад. Мы приняли решение передать его по радио, чтобы держать население в курсе всех событий, касающихся этой самой серьезной за все время опасности для нас.

Продолжайте заниматься своими делами и не сомневайтесь: будет сделано все, что в наших силах. По мере поступления новых сведений мы будем извещать вас о них.

На данный момент это все.

Малтби забрался в вагончик фуникулера, который снизился, когда он махнул рукой. Когда он уселся на свободное сиденье, к вагончику подошла какая-то женщина и села рядом с ним. Он почувствовал, как что-то пытается прощупать его мозг. Его глаза слегка расширились, но он не подал виду, что заметил мысленные прощупывания женщины-детектива.

Чуть погодя она произнесла:

— Вы слышали радиосообщение?

— Да.

— И что вы думаете по этому поводу?

— Главнокомандующая казалась очень уверенной.

— А вы обратили внимание, что она назвала всех нас, жителей Пятидесяти Солнц, роботами деллианской и неделлианской Федераций?

То, что она тоже заметила это, совсем не удивило Малтби. Людям Земли не было известно, что на планетах Пятидесяти Солнц сложилась и третья группа — от смешанных браков. В течение многих тысячелетий они были бесплодны, но в конце концов в результате того, что получило название системы «холодного давления», стало возможным рождение детей. И результатом этого явился так называемый «мул», имевший два сознания и обладавший как физической силой деллианцев, так и изобретательностью неделлианцев. Два разума, должным образом соединенные, могли взять контроль над любым человеческим существом, обладавшим только одним сознанием.

Малтби был мулом. Как и сидевшая рядом с ним женщина, что он сразу же понял, едва она только попыталась проникнуть в его мозг. Но между ни-

ми существовало отличие, заключавшееся в том, что у него был законный статус на пребывание на Ланте и других планетах Пятидесяти Солнц. У нее же этого права не было. Если ее поймают, то приговорят либо к пожизненному тюремному заключению, либо к смерти.

— Мы следили за вами, — сказала женщина, — чтобы связаться с вами, сразу же после того, как наши руководители узнали о сообщении земного корабля час назад. Что, по-вашему, мы должны предпринять?

Малтби помедлил с ответом. Ему трудно было принять свою роль наследственного вождя мулов, да к тому же он был капитаном Космического Флота Пятидесяти Солнц. Двадцать лет назад мулы попытались взять контроль над Пятьюдесятью Солнцами. Эта попытка завершилась полным провалом, в результате чего их объявили вне закона. Малтби, в то время маленький мальчик, был схвачен патрульными-деллианцами, и Флот дал ему образование, получив специальное разрешение на подобного рода эксперимент. Было признано, что необходимо решить проблему мулов. Были приложены особые усилия, чтобы сделать его лояльным гражданином Пятидесяти Солнц, и по прошествии длительного

промежутка времени стало ясно, что эти усилия завершились полным успехом. Но обучающие его преподаватели и в мыслях не могли предположить, что в их руках находится номинальный руководитель мулов.

И ввиду этого сознание Малтби раздиралось противоречием, которое до сих пор он не мог разрешить.

— В данный момент, — протянул Малтби, — мне кажется, что нам следует автоматически связаться с властями. Пусть позволят нам открыто выступить вместе с деллианцами и неделлианцами. В конце концов, мы ведь тоже жители Пятидесяти Солнц.

— Уже начал дискутироваться вопрос, а не можем ли мы приобрести какое-нибудь преимущество, сообщив координаты одной из планет.

На мгновение Малтби, несмотря на свою подготовку, испытал шок. Однако он понимал, что это означает. Ничто не стоит на месте, все меняется не по дням, а по часам. Он грустно передал мысль:

«Наверное, моему характеру и темпераменту чужды интриги».

Успокоившись, Малтби уже мог с большей объективностью рассматривать возникшую

проблему.

— Если Земля узнает местонахождение планет нашей цивилизации и признает наше правительство, никаких изменений не произойдет. Любые планы, которые у нас могли быть, чтобы извлечь для нас из нынешней ситуации какую-то выгоду…

Женщина — изящная блондинка — грустно улыбнулась, и в ее голубых глазах зажегся безумный огонь.

— Если мы отбросим их, то можем создать условия, при которых впоследствии получим равный статус. В сущности, это и является нашей главной целью.

— Да? — Малтби знал это лучше ее, но его эта цель не прельщала. — А мне кажется, что война, которую мы проиграли, велась ради других целей.

— Ну и что?.. — с вызовом бросила молодая женщина. — У кого больше права занимать руководящее положение? Мы ведь по своим способностям превосходим как деллианцев, так и неделлианцев. Насколько нам известно, мы — единственная раса сверхлюдей в Галактике. — Она специально сделала в этом месте паузу. — Существует еще одна большая возмож-

ность: землянам ничего не известно о мулах. Если мы воспользуемся преимуществом этого факта — в случае, если только многим из нас удастся проникнуть на борт их звездолета, — мы сможем захватить их новое всесокрушающее оружие. Вы понимаете это?

Малтби видел многие аспекты этой проблемы, включая и то, что в ее рассуждениях много желаемого выдавалось за действительность.

— Моя дорогая, — начал он, — мы небольшая группа. Наше восстание против Правительства Пятидесяти Солнц завершилось провалом, несмотря на его внезапность. Вполне возможно, что, будь у нас время, нам бы удалось добиться успеха. Но наши замыслы рассчитаны на большее число людей, что имеется в нашем распоряжении.

— Ханстон считает, что пора переходить к активным действиям — пока длится кризис.

— Ханстон! — непроизвольно воскликнул Малтби.

Потом он замолчал.

Рядом с такой яркой и решительной личностью, как Ханстон, Малтби ощущал себя почти полным ничтожеством. Его роль была непопулярной: сдерживать и держать под контролем неисто-

вые страсти молодых недисциплинированных людей. Через своих сторонников, главным образом, людей в возрасте свыше тридцати пяти, друзей его отца, он не мог делать ничего другого, как только проповедовать осторожность. Это оказалось неблагодарным делом. Ханстон не был среди первых руководителей мулов. Его динамичная программа действий импонировала молодежи, которая о прежней неудачной попытке знала лишь понаслышке. Они считали: «Старые руководители наделали ошибок. Мы же их не повторим».

Сам Малтби не горел желанием захватывать власть над Пятьюдесятью Солнцами. Уже много лет его мучил один и тот же вопрос: «Каким образом мне направить амбиции мулов в сторону меньшей воинственности?» До сих пор ему никак не удавалось найти приемлемый ответ. Твердым голосом, растягивая слова, Малтби продолжил:

— Перед нависшей над нами всеми опасностью нужно сплочение. Нравится нам этот факт или нет, но мы — жители Пятидесяти Солнц. Может быть, и следовало бы выдать месторасположение цивилизации Земле, но не нам решать эту проблему лишь спустя час после того, как представился такой случай. Передайте скрытым

городам, что я хочу, чтобы три дня проводилось открытое обсуждение данного вопроса, где всякий волен был бы высказывать свое мнение и критические замечания. На четвертый же день состоится голосование, где будет решаться вопрос: предавать или не предавать. Это все.

Краем глаза он заметил, что женщина отнюдь не рада его словам. Ее лицо внезапно помрачнело, выдавая скрываемое раздражение.

— Моя дорогая, — тихо сказал он, — ведь вы, несомненно, не собираетесь выступить против воли большинства?

И тут — по тому, как изменилось выражение ее лица, — он понял, что его слова вызвали появление в ее сознании старых сомнений в отношении демократических свобод. А ведь благодаря тому, что по всем важнейшим вопросам Совет мулов (который возглавлял он, Малтби) обращался непосредственно к обществу, заключалась его популярность и умение контролировать всех этих людей. Время доказало, что плебисциты пробуждают в людях консерватизм. Во время плебисцита становились осторожными даже те, кто за несколько месяцев до этого гневно высказывался за решительные меры. Множество опасных политических бурь мирно кончались в

избирательных урнах.

Молчавшая женщина вдруг произнесла, растягивая слова:

— За четыре дня, возможно, какая-нибудь другая группа решит совершить предательство. В результате мы потеряем свое преимущество. Ханстон считает, что во время кризиса правительство будет действовать без промедления. А уж потом можно будет спросить народ, пошли ли эти действия на благо.

Но вот на эти ее слова Малтби нашел ответ:

— Сейчас решается судьба всей цивилизации. Может ли один человек или небольшая группа подвергнуть опасности сперва несколько сот тысяч человек собственного народа, а потом и шестнадцать миллиардов жителей Пятидесяти Солнц? Я думаю, что нет. Ну, вот и моя остановка. Мне пора выходить. Желаю удачи.

Он поднялся и вскоре спрыгнул на землю. Не оглядываясь, он направился к блестевшей сталью ограде, за которой находилась одна из небольших баз Вооруженных Сил Пятидесяти Солнц, созданных для защиты планеты Лант.

Хмурый охранник у ворот проверил его документы и сказал официальным тоном:

— Капитан, мне приказано доставить вас в зда-

ние Конгресса. Там сейчас совместное заседание местного правительства и высшего военного командования. Вы пойдете добровольно?

— Конечно, — без промедления ответил Малтби.

Спустя минуту он уже находился на борту вертолета ВС, направлявшегося через весь город.

Малтби сразу же понял, что пути для отступления еще имелись: в случае чего он без труда мог проникнуть в сознание как охранника, так и пилота и подчинить их себе.

Однако он решил пока ничего не предпринимать. По правде говоря, пока что члены правительства ничем не угрожали ему, капитану Питеру Малтби, кроме того, он надеялся что-нибудь узнать.

Небольшой вертолет приземлился во дворе между двумя заросшими плющом зданиями. По широкому, ярко освещенному коридору Малтби провели в помещение, где за круглым столом сидело около двадцати человек. О его прибытии, по-видимому, сообщили: никто не разговаривал, когда он вошел в комнату. Он быстро пробежал взглядом по лицам людей, повернувшихся в его сторону. С двумя он был лично знаком — высшие чины флота. Они кивком поздоровались с ним. В

ответ он тоже кивнул.

С остальными же присутствующими, включая четырех военных, он никогда прежде не встречался. Он узнал несколько человек из местного правительства и местных высших военных чинов. Было легко определить, где деллианец, а где неделлианец: первые были стройными, красивыми, крепкими на вид людьми; последние же различались даже между собой. Во главе стола сидел коротышка-неделлианец. Он встал, и Малтби тут же узнал его по фотографиям: это был Эндрю Крейг, министр местного правительства.

— Господа, — начал Крейг. — Будем откровенны с капитаном Малтби.

Потом он обратился к вновь прибывшему:

— Капитан, здесь много говорилось об угрозе со стороны так называемого земного крейсера, выступление командира-женщины которого вы, должно быть, слышали совсем недавно.

Малтби кивнул.

— Да, я слышал его.

— Хорошо. Ситуация такова: в основном уже решено, что мы не откроем себя этому незваному гостю, какими бы посулами он не пытался нас увещевать. Кое-кто считает, что теперь, когда Земля добралась до Большого Магелланова Об-

лака, нас, рано или поздно, обнаружат. Однако на это могут потребоваться тысячи лет. Наша позиция такова: держаться всем вместе и не идти на контакты. В течение следующих десяти лет — увы, на это потребуется много времени — мы сможем отправить экспедицию к главной Галактике и узнать, что же происходит там. После чего мы и примем окончательное решение, устанавливать отношения с Землей или нет. Вы понимаете, что это вполне разумно?

Он замолчал и вопросительно посмотрел на Малтби. Что-то в нем выдавало серьезную обеспокоенность. Малтби ответил ровным тоном:

— Не сомневаюсь в этом.

Несколько человек облегченно вздохнули.

— Однако, — продолжал Малтби, — разве можете вы быть уверены, что какая-нибудь группа или планета не выдаст нашего местонахождения земному кораблю? У разных людей и разных планет свои намерения и интересы.

— Да, — ответил коротышка, — мы вполне осознаем и эту возможность. Вот поэтому-то мы и пригласили вас на эту встречу.

Малтби отнюдь не был уверен, что его появление здесь было именно приглашением, но промолчал.

— К настоящему времени, — продолжал коротышка, — мы уже связались со всеми правительствами Пятидесяти Солнц. Они единогласны в том, что необходимо скрываться от землян. Но все они в равной степени осознают, что если только нам не удастся договориться с мулами и они попытаются воспользоваться предоставившимися в этой ситуации возможностями для мятежа, то весь наш союз окажется не более, чем видимостью.

В течение нескольких минут Малтби размышлял над тем, что же происходит. И теперь понял: кризис возник в отношениях между мулами и народом Пятидесяти Солнц. И вдобавок, он ясно осознавал смятение внутри самого себя. Он сказал:

— Господа, я так понимаю, что мне делают предложение стать посредником в отношениях с мулами. А поскольку я — капитан Вооруженных Сил Пятидесяти Солнц, то любой подобный контакт сразу же ставит меня в довольно щекотливое положение.

Вице-адмирал Дрихан, командир крейсера «Атмион», на котором Малтби исполнял обязанности помощника астронавигатора и главного метеоролога, громко произнес:

— Капитан, вы смело можете принять любое предложение, которое сделают вам здесь. Не бойтесь того, что мы не оцениваем надлежащим образом всю сложность вашего положения.

— Я бы хотел, — сказал Малтби, — чтобы все было запротоколировано.

Крейг кивнул стенографисткам.

— Пожалуйста, записывайте! — приказал он.

— Начинайте, — сказал Малтби.

— Как вы уже догадались, — продолжил Крейг, — мы хотим, чтобы вы передали наше предложение… — Он замолчал на несколько секунд, слегка помрачнев, очевидно, не испытывая особого желания произносить слово, которое придало бы ауру легитимности объявленной вне закона группе населения, — Совету мулов. Мы полагаем, у вас есть возможность установить подобный контакт.

— Несколько лет назад, — подтвердил Малтби, — я сообщил своему командиру, что со мной встречались эмиссары мулов. На каждой из планет Пятидесяти Солнц имеются постоянные средства связи между ними. В то время было решено не показывать, что нам известно об их существовании, поскольку они тогда ушли бы в глубокое подполье, а я бы был лишен информа-

ции о месте их новой дислокации.

На самом же деле это решение — что он должен сообщить Вооруженным Силам Пятидесяти Солнц о существовании таких агентств — было принято посредством плебисцита среди мулов. Посчитали, что этот контакт будет вызывать подозрение и поэтому о нем лучше всего сообщить самим. Правительство Пятидесяти Солнц вряд ли тщательно будет следить за деятельностью этих агентств, за исключением возникновения исключительных обстоятельств. Тогда это решение казалось вполне разумным. Но вот сейчас-то и наступили эти исключительные обстоятельства.

— Откровенно говоря, — начал коротышка, — наше мнение таково, что мулы, по всей видимости, оценивают сложившуюся ситуацию как благоприятную для них, когда можно выдвигать условия для заключения сделки с позиции силы. — Он имел в виду политический шантаж, хотя, впрочем, достаточно было и такого весьма примечательного комментария. — Я уполномочен, — продолжал Крейг, — предложить ограниченные гражданские права, доступ на некоторые планеты, возможность со временем жить в городах. Кроме того, весь комплекс вопросов юридических и политических прав будет

пересматриваться раз в десять лет и, в зависимости от поведения мулов за эти десять лет, круг привилегий будет расширяться.

Крейг замолчал, и Малтби заметил, что все смотрят на него с напряженным вниманием и нетерпением. Кто-то из деллианских политиков спросил у него:

— Что вы думаете об этом?

Малтби вздохнул. Раньше, когда еще не было никакого земного крейсера, это предложение показалось бы замечательным. Это был классический пример уступки, на которую власти были вынуждены пойти после того, как утратили контроль над всей ситуацией. Что он тут же отметил, но не агрессивным тоном, а со всей прямотой и откровенностью. По крайней мере, ему так казалось. Зная же амбиции определенных группировок среди мулов, он понимал всю опасность дальнейших уступок и для них самих, и для их миролюбивых соседей. Учитывая прошлое, ограничения и испытательный период были просто неизбежны. Поэтому он собирался поддержать эти предложения, хотя сознавал, что при подобных обстоятельствах добиться этого будет непросто. Он спокойно высказал свои соображения и закончил:

— Нужно просто запастись терпением.

Вслед за этим наступила тишина. Потом неделлианец с суровым лицом резко сказал:

— А по-моему, мы просто зря тратим время, начав эту трусливую игру. Хотя на Пятидесяти Солнцах царствует мир уже в течение долгого времени, в нашем распоряжении еще находятся более ста действующих крейсеров, не считая множества более мелких кораблей. И где-то в космосе нам противостоит всего один земной корабль. Предлагаю направить против него наш флот, чтобы покончить с ним! Таким образом не останется никого, кому было бы известно о нашем существовании. Пройдет десять тысяч лет прежде, чем нас вновь таким же случайным образом обнаружат.

— Мы уже обсуждали это предложение, — возразил вице-адмирал Дрихан. — Причина, по которой мы не можем пойти на это, очень проста: возможно, землянам известны новые типы оружия, с помощью которого они могут нас победить. Мы не можем рисковать.

— Мне наплевать, какое оружие может быть на борту единственного звездолета, — категорически заявил тот же самый неделлианец. — Если флот сделает свое дело, то все наши проблемы бу-

дут разрешены одним решительным действием.

— Это крайнее средство, — обрывисто произнес Крейг. Он снова повернулся лицом к Малтби. — Можете сказать мулам, что если они отклонят наше предложение, то мы вынуждены будем направить против пришельцев с Земли наш военный флот. Другими словами, если они станут на путь предательства, то кто знает, выиграют ли они от этого хоть что-нибудь. Можете идти, капитан.

2.

На командном мостике, усевшись за пульт наружного наблюдения и уставившись взглядом в многоплановый иллюминатор-телескоп, досточтимая Глория Сесилия, леди Лорр из благородных Лорров, обдумывала сложившуюся ситуацию.

За иллюминатором, настроенным на полную резкость, тут и там сверкали звезды. Увеличение было снято, так что лишь несколько из них мерцали и своими размытыми очертаниями указывали направления звездных скоплений. Самое большое туманное пятно находилось слева — главная Галактика, в которой Земля была далекой планетой невзрачного солнца, песчинкой

в космической пустыне.

В своей задумчивости Глория почти не замечала экрана перед собой. За годы чернота космоса, в котором менялись лишь расположение и форма созвездий, порядком приелись ей. И сейчас она смотрела на них с каким-то отрешением, словно пытаясь решить какую-то проблему. Наконец улыбнувшись, будто решившись на что-то, она нажала на кнопку. На экране перед ней возникло лицо мужчины. Она без предисловий холодно обратилась к нему:

— До меня дошли слухи, капитан, что наше решение о продлении нашего пребывания в Большом Магеллановом Облаке вызвало недовольство у некоторых членов экипажа.

Капитан некоторое время раздумывал, прежде чем осторожно ответил:

— Леди, я должен признать, что ваши планы поисков местной цивилизации не были встречены командой с особым восторгом.

Она отметила, как он изменил ее формулировку «наше решение» на «ваши планы».

— Безусловно, — продолжал он, — я не могу говорить от имени всех тридцати тысяч членов экипажа.

— Конечно, — признала Глория с иронией в

голосе.

Офицер, казалось, ее не заметил.

— Я считаю, что вопрос о задержке экспедиции следовало бы вынести на общее голосование.

— Вздор! Разумеется, проголосуют за возвращение домой. Десять лет, проведенные в космосе, слишком размягчили экипаж. Куриные мозги и отсутствие всяких целей впереди! Капитан… — Голос ее смягчился, глаза засверкали, — в ваших словах и поведении я заметила некоторую солидарность с этим… этим простительным детям инстинктом. Вспомните сами, старейший принцип космических законов утверждает: «Кто-то обязательно должен сохранять твердость духа, чтобы идти дальше». Офицеры потому так тщательно и подбираются, что они не должны поддаваться слепому стремлению домой. Известно также, что люди, которые ему поддаются и возвращаются домой, недолго задерживаются в родных пенатах и вскоре отправляются в новую экспедицию. Мы слишком далеко оказались от изведанного космоса, чтобы позволить себе роскошь забыть о дисциплине.

— Я знаю эти аргументы, — спокойно заметил офицер.

— Рада слышать это признание, — язвитель-

но произнесла первый капитан и решительно прервала разговор. Затем вызвала Отдел астронавигации. На вызов ответил молодой офицер.

— Нужно срочно сделать расчет ряда орбит, по которым мы могли бы пересечь Магеллановo Облако за возможно короткое время, при этом не удаляясь от каждого солнца системы за границы пятисот световых лет.

Глаза молодого лейтенанта широко раскрылись. Он едва слышно пролепетал:

— Ваша милость! Это самое необычное распоряжение, которое я получал за свою короткую службу. Звездное скопление, в котором мы находимся, имеет в поперечнике шесть тысяч световых лет. На какую скорость следует нам рассчитывать, имея в виду тот факт, что нам абсолютно не известна штормовая обстановка в данном районе?

Реакция этого юноши смутила Глорию, на несколько секунд она заколебалась. Она мало себе представляла всю огромность пространства, которое намеревалась обследовать.

— Полагаю, — она отбросила прочь все сомнения, — что штормы в этой области галактики задержат наше продвижение не более чем на один световой год за каждые тридцать минут

полета. Пусть главный астронавигатор доложит мне лично, когда орбиты будут рассчитаны.

— Будет исполнено, ваша милость, — ответил молодой офицер с безнадежностью в голосе.

Она отключила связь, снова села, пробежалась по клавишам иллюминатора, превратив его в зеркало, после чего принялась разглядывать свое отражение: симпатичную худощавую женщину тридцати пяти лет с суровыми чертами лица. Отражение улыбалось с некоторой ироничностью: она была удовлетворена своими действиями. Слух об ее решении будет разнесен по кораблю. Люди начнут понимать, что она задумала. Сначала будет отчаяние, потом наступят смирение и понимание. Что сделано, то сделано, и уверенность, что правительства Пятидесяти Солнц ни за что не капитулируют без особых причин и не выдадут местонахождения даже одной из своих планет, крепла в ней.

Возбуждение ее спало, пока она завтракала на своем командном посту. Борьба за судьбу корабля была неизбежной, и первый капитан понимала, что ей нужно быть готовой к любому повороту событий. Три раза, пока она завтракала, с ней пытались связаться, но она игнорировала звонки. Автоматический сигнал «Занято» свидетельство-

вал о том, что она была в рубке, но без особой срочности ее лучше было бы не тревожить. Каждый звонок вскоре прекращался.

После завтрака она легла отдохнуть и поразмыслить. Но быстро встала, подошла к нуль-Т-передатчику, настроила аппарат и очутилась в Центре психологии в полумиле от своего командного поста.

Лейтенант Неслор, главный психолог корабля, вышла из соседней комнаты поприветствовать первого капитана. Леди Лорр рассказала ей о своих заботах.

— Я так и думала, что ты захочешь повидаться со мной. Если подождешь минутку, я передам пациента своему помощнику и мы тогда сможем поговорить.

Когда она вернулась, леди Лорр поинтересовалась:

— Много у вас пациентов?

Серые глаза более старшей по возрасту женщины внимательно изучали ее.

— Мой персонал проводит до восьмисот часов терапии еженедельно.

— С вашим оборудованием это просто невероятно.

— Уже несколько лет число пациентов неуклон-

но растет, — согласилась лейтенант Неслор.

Леди Глория пожала плечами и хотела было сменить тему разговора, но вдруг ее заинтересовал один вопрос.

— А что их беспокоит? Ностальгия?

— Пожалуй, это слово может быть верным, хотя у нас есть для этого специальная терминология. — Лейтенант на секунду запнулась. — Прошу тебя, не суди их слишком строго. У людей, чья работа слишком монотонна, жизнь не имеет больших прелестей. Корабль большой, а средств для выражения своих индивидуальных способностей и склонностей не так уж много.

Благородная Сесили Глория открыла было рот, чтобы заметить, что и ее работа не отличается особым разнообразием, но вовремя спохватилась, поняв, что ее замечание будет отдавать фальшью.

— Не понимаю. На борту корабля есть все. Равное число мужчин и женщин, занятия на любой вкус, а уж развлечений хватит не на одну жизнь. Можешь гулять под сенью живых деревьев вдоль берегов никогда не пересыхающих ручьев. Можешь вступать в брак, а потом развестись, хотя, разумеется, детей заводить не разрешается. Полно веселых холостяков и незамужних девиц. У

каждого своя каюта и всем известно, что деньги на их земных счетах ежемесячно возрастают на приличную сумму, так что после экспедиции их ждет на Земле спокойная жизнь. — Она нахмурилась. — И потом, открытие цивилизации Пятидесяти Солнц и их поиски сулят много интересного!

Старшая женщина слабо улыбнулась.

— Глория, дорогая, не будь такой наивной. Подобные мысли хороши для меня, тебя, учитывая нашу личную заинтересованность и наше положение. Сама я жажду узнать, как те люди думают и живут. Я изучила историю так называемых деллианских и неделлианских роботов и вижу здесь неограниченные возможности — для себя, но не для человека, который каждый день готовит для меня еду.

На лице первого капитана появилось прежнее решительное выражение.

— Боюсь, что твоему повару придется с этим смириться. У меня же двойная проблема: как контролировать ситуацию на корабле и как отыскать Пятьдесят Солнц. Да, последовательность именно такая, как я сказала.

Разговор их длился еще довольно долго. Наконец леди Лорр вернулась в свою каюту, примы-

кавшую к капитанскому мостику. Теперь она была твердо убеждена, что решение обеих проблем заключено в области психологии.

Неделя перемирия пролетела быстро и без каких-либо событий.

Как только истекли последние сутки, первый капитан собрала Совет капитанов, состоящий из начальников отделов своего гигантского корабля. Как она и предполагала, уже первые ее слова вызвали бурную реакцию у офицеров, подавляющее большинство которых составляли мужчины.

— Леди и джентльмены, — начала она. — Я считаю, что мы должны оставаться здесь до тех пор, пока не найдем эту цивилизацию, даже если на это потребуется еще десять лет.

Капитаны переглянулись между собой и беспокойно задвигались. Совет состоял из тридцати офицеров, из них четыре были женщинами.

Досточтимая Глория Сесили леди Лорр из благородного рода Лорров продолжила:

— Учитывая принятое решение, нам нужно подумать о долгосрочной стратегии. Какие будут предложения процедурного порядка?

— Я категорически возражаю против поисков, — первым высказался капитан Уэлисс, начальник летного состава.

Глаза первого капитана сузились. По выражению лиц остальных она могла предположить, что он выражает мнение большинства присутствующих. Но к этому она была готова.

— Капитан, — стараясь говорить спокойным голосом, проворковала она, — ведь имеется процедура смещения старших офицеров с их постов. Не кажется ли вам, что можно было бы прибегнуть к ней?

Капитан Уэллис побледнел:

— Прекрасно, ваша милость. Я обращаюсь к статье под номером четыреста девяноста два нашего Устава.

Хоть она и ожидала этого, но все-таки столь быстрое противодействие привело ее в некоторое замешательство. Она была знакома с этой статьей, поскольку в ней говорилось об ограничениях ее власти. Невозможно знать все предписания, описывающие в мелочах подробности контроля над персоналом, но знала, что каждый хорошо ориентируется в предписаниях, касающихся его самого. «Когда речь заходит о собственных правах, любой из них становится специалистом в космической юриспруденции», — с горечью подумала Глория.

С побледневшим лицом слушала она, как капи-

тан Уэлисс быстро и четко выстреливает из себя слова Устава:

— Ограничения… обстоятельства оправдывают собравшихся на Совет капитанов… большинством… две трети… первоначальная цель экспедиции…

Насколько ей не изменяла память, впервые команда корабля готова была взбунтоваться против своего капитана. Да, крейсер «Звездное скопление» был направлен в картографическую экспедицию. Верно, задание выполнено. Ладно, настаивая на изменении цели полета, она оказалась под действием этой проклятой статьи Устава. И что из того?

Дождавшись, когда Уэлисс закончит читать и отложит текст Устава в сторону, она спросила обыденным тоном:

— Ну-с, проголосуем?

Результат был таков: двадцать один к пяти против нее, при четырех воздержавшихся.

Капитан Дороти Стердевант, глава женского обслуживающего персонала, заметила:

— Глория, все шло к такому концу. Мы слишком долго находились вдали от дома. Пусть другие ищут эту цивилизацию.

Первый капитан нетерпеливо постучала ка-

рандашом по длинному полированному столу. Голос ее был совершенно спокойным:

— Статья четыреста девяноста два Устава позволяет мне действовать по собственному усмотрению от пяти до десяти процентов от общей продолжительности экспедиции, но не больше шести месяцев. Поэтому вот мое решение: мы останемся в Большом Магеллановом Облаке еще на шесть месяцев. А теперь давайте обсудим способы и средства определения местонахождения хотя бы одной планеты цивилизации Пятидесяти Солнц. Вот мои предложения…

И с холодной отрешенностью она начала излагать их.

3.

Первый капитан Лорр прочла уведомление о «признании недействительным» ее прежних приказов, несколько минут сидела, сжав кулаки и в душе вся кипя. Потом, внутренне собравшись, вызвала капитана Уэлисса. Лицо офицера превратилось в ничего не выражавшую маску, когда он увидел, кто с ним связался.

— Капитан, — несколько обиженным тоном начала Лорр, — я только что прочла ваш документ, под которым стояло двадцать четыре подписи.

— Полагаю, это не возбраняется Уставом, — изрек сухо Уэлисс.

— О, уж в этом у меня нет никаких сомнений, — съязвила она, но тут же снова взяла контроль над собой. — Капитан, откуда такая отчаянная решимость по поводу немедленного возвращения домой? В жизни нельзя следовать одним регламентам и уставам. Неужели вы не хотите поучаствовать в захватывающем приключении, в которое мы сейчас можем быть вовлечены? Уверена, что хоть какое-то чувство азарта в вас должно было сохраниться.

— Мадам, — последовал холодный ответ, — я преклоняюсь перед вами. У вас потрясающий талант руководителя, но в то же время вы любите навязывать другим свою волю. А если они имеют свое собственное мнение, вас это удивляет и обижает. Вы так часто оказывались правы, что вам и в голову не может прийти мысль, что вы способны принять ошибочное решение. На нашем корабле тридцать капитанов, с которыми вы можете посоветоваться в любой момент и при чрезвычайных обстоятельствах, а в действительности в любой момент, они могут, согласно Уставу, отстранить вас от командования кораблем. Мы, поверьте, все любим вас. Но мы знаем

и свои обязанности перед остальными членами экипажа.

— Но вы ошибаетесь. Мы можем заставить эту цивилизацию открыться. — После некоторого колебания она продолжила: — Капитан, разве не можете вы хотя бы один раз принять мою сторону?

Это было ее личное обращение к нему, и она почти сразу же пожалела об этом. Ее просьба, однако, несколько сняла напряжение Уэлисса. Неожиданно он рассмеялся, хотя и делал попытки сдержать себя, но тщетно.

— Приношу свои извинения, мадам, — наконец выговорил он. — Если можете, простите меня.

Она озабоченно спросила:

— Что же вас позабавило?

— О, только ваши слова: «Хотя бы один раз», — его лицо снова приняло непроницаемое выражение. — Леди Лорр, неужели вы забыли, сколько раз вы уже обращались ко мне с просьбой поддержать какой-либо ваш проект?

— Ну, может, такое и случалось… пару раз… — внезапно она остановилась, напрягая свою память.

— А я уже перестал считать, — произнес Уэлисс. — И, думаю, не намного ошибусь, если

скажу, что за время экспедиции вы обращались с подобными просьбами насчет нашей поддержки ваших начинаний раз сто, пользуясь своим юридическим статусом на корабле. Теперь же, когда впервые закон используется против вас, вы с негодованием встречаете наше решение.

— Я не негодую. Я… — она запнулась. — О-о, кажется, наш разговор бесполезен. Почему-то вы вбили себе в голову, что шесть месяцев — это целая вечность.

— Дело не во времени — в цели. Вы слепо верите, что можно обнаружить Пятьдесят Солнц, разбросанных между ста миллионами других. Но не кажется ли вам, что даже у такого большого корабля, каким располагаем мы, нет ни одного шанса из миллиона? Если вы этого не видите, то на этот раз нам придется признать ваше решение недействительным, невзирая на наше личное отношение к вам.

Первый капитан не знала, что ей теперь делать. Дискуссия складывалась явно не в ее пользу. Она понимала, что нужны более веские обоснования ее решения.

— Капитан, — медленно начала она, — это не математическая проблема. Если бы мы надеялись только на случай, ваша позиция была бы

абсолютно правильной. Я же надеюсь на психологический фактор.

— Те из нас, кто подписал этот документ, пошли на это отнюдь не с легким сердцем. Мы обсуждали и психологический аспект.

— И на каком же основании вы пренебрегли им? По незнанию?

Слова женщины прозвучали несколько резковато, на что ее собеседник ответил сухим тоном:

— Мадам, мы с тревогой отметили у вас склонность полагаться только на мнение лейтенанта Неслор. Вы уединялись с ней, и о содержании ваших разговоров мы могли судить только по принимаемым вами решениям.

Слегка встревоженная, она произнесла, словно защищаясь:

— Если честно, я никогда не задумывалась обо всем этом. Просто советовалась с главным психологом корабля, официально назначенным на эту должность.

— Если советы лейтенанта Неслор так уж для вас ценны, вам следует возвысить ее до ранга капитана, чтобы и мы, остальные члены совета, могли выслушивать их. — Как бы предвосхищая ее замечание, Уэлисс продолжил: — И прошу вас, не говорите, что сделаете это незамедлительно.

Даже при отсутствии возражений со стороны капитанов для утряски всех формальностей, связанных с подобным повышением по службе, потребуется не меньше месяца, после чего новому капитану предоставляется еще два месяца для изучения процедуры проведения совещаний, но без права непосредственного в них участия.

— Вы против этих трех месяцев отсрочки? — угрюмо спросила леди Лорр.

— Да.

— И вы не соглашаетесь ускорить процедуру избрания нового капитана?

— Ну, разве что в случае крайней необходимости. Но ведь здесь все дело просто в вашей убежденности по поводу необходимости поисков потерянной цивилизации. А с этим вполне может справиться любая другая экспедиция.

— И вы настаиваете на признании недействительным моего решения?

— Да.

— Прекрасно. Голосование состоится через две недели, начиная с сегодняшнего дня. В случае моего поражения и если ничего не случится, мы отправляемся домой.

Махнув рукой, леди Лорр прервала связь.

«Отныне я вовлечена в борьбу в двух направ-

лениях, — сказала она самой себе. — С одной стороны, с капитаном Уэлиссом и большинством в четыре пятых, а с другой — заставить жителей Пятидесяти Солнц раскрыть свое местоположение. Причем эта двойная борьба только начинает разворачиваться».

Первый капитан вызвала радиорубку. Отозвался капитан Горсон.

— Есть ли еще контакт с кораблем Пятидесяти Солнц, ведущим за нами наблюдение?

— Нет. Я уже докладывал о том, что мы потеряли с ним контакт. Он до сих пор не восстановлен. Скорее всего, они выйдут на нас завтра, когда мы передадим наши координаты.

— Сразу же сообщите мне об этом.

— Будет исполнено.

Она прервала связь и вызвала арсенал. Ответил дежурный, но она терпеливо стала дожидаться, пока не разыщут капитана, возглавляющего отдел вооружений.

— Сколько сброшено бомб? — спросила она, как только тот появился на экране.

— Семь!

— Все наугад?

— Это самый простой способ, где наименьшая вероятность попадания в планету, на которой

может существовать жизнь.

Она кивнула, соглашаясь, хотя беспокойство по-прежнему не покидало ее. Наконец она заговорила, чувствуя необходимость прояснить возникшую ситуацию:

— Теоретически я согласна с этим, но мое сердце… — Она умолкла. — Достаточно одной ошибки, капитан, и мы окажемся на скамье подсудимых.

— Я знаю этот закон, ваша милость, — мрачно заметил капитан. — С подобным риском нашему отделу всегда приходится считаться. — Он заколебался, но решил продолжить: — На мой взгляд, вы прибегли к очень опасной угрозе, опасной для нас. На людей не стоит оказывать подобного давления.

— Вся ответственность лежит на мне, — отрезала леди Лорр.

Она прервала связь и принялась ходить по каюте. Две недели! Казалось невозможным, чтобы что-то могло произойти за такой короткий срок. Через две недели, согласно ее планам, только-только начнут сказываться результаты психологического давления на деллианцев и неделлианцев.

Мысль об этом напомнила ей кое о чем. Быстро

пройдя к нуль-Т-передатчику, она произвела настройку и через секунду оказалась в библиотеке, находящейся в самом центре корабля, почти в полумиле от ее каюты.

Глаза леди Лорр остановились на заведующей библиотекой, что-то писавшей за столом.

— Джейн, у тебя имеются какие-либо материалы о деллианских волнениях?.. — начала она без каких бы то ни было вступительных фраз.

Библиотекарша, вздрогнув, едва не выскочила из своего кресла, но сразу же плюхнулась обратно.

— Знаешь, Глория, так можно получить и разрыв сердца. Неужели трудно было сперва хотя бы поздороваться?

Первого капитана охватило раскаяние.

— Прости, меня полностью захватила одна идея. Но у тебя имеются…

— Да, имеются. Если ты подождешь еще десять минут, тебе предоставят все материалы. Ты уже обедала?

— Обедала? Нет, разумеется, нет.

— Мне нравится, как ты это произнесла, и, зная тебя, я догадаюсь, что это означает. Тогда давай вместе перекусим. И никаких разговоров о деллианцах или неделлианцах до окончания обеда.

— Вряд ли это возможно сейчас, Джейн. Я не могу разбазаривать драгоценное время…

Старая женщина вышла из-за стола и, подойдя к леди Лорр, крепко взяла ее за руку.

— О да, ты не можешь. Тогда вот что. Ты не получишь от меня ни бита информации, пока мы не отобедаем. Никакие ссылки на твои законы и предписания я принимать во внимание не буду. Так что пошли.

Секунду она еще колебалась, но потом устало подумала: «Этот чертов человеческий фактор. Вечно люди вмешиваются в мои действия». Напряжение исчезло, и она как бы увидела себя со стороны — хмурая, издерганная, вся ушедшая в себя, вообразившая, что на ее плечи была возложена судьба всей вселенной. Постепенно она расслабилась.

— Спасибо, Джейн. Я просто мечтаю о бокале вина и поджаренном бифштексе.

Но и за обедом ее не оставляла уверенность в собственной правоте. Да, можно расслабиться на часок, но потом все равно придется вернуться к действительности. Пятьдесят Солнц должны быть найдены теперь уже по причине, которая постепенно созревала в ее мозгу со всеми неумолимыми последствиями.

После обеда они разговорились под легкую музыку о цивилизации Пятидесяти Солнц. Исторический экскурс оказался кратким, простым и ясным.

— Пятнадцать тысяч лет назад Джозеф М. Делл изобрел первый вариант нуль-Т-передатчика, — начала библиотекарша. — Устройство требовало искусственного синтеза некоторых видов тканей, особенно эндокринных желез, исследовать которые было делом нелегким. Поскольку можно было войти в одном месте, а спустя мгновение оказаться за тысячи миль в другом, не сразу были замечены незначительные с виду изменения, происходившие с теми, кто пользовался телепортацией.

Вряд ли они осознавали, что что-то теряют, но впоследствии у деллианцев уменьшилась способность к творческому мышлению. Правда, некоторым из них даже казалось, что они кое-что приобрели: стали менее чувствительными к нервным стрессам и невероятно сильными физически. Причем, деллианцы могли внутренним напряжением увеличивать свою силу до поистине сверхъестественных пределов. И не было ничего удивительного в том, что обычные люди стали их побаиваться и обзывали роботами. —

В голос библиотекарши явственно слышался сарказм. — Такое обращение нисколько не волновало деллианцев, что еще более усиливало ненависть людей к ним. На это, однако, власти поначалу внимания не обращали.

И наступил период времени, когда вражда перешла в агрессию, люди стали убивать деллианцев прямо на улицах. Те, кто им еще симпатизировал, убедили правительство позволить деллианцам эмигрировать. Больше никаких сведений о них не поступало, вплоть до того момента, когда наш корабль обнаружил их присутствие в Магеллановом Облаке.

Досточтимая Глория Сесили некоторое время сидела молча, пока, наконец, не произнесла задумчиво:

— Из твоего рассказа я мало почерпнула для себя интересного. Все это мне было известно, если не считать нескольких малосущественных деталей.

Старая женщина внимательно посмотрела на нее.

— Глория, что у тебя на уме? Когда ты говоришь подобным образом, то обычно пытаешься доказать какую-то собственную теорию.

Библиотекарша была права на все сто процен-

тов, но первый капитан понимала, что, вероятно, лучше не признаваться в этом. Тех, кто пытается подогнать факты под созданные ими теории, не стоит называть учеными. Часто она сама была слишком резка с офицерами, которые недостаточно ясно выражали свои мысли.

— Просто я собираю всю имеющуюся у нас информацию. Ведь очевидно, что, имея дело с мутантами, вроде деллианцев, необходимо учитывать все возможности, любые мельчайшие детали.

Библиотекарша кивнула. Наблюдая за ней, леди Лорр решила, что объяснение вполне удовлетворило ее, а мгновенная вспышка интуиции исчезла без каких-либо последствий.

Она встала. Глория не могла позволить появиться еще каким бы то ни было подозрениям. Вторично отвертеться ей было бы гораздо сложнее. Посему она пожелала старой женщине спокойной ночи и отправилась в свои покои. А несколькими минутами позже она вызвала Центр биологии.

— Доктор, — без предисловий начала она, — недавно я отправила вам некоторые материалы о деллианцах и неделлианцах с Пятидесяти Солнц. Каково ваше мнение: могут или не могут от сме-

шанных браков рождаться дети?

Биолог, надо сказать, особой сообразительностью не отличался, да и говорил он, растягивая слова:

— В истории об этом ничего не сообщается.

— И все-таки, как сами вы считаете?

— Думаю, что это вполне возможно.

— Вот то, что я хотела услышать, — торжествующе произнесла первый капитан.

Возбужденная полученным ответом, она долго не могла заснуть. Лежа в темноте, Глория всматривалась в царившую за пределами корабля вселенскую ночь. Там произошли едва заметные изменения. Светящиеся точки располагались теперь несколько иначе, и без оптических приборов она не могла бы точно утверждать, что находится в Большом Магеллановом Облаке. Одиноких звезд было не больше сотни. Расплывчатые пятна света тут и там указывали на наличие сотен тысяч, если не миллионов, звезд. Повинуясь какому-то неосознанному импульсу, она потянулась к окуляру и повернула регулятор увеличения до упора.

Ну и красотища!

Миллиарды звезд теперь смотрели на нее. И близкие яркие огни бесчисленных звезд Облака,

и гигантская спираль главной галактики, усеянная светящимися точечками, сосчитать которые не представлялось возможным. А ведь взгляд ее охватывал совсем крошечную часть космического мирозданья. Откуда все это взялось? Тысячи и тысячи поколений людей задавались подобным вопросом, но ответа так до сих пор найдено не было.

Поставив увеличение на ноль, она вернулась к обсуждению более насущных проблем. С широко раскрытыми глазами она подумала: «Предположим, от союза деллианца и неделлианца мог возникнуть какой-то гибрид. Какие выгоды могу я извлечь из этого за отпущенные мне две недели?»

Так без каких-либо идей по этому поводу Глория и заснула беспокойным сном.

Наступило утро. За легким завтраком она вдруг с ужасом осознала, что ей осталось всего тринадцать дней! Выходя из-за стола, она угрюмо сказала самой себе, что живет в мире иллюзий и, если не решится на какие-либо действия, все предприятие, в которое она втянула свой корабль, будет обречено на неудачу.

Появившись на капитанском мостике, она вызвала радиорубку.

— Капитан, — обратилась она к ответившему на вызов офицеру, — находимся ли мы в поле верхнего резонанса корабля Пятидесяти Солнц?

— Нет, мадам.

Глория ожидала другой ответ. Теперь, когда она приняла решение, любая неувязка или препятствие ее раздражали.

— Как только контакт будет восстановлен, доложите об этом арсеналу.

— Будет сделано, мадам.

Она прервала связь и вызвала арсенал. Руководитель отдела, мужчина с гордым лицом, судорожно сглотнул слюну, когда она объяснила свои намерения.

— Мадам, но это может выдать наше самое грозное оружие, — запротестовал он. — Допустим…

— Никаких допущений! — в ярости прервала его первый капитан. — Нам нечего терять. Поскольку нам не удалось выманить флот Пятидесяти Солнц, я приказываю вам захватить этот корабль. Возможно, всем его навигаторам было приказано в случае безвыходного положения покончить жизнь самоубийством. Этого нельзя допустить.

Капитан наморщил лоб, с напряжением обдумывая ее слова. Потом кивнул.

— Опасность заключается в том, что кто-нибудь, находящийся вне поля, может его обнаружить и исследовать. Но если вы приказываете идти на такой риск…

Досточтимая Глория занялась другими делами, но мысли ее то и дело возвращались к отданному приказанию. Никакой новой информации не поступало. Не в силах сдержать нетерпение, она вновь соединилась с радиорубкой. Корабль Пяти-десяти Солнц не появлялся.

Прошел день, потом еще один. Контакта все не было.

На четвертый день с капитаном «Звездного скопления» она уже не могла разговаривать. Этот день также не принес ничего нового.

4.

— Под нами планета! — этот возглас вице-адмирала Дриана разбудил дремавшего Малтби, который тут же вскочил на ноги и бросился к пульту управления.

По его командам корабль быстро снизился с высоты десяти тысяч миль до тысячи, а затем и до ста миль от поверхности. С помощью приборов увеличения он изучил местность; после чего, хотя он здесь и не бывал ранее, в памяти всплыли

фотокарты района, показанные ему когда-то в прошлом.

Теперь «Атмион» направлялся ко входу в пещеру, который вел к тайной столице мулов.

В качестве последней меры предосторожности он еще раз проверил, не видят ли младшие офицеры на своих экранах того, что происходит, — все четырнадцать старших офицеров находились под его гипнотическим контролем, — после чего смело направил корабль в туннель.

Он напряженно всматривался в темноту. Поддерживающие его руководители были предупреждены о его прибытии. Они заверили его в ответ, что все будет готово. Но всегда существует вероятность ошибки. А здесь при входе в пещеру о корабле должны были позаботиться местные силы обороны.

Вокруг них сомкнулся мрак пещеры. Малтби положил пальцы на переключатель прожекторов. Внезапно где-то далеко внизу сверкнул огонек. Убедившись, что он не исчезает, Малтби нажал на переключатель. В тот же миг вспыхнули прожектора, ярко осветив пещеру от пола до потолка.

Корабль двинулся вперед, постепенно опускаясь в глубь пещеры. Прошел час, но конца пути

что-то не было видать. Туннель изгибался то влево, то вправо, то вниз, то вверх. Несколько раз Малтби даже казалось, что они возвращаются назад той же дорогой. Он мог бы следить за движением корабля по курсографу, но еще до того, как «Атмион» приблизился к планете, его попросили не делать этого. Его предупредили, что никто из живых не знает точно, где под оболочкой планеты скрывается столица. Остальные города мулов на других планетах были спрятаны подобным же образом.

Прошло двенадцать часов. Два раза Малтби передавал управление вице-адмиралу, чтобы немного вздремнуть. Сейчас корабль вел он, а Дриан безмятежно спал в углу на койке.

Тридцать часов! Изнуренный непрерывным напряжением, Малтби разбудил адмирала, а сам прилег. Но едва лишь он закрыл глаза, как услышал возглас Дриана:

— Впереди какие-то постройки, капитан! Огни.

Малтби бросился к приборам, и через пару минут он управлял кораблем над городом с населением в восемьдесят тысяч человек. Он был предупрежден, что никогда раньше здесь не появлялся корабль подобных размеров, а значит, он привлечет к себе всеобщее внимание. Включив

обычное радио, он прошелся по диапазону и поймал какую-то волну: «…и Питер Малтби, наш последний вождь, временно завладел боевым кораблем „Атмион“, чтобы лично убедить тех, кто…»

Малтби выключил приемник. Людей извещали о его прибытии.

Осмотрев город в поисках штаб-квартиры Ханстона, он узнал его дом по полученному описанию, и под его управлением «Атмион» завис прямо над ним. Малтби установил энергетический экран на ближайшем перекрестке, затем расставил другие экраны, полностью блокировав район. Люди могли войти в него, не замечая, что оказались в ловушке. Невидимый снаружи, изнутри экран светился пурпурным светом, и тот, кто решился бы дотронуться до него, получил бы достаточно сильный удар током.

Так как Ханстон жил в свой штаб-квартире, ускользнуть он не мог. Малтби особо не надеялся, что его действия приведут к желаемому результату. Шла борьба за политическую власть. Применение силы могло повлиять на ее исход, но решить все проблемы только лишь этим было невозможно. В подобном противостоянии само его прибытие на «Атмионе» становилось

мощным аргументом для его противников. «Вы только посмотрите, — несомненно начнут вопить они, — один мул сумел завладеть военным кораблем. Разве это не доказательство нашего превосходства?..» На людей, чье тщеславие четверть века подавлялось, подобные слова могли подействовать, как сильный наркотик.

На экране появились небольшие корабли, они приближались. Малтби связался с ними по радио и выяснил, что там находятся руководители поддерживающих его группировок. Немного погодя он наблюдал за тем, как контролируемые им офицеры провожали их к шлюзу. А несколько минут спустя он уже пожимал руки людям, которых видел впервые в жизни.

Почти сразу началась дискуссия по поводу тактики и стратегии их борьбы. Кое-кто из новоприбывших полагал, что Ханстона нужно ликвидировать, однако большинство считало, что его следует просто изолировать. Малтби с некоторым опасением выслушивал аргументы и тех, и других, понимая, что люди, находящиеся в центре событий, возможно, являются лучшими судьями. С другой стороны, постоянно нависшая над ними угроза вносила в их действия беспокойство, напряженность и элемент. И, вполне

возможно, что он, Малтби, сторонний наблюдатель, способен занять более беспристрастную и объективную позицию и оказаться судьей в их споре. В этот момент его размышления прервал поток вопросов с обеих сторон:

— Можем ли мы быть уверенными, что правительства Пятидесяти Солнц не изменят своего решения об отказе установления контакта с кораблем землян?

— Были ли какие-нибудь признаки растерянности у них?

— Почему от людей скрыли второй ультиматум?

— Есть ли еще другие корабли, помимо «Атмиона», получившие задание следить за «Звездным скоплением?»

— Есть ли какие-то скрытые причины в преследовании корабля?

— Какова будет наша позиция, если Пятьдесят Солнц неожиданно раскроют свое местоположение?

На какое-то мгновение Малтби почувствовал растерянность перед этим неиссякаемым потоком каверзных вопросов. Но когда он понял, что вопросы стали повторяться и за ними скрывается какая-то ложная посылка, он поднял руку

и произнес:

— Господа, вас, наверное, беспокоит вопрос, сможем ли мы воспользоваться ситуацией даже в том случае, если правительства изменят свои намерения. Но суть-то дела совсем не в этом. Мы будем твердо придерживаться позиции Пятидесяти Солнц, каким бы ни было их решение. Мы будем действовать совместно с ними, без всяких лавирований с целью получения других особых преимуществ, помимо тех, что были нам предложены. — Здесь он позволил своему голосу несколько смягчиться: — Я понимаю, что груз большой ответственности лежит на вас. Поверьте, я высоко ценю вашу позицию — и групповую, и каждого в отдельности. Но мы должны сохранить единство. В этот критический момент мы не можем переходить на оппортунистические позиции.

Мужчины переглянулись. Кое-кто, особенно из молодых, выказывал недовольство, словно проглотил горькую пилюлю. Но в конце концов все согласились на время поддержать план Малтби.

Потом стал решаться вопрос насчет Ханстона.

— Я хотел бы поговорить с ним, — бесстрастно сказал Малтби.

Коллинз, самый старый из друзей отца Малтби,

несколько секунд внимательно разглядывал его лицо, потом отправился в радиорубку. Вернулся он с горящими от возбуждения глазами:

— Ханстон отказывается появляться здесь. Сказал, что, мол, если ты так жаждешь поговорить с ним, то почему бы тебе не спуститься самому к нему. Питер, это же настоящее оскорбление!

— Скажи ему, что я скоро буду у него, — твердо проговорил Малтби.

Он улыбнулся, глядя на их помрачневшие лица.

— Джентльмены, — продолжил он звонким голосом, — его действия играют нам на руку. Передайте по радио, что в момент серьезного кризиса я спускаюсь к ним вниз, чтобы продемонстрировать наши дружеские намерения. Постарайтесь не переиграть, но пусть в сообщении прозвучит некоторая тревога за мою безопасность. Однако, если через полтора часа я не вернусь, попробуйте со мной связаться. После чего последовательно, начав с предупреждения, переходите к позиции, откуда можно открыть огонь.

Несмотря на внутреннюю убежденность, Малтби ощущал какое-то странное чувство пустоты и одиночества, когда его катер опускался на крышу дома Ханстона. Тот оказался высоким мужчиной

в возрасте за тридцать с иронической усмешкой на лице. Когда Малтби вошел в его кабинет, он поднялся ему навстречу для приветственного рукопожатия.

— Мне хотелось оторвать вас от этих ваших болтунов, что считают себя незаменимыми советниками, — сказал он спокойным, приятным голосом. — Ничего оскорбительного. Просто хотелось поговорить с вами наедине. Возможно, мне удастся вас убедить.

Довольно бодрым, хотя и несколько тягучим голосом образованного человека начал он излагать старые аргументы о принципиальном преимуществе мулов. Не было сомнений, что он искренне верил в свои слова, и, слушая его, Малтби решил под конец, что главной бедой этого человека было отсутствие информации о внешнем мире — и общей, и специальной. Ханстон слишком долго прожил в ограниченной среде, характерной для городов мулов, провел слишком много лет, думая и рассуждая, будучи фактически оторванным от реального положения вещей в мире. Как бы ни щеголял он своим умом, Малтби он показался глубоким провинциалом.

— Вы верите, что Пятидесяти Солнцам удастся укрыться от земной цивилизации? — Этим во-

просом он закончил свой длиннющий монолог.

— Нет, — честно признал Малтби. — Скорее всего, когда-нибудь они обнаружат нас. Это лишь вопрос времени.

— И вы все равно выступаете за их попытку сохранить тайну?

— Я выступаю за единство и верю, что соблюдать осторожность перед контактом — самое разумное действие. Возможно, мы даже сможем не раскрывать своего местоположения еще лет сто, если не больше.

Ханстон молчал. На его красивое лицо легла тень озабоченности.

— Насколько я понимаю, — выдавил он, — у нас разные взгляды.

— Возможно, — медленно проговорил Малтби, наблюдая за своим собеседником, — наши конечные цели совпадают. Только, может быть, мы придерживаемся разных методов ради достижения одной цели.

Лицо Ханстона посветлело, глаза широко раскрылись.

— Если бы я мог в это поверить, Ваше Превосходительство! — страстно воскликнул он. Потом вдруг спросил: — Мне бы хотелось узнать ваше мнение о будущей роли мулов в цивилизации.

— Если им будет предоставлен шанс и дана возможность воспользоваться законным путем, — ответил Малтби, — мулы, не сомневаюсь, займут руководящие посты. Без всякого злоупотребления своими способностями контролировать сознание других людей они займут доминирующее положение на Пятидесяти Солнцах, после чего подчинят себе и главную галактику. Но если когда-нибудь при своем восхождении на вершину власти мулы прибегнут к использованию силы, они будут уничтожены все до последнего — мужчины, женщины, младенцы…

Глаза Ханстона сверкнули.

— И как долго продлится это восхождение к власти?

— Это может начаться при нашей жизни, но потребуются по меньшей мере несколько тысячелетий в зависимости от того, насколько быстро деллианцы и обычные люди будут вступать между собой в браки… насколько вам известно, сейчас запрещается заводить детей подобным союзам.

Ханстон угрюмо кивнул.

— Я был неверно информирован. Вы — один из нас.

— Нет, — решительно возразил Малтби. — Не

стоит путать долгосрочную позицию с краткосрочной. В данном случае это разница между жизнью и смертью. Даже намека на то, что в будущем мы собираемся добиться доминирующего положения, будет достаточно, чтобы отпугнуть от нас людей, чье отношение к нам сейчас довольно благосклонно. Если мы выразим наше единство с ними, то тем самым заложим прекрасный фундамент будущего сотрудничества. Если же займем оппортунистическую позицию, то немногочисленная раса суперменов, представителями которой мы оба являемся, рано или поздно будет уничтожена.

Ханстон вскочил на ноги.

— Ваше Превосходительство, кажется, вы смогли меня убедить, и теперь я с вами. Давайте теперь ждать, как будут развиваться события.

Для Малтби такая победа была довольно неожиданной, поскольку он не исключал возможности применения военной силы. Несмотря на убежденность в искренности Ханстона, он не собирался верить ему только на слово. Этот человек может резко изменить свою позицию, как только исчезнет угроза со стороны «Атмиона». Малтби откровенно выразил свои опасения по этому поводу и закончил следующим предложением:

— В сложившейся ситуации я вынужден просить вашего согласия на добровольную шестимесячную изоляцию в месте, где вы не смогли бы связаться со своими сторонниками. Это будет похоже на обычное домашнее заключение. Вы можете взять с собой жену, и вам будут оказаны всяческие знаки уважения и внимания. Если за это время между земным кораблем и Пятьюдесятью Солнцами будет установлен контакт, вас тут же немедленно освободят. Вы будете скорее гостем, нежели пленником. Я даю вам двадцать четыре часа на размышление.

По дороге к катеру, который должен был доставить его на корабль, никто не пытался задержать его.

Ханстон в конце отпущенного ему ультимативного срока сдался, оговорив только одно условие: подробности его домашнего ареста должны быть объявлены по радио.

Таким образом Пятьдесят Солнц оградили пока себя от непосредственной угрозы обнаружения. Было ясно, что земной корабль без посторонней помощи сам не сможет найти даже одну планету так надежно захоронившейся цивилизации.

В этом Малтби был уверен. Однако оставалась еще проблема обнаружения, когда через несколь-

ко лет из главной галактики прилетят другие корабли. Удивительно, но теперь, когда прямая угроза миновала, его начинали тревожить будущие проблемы. Направляя «Атмион» на прежний курс, он размышлял, что еще можно сделать для обеспечения безопасности людей из Большого Магелланового Облака.

Кто-то, размышлял он, должен точно выяснить размеры опасности, и от простой мысли о том, как это сделать, ему стало не по себе. Но постепенно он пришел к выводу, что только он, Питер Малтби, является тем единственным человеком, который был способен осуществить задуманное.

Он все еще думал, как сдать «Атмион» в плен, когда зазвучала сирена.

— Леди Лорр, мы установили контакт с кораблем Пятидесяти Солнц в поле верхнего резонанса!

— Немедленно захватите его!

5.

Малтби так и не сумел понять, каким образом «Атмион» был захвачен. В самом начале он размышлял, как сдаться в плен. Потом же, когда лучи землян захватили корабль мулов, было слишком поздно анализировать, каким образом

«Атмион» оказался во власти притягивающего поля «Звездного скопления».

С Малтби явно что-то происходило, он физически ощущал, как его захватывает смерч, тело то испытывало колоссальное давление, то куда-то проваливалось в пустоту, словно ткани, из которых оно состояло, превратились в растягивающуюся резину. Внезапно все прекратилось, когда поле все еще державшегося на расстоянии корабля землян потащило «Атмион» в пространство.

С беспокойством следил Малтби за измерительными приборами, надеясь определить хотя бы приблизительные размеры «Звездного скопления». Но прошло еще некоторое время, прежде чем до него дошло, что сделать это он не в состоянии, ибо в наступившей безграничной темноте звезды казались лишь тусклыми огоньками. Получить представление о размерах какого бы то ни было предмета в этой кромешной ночи можно было лишь по истечению некоторого промежутка времени. Все слишком малых масштабов, соизмеримых, к примеру, с космическим кораблем, являлось не более, чем пылинкой, затерянной в непроглядном мраке.

Сомнения его подтвердились. «Атмион» был в

нескольких световых минутах от корабля-захватчика, когда острая мучительная боль пронзила тело Малтби. Он даже успел подумать о парализующем луче, когда в судорогах свалился на пол рубки. Тьма сомкнулась над его головой.

Очнулся он с убеждением, что необходимо найти выход из создавшейся ситуации. Он предполагал, что у землян имеются способы развязать ему язык. Следовало не отвергать даже такого допущения, что его двойной разум мог быть побежден, если его противники догадаются о его потенциальных возможностях.

Расслабив чуть мышцы век, он слегка приоткрыл глаза. И в тот же миг рядом раздался мужской голос на странном, но понятном англике:

— Прекрасно, теперь через шлюз.

Малтби закрыл глаза. Он понял, что он до сих пор находится на «Атмионе», поскольку успел узнать знакомое помещение. Тот факт, что он по-прежнему оставался там, где упал, в рубке управления, означал, что ни офицеры, ни экипаж не были еще подвергнуты допросу.

Возбуждение охватило Малтби. Неужели все было так просто? Неужели достаточно ему только задействовать свой двойной мозг, и он сможет

подчинить своей воле каждого человека, который окажется в пределах досягаемости его мозгового излучения? И захватить таким образом контроль над всем экипажем «Звездного скопления»? Неужели такое возможно?

«А почему, собственно говоря, и нет?» — ответил сам себе Малтби и начал действовать.

Его, как и остальных, вели длинными коридорами. Вооруженные члены экипажа земного корабля — и мужчины, и женщины — шли как впереди, так и замыкали колонну пленных. Но так это все выглядело лишь для стороннего наблюдателя, будто такой имелся. Настоящими же пленниками были офицеры-земляне. В нужный момент командир конвоя, крепкий мужчина лет сорока, бесстрастно приказал большей части колонны следовать дальше, а Малтби и остальные офицеры из отделов астронавигации и метеорологии свернули в боковой коридор и попали в большое помещение со спальными комнатами.

— Тут вам будет хорошо, — с убежденностью произнес офицер-землянин. — Мы принесем вам подходящую форму, и вы сможете перемещаться по кораблю в любое место и сколько вам будет угодно. Только не говорите подолгу с нашими людьми. На корабле можно отыскать множество

типов диалектов, но ни один из них не похож на ваш. Будьте осторожны, нам не хочется, чтобы вас заметили.

Малтби не особенно тревожился по этому поводу. Его первостепенной задачей, как он считал, было ознакомление с кораблем и порядками на нем. Он уже понимал, что корабль громаден, обслуживается куда большим количеством людей, которых способен подчинить себе один мул. Он подозревал, что здесь также должны иметься ловушки для любопытных незваных гостей. Но тут он ничего поделать не мог — приходилось рисковать. После того как он получит общее представление о корабле и его отсеках, он легко сможет обходить возможные опасности, его подстерегающие.

После ухода стражи Малтби присоединился к другим астронавигаторам в их посещении кухни. Как он и ожидал, пища землян мало чем отличалась от той, к которой он привык с детства. Уже тысячу лет деллианцы и неделлианцы брали с собой в космические полеты домашних животных. В морозильных камерах он нашел говяжьи отбивные, свинину, замороженных птиц земного происхождения, все упакованное в герметические прозрачные пакеты.

Когда все наелись досыта, Малтби объяснил офицерам с достаточной долей серьезности причину такого странного отношения к ним на борту вражеского корабля. Он понимал, что рискует. Офицеры были отнюдь не дураками, и если бы даже один из них связал их появление здесь со страхом, присущим жителям Пятидесяти Солнц перед мулами, его сообщение могло бы ужаснуть командование куда больше, нежели корабль землян. Малтби с облегчением вздохнул, когда контролируемый им офицер вернулся с обещанной формой.

Проблема контроля над разумом землянина в присутствии людей Пятидесяти Солнц была достаточно деликатной. Требовалось, чтобы сам контролируемый верил в рациональные объяснения своего нелогичного поведения. К примеру, этот офицер землян искренне считал, что действует по приказу свыше, чтобы заслужить благосклонность своих начальников, причем он не обязательно должен был отчитываться перед ними, а тем более обсуждать свои поступки с коллегами.

В результате он был вполне готов дать Малтби и его людям инструкции относительно правил перемещения по «Звездному скоплению». В то же

время у него отсутствовало желание сообщить им какую-либо информацию о самом корабле. Поскольку Малтби был не один, он сделал вид, что смирился с этим, но именно он отправился сопровождать офицера, когда тот в конце концов решил удалиться с сознанием исполненного долга. К огорчению мула, никакое воздействие на этого человека не могло заставить его преодолеть какой-то внутренний запрет, возможно, гипнотического характера, когда он пытался заводить речь о корабле. Желание помочь — да, было, но не более того.

В конце концов Малтби стало ясно, что за теми сведениями, что он так жаждет узнать, ему придется обратиться к кому-то из более высокопоставленных офицеров, которые были более свободны в своих действиях. Младшие офицеры, по-видимому, такой свободы не имели, а времени, чтобы проанализировать характер оградительного барьера и затем взломать его, у Малтби не имелось.

Он предполагал, что корабельное командование уже должно было обнаружить исчезновение астронавигаторов и метеорологов с «Атмиона». Возможно, кто-то уже тревожился по поводу их отсутствия среди пленников. О, если бы он только

мог поговорить с женщиной, которая командует кораблем землян… Но для этого необходимо было предпринять рискованные действия. Может быть, побег?

Хотя времени у него было в обрез, Малтби потратил два часа, чтобы гипнотически обработать офицеров, охраняющих пленных с Пятидесяти Солнц, с тем, чтобы те по обусловленному сигналу организовали их побег. Каждый раз для автоматического послушания какого-либо человека ему приходилось использовать настоящий или мнимый приказ более старшего офицера. Из осторожности Малтби придумал объяснение, что «Атмион» будет освобожден в качестве дружественного жеста в отношении правительства Пятидесяти Солнц.

После этого Малтби внушил одному старшему офицеру, что Первый капитан хочет встретиться с ним. Чем закончится встреча, у него было довольно смутное представление.

Лейтенант Неслор пришла на капитанский мостик и, устало плюхнувшись на стул, произнесла со вздохом:

— Что-то здесь не так.

Первый капитан отвернулась от пульта управления и изучающе посмотрела на старую жен-

щину. Наконец, когда молчание стало слишком тягостным, она раздраженно заметила:

— Наверняка некоторые из этих людей с Пятидесяти Солнц знают, где находятся их планеты.

Психолог покачала головой.

— Мы не нашли среди экипажа ни одного астронавигатора. Остальные пленные были удивлены этим не меньше нашего.

Леди Лорр нахмурила брови.

— Не понимаю, — пояснила лейтенант Неслор. — Всех их видели за несколько минут до захвата корабля. А потом они попросту испарились.

Леди Лорр отреагировала как настоящий командир.

— Обыскать весь корабль! Объявить общую тревогу! — Она было повернулась к огромному пульту управления, но остановилась и задумчиво посмотрела на психолога. — Кажется, ты не считаешь это лучшим выходом из создавшегося положения.

— Мы уже раз имели дело с деллианцем.

Леди Лорр вздрогнула. Воспоминание о Дежурном с метеостанции было еще живо. Наконец она вымолвила:

— Что ты предлагаешь?

— Ждать! Они должны иметь план действий, независимо от того, каким образом они ускользнули от нашего энергетического контроля. Хотелось бы мне знать, чего они хотят, что они вообще ищут.

Первый капитан воздержалась от каких бы то ни было комментариев.

— Естественно, — продолжала лейтенант Неслор, — тебе потребуется защита. О чем я позабочусь лично.

Леди Лорр пожала плечами.

— Не могу даже вообразить, как кто-то чужой может надеяться пробраться в мои покои. Если бы я лишилась возможности телепортироваться, я бы просто отказалась даже пытаться найти путь к своей каюте. — Она помолчала. — Вы ничего больше мне предложить не можете? Только ждать?

— Да, — невозмутимо ответила лейтенант Неслор.

Ее молодая собеседница покачала головой.

— Но этого мало, дорогая! Полагаю, все мои прежние распоряжения относительно мер безопасности выполняются.

Леди Лорр резко повернулась к пульту управления. Мгновением позже на экране появилось

лицо мужчины.

— А, капитан, — воскликнула Глория, — чем сейчас заняты ваши подручные?

— Патрулируют и охраняют, — ответил офицер полиции.

— И какие успехи?

— Корабль полностью защищен от случайных взрывов. Все бомбы взяты под наблюдение, дистанционные датчики установлены во всех главных выходах и входах. Никто не может застать нас врасплох.

— Замечательно, — похвалила Первый капитан. — Продолжайте свою вахту, — она отключила связь и зевнула. — Кажется, пора на боковую. Спокойной ночи, дорогая.

— Не сомневайся, сон твой никто не потревожит.

Лейтенант Неслор поднялась и вышла.

Еще полчаса Первый капитан диктовала приказы для разных отделов, указывая время, когда нужно будет связаться с каждым из них. После чего разделась, легла в постель и моментально уснула.

Проснулась она с чувством странного беспокойства. За исключением слабо светящегося пульта управления все остальное было погружено во

мрак. Мгновение спустя она с удивлением сказала самой себе: «В комнате кто-то есть».

Она лежала не двигаясь, ощущая опасность и вспоминая слова лейтенанта Неслор. Казалось невозможным, чтобы кто-то, не знакомый с этим чудовищно громадным кораблем, мог так быстро найти ее. Когда глаза привыкли к сумраку, она различила в двух футах от постели человеческую фигуру. Посетитель явно ждал, когда она его обнаружит. Должно быть, он понял, что она проснулась, потому что заметил вслух:

— Не зажигайте света. И лучше не двигайтесь.

Голос был мягкий, но это только убедило ее, что он принадлежит крайне опасному человеку. Его совет удержал леди Лорр в кровати, рука ее замерла, обхватив простыню. Волна страха окатила ее. Она подумала, что может умереть, прежде чем к ней подоспеет помощь. Незнакомец явно дожидался ее пробуждения. А она могла надеяться только на лейтенанта Неслор, которая, возможно, не легла спать и наблюдает за комнатой.

— С вами ничего не случится, — снова раздался мягкий мужской голос, — если вы будете делать все так, как я вам скажу.

— Кто вы?

Малтби не ответил. Наткнувшись на стул,

он сел на него. Положение его было не самым прекрасным. Не было никаких сомнений, что на борту этого корабля находилось слишком много различных механических устройств, чтобы он мог чувствовать себя в относительной безопасности после всех своих действий. Его могли схватить, даже убить, без какого-либо предупреждения. Да и откуда ему было знать, не наблюдают ли за ним сейчас из какого-нибудь удаленного места, находящегося за пределами его контроля.

— Мадам, — медленно начал он, — с вами ничего не случится, если только вы сами не спровоцируете меня какими-нибудь враждебными действиями. Я пришел сюда в надежде получить ответы на некоторые вопросы. Чтобы успокоить вас, я объясню, что сам я — один из астронавигаторов корабля Пятидести Солнц «Атмион». Нет смысла вдаваться в подробности, каким образом мы скрылись от вас, однако замечу, что причиной моего появления здесь явилось ваше последнее обращение к народу Пятидесяти Солнц. Вы оказались правы, полагая, что среди его жителей нет единства. Одни считают, что нам следует принять ваши условия, другие подвержены паранойе. Естественно, этих боязливых большинство. Все-

гда кажется, что безопаснее ждать и надеяться.

Он умолк, мысленно анализируя сказанное. Разумеется, можно было бы выразиться более мягко, но в сущности слова были верны. Если люди с этого корабля и могут чему-то поверить, так это в то, что он и ему подобные еще не решили относительно своих дальнейших действий. Он продолжил столь же неторопливым, тщательно выверенным голосом:

— Я представляю группу, занимающую в этом деле особую позицию. Только астронавигаторы и метеорологи с разных планет и кораблей могут указать вам местонахождение обитаемых планет. Наверное, найдутся десятки тысяч подонков, готовых предать свой народ когда угодно ради личной выгоды. Но, думаю, среди высококвалифицированного и дисциплинированного персонала правительственных и военных органов таких не найдется. Уверен, вы прекрасно это понимаете.

Он вновь умолк, чтобы дать женщине время переварить услышанное.

По мере того, как Малтби говорил, Первый капитан постепенно успокаивалась. Его слова звучали разумно, а намерения казались странными, но не более того. Ее больше занимал вопрос,

каким образом он смог отыскать ее. Любой другой, менее осведомленный о необычайно сложной конструкции корабля человек принял бы появление в ее каюте постороннего как реальный факт и этим бы и ограничился. Но леди Лорр не могла так просто отбросить теорию вероятности. Это было похоже на то, как если бы кто-то оказался в чужом городе с населением тридцать тысяч человек и прямехонько направился бы к дому, хозяина которого он хотел повидать, не имея при этом никакой предварительной информации. Она едва заметно покачала головой, отбрасывая такое объяснение, и решила ждать продолжения. Его слова вернули ей спокойствие, она уже перестала опасаться за свою жизнь. И с каждой минутой в ней росла уверенность, что лейтенант Неслор находится на своем посту. Возможно, ей — Глории — даже удастся что-нибудь выяснить.

— Мы хотим получить кое-какую информацию, — продолжал между тем Малтби. — Решение, которое вы пытаетесь навязать нам, нелегко принять, поэтому мы бы хотели отсрочить его. Для нас было бы гораздо проще, если бы вы вернулись в главную галактику и послали сюда новый корабль немного позже. Тогда у нас появилось бы время подготовиться к неизбежному, и никому

бы не пришлось задумываться насчет предательства своего народа.

Глория кивнула в темноту — это она могла понять.

— Что вы хотите узнать?

— Как долго вы пробыли в Большом Магеллановом Облаке?

— Десять лет.

— И сколько вы собираетесь еще здесь оставаться?

— Я пока не знаю, — ответила Первый капитан. Леди Лорр с некоторым удивлением отметила, что она сказала правду, по крайней мере, в отношении себя. Голосование по этому вопросу должно было состояться через два дня.

— Я настоятельно рекомендую вам отвечать на все мои вопросы.

— А что случится в противном случае? — В этот момент рука ее, осторожно тянувшаяся к маленькому пульту на краю кровати, достигла цели. Она с некоторым торжеством внутри себя нажала на одну из кнопок и тут же расслабилась. Из темноты прозвучал голос Малтби.

— Я позволил вам сделать это. Надеюсь, после этого вы почувствуете себя еще в большей безопасности.

Его спокойствие удивляло ее, ее интересовал вопрос, точно ли он знал, что она сейчас сделала. Холодным тоном она объяснила, что привела в действие целый комплекс электронных датчиков. Отныне они будут следить за его действиями своими электронными глазами и пресекать всякую попытку использовать энергетическое оружие. Только вот и она сама не сможет использовать оружие. Сообщать об этом непрошеному гостю она, разумеется, не собиралась.

— Я вовсе и не думал пользоваться энергетическим оружием, — заметил Малтби. — Но мне бы хотелось узнать ответы еще на несколько вопросов.

— Хорошо, — голос ее прозвучал мягко, однако в ней росло раздражение против лейтенанта Неслор. Пора бы ей уже как-то заявить о себе!

— Каковы размеры вашего корабля?

— Тысяча пятьсот футов в длину, а экипаж — три тысячи человек.

— Довольно большой корабль, да? — Малтби старался не выказывать своего удивления. К тому же он был уверен, что она преувеличивает. Интересно, насколько.

Первый капитан никак не отреагировала на его слова. В действительности корабль был в

десять раз больше. Но гораздо большее значение имели не размеры корабля, а его вооружение. Она была уверена, что ее собеседник не имеет ни малейшего представления об оборонительном и наступательном потенциале корабля, которым она командовала. Только несколько высокопоставленных офицеров имели понятие о характере некоторых систем, которые могли быть задействованы. Офицеры эти находятся сейчас под непрерывным контролем сотрудников дистанционного контроля.

— Мне также хочется узнать, каким образом нас поймали, — произнес Малтби. — Можете ли вы объяснить мне это?

Ага, вот он наконец и дошел до этого вопроса. Леди Лорр громко сказала:

— Лейтенант Неслор!

— Да, Высокочтимая леди, — последовал из темноты немедленный ответ.

— Тебе не кажется, что комедия несколько затянулась?

— Действительно, затянулась. Прикончить его?

— Нет. Я хочу, чтобы теперь он ответил на некоторые мои вопросы.

Устремившись к нуль-Т-передатчику, Малтби

подчинил ее сознание себе. Сзади он услышал напряженный возглас Глории:

— Не стреляй! Пропусти его!

И впоследствии, вспоминая этот эпизод, она не сомневалась, что поступила верно. Она уверяла себя, что, поскольку незнакомец не угрожал ее безопасности и был одним из разыскиваемых ею астронавигаторов, уничтожение его было бы неразумно.

В результате Малтби спокойно покинул капитанскую рубку и успел дать сигнал, по которому «Атмион» был освобожден. Когда корабль Пятидесяти Солнц исчез вдали, офицеры корабля землян, следуя последней установке Малтби, начали забывать о своем участии в этом побеге.

С его ментальными способностями, это было единственным, чего он мог добиться, если не считать проникновения на корабль и благополучного ухода с него. То, что он узнал, оказалось неадекватно столь рискованному предприятию, но он по крайней мере убедился, что имеет дело с гигантским кораблем, которому следует быть осторожным при встрече с флотом, хотя Малтби не сомневался теперь, что у землян имеется оружие, которым он может уничтожить сразу несколько военных кораблей противника. Боль-

ше всего его мучила неизвестная еще реакция на случившееся со стороны экипажа «Атмиона» и вообще населения Пятидесяти Солнц. Для одного человека всего этого было слишком много. А что еще может произойти на борту «Звездного скопления», он боялся даже загадывать.

Реакция на случившееся последовала не сразу. Малтби понимал, что адмирал Дриан отправил донесение правительству Пятидесяти Солнц. Два дня прошли в томительном ожидании.

Наконец на третий день из ежедневной сводки стало известно о резком изменении курса «Звездного скопления». Причина была непонятна. А еще днем позже на экране в каюте Малтби появилось лицо вице-адмирала Дриана.

— Сообщение для всего экипажа, — мрачным голосом начал он. — Из штаба флота только что получено следующее извещение. — Адмирал чуть замешкался, прежде чем начать читать. — Настоящим объявляется состояние войны между народами Пятидесяти Солнц и земным кораблем «Звездное скопление». Флоту отдан приказ найти противника и вступить с ним в бой. Экипажу кораблей, выведенных из строя и оказавшихся под угрозой пленения, надлежит уничтожить звездные карты, дабы они не попали в руки

врага, а всем офицерам-метеорологам и астронавигаторам — покончить жизнь самоубийством. Самая главная задача, поставленная перед вами суверенным правительством Пятидесяти Солнц, — уничтожить земной корабль.

Лицо Малтби побледнело, он с напряжением слушал выступление Дриана, когда тот менее официальным тоном продолжал:

— Я получил конфиденциальную информацию, что правительство решило, что крейсер «Звездное скопление» освободил «Атмион», дабы избежать нашего гнева. Опираясь на собранные данные, командование убеждено в том, что корабль землян можно уничтожить решительной атакой. Если мы точно выполним данные нам предписания, то даже захват противником нескольких наших кораблей не даст врагу какого-либо превосходства. Я уже определил людей, которые «помогут» в выполнении своего долга тем офицерам, что не захотят совершить акт самоубийства. Прошу не забывать об этом.

Капитан Питер Малтби, главный метеоролог «Атмиона» и помощник астронавигатора, ощутил, как засосало у него под ложечкой. Он был инициатором проведения политики совместных действий с народом Пятидесяти Солнц. Теперь

не могло быть и речи, чтобы отступить от нее по личным причинам.

Его единственной надеждой было то, что «космические волки», как часто называли корабли Пятидесяти Солнц, всей стаей быстро управятся с одним кораблем землян.

Но на самом деле они отправились навстречу тигру, вышедшему на охоту.

6.

Она проиграла голосование с до боли разочаровывающим счетом 9:10. С мрачным видом она отдала приказ крейсеру взять курс домой.

Несколько позже в тот же «день» поступил запрос из радиорубки:

— Нам продолжать передавать данные о нашем курсе?

По крайней мере на это власть ее еще распространялась.

— Разумеется, — коротко ответила она.

Утром следующего дня ее разбудили сигналы тревоги.

— Впереди тысячи кораблей! — доложил капитан, начальник оперативного отдела.

— Снизить скорость! — приказал Первый капитан. — Боевая готовность!

Когда все приготовления были сделаны, и их скорость упала до тысячи миль в час, леди Лорр обратилась ко всем капитанам, входящим в Совет корабля:

— Итак, господа, — начала она, не скрывая своей радости: — Могу я рассчитывать на получение вашего согласия начать боевые действия против мятежного правительства, в настоящий момент всеми своими действиями показывающего, что оно способно предпринять против земной цивилизации самые враждебные действия.

— Глория, — сказала одна из женщин, — не изводи нас. Это тот самый случай, когда ты права.

Решение принять бой было единогласным. Потом возник вопрос:

— Мы собираемся уничтожить их или же возьмем в плен?

— Возьмем в плен.

— Всех?

— Да, всех.

Когда земной крейсер и флот Пятидесяти Солнц разделяло примерно четыреста миллионов световых миль, «Звездное скопление» включило специальное поле, которое охватило огромное пространство, настоящую вселенную в миниатюре, сильно искривленную.

Корабли, двигаясь, как считали их капитаны, по прямой линии, вдруг оказывались вернувшимися в прежнюю точку по круговым орбитам. Попытки вырваться из ловушки на сверхсветовых скоростях оказались бесполезными. Множество ракет, направленных на источник поля, вернулись назад и их пришлось отвести в сторону и взорвать так, чтобы при этом не повредить собственным кораблям.

Было обнаружено, что исчезла связь с любой из планет Пятидесяти Солнц. Субпространственное радио молчало.

В конце четвертого часа «Звездное скопление» выпустило в сторону вражеских кораблей лучи захвата. Один за другим неумолимо корабли притягивались к гигантскому крейсеру.

Именно в этот момент всем офицерам из метеорологического и астронавигаторских отделов был отдан приказ немедленно покончить жизнь самоубийством.

На «Атмионе» Малтби был в числе тех, кто пожимал с побледневшим лицом руку вице-адмиралу Дриану. Сразу же после этого он нацелил бластер себе в голову.

В самую последнюю секунду он заколебался.

«Я мог бы сейчас взять над ним контроль, прямо

в эту секунду — и спасти себе жизнь», — подумал Малтби.

Но тут же сердито возразил себе, что его вмешательство ни к чему не приведет, в этом нет никакой нужды и смысла. В любом случае, рано или поздно, Пятьдесят Солнц обнаружат, независимо от того, что он сейчас предпримет.

И тогда он подумал: «Именно за это я всегда и выступал. Мы, мулы, должны быть одной, единой группой, быть вместе до самого конца, если придется».

Колебания закончились. Малтби нажал кнопку бластера.

Когда команды техников втянули в чрево крейсера первые захваченные корабли, ликующей молодой женщине, стаявшей на мостике самого огромного из всех звездолетов, которые когда-либо оказывались в Большом Магеллановом Облаке, было доложено о самоубийствах.

Жалость охватила ее.

— Оживить всех! — приказала она. — Никто не должен умереть!

— От некоторых почти ничего не осталось, — последовал ответ. — Они использовали бластеры.

Первый капитан нахмурила брови, услышав

это: теперь предстояло сделать много дополнительной работы.

— Глупцы! — вскричала она. — Они заслужили свою смерть.

Но тут же замолкла.

— Оказать экстренную помощь! В случае необходимости переправляйте на борт «Звездного скопления» целые экипажи, используя нуль-Т-передатчики, с упором на синтез поврежденных тканей и органов.

Поздно вечером она сидела за своим столом, принимая донесения. К ней доставили несколько воскрешенных навигаторов, и с помощью лейтенанта Неслор из центра психологии она их допросила.

Перед тем как она, устав за весь этот суматошный день, наконец уснула, потерянная цивилизация Пятидесяти Солнц была обнаружена.

7.

Миля за милей, год за годом дрейфовали газы. Израсходованное вещество десяти тысяч звезд, диффузионные испарения давно произошедших взрывов, потухшего адского пламени и ярости сотен миллионов обезумевших солнечных пятен — все бесформенное, бесцельное.

Но это было только начало.

Газы медленно распространялись по непроглядной темноте. В них содержались кальций, натрий, водород — большая часть таблицы элементов. Скорость их передвижения постепенно поднялась до двадцати миль в секунду.

Прошла вечность, прежде чем силы гравитации сделали свое дело. Произошло разделение ранее однородной массы. Громадные скопления газа в отдельных районах космоса стали приобретать видимость формы, уходя все дальше и дальше.

Наконец они достигли места, где тысяча ослепительно сверкающих звезд из антиматерии «пересекла дорогу» главному потоку звезд. Пересекла и оставила собственные твердые и газообразные отбросы.

Первое же столкновение ускорило движение огромных газовых скоплений. Облака обычных электронов понеслись, словно табун пришпоренных лошадей, и на полной скорости врезались в столь же огромное скопление позитронов антиматерии. В тот же миг более легкие позитроны и электроны с внешних орбит исчезли в яркой вспышке радиации.

Родился шторм.

Ободранные ядра антиматерии несли теперь

огромные и ничем не уравновешенные отрицательные заряды, отталкивающие электроны, но притягивающие ядра атомов обычной материи. Последние в свою очередь притягивали антиматерию.

Результат столкновения зарядов был чудовищен. Две противостоящие массы кружились в катаклизме реакции частичной адаптации, устремляясь во все стороны. Но постепенно они слились в один бурлящий поток.

Новое направление, вначале неясное, вскоре стабилизировалось, после чего фронтом, шириной в девять световых лет, со скоростью, почти равной скорости света, шторм с ревом устремился навстречу своей судьбе.

В течение полуста лет одна за другой им проглатывались звезды, оставляя за собой только мощные космические излучения, свидетельства центров невидимого атомного опустошения.

На четыреста девяностый звездный год за одно мгновение шторм пересек орбиту новой.

И разбушевался еще больше!

На стереоскопической карте главного метеорологического управления на планете Кайдер III шторм был показан оранжевым цветом, что означало, что он был самый крупным из всех

четырехсот бурь, свирепствующих в районе Пятидесяти Солнц Большого Магелланова Облака.

Он выглядел как неправильной формы пятно на широте 473, долготе 228, 190 парсеков от центра. Но это была система координат, принятая на Пятидесяти Солнцах, не имевшая никакого отношения к магнитному центру Магелланова Облака.

Данные о Новой еще не были занесены на карту. Когда это случится, цвет шторма изменится и станет агрессивно-красным.

Они перестали разглядывать карту. Малтби стоял рядом с советниками возле огромного окна и смотрел на земной корабль.

Летательный аппарат казался в далеком небе не более, чем темной щепкой. Но это зрелище приковывало к себе восхищенные взгляды стариков.

Малтби был спокоен и решительно настроен, при этом он иронично подумал о людях Пятидесяти Солнц: «Как забавно, но в этот час смертельной опасности они взывают ко мне!»

Он перевел свой взгляд с корабля на тучного, с испариной на лбу председателя правительства Кайдера III и, мысленно поднапрягшись, заставил того взглянуть на него. Советник, не замечая

принуждения, повернулся и сказал:

— Вы поняли все инструкции, капитан?

Малтби кивнул головой.

— Да.

Сказано было слишком слабо. Он воспринял их позицию, их цель как составную часть своего твердого убеждения: только полное сотрудничество может позволить мулам уверенно занять свое место в культуре, от которой они произошли. Сопротивление правительства Пятидесяти Солнц теперь было запоздалым и безнадежным. И все-таки ведь он был офицером, и не ему ставить под сомнение их логику.

Лаконичный ответ, наверное, пробудил живые воспоминания. Тучное лицо затряслось, как студень, и на нем выступили новые капельки пота.

— Капитан Малтби, — сказал Крейг, — ваша миссия не должна завершиться провалом. Земляне попросили метеоролога, чтобы он провел «Звездное Скопление» к Кассидору VII, где расположено центральное правительство. Но туда они не должны попасть. Они должны угодить прямо в центр этой огромной бури на широте 473. Мы поручаем вам сделать это: вы имеете двойной ум мулов. Мы сожалеем, что не всегда в должной мере ценили вашу службу. Но вы

должны согласиться, что после войны с мулами вполне естественно было проявление подобной осторожности…

— Не стоит об этом, — прервал Малтби эти извинения. — Мулы столь же заинтересованы в этом вопросе, как деллианцы и неделлианцы. Заверяю вас, я сделаю все от себя зависящее, чтобы уничтожить этот звездолет.

— Будьте осторожны! — с беспокойством продолжал председатель. — В одно мгновение корабль может уничтожить нас, нашу планету, наше солнце. Мы и представить себе не могли, что земляне могут настолько превзойти нас и создать такую невероятно мощную разрушительную машину. В конце концов неделлианцы и, конечно же, мулы занимаются исследовательскими работами, причем первые лихорадочно трудятся уже в течение многих тысяч лет. И, наконец, не забывайте, что никто не просит от вас самопожертвования. Крейсер непобедим. Как нам было сказано, он скорее всего уцелеет во время шторма, каким образом, не важно. Главное, что когда это случится, все на борту потеряют сознание. Ну, а вы, являясь мулом, первым придете в сознание. Наш объединенный флот, как вы уже знаете, будет поблизости ждать вашего сигнала,

чтобы взять корабль на абордаж. Это ясно?

Это было ясно с самого начала объяснения, но неделлианцы имели привычку повторяться, как будто мысли в их головах теряли ясность. Когда Малтби закрыл дверь за собой, один из советников сказал соседу:

— А ему сказали, что шторм прошел Новую?

Толстяк, услышавший этот вопрос, покачал головой. Его глаза сверкали, когда он спокойно ответил:

— Нет. В конце концов, ведь он один из мулов. Несмотря на все его заслуги, мы не можем полностью доверять ему.

8.

Все утро поступали донесения. В одних говорилось об успехах, другие сообщали о неудачах, но последние не портили ей хорошего настроения. Главное — то, что удача была на ее стороне. Поступила информация, которую она затребовала: Кайдер III, население два миллиарда сто миллионов, две пятых из них — деллианцы, остальные — неделлианцы. Первые — так называемые роботы.

Деллианцы, физически и психически, представляют собой тип более высокий, но не способный

к творчеству. Неделлианцы занимают доминирующее положение в исследовательских лабораториях. Сорок девять других солнц с населенными планетами указывались в алфавитном порядке: Ассора, Атмион, Бресп, Бьюрако, Кассидор, Корраб…

Ассора: широта 931, долгота 27,201 парсек от центра; Атмион…

И так далее. Незадолго до полудня она вдруг с огромным удивлением отметила, что ничего не поступило от метеорологов, никаких сведений насчет штормов. Леди Лорр сделала звонок и набросилась на ответившего ей старого метеоролога:

— В чем дело, лейтенант Кэннонс? Ваши помощники делали снимки и копии с различных карт Кайдера. Неужели вы ничего не получили?

Тот лишь покачал головой.

— Благородная леди, как вы помните, когда мы схватили того робота на метеостанции, у него было время направить предупреждающий сигнал. Немедленно на каждой из планет Пятидесяти Солнц все карты были уничтожены, с торговых коммерческих судов были сняты радиостанции, способные поддерживать субкосмическую связь, а их капитанам было приказано приземлиться

на ближайших планетах, где и оставаться до получения дальнейших указаний. По-моему, все это было сделано до того, как стало ясно, что их флот не имеет ни малейших шансов противостоять нам. Сейчас же они собираются дать нам метеоролога, но доверять ему мы сможем, только полагаясь на детекторы *лжи*, их способность определять правдивость говорящего.

— Понятно, — леди Лорр улыбнулась. — Не бойтесь. Они не посмеют открыто бросить нам вызов. Не сомневаюсь, они что-то замышляют против нас, но никак не в состоянии помешать нам. Кого бы они ни послали, он не сможет нам солгать. Сообщите мне, когда он появится.

К ней на мостик принесли завтрак. Она стала есть, сидя за приборами управления и наблюдая за экраном астровизора. Глория прислушивалась к хору голосов, откладывая в сознании факты и мысленно составляя общую картину происходящего.

— Нет никаких сомнений, капитан Терджесс, — наконец раздраженно произнесла она, обращаясь к новому собеседнику, — что нам постоянно врут. Но так и должно быть. Мы же можем прибегнуть к психологическим тестам для проверки достоверности нужной нам информации. Пока же

важно, чтобы вы успокоили страхи каждого, кого сочтете необходимым допросить. Мы должны убедить этих людей, что Земля будет обращаться с ними как с равными, без всяких предрассудков из-за того, что они происходят от робо… — Она прикусила губу. — Какое отвратительное слово, от него несет пропагандой! Мы должны исключить его из нашего лексикона.

— Боюсь, что это сделать не удастся, — офицер пожал плечами.

Женщина-капитан пристально посмотрела на него, потом со злостью переключила связь. Мгновение спустя она произнесла по общей корабельной сети:

— Я категорически запрещаю употреблять слово «робот»… любому сотруднику… под угрозой наказания…

Выключив коммутатор, она включила сигнал «занято», после чего вызвала Центр Психологии. Лицо лейтенанта Неслор появилось на видеоэкране.

— Я только что слышала твой приказ, благородная леди, — сказала женщина-психолог. — Однако я боюсь, что в данном случае мы имеем дело с самыми темными из человеческих инстинктов, доставшихся нам еще от наших пред-

ков-животных — ненавистью или страхом перед незнакомцем, чужаком. Леди, ведь мы происходим от предков, которые в свое время ощущали свое превосходство над остальными всего лишь из-за небольшой разницы в пигментации кожи. В наших анналах записано, что на принятие исторических решений влиял даже цвет глаз. Мы как бы отправились в плавание в глубокие воды без необходимых приборов. И если нам удастся благополучно прибыть в порт назначения, то это увенчает итоги нашей жизни.

В голосе психолога звучала страстность и энтузиазм; и это очень обрадовало Первого капитана, что она действительно ценила в людях, так это энтузиазм и старание людей, которые, сталкиваясь с препятствиями, пытаются преодолеть их с юношеским задором и волей к победе. Когда она отключала связь, на губах ее сияла улыбка.

Но потом ее возбуждение прошло. Она принялась с холодным расчетом обдумывать проблему. Это была ее проблема. Все офицеры-аристократы наделялись в космосе неограниченными полномочиями. Считалось, что они способны найти выход из любой запутанной ситуации, связанной с целыми группами планетарных систем.

Спустя минуту она снова связалась с отделом

метеорологии.

— Лейтенант Кэннонс, когда прибудет офицер-метеоролог из флота Пятидесяти Солнц, пожалуйста, придерживайтесь следующей тактики…

Малтби жестом отпустил шофера. Машина отъехала от обочины, а он все стоял, нахмурив брови, перед светящимся энергетическим барьером, который загораживал проход дальше по улице. Наконец он еще раз посмотрел на земной корабль.

Сейчас, после того как он, преодолев множество миль, проехал через весь город, звездолет нависал прямо над ним на невероятной высоте — длинная черного цвета торпеда, едва различимая в далекой туманной дымке. Но все равно она превосходила по размерам все, что когда-либо видели на Пятидесяти Солнцах — немыслимое творение из металла с планеты, находящейся так далеко отсюда, что давно перешла в область преданий.

Но вот миф превратился в реальность. «Последуют тесты, проверки, — подумал Малтби, — прежде чем они согласятся перейти на орбиту, которую я им предложу». Он не сомневался в способности своего двойного мозга справиться

со всем этим, но нельзя было ни на миг забывать и о пугающей временной пропасти, отделявшей науку Земли от того, что было достигнуто на Пятидесяти Солнцах, и уже успевшей преподнести им неприятные сюрпризы. Малтби хмуро встряхнул головой и сосредоточил внимание на улице.

От двух машин, стоявших посреди улицы, к нему тянулся веер розовых лучей. Этот свет, по-видимому, электронной природы, был совсем бледным, совершенно прозрачным, но, по всей видимости, смертоносным. За заревом виднелись люди в блестящей униформе, сновавшие взад-вперед между зданиями. Тремя кварталами дальше розовым светом сияла еще одна полоса огня.

Никакой охраны не было видно. Люди, насколько он мог судить с такого расстояния, были спокойными и уверенными в себе. Слышались приглушенные разговоры, тихий смех. Еще его поразило, как и во время своего первого пребывания на борту «Звездного Скопления», что там были не только мужчины. Когда Малтби направился вперед, две приятной наружности женщины в униформе начали спускаться по ступенькам ближайшего здания. Один из охранников что-то сказал им, в ответ раздался

серебристый смех. Не переставая смеяться, они пошли дальше по улице.

Внезапно Малтби пришел в возбуждение. От этих людей, прибывших сюда, в район Пятидесяти Солнц, из невероятной дали с удивительных миров, исходило какое-то очарование. Его бросало то в жар, то в холод, потом он посмотрел вверх на фантастически огромный звездолет, и снова по спине пробежался холодок. «Один корабль, — подумал он, — но такой огромный, такой мощный, что флот миров, где проживает тридцать миллиардов человек, просто беспомощен перед ним. Земляне...»

Тут он заметил, что один из охранников в сверкающей униформе пристально смотрит на него. Потом что-то произнес в закрепленный на запястье передатчик. Через несколько секунд второй охранник перестал болтать с третьим солдатом и, подойдя к первому, тоже посмотрел на Малтби сквозь лучевую завесу.

— Вам что-то нужно? Или вы просто пришли посмотреть? — В его манерах чувствовалась мягкость, дружелюбность, культура, и эта естественность и отсутствие враждебности приятно удивили Малтби. «В конце концов, — подумал он, — я не боюсь этих людей». Весь его план по

захвату корабля основывался на его непоколебимой вере, что роботы неуязвимы в том смысле, что их полностью уничтожить невозможно.

Малтби спокойно объяснил, кто он такой.

— Ах да, — кивнул охранник, — мы как раз и дожидались вас. Я должен сразу же отвести вас в отдел метеорологии. Одну минутку…

Светящийся барьер исчез, и Малтби провели в одно из зданий. По длинному коридору он проследовал в помещение с нуль-Т-передатчиком, после чего, по всей видимости, был перенесен на сам звездолет — неожиданно он оказался в очень большой комнате. В ней на огромных пюпитрах покоилось с полдюжины карт. Свет лился из миллионов крохотных светящихся точек. Вся комната была заставлена планшетами со светящимися матовыми, но четко очерченными кривыми линиями.

Сопровождающего нигде не было видно. Однако к нему подошел высокий стройный старик и протянул руку.

— Меня зовут Кэннонс, я главный метеоролог корабля. Если вы готовы к работе, то мы можем приступить к разработке новой орбиты, и звездолет сможет выйти на нее уже через час. Первый капитан ждет-не-дождется, когда же мы начнем.

Малтби небрежно кивнул, оставаясь при этом внутренне напряженным и настороже. Он несколько секунд простоял как вкопанный, ощупывая вокруг себя пространство своим телепатическим, вторым, деллианским сознанием, чтобы сразу обнаружить энергетическое поле, — свидетельство тайных попыток проникнуть в его мозг или даже взять над ним контроль.

Но ничего подобного не было. Он даже улыбнулся. Неужели все действительно будет так просто? Чертва с два!

9.

Усаживаясь в кресло, Малтби охватило чувство бодрости и уверенности. Радость жизни переполняла его. Это было ему знакомо — возбуждение перед битвой, и он радовался, что мог его удовлетворить.

За время своей долгой службы на Флоте Пятидесяти Солнц он часто сталкивался с враждебностью и подозрительностью, ведь он был мулом. И всегда ощущал беспомощность. Сейчас же он встретился с куда более глубокой, хотя и завуалированной враждебностью и подозрительностью. Но в этот раз он сможет бороться, сможет, не отводя взгляда, смотреть прямо в глаза этого

словоохотливого, дружелюбно настроенного старика и…

Дружелюбно?

— Иногда мне становится смешно, — говорил между тем старик, — думать о «научных» аспектах орбит, которые мы должны рассчитывать. Например, ответьте, с каким опозданием доходят ваши рапорты о штормах?

Малтби не смог скрыть улыбки. Значит, лейтенант Кэннонс хочет знать все, так? Надо отдать должное этому человеку, он сразу брал быка за рога. Да и в самом деле, единственный способ задать вопрос… это… просто задать его.

— Три-четыре месяца, — ответил Малтби. — Ничего особенного в этом нет. Каждый космометеоролог затрачивает примерно столько времени, чтобы проверить границы конкретного шторма в своем районе, после чего отсылает рапорт, и уж тогда мы отмечаем его на картах. К счастью, — он изо всех сил напряг свое второе сознание, говоря величайшую ложь, — между солнцами Кайдора и Кассидора нет никаких больших штормов. Однако в виду нахождения на пути между этими солнцами других звезд придется слегка изменить курс, — продолжал он, проскальзывая между правдой и неправдой, как уж промеж мокрых

скал. — Поэтому, если вы покажете мне несколько орбит, рассчитанных на две с половиной тысячи световых лет, то я выберу самую лучшую.

Но, как он тут же понял, выполнять его задачу будет не так-то просто.

— Что, нет никаких штормов? — спросил старик, поджав губы. Морщины на его лице, казалось, стали глубже: его, похоже, действительно это обеспокоило; вне всякого сомнения, он не ожидал столь однозначного ответа. — Гм-м! Нет штормов. Как это упрощает дело, верно?

Он замолчал.

— Вы знаете, самым важным для двух, — он несколько секунд не решался произнести слово, но потом все же продолжил, — двух человек, воспитывавшихся в разных культурах, на разных научных понятиях, является уверенность, что при обсуждении любого вопроса они найдут общую точку зрения. Космос столь огромен. Даже сравнительно небольшая в масштабах вселенной система звезд, наше Большое Магеллланово Облако, настолько обширна, что разум отказывается принять точную цифру. Наш корабль «Звездное скопление» уже десять лет исследует его, и теперь можем смело сказать, что в нем не меньше двухсот миллионов звезд. Мы определили магнитный

центр Облака, установили нулевую линию отсчета от центра до самой яркой звезды С Дорадус. И сейчас, мне кажется, могут найтись глупцы, которые будут утверждать, что эта система детально изучена нами.

Малтби ничего не сказал на это: он и сам был таким глупцом. Это было предупреждение. Ему недвусмысленно дали понять, что будет проверена любая орбита, которую он предложит им, с точки зрения влияния на нее различных звезд.

Даже более того. Это указывало на то, что Земля готова распространить свою огромную власть на Большое Магелланово Облако. Теперь было просто жизненно необходимо, чтобы Пятьдесят Солнц получили отсрочку для принятия решения о том, как жить дальше.

А сюда, несомненно, будут отправлены новые корабли — ведомые неумолимым натиском выросшего до чудовищных размеров населения главной галактики, чтобы распространиться еще дальше в глубины космоса. И под постоянным неусыпным контролем, охраняемые непобедимыми крейсерами, в Облако пойдут огромные караваны транспортов, перевозящих грузы и поселенцев. Каждая планета признает в Земле своего сюзерена, тогда как сама Империя Земли

не потерпит независимости ни одной нации. Деллианцам, неделлианцам и мулам просто необходимо выиграть хотя бы несколько дней, даже часов отсрочки; и как хорошо, что свои надежды он не связывал только лишь на уничтожение этого звездолета, который, двигаясь по выбранной им орбите, должен был закончить свой путь где-нибудь в глубинах солнца.

Их Изыскательская Служба произвела магнитные замеры всех солнц, но они просто не могли знать обо всех штормах. Ни за десять лет, ни даже за сто ни одному кораблю не под силу обнаружить пути перемещения всех возможных штормов на расстоянии в две с половиной тысячи световых лет. Если только их психологи не выявят у него наличия особых качеств его двойного разума, то скорее всего ему все-таки удастся выполнить миссию правительства Пятидесяти Солнц. Малтби не сомневался в этом. Внезапно он заметил, что лейтенант Кэннонс начал какие-то манипуляции с табло орбит.

Световые линии на нем замигали и закружились. Потом остановились, словно шарик в рулетке. Малтби выбрал шесть, ведущих в глубь огромного шторма. Через десять минут он почувствовал легкую вибрацию, когда звездолет

двинулся в путь. Странно, что они начали действовать, даже не проверив как следует его…

— Направимся вот по этой орбите, — сказал старик.

Малтби подумал: «Это просто невозможно! Сейчас они примутся за него, и…»

На этом его мысль оборвалась.

Он оказался в космосе. Далеко-далеко внизу виднелась удаляющаяся планета Кайдер III. По сторонам поблескивал огромный темный корпус крейсера; а снизу и сверху сияли звезды на фоне темного космоса. Помимо его воли увиденное оказало на него сильное воздействие.

Его действующий мозг работал как бы толчками. Он зашатался и упал бы, как человек с завязанными глазами, если бы, сделав попытку удержаться, он не обнаружил, что по-прежнему крепко стоит на ногах.

Все его существо напряглось. Инстинктивно он пробудил и активизировал свое второе сознание и направил всю его мощь и силу, приобретенную благодаря развитию его невероятных качеств посредством специальной деллианской подготовки, на защиту своего второго «я» от действий, которые люди могли предпринять против него.

Откуда-то из темноты, где сверкали звезды,

донесся четкий резонирующий женский голос:

— Итак, лейтенант Неслор, принес ли сюрприз свои психологические плоды?

Через секунду последовал ответ. Говорил пожилой женский голос:

— Благородная леди, через три секунды его сопротивление по IQ подскочило до отметки 900. Это означает, что нам послали деллианца. Ваша милость, а мне-то казалось, что ты особенно выделила в послании пункт, чтобы их представителем был неделлианец.

Малтби поторопился произнести в темноту, окружавшую его:

— Вы совершенно не правы. Я не деллианец. И уверяю вас, если вы того захотите, я понижу свое сопротивление до нуля. Я, что совершенно естественно, просто-напросто инстинктивно отреагировал на этот сюрприз.

Раздался щелчок, и в миг пропала иллюзия космоса и звезд. Малтби понял то, о чем он уже начал догадываться: он все это время находился в метеорологической. Рядом с ним стоял старик, с усмешкой на покрытом морщинами лице он взирал на него. На возвышении, частично скрытом за пультом управления, сидела красивая молодая женщина.

Старик торжественно произнес:

— Перед вами Первый капитан, Досточтимая Глория Сесили, леди Лорр из Благородного рода Лорр. Ведите себя подобающе.

Малтби поклонился, но не произнес ни слова. Первый капитан хмуро смотрела на него. Его внешность произвела на нее впечатление: высокий, стройный… выразительное, невероятно умное лицо. За один короткий миг она отметила все качества, присущие совершенному человеку… и роботу.

«Этот народ может оказаться более опасным, чем я раньше считала», — подумала леди Лорр. С необычной для нее резкостью она произнесла:

— Как вы сами понимаете, нам придется допросить вас Мы бы хотели, чтобы вы не восприняли это как оскорбление. Вы сообщили нам, что Кассидор VII, главная планета Пятидесяти Солнц, находится в двух с половиной тысячах световых лет отсюда. Самим нам понадобилось бы потратить много лет чтобы проложить путь через такую огромную бездну необозначенного на картах космического пространства. Но благодаря вам и представленным вами орбитам мы можем сделать выбор, и, естественно, мы должны быть уверены, что здесь нет никакого подвоха, что

нам ничего не грозит. С этой целью мы просим вас открыть свое сознание и ответить на наши вопросы, находясь под нашим непрерывным психологическим контролем.

— Мне приказано — сказал Малтби, — сотрудничать с вами.

Перед этим он спрашивал себя, что будет он ощущать в этот решающий момент. Однако сейчас с ним не происходило ничего необычного. Его тело было несколько более напряженным, но вот его разумы… он отодвинул свое «я» в глубины сознания, предоставив возможность деллианскому сознанию отвечать на все вопросы. Он специально отделил деллианский разум от своих мыслей. Это был удивительный разум: он не имел собственной воли, но при попытках дистанционного контроля реагировал во всю мощь IQ 191.

Иногда он сам удивлялся своему второму разуму. Лишенный созидательных способностей, он зато имел компьютерную память, и его сопротивление внешнему давлению, как тут же определила женщина-психолог, было чуть больше девятисот. Если быть точным, то IQ 917.

— Как вас зовут?

Допрос начался имя, фамилия, звание, должность. На все он отвечал спокойно, уверенно,

без колебаний. В конце он поклялся, что в каждом слове о шторме — правда и ничего кроме правды, после чего на долгое время воцарилась гробовая тишина. А потом из ближайшей стены вышла женщина средних лет. Она жестом указала Малтби на кресло, а когда он расположился в нем, начала обследование, наклонив его голову. Делала она это мягко — движения ее пальцев походили на любовную ласку. Однако когда она посмотрела вверх, голос ее прозвучал резко:

— Вы не деллианец, но и не неделлианец. Молекулярная структура вашего мозга и тела — самая удивительная, что я видела в своей жизни! Все молекулы — близнецы. Нечто похожее я наблюдала однажды в одном эксперименте во время попытки создать искусственную электронную структуру, предпринятую для уравновешивания ее нестабильности. Сравнение отнюдь не точное, но… гм-м… я должна попытаться вспомнить, чем же закончился тот эксперимент. — Она замолчала на несколько секунд. — А как вы объясните это? Кто вы?

Малтби вздохнул. Раньше он решил, что по большому счету солжет только раз. Для его двойного разума это не составляло особого труда. Но ложь вызывала слабые флюктуации в кровяном

давлении, создавала нервные спазмы и сокращение мышц. Он не мог идти на большой риск, чем это было вызвано необходимостью.

— Я мул, — начал он и вкратце рассказал, как сто лет назад браки между деллийцами и неделлийцами стали давать потомство, что до этого было невозможно. Благодаря использованию метода холода и давления…

— Одну минутку! — перебила его психолог. Она исчезла. Когда она снова вышла из стены нуль-Т-передатчика, она выглядела задумчивой. — Похоже, он говорит правду, — призналась она без особой охоты.

— Как это понимать? — раздраженно спросила Первый капитан. — Неужели первый же гражданин Пятидесяти Солнц, проходящий проверку в Центре Психологии, заставляет вас, психологов, сомневаться в каждом своем выводе. А я-то думала, что психология — единственная совершенная наука! Он либо говорит нам правду, либо нет.

Пожилая женщина выглядела несчастной. Она впилась взглядом в Малтби, очевидно, смущенная его спокойствием, потом наконец обернулась к своей начальнице и сказала:

— Его мозг состоит из двойных молекул. За исключением этого я не вижу причин, почему бы

не отдать приказ «полный вперед».

Глория подумала: «Вот оно! Именно это я и искала. Брак между деллианцами и неделлианцами действительно дал потомство!»

Она не имела ясного представления, что же это может означать. С легкой улыбкой на устах она произнесла вслух:

— Приглашаю капитана Малтби на обед. Уверена, что он не откажется от сотрудничества в исследованиях, которые вы, возможно, захотите провести позже. Тем временем пусть кто-нибудь покажет ему его каюту.

Леди Лорр обернулась и произнесла в микрофон селекторной связи:

— Отделение Главных Двигателей, повысить скорость до половины светового года в минуту по следующей орбите…

Малтби слушал, прикидывая в уме. Половина светового года в минуту. Некоторое время понадобится кораблю для достижения этой скорости, но… через восемь часов они попадут в бурю…

Через восемь часов он будет обедать вместе с Первым капитаном.

Восемь часов!

После его ухода леди Лорр хмуро посмотрела на свою спутницу.

— Ну, что вы думаете?

— Вряд ли они рискнут водить нас за нос на данном этапе. — В голосе женщины-психолога была заметна ярость, которую она пыталась сдержать.

— У них здесь довольно сложная система, — растягивая слова, произнесла Первый капитан. — Единственные карты, представляющие какой-либо интерес, находятся на планетах. Люди же, способные разбираться в этих картах, на борту своих судов. Используя кодированную информацию, получаемую от людей, которые не разбираются в картах, астронавигаторы делают свои вычисления. Единственный способ узнать, говорит ли капитан Малтби нам правду, это психологические тесты. Как это бывало в прошлом, я целиком полагаюсь на ваше мастерство. Несомненно, они что-то задумали, но мы не можем позволить себе быть парализованными страхом. Мы должны исходить из того, что сумеем выбраться из любой ловушки, пусть даже с помощью силы, если ничего другого не остается. Тем временем необходимо сделать полную проверку. Глаз не спускайте с этого человека. Мы ведь по-прежнему не знаем, каким образом исчез «Атмион».

— Сделаю все от себя зависящее, — твердо отве-

тила лейтенант.

10.

Столкновение антиматерии Новой с газами обычной материи, и без того достигшими невероятной скорости, породило еще больший шторм.

Солнце-гигант, взорвавшись, усилило диффузию, добавляя к этому безумию хаоса еще один, гораздо более опасный фактор, — скорость. Пики скорости сопровождались заревами пожаров. В неистовстве шторма все рушилось и, охваченное танцующим адским пламенем, сгорало. В результате очень быстро наступил конец: от материи почти ничего не осталось. Первым, неся предупреждение всем, кто знал, что он возник на границе межзвездного шторма, вперед устремился свет Новой.

Но это ослепительно сверкающее предупреждение сводилось на нет колоссальной скоростью шторма. Недели и месяцы он мчался сквозь непроглядный мрак ночи со скоростью, почти равной скорости самого света.

После обеда посуду быстро убрали. Малтби подумал: «Через полчаса… через полчаса!»

Внутренне содрогнувшись, он спросил себя,

что же произойдет, когда крейсер внезапно столкнется с передним фронтом урагана, ведь это торможение будет равняться тысяче «же». Вслух же он произнес:

— Мой день? Я провел его в библиотеке. Меня интересует новейшая история земной межзвездной колонизации. Мне любопытно узнать, как поступают с группами, вроде мулов. Я уже говорил вам, что после войны, в которой они потерпели поражение, главным образом в виду своей немногочисленности, мулы сами скрылись от Пятидесяти Солнц. Я же один из детей, захваченный ими…

В этом месте его рассказ был прерван.

— Благородная леди, — раздался крик из коммутатора в стене, — разгадка найдена!

Лишь спустя мгновение Малтби узнал возбужденный голос женщины-психолога. Он почти забыл, что ей было поручено изучать его. Следующие ее слова заставили его внутри похолодеть:

— Два разума! Я уже думала об этом некоторое время назад и смонтировала двойное контрольное устройство. Задай ему… задай ему вопрос насчет штормов. А пока останови движение корабля. Немедленно!

Хмурый взгляд Малтби встретился со стальным

взглядом сузившихся глаз Первого капитана. Без раздумий он сосредоточил воздействие обоих своих разумов на ней и заставил ее произнести:

— Что за ерунда, лейтенант. У одного человека не может быть два мозга. Поясни свою мысль.

Теперь Малтби мог надеяться только на задержку. Было еще десять минут, в течение которых они могли спастись. Он должен продержаться каждую секунду этого времени, сопротивляться всем их усилиям, пытаться держать ситуацию под контролем. Если бы только его особый стереоскопический гипноз мог воздействовать через коммутаторы…

Но увы! Лучи света устремились к нему от стены и, оплетя его, удерживали его в кресле столь же крепко, как и многочисленными неразрывными путами. Даже хотя его руки и ноги были опутаны этой материализовавшейся энергией, перед его лицом возникло еще одно силовое поле, оградив Первого капитана от его мысленного воздействия; в конце концов это поле опутало силовыми линиями его голову наподобие дурацкого колпака.

Малтби был связан так ловко, что ему казалось, словно на него навалилась дюжина людей и всем скопом придавила его. Малтби, взяв себя в руки,

рассмеялся.

— Слишком поздно, — насмешливо сказал он. — Не меньше часа понадобится кораблю, чтобы снизить скорость до безопасной, а при такой скорости вы просто не успеете свернуть в сторону, чтобы избежать столкновения с крупнейшим штормом в этой части вселенной.

Это было лишь полуправдой. Оставалось еще и время, и пространство для маневра, чтобы уйти от приближающегося шторма в направлении переднего фронта его движения, но нельзя было повернуть в сторону заднего фронта, налево или направо.

Первый вопль молодой женщины оборвал его мысль:

— Отделение Главных Двигателей! Сбавить скорость! Аварийная ситуация!

Тут же стены корабля начали трястись от вибрации, а тяжесть торможения навалилась на его тело и мышцы. Приспособившись к этой тяжести, Малтби посмотрел на Первого капитана. Она, отделенная от него столом, улыбалась, но это была скорее не улыбка, а застывшая маска.

— Лейтенант Неслор, — произнесла леди Лорр сквозь стиснутые зубы, — примени любые физические или иные воздействия, но заставь его

говорить. Необходимо что-то предпринять.

— Ключ ко всему — в его втором разуме, — раздался голос женщины-психолога. — Он не деллианский, обладает лишь обычной сопротивляемостью. Я подвергну его сильнейшему мысленному воздействию, который когда-либо был направлен на мозг человеческого существа, используя два основных стимула: секс и логику. Мне придется использовать тебя, благородная леди, в качестве предмета его вожделений.

— Торопись! — нетерпеливо воскликнула молодая женщина.

Малтби виделось все вокруг, как в тумане. В глубинах его сознания еще сохранялась мысль, что он реально существует, и только эти неумолимые машины пытаются воздействовать на его психику. Он сопротивлялся. Сопротивлялся, цепляясь за свою волю к жизни, с такой же силой и интенсивностью, как миллиарды и квадриллионы импульсов, составлявших его существо.

Но внешнее воздействие, мысль извне становились все сильнее. Как глупо ему сопротивляться Земле — когда эта прекрасная земная женщина любит его, любит его, любит его… Прославленная цивилизация Земли и главной Галактики. Триста миллионов миллиардов людей! Уже пер-

вый контакт преобразит Пятьдесят Солнц. Как же она прекрасна! Я должен спасти ее! Она для меня все!

Как будто издалека он услышал собственный голос, объясняющий, что нужно сделать, что предпринять, чтобы повернуть корабль, в каком направлении, сколько времени осталось на это. Он пытался остановиться, но неумолимо его голос все звучал и звучал, произнося слова, которые означали второе поражение Пятидесяти Солнцам.

Туман начал рассеиваться, чудовищное давление на его мозг ослабевало, убийственный поток слов перестал литься из его уст. Малтби неуверенно выпрямился, внезапно осознав, что энергетические путы и колпак исчезли с его тела и головы. Он услышал, как Первый капитан говорит в коммутатор:

— Совершив поворот на 0,0100, мы уйдем от шторма на семь световых недель. Признаю, что кривая будет опасно крутой, но мне кажется, что нам следует по крайней мере иметь в запасе столько времени.

Она повернулась и пристально посмотрела на Малтби:

— Приготовьтесь! При скорости в половину

светового года в минуту поворот даже на сотую долю градуса вызывает у некоторых людей потерю сознания.

— Только не у меня! — возразил Малтби и напряг свои деллианские мускулы.

В течение следующих четырех минут он наблюдал, как она трижды теряла сознание, но всякий раз она почти сразу же приходила в себя.

— Мы — люди, — сказала она, слабо улыбаясь, — существа хлипкие. Но во всяком случае мы знаем, как терпеть муки.

Тянулись ужасные минуты. Тянулись бесконечно долго. Даже Малтби почувствовал напряженность этого, с виду, бесконечного разворота. Наконец он подумал: «Как же эти люди надеются уцелеть при прямом попадании в шторм?»

Внезапно все кончилось. Голос какого-то мужчины спокойно произнес:

— Мы прошли по намеченному курсу, благородная леди, и теперь находимся вне опас… — Вдруг его голос сорвался на крик: — Капитан, только что со стороны шторма вспыхнул свет Новой!

11.

В последние минуты перед катастрофой крейсер «Звездное скопление» сверкал, как огромный

бриллиант. Яркий предупреждающий свет Новой вызвал невообразимый перезвон сигналов тревоги на всех ста двадцати палубах корабля; повсюду вспыхивали ряды огней, мерцали во всю его длину в четыре тысячи футов, как ограненные драгоценные камни. В отблесках этого света черная гора, которой являлся корпус звездолета, походила на цель их полета — легендарную планету Кассидор, видимую ночью с огромной высоты и усеянную сверкающими бриллиантами — городами.

Бесшумный, как призрак, невообразимо огромный и прекрасный, великолепный в своей мощи, огромный звездолет скользил в темноте космоса по специфической реке времени и пространства, которой является проложенный для него астронавигаторами курс.

Даже когда корабль оказался в центре бури, увидеть что-либо было невозможно. Пространство впереди выглядело столь же прозрачным, как и любая пустота, и если бы звездолет мчался просто на атомных скоростях, то из-за огромной разреженности газов на корабле могли бы и не заметить страшной опасности для него. В результате возможен был стремительный распад материи, который сопровождался бы самым

жестким в известной вселенной излучением — такая вот катастрофическая опасность угрожала «Звездному Скоплению» из-за его громадной скорости.

Столкновение массы газа с кораблем на скорости в половину светового года в минуту было подобно удару о сплошную стену. Огромный звездолет, со страшной силой начав торможение, затрещал по швам. В считанные секунды был превзойден предел надежности, при котором корабль согласно расчетам его конструкторов оставался целым.

А потом он начал распадаться.

Однако при этом все происходило по-прежнему в соответствии с первоначальными расчетами великолепных инженеров фирмы, построившей звездолет: когда был достигнут этот предел прочности корабля как единого целого, он распался на девять тысяч отдельных модулей.

Серебристые, обтекаемой формы металлические иглы длиной в четыреста и шириной в сорок футов ловко скользили в пространстве, уменьшая давление газов на их скользкие бока. Но этого было недостаточно. Металл скрежетал от пытки торможением. В амортизационных камерах мужчины и женщины лежали в полу-

бессознательном состоянии, испытывая почти невыносимую боль. Благодаря автоматическим силовым экранам двигающиеся в пространстве модули избегали столкновений друг с другом.

И тем не менее, несмотря на сохраняющуюся из-за инерции чудовищную скорость, преодолеть эту газовую массу так и не удалось; все также пространство длиной в несколько световых лет, заполненное газами, простиралось перед ними.

И вновь люди оказались на грани своих физических и душевных сил. Финальное действие носило химический характер — непосредственно касаясь тридцати тысяч человеческих тел — для блага которых и были задуманы и сконструированы эти чудесные устройства защиты — хрупких созданий, которые при обычных условиях во все века умирали и при силе тяжести меньшей, чем пятнадцать «же».

Но в данном случае мгновенно среагировали автоматы: они убрали полы и погрузили каждого человека в специальные амортизационные камеры, имевшиеся в каждом модуле; одновременно эти амортизационные камеры заполнялись специальным газом.

Газ этот был влажным и липким. Он толстым слоем оседал на одежде людей, проникал сквозь

нее к коже, после чего через поры в ней — и дальше, в каждую клеточку тела.

Люди тихо засыпали, погружаясь в удивительное состояние расслабления. Иммунная система начинала вырабатывать в крови вещества, позволявшие преодолеть шок после катастрофы; мышцы, еще за несколько минут до этого скрученные судорогами, расслаблялись; мозг, получающий химические вещества, благодаря которым поддерживалась его нормальная жизнедеятельность, пребывал в таком состоянии покоя, что его не могли потревожить даже сны. Теперь все люди без исключения могли перенести чудовищное ускорение в сто — сто пятьдесят «же» и остаться в живых.

Огромное сердце вселенной пульсировало. С ревом несясь по «артерии», с которой он не в силах был сойти, шторм создавал животворное излучение, очищая темноту от ее ядов… и вот наконец крошечные кораблики, следовавшие каждый своим курсом, достигли границ бури.

Они начали сближаться, искать друг друга, словно внезапно воспылав друг к другу непреодолимой любовной страстью, а для утоления ее и было необходимо такое интимное единение. Автоматически модули начали занимать прежние

места, и крейсер «Звездное скопление» обретал при этом свой былой облик… в котором зияли провалы — в местах, где не хватало утерянных модулей.

На третий день исполняющий обязанности Первого капитана Ратгерс вызвал оставшихся в живых капитанов на передний мостик, где он временно расположил свой штаб. После совещания было передано сообщение для экипажа:

«Сегодня утром в 008 часов пришло сообщение от Первого капитана Досточтимой Глории Сесили леди Лорр из Благородного рода Лорр. Она совершила вынужденную посадку на планете, вращающейся вокруг какой-то желто-белой звезды. При посадке ее корабль разбился и ремонту не подлежит. Поскольку связь с ней осуществлялась при помощи ненаправленного субкосмического радиосигнала, из-за чего не представляется возможным определить местонахождение подобной обычного типа звезды среди миллионов других, то капитаны, собравшиеся на совет, с сожалением вынуждены сообщить, что имя нашей благородной леди теперь пополнит длиннейший список жертв военно-космического флота — список тех, кто погиб при исполнении служебных обязанностей.

Огни Адмиралтейства будут гореть синим светом до особого распоряжения».

12.

Когда Малтби подошел, она стояла к нему спиной. После нескольких мгновений нерешительности он напряг свой мозг и задержал ее на месте рядом с модулем звездолета — главным связывающим звеном со «Звездным скоплением».

Длинная металлическая игла лежала, полузарывшись в болотистую почву огромной долины; ее нижний конец был погружен в сверкающие глубокие желтовато-черные воды медленно текущей реки. Малтби остановился в нескольких футах от высокой стройной женщины и, попрежнему заставляя ее не замечать его, еще раз осмотрел местность, в которой теперь им предстояло жить. Мелкий дождь, сопровождавший его во время прогулки, уходил за желтый край долины на «запад». В это время неожиданно из-за покрова темных охристых облаков выглянуло солнце, ослепив его яркими лучами. А внизу протянулись джунгли, имевшие необычные тона — коричнево-желтые. Куда ни кинь взгляд, всюду — темно-коричневые или светло-желтые, почти белоснежные джунгли.

Малтби вздохнул… и перевел взгляд на женщину, принуждая ее не смотреть на него, пока он обходил ее кругом. Он много думал о Досточтимой Глории Сесили во время своей прогулки. В основном, конечно, мысли его занимала проблема мужчины и женщины, которые обречены прожить всю оставшуюся жизнь вместе, оказавшись заброшенными в одиночестве на далекую планету, но эта проблема была пустяковая. Особенно учитывая тот факт, что один из них будет принужден *любить* другого. Он невесело улыбнулся. Он прекрасно понимал искусственное происхождение этой любви, но это нисколько не уменьшало всю значимость этого факта.

Лучи гипнотической машины поразили его в самое сердце. К сожалению, они совсем не коснулись леди Лорр; и после двух дней пребывания с ней наедине он понял одно: женщина из благородного рода Лорр даже отдаленно не думала о возможности уступить естественным требованиям создавшегося положения. Пора было дать ей понять, но не потому, что необходимо было побыстрее принять решение или что оно было даже желательным, а потому, что она должна была осознать сам факт существования этой проблемы. Малтби шагнул вперед и обнял ее.

Леди Лорр, высокая грациозная женщина, упала в его объятия так, словно всю жизнь принадлежала ему; и хотя он воздействовал на нее и принудил ее поцеловать его, но на подобную страстность ее поцелуя он совершенно не рассчитывал. Под конец этого долгого поцелуя он попытался освободить ее сознание.

И не смог.

Когда же он наконец освободил ее, это было не более, чем физическое освобождение — ее сознание по-прежнему полностью находилось под его влиянием. У самых дверей снаружи стоял металлический стул. Малтби прошел к нему и, усевшись, внимательно посмотрел на Первого капитана. Он был потрясен. Огонь желания, внезапно охвативший его, он понимал это, воспылал в нем в результате проведенного ранее на звездолете гипнотического воздействия. Но до этого он и в мыслях представить себе не мог всю глубину своих чувств. Ему-то казалось, что он полностью держит себя под контролем, но это на самом деле оказалось вовсе не так. Непонятно почему, но он ошибался, полагая, что ироничность, некоторая отстраненность, объективность являлись главными составляющими его реакции на данную ситуацию. Отнюдь. Похоже, гипнотизирующая

машина оказала свое действие.

Он с такой силой любил эту женщину, что простого прикосновения к ней было достаточно, чтобы парализовать его волю. Но постепенно, разглядывая ее с некоторой отстраненностью, пульс его возвращался к норме. Она была красивой — хотя почти все женщины-роботессы деллианской расы были еще краше. Ее полные губы почему-то наводили на мысль о бессердечности, и это впечатление еще более усиливало выражение ее глаз. Характер этой женщины, ее эмоциональность не позволят ей просто так сдаться перед необходимостью пожизненного пребывания на неизвестной планете. Было над чем подумать Малтби. Пока же…

Малтби вздохнул и освободил ее от стереоскопических гипнотических чар, наложенных его двойным разумом, под воздействием которых она пребывала до сих пор. В целях предосторожности он повернул ее спиной к себе. Он с любопытством наблюдал, как она на несколько секунд замерла как вкопанная. Потом направилась к небольшому холму с деревьями, возвышавшемуся над болотистой землей. Поднявшись по склону, она внимательно посмотрела в направлении, откуда он пришел несколько минут назад. Она,

очевидно, искала его. Наконец она повернулась, защищая рукой глаза от ярких лучей заходящего желтого солнца, потом спустилась вниз и увидела его.

Леди Лорр замерла, напряженно всматриваясь в него. Потом медленно пошла вперед и сказала со странной резкостью в голосе:

— Ты появился совершенно бесшумно. Наверное, сделал круг и подошел с запада.

— Нет, — возразил Малтби. — С востока.

Слегка нахмурив брови, она, похоже, обдумывала его ответ. Потом наконец поджала губы. Тут она поморщилась, вероятно, из-за синяка, который, должно быть, причинял ей боль.

— Что ты обнаружил? — спросила она. — Узнал ли что-нибудь…

Она замолчала. Наверное, только сейчас она осознала о синяке на губе — когда ее пальцы коснулись больного места, в ее глазах вспыхнуло понимание, но прежде, чем она успела хотя бы что-нибудь произнести, Малтби сказал:

— Да, ты совершенно права.

Во взгляде женщины чувствовался сдерживаемый гнев. Наконец она успокоилась и сказала стоическим голосом:

— Если ты еще раз попробуешь сделать это, я

буду считать себя вправе застрелить тебя.

Малтби, не улыбаясь, покачал головой.

— И провести всю оставшуюся жизнь в одиночестве? Да ты же сойдешь с ума!

Но он тут же понял, что она просто не способна рассуждать логично из-за слишком сильного гнева, охватившего ее полностью. И Малтби поторопился добавить:

— Кроме того, тебе пришлось бы стрелять мне в спину. Я нисколько не сомневаюсь, что ты сделала бы подобное по долгу службы. Но никогда — по причинам личного характера.

К его удивлению в глазах женщины появились слезы.

И было очевидно, что вызваны они были ее гневом. Но ведь все-таки они появились! Женщина торопливо шагнула вперед и влепила ему пощечину.

— Ты — робот! — рыдая, выкрикнула она.

Малтби печально смотрел на нее, потом рассмеялся и с легкой насмешкой сказал:

— Если мне память не изменяет, леди, только что произнесшая эти слова, — та самая, что обратилась по радио с громким посланием ко всем планетам Пятидесяти Солнц, клятвенно заверяя, что за пятнадцать тысяч лет люди Земли

забыли все свое предубеждение против роботов. Возможно, — сказал он в конце, — при ближайшем рассмотрении эта проблема окажется более сложной?

Ответа не последовало. Досточтимая Глория Сесили бросилась мимо него и исчезла внутри корабля. Спустя несколько минут она появилась снаружи, и Малтби увидел, что на лице ее не осталось никаких следов слез. Она спокойным голосом спросила:

— Так что же ты обнаружил во время прогулки? Я откладывала вызов звездолета до твоего возвращения.

— А я-то думал, — заметил Малтби, — что тебя просили выйти на связь в 010 часов.

Женщина пожала плечами. Когда она ответила, в ее голосе снова появилась надменность:

— Они принимают мои вызовы, когда я выхожу в эфир. Так ты обнаружил какие-нибудь признаки разумной жизни?

Малтби позволил себе на короткий миг почувствовать жалость к ней, испытавшей столько потрясений и до сих пор не оправившейся от них.

— В основном в этой долине болотистая почва, — начал он, — и джунгли, очень старые. Хотя

некоторые деревья громадные, на срезах не видно колец роста… Я видел каких-то весьма любопытных зверей и существо с четырьмя ногами и двумя руками, разглядывавшее меня издали. Оно было вооружено копьем, но было слишком далеко, чтобы пытаться воздействовать на него гипнотически. Наверное, где-то рядом расположена деревня. Возможно, на самом краю долины. Вот что я думаю: в течение ближайших нескольких месяцев я разберу корабль на небольшие части и переправлю их на сухую землю. По моему мнению, у нас есть что сообщить ученым звездолета. Мы находимся на планете, вращающейся вокруг желто-белой звезды G-типа, размерами побольше среднего и с более горячей температурой поверхностных слоев. Более горячее потому, что, несмотря на ее отдаленность от планеты, здесь достаточно тепла, чтобы в северном полушарии возник субтропический климат. В полдень местоположение солнца было почти на севере, теперь оно поворачивается на юг. По-моему, ось наклона приблизительно равна сорока градусам, что означает возможность наступления холодной зимы, хотя это не сходится с возрастом и типом местной растительности.

Леди Лорр помрачнела.

— Да, не слишком много сведений, — заметила она. — Но, конечно, я только администратор.

— А я просто метеоролог.

— Вот именно. Идем. Возможно, мой астрофизик сможет извлечь что-нибудь полезное из этого.

«Твой астрофизик!» — хотелось воскликнуть Малтби, но вслух он так ничего и не произнес. Он последовал за женщиной внутрь модуля звездолета и закрыл дверь.

С кривой усмешкой, когда Первый капитан усаживалась перед экраном астрофизора, Малтби занялся изучением интерьера главного капитанского мостика. Сама приборная панель размером во всю стену со вспыхивающими на ней огнями выглядела сейчас бутафорией — вся машинерия, которая контролировалась отсюда, осталась далеко в космосе. Когда-то корабль господствовал во всем Большом Магеллановом Облаке; теперь же самым эффективным оружием на корабле был пистолет Малтби. Внезапно он заметил, что леди Лорр смотрит на него.

— Я ничего не понимаю, — произнесла она. — Ответа нет.

— Возможно, — Малтби не мог не удержаться от едва заметной в его голосе иронии, — возмож-

но, у них действительно есть важная причина, чтобы ты вышла на связь именно в 010 часов.

Едва заметное подергивание щеки женщины указывало на ее раздражение, но она так и не ответила ничего. Малтби спокойно продолжал:

— В конце концов, это не имеет значения. Они и так делают все, что положено в подобных случаях по инструкциям, созданным для того, чтобы не просмотреть малейшего шанса на спасение. Я не волшебник, чтобы придумать какое-нибудь чудо, способное помочь кому-либо обнаружить нас.

Женщина, похоже, не слышала его. Она с хмурым видом произнесла:

— Как получилось, что мы никогда не слышали радиопередач Пятидесяти Солнц? Я и раньше уже хотела задать этот вопрос. За десять лет блуждания по Облаку мы ни разу не поймали ничего, кроме треска разрядов радиоэнергии.

Малтби пожал плечами.

— Все передатчики работают на чрезвычайно сложной частоте, меняющейся каждую двадцатую секунды. Если бы ваши приборы регистрировали щелчки каждые десять минут, и…

В этот миг его перебил какой-то голос. На экране астровизора появилось мужское лицо — исполняющий обязанности Первого капитана Ратгерс.

— Ну, вот наконец и вы, — сказала женщина. — Что там у вас происходит?

— Мы высаживаем наши силы на Кассидор VII, — последовал ответ. — Как вам известно, Устав требует, чтобы Первый капитан…

— Да-да, конечно. Вы располагаете сейчас временем?

— Нет. Я воспользовался одной свободной минутой, чтобы узнать, все ли с вами в порядке, после чего свяжу вас с капитаном Плэнстоном.

— Как проходит высадка?

— Великолепно. Мы уже связались с правительством. Они, похоже, подали в отставку. Но теперь я должен отключиться. До свидания, моя леди.

Его лицо замерцало и исчезло. Экран погас. Наверное, это было одно из самых коротких «приветствий», которые кому-либо и когда-либо доводилось слышать. Но Малтби, погруженный в собственные мрачные думы, едва ли заметил это.

Итак, все кончилось. Отчаянный план правителей Пятидесяти Солнц, его собственная попытка уничтожить огромный крейсер оказались тщетными в борьбе против непобедимого врага. На мгновение ему показалось, что поражение уже почти наступило — со всеми вытекающими от-

сюда последствиями. Но потом он понял, что эта борьба больше не имеет в его жизни никакого значения. Впрочем, понимание этого не способно было улучшить его мрачного настроения.

Малтби увидел, что на красивом и волевом лице Досточтимой Глории Сесили смешалось выражение волнения и раздражения. Не было никаких сомнений, что она чувствует себя причастной к великим событиям, происходящим сейчас в космосе. Не ускользнуло от ее внимания и то, что скрывалось за краткостью этого разговора.

Экран астровизора вновь зажегся, и на нем появилось лицо человека, не знакомого Малтби, — пожилого мужчины с тяжелым подбородком и нудным голосом. Он начал:

— Это большая честь для меня, ваша милость. Надеюсь, нам удастся спасти вас каким-нибудь образом. Никогда не стоит терять надежду, вот что я скажу вам, — пока не заколочен последний гвоздь в гроб!

Он захихикал, и женщина сказала:

— Капитан Малтби сообщит вам все сведения, которые у него есть, после чего, несомненно, вы, капитан Плэнстон, сможете дать ему какой-либо совет. К сожалению, ни он, ни я не являемся аст-

рофизиками.

— Нельзя быть специалистом во всех областях знания, — выдохнул капитан Плэнстон. — Э-э… капитан Малтби, что вам известно?

Малтби быстро рассказал, что он узнал, после чего выслушал инструкции астрофизика. Они оказались совсем короткими:

— Узнайте, сколько длятся времена года на планете. Тот желтый эффект солнечного света и темно-коричневый интересны. Сделайте следующие фотоснимки на ортохроматической пленке… Используйте три светофильтра: красный, синий и желтый. Исследуйте спектр света… Я хочу, чтобы вы проверили, нет ли там ярко-голубого солнца, ультрафиолет которого задерживается плотной атмосферой, в результате чего весь свет и тепло оказываются на поверхности в желтой полосе спектра. Особых надежд я не питаю — вам ведь известно: Большое Облако кишмя кишит голубыми звездами; пятьсот тысяч из них ярче Сириуса. И, наконец, получите информацию о временах года у туземцев. Это очень важно. До свидания!

13.

Туземец был осторожен. Он все время незаметно отступал к джунглям, а четыре ноги давали ему возможность быстро передвигаться, и он, похоже, отлично знал об этом, поскольку то и дело возвращался назад, дразня их. Женщина наблюдала за ним сперва с интересом, потом с раздражением.

— Возможно, — высказала она предположение, — если мы разделимся, мне удастся направить его в твою сторону?

Она увидела недовольное выражение на лице Малтби, когда он неохотно кивнул.

— Он заманивает нас в ловушку, — решительным голосом сказал Малтби. — Включи датчики на своем шлеме и держи оружие наготове. Не торопись открывать стрельбу, но не раздумывай в критический момент. Копье способно нанести страшную рану, а у нас нет хороших медикаментов на этот случай.

Его приказной тон тут же вызвал в женщине дополнительное раздражение. Похоже, он не осознавал, что она столь же хорошо разбирается в создавшейся ситуации, как и он сам. Досточтимая Глория вздохнула. «Если нам придется остаться

на этой планете, то необходимо будет внести кое-какие важные психологические коррективы, и не только мне одной», — хмуро подумала она.

— Стой! — внезапно крикнул Малтби. — Заметь, как разделяется этот овраг. Я был здесь вчера и знаю, что через двести ярдов эти ответвления соединяются вновь. Он пошел по левому, я же пойду по правому. Ты оставайся тут, пусть он вернется посмотреть, что случилось, после чего гони его на меня.

Малтби исчез, как призрак, в скрывающейся в темноте тропе, которая вилась под густой листвой. Наступила тишина.

Женщина ждала. Спустя минуту ей казалось, что она одна-одинешенька в этом желто-черном мире, безжизненном с самого начала времен. «Именно это и имел в виду вчера Малтби, — подумала леди Лорр, — когда говорил, что я не отважусь стрелять в него — ибо тогда останусь в одиночестве». Тогда до нее не дошел весь смысл сказанного им. Сейчас же она наконец осознала этот факт: одна-одинешенька на безымянной планете под желтым солнцем, одна женщина, каждое утро возвращающаяся к разрушающемуся кораблю, безжизненный металлический корпус которого лежит зарытым в болотистый

темно-коричневый грунт.

Женщина стояла, задумавшись. У нее не было никаких сомнений, что проблема взаимоотношений деллианцев и мулов может быть решена здесь, как и в любом другом месте.

Из раздумий ее вывел какой-то звук. Внезапно насторожившись, она увидела, как из кустов в ста ярдах от нее на краю опушки осторожно вынырнула кошачья голова. Интересная голова. Ее свирепость производила не меньшее впечатление, чем остальные ее качества. Желтоватый торс сейчас закрывали заросли, но и того, что она уже успела рассмотреть мельком перед этим, было достаточно, чтобы она узнала тип «КК», которым обозначалось почти повсеместно распространенное в космосе семейство кентавров.

Оно следило за леди Лорр, и его огромные сверкающие черные глаза округлились от удивления. Существо повертело головой, очевидно, пытаясь обнаружить Малтби. Женщина махнула пистолетом и двинулась вперед. В ту же секунду существо исчезло. При помощи датчиков леди Лорр слышала, как оно бежит впереди. Внезапно бег замедлился, после чего вообще исчезли всякие звуки.

«Он схватил его», — подумала женщина.

На нее это произвело большое впечатление. «Эти мулы, — думала она, — с двумя сознаниями, отважны и способны на многое. Да, действительно будет просто ужасно, если из-за старых предубеждений их не удастся вовлечь в галактическую цивилизацию имперской Земли». Леди Лорр еще несколько минут наблюдала за существом, используя блочную систему связи с ним. Наконец Малтби посмотрел вверх и заметил ее. Он потряс головой, как бы чем-то озадаченный.

— Он говорит, что всегда так тепло и что он живет уже тысячу триста месяцев. А в месяце сорок восходов солнца — сорок дней. Он хочет, чтобы мы пошли дальше… Но слишком уж очевидно, что это какая-то хитрость. Нам нужно сделать осторожный дружеский шаг, и…

Он внезапно замолчал. Прежде чем она успела понять, что что-то не так, ее сознание было схвачено какой-то силой, мышцы парализованы. Ее с такой силой отбросило в сторону, что в результате удара о землю по всему телу пробежала волна мучительной боли.

Женщина осталась лежать там, оглушенная, и краем глаза она увидела, как копье пронеслось по воздуху как раз в том месте, где она только что стояла. Изогнувшись и перекатившись в сторону,

когда к ней вернулась способность действовать самостоятельно, она направила пистолет в сторону, откуда появилось копье. Там по голому склону мчался еще один кентавр. Палец леди Лорр коснулся курка, а затем…

— Нет! — раздался твердый голос Малтби. — Это был разведчик, посланный вперед выяснить, что же происходит. Он сделал свою работу. Все кончилось.

Женщина опустила пистолет и с раздражением отметила, что ее рука трясется, да и все тело дрожит. Она уже открыла было рот, чтобы поблагодарить его за то, что он спас ей жизнь, но так ничего и не сказала, потому что ее голос тоже дрожал… И потому что… Он спас ей жизнь! Она была на грани потери сознания от потрясения, вызванного этой мыслью. Это казалось невероятным, но она никогда прежде не оказывалась в смертельной опасности, которой ей угрожал бы какой-либо отдельный индивидуум. Хотя в прошлом бывали случаи, когда ее крейсер оказался почти на самой внешней границе одной звезды, или же когда, как совсем недавно, угодил в шторм. Но тогда угроза была безличная, и ее можно было отвести при помощи виртуозной техники и прекрасно обученного экипажа. Сей-

час же все было иначе.

По дороге к модулю звездолета она пыталась понять, в чем же состоит различие. И ей показалось, что наконец ей это удалось.

— Спектр лишен ярких характерных особенностей, — сообщал Малтби новые сведения по космической связи. — Нет вообще никаких темных линий — лишь две желтые полосы, такой яркости, что режут глаза. Как вы и предполагали, по всей видимости, наше солнце — голубое, но его фиолетовое излучение задерживается плотной атмосферой. Однако, — закончил он, — уникальность этого явления ограничивается нашей планетой, происхождением ее плотной атмосферы. Есть какие-либо вопросы?

— Не-е-ет! — Астрофизик выглядел задумчивым. — И я больше не могу дать вам никаких инструкций. Я должен изучить этот материал. Пожалуйста, попросите к астровизору леди Лорр. Мне бы хотелось, если вы не против, поговорить с ней с глазу на глаз.

— Конечно.

Когда она пришла, Малтби вышел наружу и стал наблюдать за поднимавшейся по небосклону луной. Темнота — он заметил это явление еще прошлой ночью — создавала повсюду какую-то

едва различимую фиолетовую дымку. Теперь у него было этому объяснение. При таком угловом диаметре солнца и таком видимом его цвете температура на поверхности была бы минус сто восемьдесят градусов, а не плюс восемьдесят. Голубое солнце, одно из пятиста тысяч… Интересно, но… — Малтби невесело усмехнулся. Слова капитана Клэнстона «И я больше не могу дать вам никаких инструкций» прозвучали окончательным приговором по их «делу»…

Он невольно вздрогнул. А спустя несколько секунд попытался представить, как он через год сидит на этом стуле и пялится на неменяющуюся луну. Через десять лет, двадцать…

Внезапно он заметил, что женщина стоит в дверях и смотрит на него, сидящего на своем металлическом стуле. Он посмотрел на нее. Сноп белого света от корабля высвечивал овал ее лица, на котором застыло какое-то странное выражение. Сейчас оно казалось удивительно бледным после желтизны, уже ставшей, казалось, привычным для нее цветом.

— Мы больше не будем использовать космическую связь, — сказала она и, повернувшись, ушла внутрь корабля.

Малтби почти равнодушно кивнул головой.

Это резкое прекращение связи было суровым и даже жестоким испытанием, но Устав в подобных случаях не оставлял место никаким другим толкованиям: потерпевшие кораблекрушение должны четко и полностью осознать, не питая ложных надежд и иллюзий, создаваемых в результате радиосвязи, что они отрезаны навсегда. И теперь им предстоит жить, полагаясь только на себя.

Что ж, так тому и быть. Факт остается фактом, и не стоит отворачиваться от него. В одной из книг, прочитанных им на крейсере, была глава о потерпевших катастрофу. В ней рассказывалось о том, что примерно девятьсот миллионов людей, если следовать анналам человеческой истории, оказались отрезанными от цивилизации и предоставленными самим себе на неоткрытых к тому времени планетах. Большинство из этих планет впоследствии было обнаружено; и по крайней мере на десяти тысячах из них выросшее до огромной величины население происходило от первоначального ядра робинзонов. Закон предписывал, что такие робинзоны не должны уклоняться от участия в подобного рода увеличении численности населения — каким бы ни был их прежний ранг и звание. Уцелевшие

должны забыть о своих личных устремлениях и чувствах и думать о себе как об инструментах расовой экспансии. Существовали даже наказания, естественно, невыполнимые, если спасения не приходило, но безжалостно применяемые, когда ослушников обнаруживали.

Конечно, вполне вероятно, что суд мог бы прийти к выводу, что человек и… э-э… робот — случай особый. Наверное, Малтби просидел полчаса. Наконец, вдруг почувствовав голод, он встал. Он совсем забыл об ужине и разозлился на себя. Черт побери, эта ночь казалась совсем не подходящей для попытки оказать на нее воздействие. Рано или поздно, но ее придется убедить, что и она тоже должна участвовать в процессе приготовления пищи.

Но не сегодня.

Он торопливо прошел внутрь корабля к компактной кухонке, входившей в состав каждого корабельного модуля. В коридоре он остановился. Полоска света выбивалась из-под двери, ведущей на кухонку. Там кто-то тихо и весело, но без определенной мелодии насвистывал; к тому же по коридору распространился запах приготовляемых овощей и жаркого из мяса лака.

Они чуть было не столкнулись в дверях.

— А я уже пошла звать тебя, — сказала женщина.

С едой было быстро покончено. При этом они не обронили ни слова. Поставив посуду в автоматическую посудомойку, они ушли в огромную кают-компанию, где развалились в креслах. Наконец Малтби заметил, что женщина внимательно изучает его с выражением удивления в глазах.

— Существует ли шанс, — внезапно произнесла она, — что у мула и женщины человеческой расы могут быть дети?

— По правде говоря, — признался Малтби, — я сомневаюсь в этом.

Он пустился в описание процесса использования холода и давления для формирования протоплазмы, что применялось для создания самых первых мулов. Когда он закончил, то увидел, что в ее глазах еще оставалось какое-то слабое изумление.

— Со мной сегодня произошла одна очень интересная вещь, — произнесла женщина странным тоном. — После того, как тот туземец метнул свое копье. Я поняла… — на мгновение показалось, что ей трудно говорить, — я поняла, если говорить обо мне лично, что я решила проблему роботов. Разумеется, — спокойно закончила

она, — я не удержалась бы в любом случае. Но приятно сознавать, что ты мне нравишься, — она улыбнулась, — нравишься по-настоящему.

14.

Малтби все утро следующего дня просидел на стуле, ломая голову над загадкой голубого солнца, выглядевшего, как желтое. Почти не сомневаясь в визите туземцев, он решил остаться возле корабля. Он не сводил глаз с опушки поляны, краев долины, тропинок в джунглях, но…

Есть закон, вспомнил он, перехода света в другие волновые диапазоны, например, в желтый. Довольно сложный, но, учитывая то, что вся аппаратура главного мостика являлась приборами управления, а не собственно машинами, он должен был положиться на математику, если все еще продолжал надеяться выяснить, что же это за солнце. Вероятнее всего, большая часть лучей проходила через ультрафиолетовый диапазон, но проверить это было невозможно. Поэтому надо было заняться желтым.

Малтби вошел в корабль. Глории нигде не было видно, но дверь в ее спальню была заперта. Обнаружив блокнот, он вернулся к своему креслу и начал делать расчеты. Спустя час он получил

ответ: один миллион триста тысяч миллионов миль. Примерно пятая часть светового года. Он обрывисто рассмеялся. Это было то, что надо. Но ему нужны были более полные данные, иначе…

Иначе что?

Он замер, и вдруг в какой-то вспышке озарения чудовищная правда открылась ему. С криком он вскочил со стула и бросился ко входной двери, когда длинная черная тень пронеслась над ним. И эта тень была такой огромной, на мгновение закрыв всю долину, что невольно Малтби остановился и посмотрел вверх.

Над желто-коричневыми джунглями планеты низко висел крейсер «Звездное скопление». Была уже выпущена спасательная шлюпка, сверкавшая желтоватым серебром, она совершила вокруг корабля несколько кругов, после чего начала опускаться.

— Подумать только, — сказал он леди Лорр, — и это как раз, когда я узнал истину!

Женщина, как он заметил, не смотрела на него. Ее взгляд был устремлен куда-то вдаль.

— Что же касается остального, — продолжил Малтби, — то как мне представляется, лучше всего посадить меня в камеру для психологической обработки и…

По-прежнему не глядя на него, леди Лорр оборвала его:

— Не смеши меня! Не воображай, что если поцеловал меня, то я должна чувствовать смущение. Я позже приму тебя в своей каюте.

Ванная, новая одежда… Наконец Малтби был перенесен при помощи нуль-Т-передатчика в отдел астрофизики. Хотя его первое открытие было в общем верным, но ему не хватало более детальной информации.

— А, Малтби! — руководитель отдела подошел к нему и пожал руку. — Речь идет о звезде, которую вы там обнаружили… Мы уже после вашего самого первого описания желтизны и черноты начали подозревать. Но, разумеется, мы не могли питать особые надежды… Это запрещено, знаете ли. Наклонение оси, явно длинное лето, за время которого у крупных деревьев в джунглях не появилось колец роста — это уже являлось весьма красноречивой подсказкой. А убогий спектр при полном отсутствии темных линий — это уже почти решающий довод. Последним доказательством было то, что ортохроматическая пленка была передержана, тогда как фотографии, сделанные с использованием синего и красного фильтров, были сильно недодержаны. Этот тип

звезды настолько горяч, что практически все излучение ее энергии проходит в ультраволновой видимой части спектра. Вторичное излучение — нечто вроде флюоресценции в атмосфере самой звезды — производит желтый цвет в видимой части спектра, в то время как ничтожная часть ультрафиолетовой радиации переходит в более длинные волны посредством атомов гелия. Своего рода флюоресцентная лампа, но космического масштаба. Полное излучение, достигающее планету, естественно, было огромным, но совсем другое дело — излучение на поверхности, после прохождения многомильных слоев поглощающих его озона, водяных паров, двуокиси углерода и других газов. Неудивительно, что туземец сказал, что солнце всегда горячее — лето здесь длится четыре тысячи лет. Обычное излучение такого внушающего ужас солнца по космическим масштабам примерно равное радиации Новой в ее катастрофическом максимуме активности и по времени длящееся всего несколько часов, приблизительно эквивалентно радиации ста миллионов обычных звезд. Новая типа О, так мы называем эти самые яркие из всех солнц. И в Большом Магеллановом Облаке имеется только одна такая звезда — огромная и ослепительная С

Дорадус. Когда я попросил тебя позвать Первого капитана Лорр, я рассказал ей, что из ста миллионов солнц она выбрала…

В этом месте объяснений Малтби его перебил:

— Одну минуту, вы что, сообщили это леди Лорр прошлой ночью?

— А была ли здесь ночь? — поинтересовался капитан Плэнстон. — Ладно-ладно… Кстати, я почти забыл… Такие вещи, как замужество, теперь, когда я старик, не имеют для меня важного значения. Но примите мои поздравления.

Все это слишком быстро нахлынуло на Малтби. Его сознание все еще обдумывало смысл первого сообщения — что она знала обо всем этом все это время. Вторая часть заявления астрофизика вызвала у него замешательство.

— Поздравления? — повторил он тупо.

— Ей уже давно пора выбрать себе мужа, — громко сказал капитан. — Вы знаете, она из тех женщин, которые думают только о карьере. Кроме того, это произведет самое благоприятное впечатление на других роботов… прощу прощения. Поверьте, название не имеет для меня ни малейшего значения. Как бы то ни было, но леди Лорр лично объявила об этом несколько минут назад, так что заходите ко мне еще раз. — Он

отвернулся, махнув рукой, и отошел.

Малтби направился к ближайшему нуль-Т-передатчику. Глория, вероятнее всего, в данный момент с нетерпением ждет его.

Она не будет разочарована.

15.

Слабо светящийся шар, примерно трех футов в диаметре, висел в воздухе в самом центре каюты, и его самая нижняя часть была на уровне подбородка Малтби. Нахмурив брови, напрягая свой двойной разум, он выбрался из постели, сунул ноги в тапочки и медленно обошел светящийся предмет. Едва он оказался сзади, как шар исчез.

Он торопливо вернулся… и вновь увидел его. Малтби усмехнулся. Как он и предполагал, это была проекция, направленная из космоса на его кровать и не имеющая материального воплощения в его каюте. Поэтому шар невозможно было увидеть сзади. Морщины на его лице углубились, когда он начал ломать голову над происходящим. Если бы он не знал, что они не обладают подобным коммуникатором, то подумал бы, что ему пытаются сообщить, что настало время перейти к действиям.

Ему же совсем этого не хотелось. Более, чем

когда-либо, его раздирали сомнения и нерешительность. И все-таки кто же это пытается связаться с ним? Ему вдруг захотелось нажать кнопку, вызвать центр управления огромного крейсера и сообщить о происходящем в его каюте. Не хотелось, чтобы Глория думала, что он имел тайный сеанс связи с кем-то из космоса. А если у нее возникнут подозрения, то даже то, что он женат на ней, не спасет Малтби: его двойной разум будет подвергнут допросу, проводить который будет психолог звездолета лейтенант Неслор.

Однако помимо супружеских обязанностей у него были и другие. Он сел на постель, с мрачным видом посмотрел на шар и произнес:

— Я сейчас попытаюсь определить, кто вы. Чего вы хотите?

Из шара послышался голос, твердый, уверенный голос:

— Вы думаете, что вам известно, кто связался с вами таким необычным для вас способом?

Малтби узнал этот голос. Глаза его сузились, он с трудом проглотил комок в горле; потом взял себя в руки. Он вспомнил, что за его каютой может вестись наблюдение, и если он сразу узнает говорящего с ним, то людьми безопасности корабля могут быть сделаны соответствующие выводы.

Вот для них Малтби и сказал:

— Логика здесь сравнительно проста. Я мул, нахожусь на борту земного крейсера «Звездное скопление», ведущего разведку в Большом Магеллановом Облаке. И кто может пытаться связаться со мной, как не скрывающиеся от правительства представители моей расы?

— Зная об этом, — подчеркнуто произнес голос, — вы тем не менее не сделали попытки выдать нас?

Малтби ничего не ответил. Он не был уверен, что ему понравилось это замечание. И понял, что эти слова, как и его собственные, были предназначены возможным слушателям. Но с их стороны было не очень дружественно обратить внимание этих слушателей на то, что он собирался сохранить этот разговор в тайне. Он более остро, чем раньше, осознал, что ему лучше не говорить о своем политическом положении как на корабле, так и вне его. И взвешивать каждое произносимое им слово. Пристально глядя на светящийся предмет, Малтби решил, что лучше напрямик спросить, с кем он разговаривает.

— Кто вы? — коротко спросил он.

— Ханстон!

— О! — вырвалось у Малтби.

Нельзя сказать, что его удивление было полностью поддельным. Была разница между тем, что он сам узнал голос, и устным подтверждением этого факта. Он внезапно почему-то понял, что за самим этим фактом скрывается еще что-то.

Ханстона освободили после того, как «Звездное скопление» определило местонахождение Пятидесяти Солнц. С того времени Малтби — из-за своего нахождения на борту этого крейсера — фактически был лишен связи с внешним миром.

— Чего вы хотите? — тихим голосом Малтби повторил свой вопрос.

— Вашей дипломатической поддержки.

— Моей чего? — переспросил Малтби.

— В соответствии с нашими убеждениями, — твердым и гордым голосом начал голос, — которые и вы, несомненно, должны разделять, мулы, несмотря на свою малочисленность, имеют право на равное участие в правительстве Пятидесяти Солнц. Сегодня я приказал взять под контроль все планеты нашего содружества. В этот момент армии мулов, опираясь на самый огромный арсенал супероружия в любой галактике, осуществляют высадку и вскоре возьмут контроль над планетами. Вы… — Голос умолк, потом спокойно спросил: — Вы успеваете следить за мной,

капитан Малтби?

Этот вопрос был подобен тишине, наступающей вслед за раскатом грома. Медленно Малтби приходил в себя после сильного потрясения, вызванного этим известием. Он встал, потом снова уселся на кровать. Мелькнула мысль, что хотя в мире происходят величайшие события, но здесь, в его каюте, все остается неизменным — все та же каюта, светящийся шар и он сам.

В нем вспыхнул гнев. Он с яростью выкрикнул:

— Вы отдали этот приказ… — Малтби умолк, взяв себя в руки. Его мозг переключился на способность дать оценку этой новости, как и тому, что неминуемо последует вслед за этим. Наконец, прекрасно понимая, что в его положении он не может спорить по этому вопросу, Малтби сказал:

— Вы надеетесь на признание fait accompli[2]. Но то, что я знаю о неизменной политике Империи Земли, убеждает меня, что ваши надежды тщетны.

— Напротив, — последовал быстрый ответ. — Необходимо убедить только Первого капитана леди Лорр. Ей предоставлены все полномочия действовать так, как она сочтет нужным. И ведь

---

[2] Примечания: 2
Свершившийся факт (*франц.*).

она — ваша жена.

Несколько успокоившись, Малтби задумался, не зная, что же ему делать. Самое интересное, что Ханстон, устроив самолично эту заварушку, теперь ищет его поддержки. Хотя, впрочем, не слишком уж это и интересно. На самом же деле Малтби молчал, ибо только сейчас до него вдруг дошло, что он знал, что нечто подобное обязательно произойдет с того самого момента, когда в новостях объявили об обнаружении земным крейсером цивилизации Пятидесяти Солнц еще несколько месяцев назад. Через десять лет, пять лет, даже один год печать одобрения Земли навеки закрепит демократическую систему Пятидесяти Солнц такой, какой она есть. А законы этого правительства недвусмысленно исключат мулов из какого-либо участия в управлении обществом. Сейчас же, в этом месяце, теоретически еще оставалась возможность перемен. Потом же…

Было ясно, что он лично запаздывал с принятием решения. Эмоции пробудили в людях сначала мысли о действии, а потом наконец перешли в сами эти действия. Он должен каким-то образом покинуть корабль и узнать, что же происходит. Однако в данное время главное — осторожность.

— Я не против того, чтобы изложить ваши доводы моей жене, — сказал Малтби. — Но отдельные ваши заявления не произвели на меня никакого впечатления. Вы вот сказали, что обладаете «самым большим арсеналом супероружия в любой галактике». Должен признаться, что этот способ космической связи мне не знаком, но в целом ваше заявление, скорее всего, откровенная чепуха. Вы просто не в состоянии знать, какое оружие находится на борту даже одного этого крейсера — ведь даже я сам, при всех моих возможностях, этого не знаю. Более того, можно без боязни ошибиться допустить, что ни один корабль не может иметь на своем борту больше оружия, чем Земля за очень короткий срок может сосредоточить в любой точке обозначенной на картах части вселенной. Находясь в изоляции, в которой пребывали все мы, вы не можете даже предполагать, каким же может быть это оружие, и уж тем более утверждать со всей уверенностью, что ваше лучше. В связи с этим мой следующий вопрос таков: зачем вы вообще прибегли к такой дешевой угрозе? Из всех ваших аргументов этот меньше всего способен вызвать симпатию к вашему делу? Ну?

На главном мостике огромного звездолета До-

сточтимая Глория Сесили отвернулась от экрана, на котором была видна каюта Малтби. Ее прекрасное лицо в задумчивости нахмурилось.

— Что вы об этом думаете, лейтенант Неслор? — растягивая слова, спросила она у психолога.

Та твердым голосом ответила:

— Мне кажется, благородная леди, что это именно то, о чем мы говорили, когда вы впервые спросили меня, каким будет психологический эффект вашего супружества с Питером Малтби.

Первый капитан изумленно уставилась на свою помощницу.

— Вы в своем уме? Его реакция была естественной, даже в мелочах. Он подробно изложил мне свою точку зрения на ситуацию в Пятидесяти Солнцах. Каждое его слово соответствовало…

Раздался тихий сигнал из внутреннего коммутатора. На экране появились голова и плечи какого-то мужчины.

— Дрейдон, — сказал он, — начальник радиорубки. Относительно вашего вопроса об ультракоротковолновых излучениях, в настоящее время сфокусированных в спальне вашего мужа. Подобное устройство было изобретено в главной галактике примерно сто девяносто лет назад. Это изобретение должно было использоваться во

всех новых военных кораблях и быть установлено во всех старых, классом выше крейсера, но мы уже находились в пути, когда началось массовое производство.

В связи с этим можно утверждать, что творческий уровень мулов (по крайней мере в этой области) не уступает гениям Земли, хотя трудно понять, каким образом удалось столь немногочисленному народу добиться столь многого. Сама эта немногочисленность делает весьма вероятным то, что они даже не знают, что нам мгновенно стало известно о проникновении внутрь корабля их энергетических излучений. Возможно, им даже не известно о всех дополнительных возможностях использования этого изобретения. Есть ли еще вопросы, благородная леди?

— Да. Каким же образом это происходит?

— Энергия. Чистая энергия. Мощный пучок ультракоротких волн направляется в большой сектор пространства, где предположительно находится корабль, принимающий сигналы. Все генераторы посылающего корабля настраиваются на этот луч. Насколько я помню, во время экспериментов связь устанавливалась с расстояния трех с половиной тысяч световых лет.

— Да, — нетерпеливо произнесла леди Лорр, — но каков же принцип? Каким образом, к примеру, им удалось отличить «Звездное скопление» от сотен других звездолетов?

— Как вам известно, — последовал ответ, — наш корабль каждую секунду испускает индентификационные лучи на особой длине волны. Ультракоротковолновые лучи настраиваются на эту длину волны, и когда происходит контакт, то они в буквальном смысле мгновенно реагируют. В тот же миг все лучи фокусируются в центре источника этих идентицификационных волн, после чего тот остается в их фокусе независимо от своей скорости или изменения направления движения. Естественно, после того как осуществилась эта фокусировка, послать стереоизображение и звуковое сопровождение никакого труда не представляет.

— Понятно, — Леди Лорр задумалась. — Спасибо.

Отключив связь, она снова повернулась к экрану, показывавшему каюту Малтби.

— Очень хорошо, — сказал ее муж, — я представлю ваши доводы моей жене.

В ответ светящийся шар исчез.

Леди Лорр оставалась спокойно сидеть. Весь

этот разговор был записан, так что пропущенную ею часть можно будет потом еще раз прослушать. Она медленно повернулась к лейтенанту Неслор и высказала вслух мысль, которая не выходила все это время у нее из головы:

— Какие у вас основания заявлять то, что вы сказали мне перед тем, как нас прервали?

— То, что происходит здесь, имеет принципиальное значение для всех Пятидесяти Солнц и решения их проблемы, — спокойно произнесла более старшая женщина. — Это слишком серьезно, чтобы можно было допустить какое-либо вмешательство. Ваш муж должен покинуть звездолет, а вы сами — позволить освободить вас под психическим воздействием от любви к нему до тех пор, пока со всей этой проблемой не будет наконец покончено. Вы ведь понимаете это, не так ли?

— Нет! — упрямо произнесла леди Лорр. — Не понимаю! На чем же основывается ваше мнение?

— Есть несколько ключевых моментов, — сказала психолог. — Один из них то, что вы замужем за ним. Мадам, вы бы никогда не вышли замуж за обычного человека.

— Разумеется, — с гордостью и достоинством

ответила Первый капитан. — Вы ведь сами утверждали, что его IQ, IQ его двойного разума, больше моего.

Лейтенант Неслор язвительно рассмеялась.

— С каких это пор IQ имеет для вас какое-либо значение? Да если бы это было веским основанием для признания равенства, то все королевские и благородные роды Галактики уже давно бы кишели профессорами и академиками. Нет-нет, мой капитан, в человеке, рожденном занять высокое положение, есть инстинктивное чувство величия, которое не имеет ничего общего с интеллектом или талантом. Мы, менее счастливые смертные, можем переживать, считать это несправедливым, но ничего с этим поделать мы не в силах. Когда лорд входит в комнату, мы можем ненавидеть его, не любить, игнорировать его или пасть перед ним на колени, но мы никогда не останемся равнодушными к нему. В капитане Малтби есть такое величие. Возможно, вы подсознательно чувствовали это, когда решили выйти за него замуж, но это было именно так.

— Но он всего лишь капитан военно-космических сил Пятидесяти Солнц, — возразила Первый капитан, — и он сирота, и достичь этого положения ему помогло государство.

Лейтенант Неслор слушала ее невозмутимо.

— Он знает, кто он такой. Не ошибайтесь на этот счет. Я могу лишь сожалеть, что вы с такой поспешностью вышли за него замуж, в результате чего мне так и не удалось более подробно исследовать его двойной мозг. Меня весьма заинтриговала его история.

— Он ничего от меня не утаил!

— Благородная леди, — резко произнесла женщина-психолог. — Подумайте, что говорите! Мы имеем дело с человеком, чей самый низкий индекс IQ более 170. Каждым своим произнесенным словом вы показываете свое пристрастное отношение к нему, как любимому человеку. Я не ставлю под сомнение, — продолжала психолог, — ваше глубокое доверие к нему. Насколько мне удалось определить, он человек способный и честный. Но свое окончательное решение касательно Пятидесяти Солнц вы должны сделать независимо от ваших чувств. Теперь вы поняли меня?

Последовала долгая пауза, а потом едва заметный кивок.

— Высадите его на Атмионе, — сказала леди Лорр бесцветным голосом. — Мы возвращаемся на Кассидор.

16.

Стоя на земле, Малтби наблюдал, как «Звездное скопление» исчезает в голубой дымке ионосферы. Потом он повернулся и поймал такси, на котором доехал до ближайшего отеля. Оттуда он сделал первый свой звонок. Через час в отеле появилась женщина. Едва заметив его, она произнесла холодное приветствие, но постепенно, под его взглядом, враждебность начала покидать ее. Подойдя к Малтби, она осторожно опустилась на колени и поцеловала его руку.

— Можешь встать, — сказал Малтби.

Женщина встала и попятилась, с тревогой глядя на него слегка смущенным и одновременно несколько вызывающим взглядом.

Малтби сам чувствовал себя глупо в этой ситуации. Решение многих поколений мулов, что лишь наследственное руководство является единственно правильным среди такого огромного количества невероятно талантливых людей, приняло неожиданный оборот, когда Питер Малтби, сын последнего руководителя, попал в плен к деллианцам после сражения, в котором погиб его отец. После долгого обсуждения остальные члены руководства решили, что его право быть их

вождем остается в силе. Они даже начали верить, что к выгоде мулов будет то, что их руководитель воспитывается и растет среди людей Пятидесяти Солнц. Особенно потому, что примерное поведение его и других плененных детей, теперь уже выросших, возможно, поможет вернуть благосклонное отношение к мулам народа Пятидесяти Солнц. Кое-кто из старого руководства действительно считал, что этот выход — единственно возможный путь для спасения их расы. Так что было любопытно узнать, что, несмотря на действия Ханстона, одна женщина подтверждает таким вот образом, хотя бы частично, его статус.

— Мое положение таково, — начал Малтби. — Я не сомневаюсь: костюм, что на мне, соединен с датчиком на «Звездном скоплении». Я хочу, чтобы кто-нибудь носил его во время моего посещения тайного города.

— Я уверена, что это можно устроить, — заверила его женщина. — Корабль прибудет на встречу завтра в полночь. Вас это устраивает?

— Я буду там.

Женщина спросила нерешительно:

— Что-нибудь еще?

— Да, — ответил Малтби. — Кто поддерживает Ханстона?

— Молодые мужчины, — не раздумывая, ответила женщина.

— А как насчет молодых женщин?

Женщина улыбнулась.

— Я ведь прибыла сюда, не так ли?

— Да, но только половинкой сердца.

— Другая половинка, — продолжила женщина уже серьезным тоном, — сейчас с молодым человеком, который сражается в одной из армий Ханстона.

— Почему же твое сердце не все там?

— Потому что я не убеждена в необходимости отказываться от старой системы управления при первом же кризисе. Мы выбрали наследственное правление на определенный период. Мы, женщины, в общем не одобряем импульсивных рискованных предприятий, осуществляемых искателями приключений вроде Ханстона, хотя и понимаем, что это критический момент.

— Прежде, чем все будет закончено, погибнет множество людей, — мрачно заметил Малтби. — Надеюсь, что твой парень не будет среди них.

— Спасибо, — поблагодарила женщина и удалилась.

Мулы жили на девяти безымянных планетах, в девяти тайных городах. Как и планеты, эти города

не имели названий. Их называли просто: «the city», с едва заметным ударением на артикль the. Все эти «сити» были расположены под землей. Три из них — под огромными бурными океанами, два — под горными кряжами, а где остальные четыре — никто не знал.

О последнем факте Малтби догадался во время одной из своих поездок. Выходы на поверхность располагались далеко от городов, туннели, ведущие к ним, были настолько извилисты, что самые большие космические корабли были вынуждены двигаться по ним с минимальной скоростью. Прибывший за Малтби корабль опоздал всего на десять минут. Его экипаж составляли в основном женщины, но было также несколько пожилых мужчин, и среди них три бывших советника его погибшего отца. Джонсон, Сондерс и Коллингс. Последний выступал от имени всех.

— Я не уверен, — начал он, — что вам следует отправиться в город. Вы можете столкнуться с враждебностью, даже со стороны женщин. Они боятся за своих сыновей, мужей и любимых, но сохраняют им верность. Все действия Ханстона и компании покрыты завесой тайны. Мы понятия не имеем, что происходит — в тайный город информация извне не поступает.

— Иного я и не ожидал, — ответил Малтби. — Я хотел бы выступить с речью, в общих чертах обрисовать ситуацию в целом, как она представляется мне.

Позднее, когда Малтби предстал перед публикой, его не встретили аплодисментами. Двадцать тысяч человек в огромном зале слушали его в полной тишине, которая, казалось, даже усилилась, когда он начал описывать оружие, имевшееся на борту «Звездного скопления».

Когда он начал говорить об общих принципах политики Империи Земли в отношении затерянных колоний вроде Пятидесяти Солнц, их неодобрение стало еще более очевидным.

— Если только мулам не удастся заключить какое-либо соглашение с Землей или каким-нибудь образом нейтрализовать мощь Земли, то все предыдущие победы окажутся бесполезными, бессмысленными и наверняка все закончится катастрофой. У Пятидесяти Солнц недостаточно сил для победы над боевым звездолетом «Звездным скоплением», не говоря уже об остальных кораблях, которые Земля направит сюда в случае кризиса. Поэтому…

Тут его прервали — одновременно взревели все динамики, расположенные в этом огромном

зале:

— Он шпион своей жены-землянки! Он никогда не был с нами!

Малтби мрачно улыбнулся. Итак, приятели Ханстона решили, что его трезвые доводы могут привести к нежелательным для них результатам, о чем и свидетельствовали последние действия. Он подождал, пока не установится тишина. Но шла минута за минутой, а гвалт не прекращался, наоборот, усиливался. Публика, однако, не относилась к числу тех, кто считает крик веским доказательством в споре. Малтби заметил, как несколько выведенных из себя женщин принялось срывать динамики, до которых могли дотянуться, но это было не самое разумное решение, поскольку слишком уж много их было установлено на потолке. Суматоха усиливалась.

«Ведь Ханстон и его люди, несомненно, осознают, — подумал обеспокоенно Малтби, — что такими действиями они раздражают своих последователей. Почему же они отважились пойти на такой риск?» Единственным разумным ответом на это было то, что они пытаются выиграть время. У них спрятан про запас какой-то козырь, нечто такое, что пересилит все раздражение и сопротивление аудитории.

Кто-то дотронулся до его руки. Малтби повернулся и увидел, что это был Коллингс. Старик казался встревоженным.

— Мне все это не нравится, — сказал он, пытаясь перекрыть рев голосов. — Раз они зашли так далеко, то могут даже попытаться совершить покушение на вас. Наверное, вам лучше вернуться немедленно в Атмион или Кассидор, куда пожелаете.

Малтби задумался.

— Давайте Атмион, — сказал он наконец. — Я не хочу, чтобы земляне со «Звездного скопления» начали подозревать, что я скитаюсь по космосу. В каком-то смысле меня с ними больше ничего не связывает, но я считаю, что эта связь все еще представляет определенную ценность.

Он усмехнулся, понимая, что за его словами скрывается и кое-что другое. Хотя гипнотические машины освободили Глорию от любви к нему, но ведь на него-то они не воздействовали, и он по-прежнему был влюблен в нее! И какие бы усилия он ни прилагал, но ему не в силах было изменить это положение вещей.

— Вы знаете, как связаться со мной, если что-нибудь случится, — сказал он.

Это тоже звучало неубедительно. Он догады-

вался, что именно Ханстон и позаботится, чтобы никакая информация не дошла до тайного города на этой безымянной планете. Как он сам собирался получить информацию — это другое дело.

Внезапно Малтби почувствовал себя всеми покинутым. Как пария, он ушел со сцены. Шум постепенно затихал за его спиной.

Шли дни. Самым удивительным Малтби казалось то, что ничего не было слышно о «Звездном скоплении». Целый месяц он бесцельно посещал один город за другим; и единственной новостью было сообщение об успехе мулов. Передавались помпезные репортажи о том, как население Пятидесяти Солнц бурно приветствует новых правителей как лидеров в борьбе против корабля Империи Земли (должно быть, везде мулы взяли власть в свои руки и захватили радиостанции). Против людей, предки которых пятнадцать тысяч лет назад уничтожили всех роботов, попавших им в руки, а уцелевших вынудили спасаться бегством на этом далеком звездном облаке.

Эта тема без конца повторялась. Ни один робот (использовалось именно это слово) не может доверять людям после того, что случилось в прошлом. Мулы спасут мир «роботов» от вероломных человеческих существ и их крейсера.

Сопровождавшая каждое такое сообщение о крейсере нотка триумфа внушала Малтби беспокойство и страх. Завтракая на открытой террасе ресторана, на тридцать первый день Малтби уже не в первый раз мрачно задумался над этим. Негромкая, но бравурная музыка лилась из репродуктора над его головой. Буквально чуть ли не над самой его головой, потому что он настолько был поглощен собственными думами, что едва ли замечал что-либо вокруг.

Из головы не выходила одна мысль: «Что же случилось со „Звездным скоплением“? Где же может быть корабль?»

Глория говорила: «Мы немедленно начнем действовать. Земля не признает власти меньшинства. Мулы получат демократические привилегии и равные права, но не доминирующее положение. Это окончательно!»

Кроме того, как понял Малтби, это вполне разумно, ЕСЛИ люди действительно изжили свое предубеждение против так называемых роботов. Это было большое ЕСЛИ; и то, с какой поспешностью они удалили его с корабля, доказывало, что проблема вовсе не была решена.

Эта его мысль прервалась, когда над ним на самой высокой ноте оборвалась музыка и после

короткой паузы раздался мужской голос, несомненно, принадлежавший Ханстону:

— Важное сообщение для всех граждан Пятидесяти Солнц. Земной крейсер больше не представляет для нас никакой опасности. Благодаря хитрости мулам удалось захватить его, и теперь он находится на Кассидоре, где наши технические эксперты раскрывают многие его секреты. Граждане Пятидесяти Солнц! Дни тревог и забот кончились. В будущем вашими делами будут управлять ваши сородичи и защитники, мулы. Как их и ваш вождь, я настоящим заявляю, что тридцать миллиардов жителей наших семидесяти планет должны сейчас отдать все свои силы делу подготовки к будущим визитам из главной Галактики. Заверяю вас, что ни один военный корабль больше никогда не вторгнется в Большое Магелланово Облако, которое мы сейчас торжественно провозглашаем нашим жизненным пространством, священным и неприкосновенным отныне и навсегда.

Но это — в будущем. В данный же момент мы, граждане Пятидесяти Солнц, успешно избежали самой страшной опасности в нашей истории. В связи с этим я объявляю трехдневный праздник. Пусть льются музыка, веселье, смех…

Вначале Малтби показалось, что тут и думать не над чем. Он просто пошел по бульвару, где росли деревья и цветы, мимо прекрасных домов. Но вскоре он попытался мысленно представить себе непобедимый крейсер, захваченный мулами — вместе со всем экипажем… если кто-нибудь из землян еще оставался в живых. Каким же образом это удалось сделать? О великая темнота космоса, как?

Впрочем, это было по силам мулам — с их способным к гипнозу могучим двойным разумом. Если бы только на борт корабля проникло достаточное их число, чтобы подчинить себе все высшее руководство.

Но кто в здравом уме решится на то, чтобы пропустить на звездолет первую группу мулов? Еще месяц назад у «Звездного скопления» была по меньшей мере двойная защита против подобного катастрофического финала его долгого путешествия. Первой была талантливая женщина-психолог корабля лейтенант Неслор, которая без всяких колебаний «сунула бы свой нос» в мозг любого прибывшего на борт звездолета человека. Вторым защитником был он, капитан Питер Малтби, чей двойной разум мгновенно заметил бы присутствие еще одного мула.

Однако сейчас он, Малтби, не на корабле, а прогуливается по тихой замечательной улице, пытаясь совладать со своими страхами и сомнениями. Он оказался здесь, потому что… В вспышке внезапного озарения Малтби вздохнул. Так вот почему этот светящийся шар явился ему, а Ханстон был так вежлив! Слова этого человека не имели ничего общего с его намерениями. Все эти действия были предназначены только для одного: чтобы на борту корабля остался лишь один человек, способный мгновенно распознать присутствие мулов. Трудно сказать, как бы он поступил, если бы обнаружил их. Почти немыслимо было бы выдать на смерть одного из своих соплеменников из-за любви к женщине чуждой расы. И все же он не мог допустить, чтобы она оказалась в плену. Возможно, он решил бы предупредить потенциальных захватчиков о том, чтобы они убрались с корабля. Но для принятия этого решения, на который в момент атаки ему отводилось бы лишь считанные мгновения, ясное дело, ему понадобилось бы напряжение всех логических способностей своего мозга.

Впрочем, теперь это не имело никакого значения. События развивались своим ходом, без какой-либо связи с ним. Он никак не мог повлиять

на них. Политическое давление правительства Пятидесяти Солнц, захват мощного крейсера — все это лежало за пределами влияния человека, который ошибался в оценке происходивших событий и которого сейчас самого вполне могли убить. И даже прежних сторонников его смерть не сильно обеспокоила бы. В этот час триумфа Ханстона невозможно было установить контакт с этим тайным городом.

Ясно, что он должен что-то делать. Если верно, что звездолет «Звездное скопление» захвачен, то же самое относится к Достопочтимой Глории Сесили. А ведь леди Лорр из благородного рода Лорр ко всем прочим своим высоким титулам была еще и миссис Питер Малтби. Такова была реальность. И уже из этого родилась первая сугубо личная цель в его одинокой жизни.

17.

Перед Малтби была верфь военно-космических сил Пятидесяти Солнц. Он остановился на тротуаре в ста футах от главного служебного входа и небрежно закурил. Курение было преимущественно привычкой неделлианцев, а сам он никогда не курил. Но человеку, собирающемуся попасть с четвертой планеты Атмиона на

Кассидор VII, не пользуясь при этом обычным регулярным сообщением, просто не обойтись без применения целого набора отвлекающих действий, вроде этого.

Покуривая сигарету, он внимательно разглядывал ворота и начальника охраны. Наконец он пошел вперед легкой походкой человека с чистыми намерениями. Потом, пока офицер-деллианец просматривал его безупречные документы, он стоял, попыхивая сигаретой. Эта небрежность была нарочитой. Внутри же он весь кипел от тревоги: «Это, должно быть, деллианец!» Кроме исключительных обстоятельств на них гипноз не действовал.

Наконец офицер нарушил тишину.

— Пройдите к боковому входу, я хочу поговорить с вами.

Малтби почувствовал, как его основной мозг ослаб, но дополнительный напрягся, стал подобен закаленной стали. Неужели его опознали? Уже почти решившись пойти ва-банк, бросить вперед все свои психические силы, он вдруг замер в нерешительности. «Погоди! — предупредил он себя. — Еще успею, если он попытается поднять тревогу. Нужно проверить до конца предположение, что у Ханстона не было времени, чтобы

закрыть для меня все входы и выходы».

Он впился глазами в лицо офицера. Но на типично красивом лице деллианца не отражалось никаких эмоций. Если его и опознали, то уже слишком поздно прибегать к специальным приемам гипноза.

— Мы получили приказ, капитан, задержать вас, — произнес деллианец тихо, без всяких предисловий.

Он замолчал и с любопытством посмотрел на Малтби, который попытался осторожно проникнуть в его сознание, используя особые способности своего двойного разума, но, натолкнувшись на непроницаемый барьер, отступил, однако он особо и не рассчитывал на успех. Пока что ничего серьезного ему не угрожает.

Малтби пристально посмотрел на офицера.

— Да? — спросил он небрежно.

— Если я вас впущу, — сказал деллианец, — и что-то произойдет, к примеру, исчезновение корабля, то ответственность за это буду нести я. Но если же я откажусь впустить вас и вы просто уйдете отсюда, то никто и не будет знать, что вы были здесь. — Он пожал плечами и улыбнулся. — Ну как, все просто?

Малтби хмуро смотрел на начальника охраны.

— Спасибо, — сказал он. — Но как это понимать?

— Мы в нерешительности.

— Относительно чего?

— Относительно мулов. Ладно, пусть они берут власть в свои руки, пусть. Но военно-космический флот Пятидесяти Солнц не отрекается и не дает присягу в верности через десять минут после переворота. Кроме того, мы не убеждены, что предложение Земли было нечестным, как нас хотят уверить.

— Почему вы говорите мне все это? В конце концов ведь я сам мул.

Офицер улыбнулся.

— Про вас много говорили в кают-компаниях, капитан, — начал начальник охраны. — Мы не забыли, что вы были с нами на протяжении пятнадцати лет. Хотя вы, возможно, и не замечали, но мы за это время подвергли вас множеству тестов.

— Заметил, — возразил Малтби, и его лицо нахмурилось от воспоминаний. — И у меня создалось впечатление, что я провалил все эти тесты.

— Нет.

Воцарилась тишина. Но Малтби почувствовал какое-то возбуждение. Он настолько сосредото-

чился на собственных проблемах, что почти не обратил внимания на реакцию граждан Пятидесяти Солнц в отношении подобного политического катаклизма. Если хорошенько подумать, то и среди других граждан, не только в этом военном, он замечал такую же неуверенность.

Не приходилось особо сомневаться, что мулы психологически верно выбрали момент для государственного переворота. Но их победа не была окончательной. Оставались еще шансы и для других.

— Я хочу попасть на Кассидор, чтобы узнать, что случилось с моей женой, — просто сказал Малтби. — Каким образом я могу это осуществить?

— Так значит, Первый капитан «Звездного скопления» действительно ваша жена! И это не пропагандистский трюк!

Малтби кивнул.

— Да, она действительно моя жена.

— И она вышла за вас замуж, зная, что вы робот?

— Несколько недель, — начал Малтби, — я провел в библиотеке крейсера, изучая земную версию массового уничтожения роботов, случившегося пятнадцать тысяч лет назад. Они объясняют это кратковременным возрождением

среди народных масс расовых предубеждений былых времен, которые, как вы знаете, коренятся в страхе перед неведомым и, конечно, в простейших антипатиях. Деллианцы, необычайно красивые существа, обладая удивительными физическими и психическими способностями, казалось, настолько превосходили простых смертных, что внезапно, почти в один миг, страх этот перерос в паническую ненависть, после чего началось линчевание.

— А что случилось с тем неделлианцем, который помог нам бежать и о котором мы знаем очень мало? — спросил офицер.

Малтби печально рассмеялся.

— В этом вся соль. Слушайте…

Когда он закончил свой рассказ, офицер уныло спросил:

— А люди со «Звездного скопления» знают об этом?

— Я рассказал им, — ответил Малтби. — Они собирались сделать соответствующее заявление перед возвращением корабля на Землю.

Наступило молчание. Наконец деллианец сказал:

— А что вы думаете о действиях мулов, взявших власть в свои руки и подготавливающих войну?

— Даже не знаю, что и сказать.

— Как и все мы.

— Что меня волнует, — начал Малтби, — так это непременность прибытия других земных крейсеров, а уж всех их не удастся захватить при помощи хитрости.

— Да, — согласился деллианец, — мы думали об этом.

Снова воцарилась тишина, и в этот раз она продлилась дольше. Наконец Малтби высказал вслух свою просьбу:

— Есть ли какой-нибудь способ добраться мне до Кассидора?

Деллианец стоял, закрыв глаза, не зная, что ответить. Наконец со вздохом он произнес:

— Через два часа планету покидает один корабль. Я сомневаюсь, что капитан Терда Лэйрд будет возражать против вашего присутствия на борту. Прошу следовать за мной, капитан.

Малтби прошел через ворота и оказался в тени огромных ангаров. Он чувствовал странную расслабленность и уже в космосе понял, что это означает. Мучившее его ощущение одиночества в мире чуждых ему существ исчезло.

18.

Темнота за иллюминаторами успокаивающе действовала на его творческий мозг. Он сидел, уставясь в чернильно-черный мрак со сверкающими белыми точками, которыми были звезды, и ощущал одиночество. Он с ностальгией вспомнил обо всех тех часах, что провел так же, как сейчас, наблюдая за ними, будучи метеорологом в военнокосмическом флоте Пятидесяти Солнц. Тогда он думал, что у него нет друзей, что всеобщая, непреодолимая подозрительность отделяет его от деллианских и неделлианских роботов.

Правда, возможно, заключалась в том, что он рос, настолько отчужденно от остальных, что никто и не пытался сблизиться с ним. Теперь он знал, что эта подозрительность уже давно исчезла. И почему-то теперь проблема Пятидесяти Солнц в целом снова стала и его. «Необходимо подойти к вопросу спасения Глории с другой стороны», — подумал он. За несколько часов до посадки он отправил капитану Лэйрду свою визитную карточку с просьбой о встрече.

Командиром корабля оказался худощавый, седовласый, почтенного вида неделлианец. И он согласился со всеми пунктами и деталями плана

Малтби.

— Весь этот вопрос, — начал он, — стал тщательно обсуждаться несколько недель назад, вскоре после захвата мулами власти. Оценивая общее количество военных кораблей, которыми располагает Империя Земли, мы сошлись на числе, таком большом, что оно практически теряло для нас свое значение. Не будет удивительно, — продолжал с волнением в голосе командир звездолета, — если Земля направит сюда по одному кораблю на каждого мужчину, женщину и ребенка Пятидесяти Солнц, и при этом практически не ослабнет защита самой главной галактики. Мы, офицеры и руководители военно-космического флота, с нетерпением ждали, когда же Ханстон сделает об этом заявление в частном порядке либо публично. То, что он так и не выступил, очень тревожный факт, особенно учитывая то, что первые экспедиции к новой звездной системе, вроде Большого Магелланова Облака, несомненно, направляются по приказаниям центральной исполнительной власти.

— Это имперская экспедиция, — заметил Малтби, — осуществляемая на основе директивы совета императора.

— Безумство! — пробормотал капитан ко-

рабля. — Наши новые руководители сошли с ума! — Он выпрямился, покачивая головой, чтобы прояснить ее от сомнений и путаницы. Потом продолжил торжественно: — Капитан Малтби, я считаю, что могу гарантировать вам полную поддержку военно-космического флота в ваших попытках спасти вашу жену, если… если она все еще жива.

Через час, проваливаясь в небытие сна, Малтби старался думать об этом обещании, чтобы стереть из памяти мрачный смысл последних слов. Внезапно прежний сарказм вспыхнул в нем подобно раздутому ветром костру, и он подумал иронично: «Просто не верится, но прошло всего два месяца с того дня, когда обстоятельства вынудили лейтенанта Неслор, психолога „Звездного Скопления“ внушить мне сильное чувство эмоциональной привязанности к Глории. С того дня эта страсть стала самой главной в моей жизни. С другой стороны, она полюбила меня сама, естественно». И это являлось одной из причин того, почему их отношения были ему так дороги.

Все ярче становилась приближавшаяся планета, все больше. Она была видна, как висящий в пространстве полумесяц, темная сторона которого подмигивала серебряными огнями десятков

тысяч больших и малых городов. Именно туда, на темную сторону планеты, он и направлялся. Малтби приземлился в небольшом леску. Когда он закапывал под хорошо заметным деревом скафандр, на него обрушилась темнота.

Малтби почувствовал, что падает. Ударившись о землю, он потерял сознание.

Очнувшись, он удивленно осмотрелся. По-прежнему было темно. Две из трех лун Кассидора высоко висели над горизонтом, а когда он приземлился, их еще не было видно. В их сумеречном свете была видна небольшая полянка.

Это был тот же самый лесок. Малтби пошевелил руками — они двигались, не были связаны. Он сел на землю, потом встал. Он был один.

Единственными звуками были слабые завывания ветра. Малтби стоял, подозрительно оглядываясь, потом постепенно расслабился. Внезапно он вспомнил, что уже слышал о подобных обмороках, случавшихся у неделлианцев после долгого снижения. Деллианцы же не были подвержены этому; и до последнего времени он считал, что так же обстоит дело и с мулами. Но нет. Теперь в этом нет никаких сомнений. Малтби пожал плечами и забыл об этом. Через десять минут он добрался до ближайшей остановки

авиатакси. А спустя еще десять он оказался в центре воздушных сообщений. Теперь он знал, куда идти. Он остановился возле одного из сорока входов и в течение нескольких секунд ощупал близлежащее пространство при помощи своего двойного разума, но, слава Богу, среди толпы, торопливо двигающейся к эскалаторам, не было мулов. Это принесло небольшое удовлетворение. Небольшое — потому что он знал, что у Ханстона просто не хватит сил для организации сложной патрульной службы. Вождь мулов мог говорить все, что угодно, о своей армии. Но Малтби мрачно улыбнулся — сил на патрулирование у него действительно не было.

Государственный переворот, благодаря которому Ханстону удалось взять власть над Пятидесятью Солнцами, был гораздо более отчаянным и рискованным предприятием, чем это казалось на первый взгляд. Он предпринял его, не имея, наверное, и ста тысяч человек… и опасность подстерегала Питера Малтби только в пункте назначения — в огромном городе Делле, столице Пятидесяти Солнц.

Только он купил билет и уже направлялся в сторону четвертого уровня, когда кто-то дотронулся до его плеча. Женщина! Питер Малтби мгновенно

просканировал ее мозг, потом столь же быстро расслабился — перед ним стояла лейтенант Неслор, главный психолог «Звездного скопления».

Поставив чашку на стол, Малтби мрачно посмотрел на женщину-психолога, сидевшую напротив него.

— По правде говоря, — начал он, — меня не интересуют ваши планы, которые вы, возможно, строите относительно захвата своего корабля. В моем положении я не могу сознательно становиться на чью-либо сторону при проведении крупных мероприятий. — Малтби замолчал и с любопытством поглядел на женщину, но на лице той не отразилось ни одной мысли. Временами его ставила в тупик эмоциональная жизнь этой средних лет женщины. В прошлом он уже задавал себе вопрос, неужели она использует гипнотические машины в своих лабораториях, чтобы принудить себя не испытывать никаких человеческих чувств. Вот и сейчас, когда он сидел рядом с ней, снова мелькнула такая мысль, но она тут же исчезла. Ему нужна была информация, а не размышления на тему ее характера. Он продолжил, более холодным тоном: — По-моему, именно вы несете ответственность за позорный захват «Звездного скопления», потому что, во-первых,

именно вы, со всей вашей научной эрудицией, убрали меня с корабля; во-вторых, именно вам в обязанность вменялось исследовать сознания людей, допускающихся на борт звездолета. И я до сих пор еще не могу понять, как вы здесь могли ошибиться.

Женщина ничего не ответила. Худощавая, красивая зрелой красотой, уже с сединой у висков, она потихоньку допивала свой напиток. Наконец она посмотрела ему в глаза и сказала:

— Я не собираюсь что-нибудь объяснять вам. Поражение говорит само за себя. — Она замолчала, потом резко произнесла: — Вы что, думаете, что наша благородная леди со словами благодарности за свое спасение упадет к вам в объятия? Вы забываете, что ей под гипнозом внушили забыть свою любовь к вам, и теперь для нее имеет значение только ее корабль.

— Я пойду на этот риск, — начал Малтби, — и пойду один. И если мы снова попадем когда-нибудь под юрисдикцию Земли, то я воспользуюсь моими законными правами.

Глаза лейтенанта Неслор сузились.

— О, так вы знаете об этом. Ну да, вы ведь много времени провели в библиотеке, не так ли?

— Вероятно, мне известно больше о земной

юриспруденции, — спокойно заметил Малтби, — чем кому-либо на борту «Звездного скопления».

— И вы даже не хотите выслушать мой план и воспользоваться помощью тысячи уцелевших членов экипажа для спасения леди Лорр и корабля?

— Я уже сказал вам, — ответил Малтби, — что я не принимаю участия в крупных операциях.

Женщина встала.

— Но вы все же попытаетесь спасти леди Глорию?

— Да.

Психолог, ни слова больше не говоря, повернулась и пошла. Малтби следил за ней, пока она не исчезла за дверью.

19.

Первый капитан Досточтимая Глория Сесили, леди Лорр из благородного рода Лорр сидела на тронном кресле, установленном на возвышении в комнате для приема посетителей, и без тени улыбки слушала доклад психолога. И только когда та закончила, мрачное выражение ее лица слегка смягчилось.

— Значит, он определенно ничего не подозревает, — сказала она резким голосом. — Он

не догадывается, что «Звездное скопление» так никогда и не было захвачено и что именно благодаря вам он потерял сознание, когда приземлился в леску?

— О, подозрения у него, конечно, были, — ответила лейтенант Неслор, — но откуда ему было узнать всю правду? Откуда могли у него взяться подозрения, что триумфальное заявление Ханстона — только очередной шаг в смертельной игре, которую он и мы ведем, пытаясь уничтожить друг друга, пока мы хранили молчание? Уже сам факт, что Ханстон на самом деле захватил один из крейсеров Земли, делает невозможным вообще понять правду.

Молодая аристократка кивнула, теперь уже с улыбкой. Несколько секунд она сидела неподвижно; гордый взгляд сузившихся в задумчивости глаз; рот слегка раскрыт, обнажая ослепительно сверкающие белизной зубы. Совсем иное выражение было у нее на лице, когда она впервые узнала, что у мулов также есть земной крейсер самой последней модели, над созданием которого разработчики трудились в течение многих лет. И сейчас все то, что ей было известно об этом новом громовержце (так его прозвали на военно-космических верфях Земли), мгновенно пронеслось

у нее в голове. Производство девятисот миллиардов отдельных его частей началось семьдесят пять лет назад и предполагалось, что первый корабль будет собран в конце семидесятых, после чего начнется массовое производство. К этому времени буквально считанное число этих судов могли на самом деле вступить в строй, но вот где-то на трассе их полетов одно из них удалось выкрасть.

Ее чувства по поводу обладания мулами такого крейсера колебались между облегчением и тревогой. Облегчение было вызвано тем, что это суперизобретение было просто-напросто украдено мулами из главной галактики. А тревога — последствиями этой кражи.

Что же собирался предпринять Ханстон? Как он относится к тому, что Империя Земли владеет большим числом кораблей, чем народу во всех Пятидесяти Солнцах?

— Нет никаких сомнений, — медленно начала леди Лорр, — что мулы послали корабль в главную галактику сразу же, как только услышали о нас; и, конечно, если им удалось попасть на борт одного из наших боевых кораблей, то тогда их уже не остановить. — Она замолчала, потом более веселым тоном продолжила: — Я рада,

что капитан Малтби не спросил, каким образом тебе и тысяче других членов экипажа удалось спастись, когда Ханстон осуществил так называемый захват «Звездного скопления». Меня совсем не удивляет то, что он отказался иметь что-либо общее с твоим наивным планом обратного захвата корабля. Самое главное, что, прикрываясь такой слабой историей, тебе удалось узнать то, что нам нужно: его помыслами управляет страсть ко мне, в виду чего он попытается проникнуть на борт ханстоновского крейсера. Как только наш датчик, который мы установили, когда он покинул нас на Атмионе, укажет, что он проник на этот корабль, мы начнем действовать. — Она рассмеялась. — Ну и удивится же этот молодой человек, когда узнает, какого рода одеждой мы его снабдили!

— Его могут убить! — заметила лейтенант Неслор.

Наступила тишина, но слабая улыбка оставалась на прекрасном лице леди Лорр.

— Не забывай, — торопливо продолжила лейтенант Неслор, — что твоя нынешняя неприязнь к нему вызвана сознанием того, как сильно в эмоциональном плане ты была привязана к нему перед этим.

— Возможно, — признала Первый капитан, — что ты переборщила с гипнотическим внушением. Однако какова бы ни была причина, но в данный момент я не желаю чувствовать ничего иного. Так что ты можешь теперь рассматривать это как приказ: ни при каких обстоятельствах я не должна быть подвержена гипнотическому воздействию с целью вернуть меня в прежнее состояние. Развод между капитаном Малтби и мною, который теперь уже состоялся, окончателен. Ясно?

— Да, благородная леди.

Насколько хватало глаз, везде были корабли — больше, чем Малтби видел на верфях Кассидора. Не возникало никаких сомнений, военно-космический флот Пятидесяти Солнц был демобилизован мулами со всей возможной поспешностью.

Суда тянулись рядами на север, восток, юг до самого горизонта. Они лежали в своих гнездах, образуя длинные, геометрически правильные ряды. Тут и там размеренный ритм прямых линей нарушали наземные ангары и ремонтные мастерские. Впрочем, большая часть строений располагалась под землей, точнее, под гофрированными металлическими плитами, покрытыми

каким-то полупрозрачным стальным сплавом и напоминающим волнующееся море.

Земной крейсер находился в четырех милях от западного входа. Расстояние, казалось, вовсе не уменьшало его. Колоссальная сигара маячила на горизонте, закрывая своей тенью все меньшие по размерам суда и господствуя над небом, планетой и этим районом города. Ничто в Кассидоре, ничто в самой системе Пятидесяти Солнц не могло и приблизительно сравниться по размерам с этим кораблем, а также по сложности конструкции и мощи.

Даже сейчас Малтби казалось невероятным, что такое мощное оружие, каким являлась эта боевая машина убийства, способная уничтожить всю планету, оказалось в целости и сохранности в руках мулов, которым удалось захватить его при помощи хитрости. И все же, не он ли сам применил подобный же способ, чтобы освободить «Атмион»? Так что вполне возможно, что так оно и было. С трудом заставив себя оторвать взгляд от бесплодного созерцания звездолета, он пошел дальше. Малтби чувствовал внутри себя спокойствие и непреклонную решимость. Начальник охраны, проведший его через ворота, оказался неделлианцем с приятным лицом.

— В дверях того здания, — сказал офицер, — находится электронный нуль-Т-передатчик, настроенный на трюм корабля. — Он показал рукой. — Так вы попадете внутрь крейсера. А теперь положите к себе в карман это сигнальное устройство.

Малтби с любопытством принял миниатюрный прибор. Простейшая комбинация передающего и приемного каналов электронно-лучевой трубки с кнопкой, включающей сигнал.

— Зачем мне это? — спросил он.

— Вы ведь направляетесь на мостик Первого капитана, верно?

Малтби кивнул, у него мелькнула мысль, но он не решился высказать ее вслух. Он просто ждал, когда офицер продолжит:

— Не теряя ни минуты, так быстро, как только сможете, постарайтесь добраться до пульта управления и вывести из строя систему электроснабжения, автоматические экраны защиты и так далее. Затем дадите сигнал.

В голове Малтби было пусто. У него внезапно появилось чувство, что он идет по самому краю бездны.

— Но в чем все-таки смысл? — спросил он, по-прежнему ничего не понимая.

Последовал спокойный, почти холодный ответ:

— Решено было попытаться захватить крейсер. Нам в руки попало несколько запасных нуль-Т-передатчиков, и мы готовы в течение часа, из разных пунктов сосредоточения, перебросить на борт корабля сто тысяч людей. Независимо от результата, ваши шансы на побег с женой возрастут. Инструкции вам ясны? — сухо закончил молодой офицер.

Инструкции! Вот оно что! Ведь он еще оставался в рядах военно-космического флота Пятидесяти Солнц, вот они и считали само собой разумеющимся, что он будет подчиняться их приказам беспрекословно. Что, естественно, было не так. Ведь он был наследственным вождем мулов, который принял присягу верности Пятидесяти Солнцам, а также женился на представительнице одного из благородных родов Империи Земли, и теперь проблема его лояльности носила этический характер.

Нелепая мысль пришла в голову Малтби: в данный момент просто необходимо было нападение оставшихся в живых членов экипажа «Звездного скопления». Под предводительством лейтенанта Неслор. Этот был бы идеальный выход в со-

здавшейся ситуации для человека, который все больше и больше с каждой минутой запутывался в клубке противоречий. Ему необходимо было время, чтобы подумать и принять решение. Но к счастью, уж времени-то у него было достаточно. Принять это решение ему предстоит не здесь и не сейчас. Он возьмет с собой это сигнальное устройство, а уж воспользоваться им или нет он решит, когда настанет пора. Малтби сунул приборчик в карман и спокойно ответил:

— Да, мне все понятно.

Спустя две минуты он оказался на борту крейсера.

20.

Малтби обнаружил себя в заброшенном складском помещении. И он был приятно удивлен этим обстоятельством. Оно казалось чересчур уж благоприятствующим. Его взгляд быстро обежал все помещение. Он не мог припомнить, что посещал его раньше, находясь на борту «Звездного скопления». Но тогда у него не было особых причин слоняться по всему этому мощному звездолету. Да и времени для этого у него тоже не было.

Он быстро прошел к внутреннему нуль-Т-передатчику и уже протянул руку, чтобы нажать

кнопку устройства, которое перенесет его на мостик Первого капитана, однако в последний момент, уже касаясь пальцами кнопки, он замер в нерешительности.

Разум советовал действовать смело. Вся история войн учила, что сознательная храбрость, в сочетании с разумной осторожностью, приводит к победе. Только он на самом деле ничего не планировал заранее. И сейчас он, замерев совершенно неподвижно, активизировал деятельность своего дополнительного, деллианского, разума и принялся мысленно исследовать свои действия, начиная с момента появления в его каюте светящегося шара Ханстона, потом его путешествие на Кассидор, разговор с лейтенантом Неслор и неожиданном объявлении плана нападения военно-космического флота Пятидесяти Солнц.

И сейчас, думая над всем этим, ему вдруг пришло в голову, что все эти события оставляют поразительный эффект чего-то очень сложного. Для деллианской части его мозга, с остротой ее логики, обычно не представляло особого труда соединить якобы несвязанные факты в единое целое. Но вот сейчас все происходило иначе, медленнее. И лишь через несколько минут он понял, в чем дело. Каждый факт состоял из мно-

жества меньших фактиков, и только часть из них поддавалась дедуктивному анализу, другая же часть (несомненно, имевшаяся) никак не желала проясниться. Но сейчас не было времени думать над этим. Малтби решил войти в каюту Первого капитана, а осуществить это можно было только одним способом. Резким движением он нажал кнопку. Потом шагнул в ярко освещенную комнату. В десяти футах от передатчика стоял какой-то высокий мужчина. Он смотрел на Малтби, и в руках у него был лучевой пистолет.

И только когда мужчина заговорил, Малтби узнал его.

Это был Ханстон. Вождь мулов сказал звонким голосом:

— Капитан Малтби, добро пожаловать на борт нашего корабля. А то я уж заждался тебя.

В этот раз смелость его подвела.

В голове Малтби мелькнула мысль выхватить из кобуры свой собственный лучевой пистолет, но она тут же исчезла: он бросил взгляд на приборную панель, вернее, ту часть, которая обеспечивала автоматическую защиту внутри корабля. На пульте горел огонек. Малтби осторожно шевельнул рукой. Огонек замерцал, реагируя на его движение. Он решил не доставать своего ору-

жия. Вероятность того, что в случае его появления на главном мостике с оружием в руках, тут же сработает защита (о чем и сигнализировал этот огонек) делала крайне нежелательным подобное действие.

Малтби вздохнул и переключил все свое внимание на Ханстона. В последний раз он его видел несколько месяцев назад. Как и все деллианцы, как и сам Малтби, Ханстон был стройным, ладно скроенным человеком. Наверное, его мать была блондинкой, а отец — темноволосым брюнетом, потому что цвет его волос представлял собой удивительное сочетание золотистого и черного — именно таким обычно наблюдался результат у подобного рода союза. Глаза у него были серовато-голубые. Во время их предыдущей встречи Ханстон казался ему более изящным и почему-то более незрелым, несмотря на всю свою уверенность. Сейчас же от этой незрелости не осталось и следа — это был сильный, гордый человек, вождь до мозга костей.

— Коротко обрисую главные факты, — начал он без преамбулы. — Это не «Звездное скопление». Все, что я раньше говорил, было просто политическим маневром. Мы захватили этот крейсер на одной из верфей военно-космического фло-

та в главной галактике. В данный момент мы осуществляем операцию по захвату второго звездолета, и вскоре он будет доставлен сюда. Когда это случится, мы внезапно атакуем «Звездное скопление».

Чуть ли не мгновенно Малтби из освободителя превратился в простофилю. Только что он был решительно настроенным человеком, готовым противостоять любой опасности; и вот уже он глупец, а цель его стала просто нелепой.

— Н-но ведь… — начал было он.

Это был просто звук, не реакция. Слова выражали его замешательство, пустоту в голове и предшествовали мысленной буре, из которой вырастало понимание. Прежде чем Малтби смог продолжить, Ханстон произнес:

— Кое-кто предупреждал нас, что ты появишься здесь. Думаю, что это была твоя жена. Более того, мы полагаем, что в основе всех ее действий лежат враждебные намерения. Естественно, мы предприняли меры предосторожности. На борту этого корабля находится десять тысяч мулов. Если твое прибытие сюда является сигналом для нападения, то для того, чтобы застать нас врасплох, оно должно быть на самом деле отлично организованным.

На Малтби снова обрушилось слишком много фактов. Но через несколько секунд Малтби вспомнил о людях военно-космического флота Пятидесяти Солнц, ожидающих сигнала, чтобы прибыть на борт судна, и поморщился. Он уже открыл было рот, чтобы начать говорить, но потом остановился, когда в его деллианской части разума вспыхнуло воспоминание о его встрече с лейтенантом Неслор. Логические способности этого его второго разума намного превосходили человеческие. Он тут же осознал связь между этой встречей с психологом земного корабля и потерей сознания, случившейся с ним сразу же после прибытия на Кассидор. В тот же миг его удивительный дополнительный мозг исследовал тысячи возможностей, а поскольку в настоящее время он уже имел достаточно предпосылок и ключей к ответу, то понял его.

Все дело в костюме, который он носит!!! Должно быть, его заставили потерять сознание для того, чтобы заменить костюм, что был на нем! И в любую минуту, любую секунду его можно было задействовать! Покрывшись потом, Малтби мысленно представил результат столкновения титанических сил: десять тысяч мулов против всего экипажа «Звездного скопления» и ста тысяч

человек из военно-космического флота Пятидесяти Солнц.

Если последние ждут его сигнала, то он может спасти им жизни, так и не подав этого сигнала. Он с необычайной ясностью понял, что должен говорить, но сперва…

Он должен узнать, заряжен ли его костюм.

Заведя одну руку за спину, он осторожно начал давить вглубь. Четыре дюйма, шесть — и по-прежнему ощущается лишь пустота. Малтби осторожно убрал руку.

Да, все верно, костюм действительно задействован.

— Мы планируем уничтожить сначала «Звездное скопление», потом и саму Землю.

— Ч-что? — изумленно переспросил Малтби.

Он уставился на собеседника. Ему вдруг показалось, что он неправильно расслышал. Потом громко переспросил:

— Уничтожить Землю?

Ханстон спокойно кивнул.

— Это единственно правильное логическое решение. Если будет уничтожена только одна планета, что отправила эту экспедицию к Большому Магелланову Облаку, то тогда мы получим время для развития своей цивилизации, ее рас-

пространения в космосе, а со временем, через несколько сотен лет интенсивного бридинга мулов, у нас будет достаточно населения, чтобы взять контроль над всей главной галактикой.

— Но ведь, — возразил Малтби, — Земля — центр этой главной галактики. Там находится центральное правительство, символ Империи. Главная планета для трех миллиардов солнц. Земля… — Он замолчал, охваченный все более и более усиливающимся страхом, потому что речь шла не о нем лично. — Да ты просто безумец! — в гневе закричал он. — Вы не можете пойти на это! Ведь это дезорганизует всю Галактику!

— Вот именно, — с удовлетворением кивнул Ханстон. — И тогда мы, несомненно, получим требуемое нам время. Даже если другим известно об экспедиции «Звездного скопления», то никто не свяжет ее с этой катастрофой и не будут отправлены новые экспедиции.

Он замолчал, потом продолжил:

— Как ты видишь, я был совершенно откровенен с тобой. И ты не мог не заметить, что успех нашего плана связан с тем, удастся нам или нет уничтожить «Звездное скопление». А в этом деле, — спокойно закончил он, — мы, естественно, надеемся на помощь наследственного вождя

мулов.

21.

В огромном зале воцарилась тишина. Ряды приборов ничего не показывали, за исключением одного-единственного огонька антисвета, мерцающего, подобно слабому маяку, в глубинах электронной лампы. Малтби стоял неподвижно, прислушиваясь к рождающейся в голове у него мысли. Она не имела прямой связи с только что высказанным Ханстоном предложением, но и не была новой. Малтби попытался выбросить ее из головы, но она наоборот становилась все сильнее и сильнее, набирая мощь — в нем крепла убежденность, что ему-таки придется принять чью-либо сторону в этой борьбе трех могущественных группировок. Он не мог допустить уничтожения Земли!

С огромным трудом он наконец выбросил эту мысль из головы и посмотрел на Ханстона. Тот с нетерпением в сузившихся зрачках смотрел на него, и это внезапно показалось Малтби удивительным. Он открыл было рот, чтобы с сарказмом сделать замечание относительно узурпатора, имеющего наглость просить помощи у человека, смещения которого он всячески добивается, но

Ханстон его опередил:

— Малтби… откуда исходит опасность? Что они задумали, направив тебя сюда? Сейчас тебе это должно быть уже известно?

Малтби почти забыл об этом. И он снова едва не заговорил, но в этот раз он остановил себя сам — ему в голову пришла новая мысль, которая скрывалась где-то на задворках его сознания уже много месяцев, и именно в ней заключался ключ к решению всей проблемы Пятидесяти Солнц. Раньше эта мысль представлялась ему просто нелепой и невозможной — пытаться убедить три враждующие группировки в необходимости установления контроля над ними и подчинить их своей воле.

Теперь же в вспышке озарения он понял, каким образом это можно осуществить. Но нельзя было медлить! В любой миг костюм, который был на нем, мог быть активирован.

— Это — помещение! — резко выкрикнул он. — Если тебе дорога твоя жизнь, немедленно покинь его!

Ханстон уставился на него с горящими глазами. Он не выглядел испуганным.

— Это помещение находится в опасности потому, что ты здесь? — спросил он спокойным

тоном.

— Да, — ответил Малтби и слегка вытянул вперед руки, а голову приподнял так, чтобы энергетический выстрел из лучевого пистолета Ханстона не мог причинить ему вреда. Его тело напряглось для броска вперед.

Но вместо того, чтобы стрелять, Ханстон хмуро заметил:

— Здесь что-то не так. Я, естественно, не могу позволить тебе остаться одному в рубке управления этим крейсером. А значит, ты практически просишь меня убить тебя. Очевидно, что в опасности находишься ты, значит, ты и должен умереть. Это слишком очевидно. — Потом он добавил резким тоном: — Видишь тот огонек антисвета, что следит за тобой… в тот момент, когда я сделаю выстрел, его способность к автоматической защите будет низведена к нулю, и в результате ты тоже сможешь воспользоваться своим оружием. Неужели именно этого ты и добиваешься?

Да, все обстояло именно так.

— Убирайся из этого помещения! — только это сумел выкрикнуть Малтби. — Убирайся, идиот!

Ханстон не пошевелился, но щеки его побледнели.

— Единственная опасность, которая, как мы

считаем, может нам угрожать, — начал Ханстон, — это если им каким-то образом удастся добраться до нуль-Т-передатчика «Звездного скопления» и проникнуть на борт корабля. — Он внимательно посмотрел на Малтби. — До сих пор нам так и не удалось выяснить принцип работы этих передатчиков, но вот что мы знаем: не существует связи между передатчиками разных звездолетов. Они настроены и запрограммированы по-разному. При этом они (уже после наладки) не поддаются никакому перепрограммированию. Но у тебя была возможность узнать этот секрет. Так открой его мне.

— Открой его мне! — Теперь было ясно, что ему придется напасть на Ханстона несмотря на горящий огонек антисвета. Что означало, что рассчитывать в данной ситуации он мог только на свои мускулы и внезапность. И если сейчас заговорить ему зубы, то эта уловка может сработать.

Но что за ирония судьбы? Ханстон и его технические эксперты правильно оценили природу опасности. И все-таки сейчас, стоя перед человеком, одетым в костюм, спереди и сзади которого были нуль-Т-передатчики, Ханстон по-прежнему ничего не подозревал.

— Передатчики, — начал Малтби, — действуют

по тому же принципу, по которому были созданы самые первые деллианские роботы, только здесь использованы другие, оригинальные компоненты. Создатели роботов взяли за основу электронный образ человека и из органической материи создали то, что как считалось, должно было быть его точной копией. Но, конечно, что-то пошло не так, потому что деллианцы так никогда и не стали дубликатами оригиналов людей, и, более того, они имели даже физические отличия. Из этих отличий и выросла ненависть, которая со временем вылилась в массовое истребление «роботов», случившееся пятнадцать тысяч лет назад.

Но не будем об этом сейчас. Эти передатчики материи превращают тело в поток электронов, после чего восстанавливают тело при помощи особого процесса реконструкции ткани. Этот процесс столь же прост, как и включение лампочки и…

Именно в это мгновение Малтби прыгнул. Страх, что Ханстон будет целиться ему в ноги, руки или голову, исчез — в этот ключевой момент его противник заколебался, а значит — проиграл, как многие тысячи миллионов людей до него. Хотя лучевой пистолет выстрелил, когда Малтби

схватил Ханстона за запястье руки, в которой тот держал оружие. Однако вспышка огня опалила лишь непроницаемый даже для этого оружия пол, не принеся никакого вреда Малтби. А потом пистолет со звоном упал вниз.

— Негодяй! — прохрипел Ханстон. — Ты знал, что я не буду стрелять в наследственного вождя мулов. Ты, предатель…

Малтби ничего подобного не знал. Но у него не было времени размышлять над этой головоломкой. Голос Ханстона смолк, когда Малтби сжал его голову, как в тисках, прижал к себе и начал пропихивать ее себе внутрь груди. И, должно быть, это явилось такой неожиданностью для Ханстона, что тот прекратил сопротивление, благодаря чему Малтби запихнул его через передатчик внутрь своей одежды; со стороны это выглядело, словно свое собственное тело.

Еще виднелась дергающаяся ступня Ханстона, а Малтби принялся рвать с себя застежки комбинезона. Потом начал спускать его с себя, стараясь, чтобы поверхности передатчиков материи были обращены друг к другу.

Выскочив, как ошпаренный, из комбинезона, он опрометью бросился к приборам управления, перепрограммировал анти-свет на собственную

защиту, после чего сделал еще множество других манипуляций с приборами. И спустя минуту корабль принадлежал ему.

Оставалось лишь одно: поведать всем трем группировкам о его решении. А после этого — Глория.

22. На слушании, состоявшемся спустя десять дней на борту «Звездного скопления», присутствовали все капитаны. Перед началом, по всей видимости, что-то случилось, потому что когда Малтби появился, жена его сидела с каменным выражением на лице, глядя прямо перед собой. По ее виду Малтби догадался, что она только что предприняла последнюю безрезультатную попытку отложить слушание.

Малтби занял место, указанное ему одним из офицеров, и стал ждать вызова. Он предполагал, что для победы ему придется высказать веские доводы, но «приз» строил всех этих усилий, которые он приложил и которые ему еще предстояло приложить.

Краем глаза он бросил взгляд на этот «приз»… и тут же поспешно отвел его в сторону, когда она посмотрела прямо ему в глаза, и во взгляде ее бушевало леденящее пламя. Затем она встала и направилась к нему.

— Капитан Малтби, — начала она тихим голосом, — я прошу тебя забрать свой иск.

— Ваше Превосходительство, — ответил Малтби, — ты почти столь же привлекательна для меня, когда сердишься и когда… отдаешься.

— Какое вульгарное замечание, и я тебе его никогда не прощу! — гневно воскликнула женщина.

— Мне очень жаль, если ты считаешь, что я вульгарен, — сказал Малтби. — Но ты не всегда так думала, если постараешься вспомнить прошлое.

Ее красивые щеки покрылись румянцем. Она сказала твердым голосом:

— Я не желаю вспоминать то, что теперь мне кажется неприятным. Если бы ты был джентльменом, то не говорил бы об этом.

— Я надеюсь, — продолжал Малтби, — что ты будешь продолжать считать меня джентльменом в общепринятом значении этого слова. Но я не понимаю, какое отношение все это имеет к нашим чувствам.

— Ни один джентльмен не будет требовать любви от женщины, когда ему не отвечают взаимностью.

— У меня только одно желание, — возразил

Малтби, — восстановить естественно возникшую любовь, которую искусственным способом заставили погаснуть.

Леди Лорр пристально смотрела на него, сжав кулаки, как будто собиралась наброситься на него. Потом она внезапно произнесла:

— Ах ты, проклятый космический законник! Как жаль, что ты копался в нашей библиотеке!

Малтби улыбнулся.

— Глория, моя дорогая, — начал он уверенным тоном, — я слышал, что ты и сама отлично разбираешься в космическом праве. Готов с тобою поспорить.

— Я никогда не спорю и не играю в азартные игры, — последовал холодный ответ.

Это было настолько экстравагантное заявление — после всего того, что случилось, и настолько возмутительное, что Малтби мгновенно умолк. Потом он снова улыбнулся, еще более широко.

— Моя дорогая, — продолжал он, — все дело в том, что ты знаешь довод, при помощи которого можно добиться победы в этом деле. Держу пари, что в глубине души ты хочешь, чтобы я выиграл, вот почему ты для победы не воспользуешься этим решающим аргументом.

— Таких аргументов не существует, — возрази-

ла женщина. — Мы оба знаем закон. Да ты просто намеренно изводишь меня, заговариваешь зубы.

Внезапно в ее глазах появились слезы.

— Пожалуйста, Питер, — с мольбой в голосе начала она, — брось это дело. Оставь меня в покое.

Малтби несколько секунд колебался, пораженный страстностью, прозвучавшей в этой мольбе. Но он не собирался сдаваться. Эта женщина сама отдалась ему на планете С Дорадус. Если после освобождения ее от гипнотического искусства воздействия на ее психику она по-прежнему не захочет его, что ж, тогда она будет свободна.

— Моя дорогая, — со страстностью в голосе начал Малтби, — чего же ты боишься… уж не самой ли себя? Не забывай, выбор предстоит сделать именно тебе. А сейчас ты предчувствуешь, что выберешь меня, хотя в данный момент эта мысль внушает тебе отвращение. Освободившись от искусственного психического воздействия, ты, возможно, захочешь, чтобы наш брак продолжался.

— Никогда! Неужели ты еще не понял, что я постоянно помню о том времени, помню о насилии над собой? Неужели ты этого не понимаешь?

И внезапно он понял, что она имела в виду. До сих пор он смотрел на это дело с точки зрения

мужчины. Но женщины — это совсем другие существа. Они должны испытывать потребность в партнере по браку без малейшего давления на себя. Для него, по-прежнему преисполненного решимости добиться поставленной цели, представившаяся ему сейчас картина была поразительной. И все же он еще не мог заставить сказать слова, которые освободили бы ее.

Его разум начал размышлять над событиями минувших десяти дней. Эти дни запомнятся ему на всю жизнь. Миллиарды людей пришли к согласию на основе его предложений. Первыми согласились деллианцы и неделлианцы. Когда по радио было передано сообщение, что «Звездное скопление» не находится в руках мулов и что Земля не отказывается от своих первоначально высказанных гарантий, лишь слегка изменив их, правительства Пятидесяти Солнц публично объявили о своем согласии.

Малтби был несколько разочарован реакцией на событие, которое он считал сенсационной новостью. Информация — он собрал ее в библиотеке корабля — о том, что неделлианцы — это не гуманоиды или роботы в широком смысле этого слова, а потомки людей, которые помогли спастись первым гуманоидам, эта информация, казалось,

не произвела особого впечатления. Впрочем, возможно, внимание людей было отвлечено другими событиями и проблемами. Оставалось лишь надеяться, что в будущем проявится более благосклонная реакция. Неделлианцы почувствуют большее родство с другими людьми. А деллианцы, узнав, что люди, многие тысячелетия притворявшиеся, что они роботы — ради спасения грядущих поколений — возможно, поймут, что человечество не так уж плохо.

Проблему же мулов разрешить было немного сложнее. После того как их лидер, авантюрист Ханстон, был арестован и заключен в тюрьму, огромное большинство их, казалось, смирилось с поражением и согласилось принять решение Малтби. В своем обращении к Тайным Городам он говорил без обиняков. Выбрав путь войны, им посчастливилось: они получают равные права в правительстве Пятидесяти Солнц. Все корабли главной галактики будут предупреждены об их тактике, и многие годы мулы будут носить опознавательные знаки. Однако деллианцам разрешается вступать в брак с неделлианцами, а запрещение иметь детей таким парам при помощи системы «холод — давление» снимается. Поскольку ребенок, появляющийся в результате

такого брака, будет несомненно мулом, то через несколько поколений их число возрастет. Если эта мутация, в соответствии с законами и в результате естественного хода событий, со временем начнет доминировать, то Земля будет вполне готова принять это как должное. Законы, предусматривающие такие возможности, либеральны и смотрят далеко вперед. Категорически запрещена только агрессия.

Вспомнив обо всем этом, Малтби усмехнулся. Были решены все проблемы, кроме его собственной. И вот он сидит здесь, на этом слушании, в нерешительности и сомнениях.

Спустя три часа, после короткого совещания между судьями, капитан Ратгерс огласил торопливо принятое решение:

— Закон, — зычным голосом начал он, — относительно повторного применения искусственного воздействия на психику, не касается капитана Малтби, который в то время, когда он подвергся первому, еще не являлся гражданином Империи Земли. Однако это распространяется на леди Глорию, родившуюся гражданкой Империи.

Потом он продолжил:

— Поскольку капитан Малтби назначен постоянным представителем Пятидесяти Солнц на

Земле, а для леди Глории это последняя экспедиция в космос на борту военного корабля, то не существует никаких препятствий географического порядка для продолжения этого брака.

В соответствии с этим суд постановил: леди Глория пройдет курс лечения, которое восстановит ее первоначальное состояние и ее любовь к своему мужу.

Малтби бросил один быстрый взгляд на Глорию, увидел слезы в ее глазах, после чего встал.

— Ваше Превосходительство, — начал он. — Я хочу обратиться к суду с одной просьбой.

Капитан Ратгерс дал знак, что предоставляет ему слово. Малтби тут же замолк. Потом, наконец, собравшись с мыслями и проглотив комок в горле, он продолжил:

— Я хочу освободить свою жену от необходимости такого лечения… при одном условии…

— Что же это за условие? — тут же спросила одна из женщин-капитанов.

— Это условие таково: в избранном мною месте она дает мне сорок восемь часов для того, чтобы вновь завоевать ее. Если по окончании этого времени ее чувства не изменятся, то я попрошу отложить исполнение решения суда на неопределенное время.

Женщина бросила взгляд на леди Лорр.

— Это кажется вполне справедливым, Глория, — сказала она.

— Это смешно, — произнесла Первый капитан «Звездного скопления», однако на ее щеках появился румянец.

В этот раз уже сам Малтби пошел к ней. Нагнувшись, он тихо произнес:

— Глория, это же твой второй шанс. В конце концов, как я и предвидел, первым ты не воспользовалась.

— Никакого первого не было! — возразила она. — Решение, к которому здесь пришли, было единственно возможным, и ты прекрасно это знаешь. — Она избегала смотреть прямо ему в глаза — по крайней мере так показалось Малтби.

— Но это же один из основных законов супружества, который древнее, чем космические путешествия, столь же старый, как и человеческая история.

Теперь Глория прямо посмотрела на него, и в ее глазах начало зарождаться понимание.

— Ну конечно, — сказала она. — Как же это я могла забыть об этом?

Она приподнялась, как бы собираясь спорить с ним. Потом медленно снова опустилась.

— Почему ты думаешь, — спросила она, — что у тебя со мной не может быть детей?

— Никогда раньше в браке между обычными людьми и мулами не рождался ребенок без применения искусственных средств.

— Но при помощи системы «холод — давление»...

— Никого нельзя принудить к этому, — перебил ее Малтби. Потом он терпеливо продолжил: — Глория, тебе никуда не скрыться от того факта, что в течение всего времени до вынесения приговора ты могла использовать этот аргумент, но так и не использовала. Это самая старая, а в определенные периоды истории, и единственная причина для расторжения брака. Никто не мог бы оспорить его — и он был бы решающим. И все-таки ты, во время этого обсуждения, в своих попытках добиться расторжения нашего брака, так ни разу и не напомнила об этом аргументе. Я считаю это полным подтверждением своей точки зрения, что в глубине души ты хочешь и нуждаешься во мне как муже. Все, что мне нужно, — это возможность остаться нам наедине, и теперь я имею право просить тебя об этом.

— Эти сорок восемь часов, — медленно начала Глория, — которые ты хочешь, чтобы мы провели

вдвоем, где…

Она замолчала. Глаза ее расширились. Дыхание убыстрилось.

— Да это же смешно! Я отказываюсь участвовать в таком наивном романтическом представлении. Кроме того, С Дорадус совершенно не по пути.

Боковым зрением Малтби увидел, как в зал вошла лейтенант Неслор. Он окинул ее быстрым вопросительным взглядом. Женщина, ответив ему легким кивком, выжидательно посмотрела на него. После этого обмена взглядами Малтби перевел свое внимание снова на Глорию. Он не испытывал стыда из-за своей сделки с женщиной-психологом, которая должна была снять блокировку в сознании Глории сразу после вынесения приговора. Эта гордая, серьезная молодая женщина нуждалась в естественной привязанности, нуждалась, возможно, более, чем кто-либо на корабле. Именно в этом они оба сходились во мнениях; и лейтенант Неслор сразу же согласилась помочь ему. Зная, что Глория уже практически избавлена от внушенной ей неприязни к нему (хотя для достижения полного эффекта должно пройти еще немного времени), Малтби сказал:

— Планета С Дорадус, где мы пробыли одни после катастрофы, находится всего-навсего в

восемнадцати часах полета отсюда. Мы можем воспользоваться спасательной шлюпкой, а потом догнать «Звездное скопление», не нарушая курса его движения.

— И чего же ты ждешь от меня там, — язвительно спросила Глория, — что я брошусь тебе в объятия?

— Да, — уверенно ответил он. — Именно этого.

РАССКАЗЫ

Дорогой друг

Планета Аудригая II

Дорогой друг!

В первый момент, когда я получил твое письмо из клуба межзвездной корреспонденции, я вовсе не собирался тебе отвечать. Настроение у того, кто провел последние семьдесят планетарных отрезков (насколько я понимаю, ты бы назвал их годами) в аудригайской тюрьме, не располагает к личному обмену письмами. Но жизнь здесь слишком скучна, поэтому в конце концов я все-таки решил написать тебе ответ.

Меня очень заинтересовало твое описание Земли. Мне даже захотелось некоторое время пожить там, и на этот счет у меня имеются некоторые соображения, но пока я не буду вдаваться в детали, пока как следует не поразмыслю над ними.

Думаю, твое внимание привлечет материал, на котором написано это письмо — высокочувствительный металл, довольно тонкий и очень гибкий. Я высылаю тебе несколько листов, чтобы ты мог воспользоваться ими для переписки со мной. Тунгстен, увлажненный какой-либо концентрированной кислотой, оставляет на

нем прекрасный след. Для меня очень важно, чтобы ты писал на нем, поскольку мои пальцы слишком горячи (буквально), чтобы держать твою бумагу, не причинив ей вреда. Пока больше ничего писать не буду. Может, ты не захочешь переписываться с осужденным преступником, и поэтому право на последующий шаг я предоставляю тебе. Благодарю тебя за письмо. Хотя ты и не представлял себе, к кому оно попадет, все же его строчки принесли мгновения радости в мою мрачную жизнь.

Скандер.

Аудригая II

Дорогой друг!

Ты не представляешь себе, до какой степени меня обрадовал твой быстрый ответ на мое письмо. Я очень сожалею, что, как считает твой врач, мое письмо слишком разволновало тебя, и меня также тронуло то внимание, какое ты обратил на плачевную ситуацию, в которой я нахожусь вот который уже год. Я с удовольствием прочел все твои многочисленные вопросы и попробую по порядку ответить на них.

Ты пишешь, что Клуб Межзвездной Пересылки не отмечал посылку каких-либо писем на Аудригаю. А также, что по имеющейся у них

информации температура на второй планете Солнца Аудригая составляет более пятисот градусов по Фаренгейту. И что существование на ней разумной жизни явилось полным сюрпризом для них. Ну, твой Клуб сообщил правду насчет температуры и писем. У нас тут действительно такой климат, который вы, люди, могли бы охарактеризовать как адский. Но мы не являемся углеводородной формой жизни, и температура в пятьсот градусов для нас очень даже приятная.

Должен попросить у тебя прощения, что ввел тебя в заблуждение относительно способа, каким я получил твое первое письмо. Я не хотел вываливать на тебя сразу же слишком много пугающей информации, поскольку не мог знать наверняка, как ты воспримешь мое послание.

Если же говорить начистоту, то я ученый, и представителям моей расы уже несколько веков известно о существовании других планетных систем с разумными обитателями. Поскольку мне разрешается в свободное время экспериментировать, то я увлекся попытками установления контакта. Я открыл несколько простых способов подключения к галактическим коммуникационным системам, но лишь после разработки линейно-пространственного я смог втянуть твое

письмо (а также несколько других, на которые я решил не отвечать) в свою холодную камеру (но не в ту, в которой я вынужден находиться, а в специальное устройство, которое получает и отправляет корреспонденцию). Благодаря твоему великодушию и тому, что ты воспользовался высланными мною материалами, я без труда отыскал твое письмо в кипе корреспонденции, которая собралась на ближайшей станции Клуба Межзвездной Пересылки.

Тебя интересует, каким это образом и когда я успел выучить твой язык? Поскольку это довольно простой язык и довольно легкий в написании, то с этим делом у меня не возникло никаких трудностей. Если ты заинтересован в дальнейшей переписке со мной, я буду ждать твои письма и с удовольствием отвечать на них.

Скандер.

Аудригая II

Дорогой друг!

Твой энтузиазм укрепляет мои симпатии к тебе. Ты пишешь, что я не ответил на твой вопрос, каким образом я собираюсь посетить Землю? Должен сознаться, что обошел этот вопрос намеренно, поскольку мой эксперимент не продвинулся еще достаточно далеко. Прояви

немного терпения, и позже это окупится с лихвой — ты все узнаешь. Ты, разумеется, прав, когда заметил, что существу, живущему при температуре пятьсот градусов по Фаренгейту, крайне непросто оказалось бы напрямую общаться с людьми. У меня никогда и не было подобного намерения. Но… Хватит об этом.

Мне нравится тактичность, с которой ты касаешься причин моего заключения. Но мне абсолютно нечего скрывать. Я проводил на себе запрещенные эксперименты, которые признаны опасными для общественного лага. Например, среди всего прочего я однажды понизил температуру тела до 150 градусов, вследствие чего период распада радиоактивных элементов, окружающих меня, резко уменьшился, что привело к неожиданным помехам в приливе энергии в городе, где я проживал. Этот факт и послужил последним толчком, после которого мне было выдвинуто обвинение. Мне осталось отсидеть еще тридцать лет. И было бы неплохо оставить здесь свое тело и попутешествовать по вселенной… Однако, как я уже писал, об этом я поведаю тебе немного погодя.

Я не считаю, что мои соотечественники являются высшей расой во вселенной. Да, мы обладаем

определенными способностями, которых вы, люди, по всей видимости, лишены. Мы живем дольше, но не благодаря открытиям, которые мы могли бы применить по отношению к себе, а потому, что наши тела построены из более устойчивого элемента (я не знаю, как вы его называете, но атомный вес у него — 52)[3]. Наши научные открытия таковы, что их вообще-то могла совершить любая раса, имеющая схожую физическую структуру, что и наша. Тот факт, что мы можем работать при температурах, настолько высоких… мне трудно это выразить… очень много значит для открытия и использования подпространственных энергий, которые необычайно активны и требуют четкого управления. В более поздней фазе для этого управления можно применять и машины, но на начальных стадиях работы все приходится делать «вручную» (пишу это в кавычках, потому что у нас нет рук в вашем понимании этого слова).

Я посылаю с письмом фотопластинку, охлажденную и насыщенную химикалиями, соответствующую вашему климату. Мне хотелось бы, чтобы ты сделал снимок себя. Ты должен лишь

---

[3] Примечания: 3

Фант — радиоактивный элемент хрома. (*Примеч. перев.*).

расположить ее согласно законам оптики — это означает, коль скоро свет распространяется по прямой, тебе следует стать напротив пластинки, и когда будешь готов, просто подумать: «Я ГОТОВ». Снимок будет произведен автоматически.

Не затруднит ли тебя сделать для меня это? Если тебя интересуется мог бы выслать и свою фотографию, хотя тут мне бы хотелось предупредить тебя: моя внешность скорее всего шокирует тебя.

Искренне преданный тебе
Скандер.

Аудригая II
Дорогой друг!

Пара коротких предложений в ответ на твой вопрос. Пластинку не нужно помещать в фотоаппарат. Я понял, что ты имеешь в виду. Нет, не надо никакого затемнения, никаких коробочек. Пластинка сама сделает снимок, едва ты только подумаешь: «Я ГОТОВ».

Скандер.

Аудригая II
Дорогой друг!

Уверяю тебя, что меня нисколько не разозлило то, что ты сделал — лишь больше заинтриговало, и мне только жалко, что тебе не вернули пла-

стинку. Зная, каким бесчувственным может быть правительство, я даже допускаю, что оно вообще может не возвратить ее тебе, и поэтому я решил прислать тебе еще одну такую же.

Вот только чего я не могу понять: почему тебя предостерегли от продолжения нашей переписки? Чего они ожидают от меня? Не съем же я тебя на расстоянии? Мне очень жаль, поверь, но могу заверить, что углеводородами я не питаюсь. Во всяком случае, мне очень хочется заполучить твой снимок в качестве воспоминания о нашей с тобой дружбе. Не забудь, что как только я получу твою фотографию, я немедленно вышлю тебе взамен свою. Можешь оставить ее у себя, выбросить или отдать правительству, но, в любом случае, я буду знать, что произвел с тобой честный обмен.

С наилучшими пожеланиями
Скандер.

Аудригая II
Дорогой друг!

Твое последнее письмо так долго не приходило, что я было подумал, уж не решил ли ты прервать переписку. С огорчением я вынужден был заметить, что ты так и не прислал с письмом свою фотографию. Меня заинтриговало также, что ты пишешь о какой-то болезни, которая снова

овладела твоим телом. Но тут же меня утешило твое обещание, что как только ты выздоровеешь, то обязательно тут же вышлешь свой снимок. Все это прекрасно, но почему такая задержка с твоим выздоровлением, и вообще, что это такое? Однако самое важное заключено в том, что ты написал. Я ценю философию твоего Клуба, который просит своих членов не писать о грустном. У всех у нас есть свои личные моменты, которые в нашей жизни могут преобладать над всем остальным. Я сижу здесь, в тюрьме, приговоренный провести последующие свои тридцать лет вне главного потока жизни. Саму мысль об этом тяжело выносить моему беспокойному духу, хотя я знаю, что впереди у меня еще долгая жизнь после освобождения.

Несмотря на твое дружеское письмо, наш контакт будет возобновлен только тогда — я имею в виду, полностью, во всем своем объеме, — когда ты наконец пришлешь свой снимок.

Твой ожидающий Скандер.

Аудригая II

Дорогой друг!

Наконец-то я получил твою фотографию! Как ты и предполагал, твоя внешность поразила меня. Я думал, что по твоему описанию мне все же

удастся достаточно верно воссоздать твой образ. Но оказалось, что словами невозможно описать предмет, которого ты (я имею в виду себя) до этого никогда не видел.

Ты наверняка заметил, что я прислал тебе, как и обещал, свой снимок. Напоминающий обрубок металлический тип, не являюсь ли я (готов поспорить, что да!) слишком отличным от того образа, который представал в твоем воображении? Разные расы, с которыми мы устанавливали контакт, начинали относиться к нам сдержанно после обнаружения того, что мы являемся высокорадиоактивной формой жизни и сами излучаем в пространство, наверное, единственной в своем роде (насколько нам известно) в этой Галактике. Поверь, эту изоляцию крайне мучительно выносить. Может быть, ты помнишь еще ту идею (я ведь обещал тебе более подробно рассказать о ней) — о возможности покинуть не только эту тюрьму, но и само тело, которое, как ты сам понимаешь, никуда отсюда убежать не может.

Короче, суть дела заключается в том, что возможна замена личности между двумя разумными представителями различных рас. Собственно говоря, это не совсем обмен, в общепринятом

смысле этого слова. Для этого необходимо получение снимков обоими лицами, снимка разума, мыслей, а также тела каждого из индивидуумов. Поскольку этот этап чисто механический, то он заключается попросту в том, что делаются полные снимки и производится обмен ими. Под словом «полные», я, разумеется, подразумеваю регистрирование каждой вибрации. Следующим этапом является обеспечение обмена обоих снимков, то есть обладание каждым лицом полным снимком другого. (Уже поздно, мой друг! Я привел в движение подпространственную энергию между двумя нашими снимками. Так что ты можешь продолжать спокойно читать дальше, тут уже ничего изменить нельзя!)

Как я уже заметил, это не полная замена личности. Первоначальная индивидуальность каждого из обменивающихся лиц будет попросту лишь несколько приглушена, хотя и уйдет на второй план, в то время как на первый выйдет личность, запечатленная на фотографии. У тебя останется память о твоей жизни на Земле, а у меня — память о моей, на Аудригая. Одновременно мы сможем пользоваться скрытой памятью тела, которое нас примет. Какая-то часть каждого из нас всегда будет стараться пробиться наверх,

пытаясь вернуть себе контроль над сознанием, однако ей всегда будет не хватать силы, чтобы осуществить это.

Как только мне надоест Земля, я таким же способом обменяюсь телом с каким-нибудь другим разумным существом другой расы.

Через тридцать лет я с удовольствием вернусь в свое тело, а ты сможешь получить то тело, которое к тому времени я буду занимать.

Не забывай, что этот разговор очень полезен для нас обоих. Ты, при всей своей короткой жизни, не переживешь всех своих соплеменников и будешь иметь интересный опыт. Признаю, что надеюсь, что моя замена будет лучше. Но пока хватит об этом. Когда ты доберешься до этой части письма, то читать его буду уже я, а не ты. Но если какая-то часть тебя еще способна что-то осознавать, то тогда — до свидания, Друг! Мне было очень приятно получать твои письма. Я буду писать тебе время от времени, чтобы ты знал, как идут дела в моем путешествии.

С наилучшими пожеланиями
всегда твой Скандер.

Дорогой друг!

Большое спасибо за ускорение дела. Долгое время я колебался: могу ли я позволить тебе, чтобы

ты сам себе подложил такую свинью. Видишь ли, правительственные ученые сделали анализ первой фотопластинки, которую ты мне прислал, так что окончательное решение уже полностью зависело от меня.

И поэтому я решил, что каждому, кто так страстно, как ты, желает чего-то добиться, стоит это позволить. Теперь я знаю, что не должен был размышлять так долго над этим и жалеть тебя. Из твоего плана захвата Земли все равно ничего бы не вышло, но сам факт, что у тебя было такое намерение, перечеркивает всю возможность сочувствия.

До этого времени ты уже наверняка осознал, что человек, который парализован от рождения и подвержен сердечным приступам, не может надеяться на долгую и счастливую жизнь. Мне доставляет радость известить тебя, что твой одинокий когда-то друг весьма хорошо проводит время, и мне также приятно подписаться именем, к которому, как я ожидаю, я вскоре привыкну.

С наилучшими к тебе пожеланиями, дорогой мой друг,

Скандер.

Ультра-человек

1.

Ничем не примечательная сверкающая табличка на двери возвещала:

«РИЧАРД КАРР, доктор философии.
Психолог
Лунная база».

Сам же хозяин кабинета, упитанный молодой человек, стоя у окна, рассматривал в бинокль комнату на пятом этаже. На шее Карра на черном ремешке болтался микрофон. А с языка слетал непрерывный поток комментариев: — …Вон тот человек хочет заняться решением какой-то технической проблемы, однако своей подружке он об этом не говорит и только постоянно торопит ее. Удивительное дело, но та по непонятной для меня причине тоже хочет убраться оттуда. Однако не хочет, чтобы ее дружок понял это, почему твердит ему: «Давай подождем еще немного и поговорим о будущем». Мужчина же отвечает: «Я что-то не очень хорошо представляю, о каком

будущем ты толкуешь...» — Карр замолчал. — Полковник, этот разговор стал сугубо личным. Давайте переключимся на что-нибудь другое.

— Вы понимаете, — спросил полковник Вентворт, — на каком языке они разговаривают?

— Не могу сказать наверняка. Какой-то славянский язык. Восточноевропейский. Их артикуляция напоминает мне... да, точно, это польский.

Вентворт, протянув руку, отключил связанный с микрофоном магнитофон, на который записывался разговор этой парочки с пятого этажа.

Полковник ростом был за метр восемьдесят, обманчиво хрупкого телосложения, тридцати восьми лет. Безмятежное выражение его серых глаз не могли скрыть живой ум. Хотя он уже восемь лет как являлся сотрудником службы безопасности на лунной базе, но до сих пор сохранил британскую чопорность. Карр только что прибыл на Луну, и до этого полковник с ним не встречался.

Вентворт, подхватив локатор, принялся рассматривать через его визирную ось парочку с нижнего этажа. Он отлично знал (в отличие, по всей видимости, от Карра), что то, чем они в данный момент занимались, было не совсем законным. В этом лунном городе жили люди

разных национальностей и действовали законы, выработанные на основе международных соглашений, которых отсутствовал пункт, позволяющий кому-либо шпионить за мыслями других людей, основываясь на выражениях их лиц.

Как бы то ни было, но Вентворт, по-прежнему стараясь не смотреть прямо в глаза собеседнику, дабы тот не смог прочесть его мысли, уклончиво сказал психологу:

— Мы потратили на эту парочку уже десять минут. Почему бы не заняться какой-нибудь другой? Видите ту рыжеволосую дамочку и стоящего рядом коротышку?

Карр ответил не сразу. Его внимание было приковано к чему-то, происходящему внизу. Внезапно он с удивлением в голосе воскликнул:

— Полковник, вон тот мужчина внизу! Высокий, сухопарый парень с головным убором… Так вот, этот мужчина — вовсе не человек!

Вентворт был поражен.

— Что это вы несете?

Он схватил бинокль. Карр пронзительным голосом продолжал:

— О Господи, он заметил, что я слежу за ним! Он собирается убить меня! Прочь от окна!

Инстинктивно Вентворт пригнулся и подался

назад. В следующее мгновение ослепительный луч затмил в оконной раме своей яркостью дневной свет. Треснуло стекло. И глухо застучали куски падающей штукатурки.

После чего наступила тишина.

Вентворт все-таки успел заметить, что Карр также бросился на пол. Решив, что с ним все в порядке, он не стал тратить на него времени и, встав на четвереньки, пополз к письменному столу, где схватил телефон. Спустя несколько секунд он объявил тревогу.

2.

Борис Денович, доктор медицины, психиатр, лишь недавно возглавивший психиатрическое отделение, с хмурым видом слушал, пользуясь автоматическим переводчиком, рассказ, представлявшийся ему совершенно невероятным.

Поправив миниатюрный наушник в ухе, он с привычной хрипотцой произнес по-русски в микрофон переводчика, прерывая полковника Вентворта:

— Вы что, хотите сказать мне, что этот молодой американец, как он утверждает, способен читать мысли по выражениям лиц других людей? Кажется, полковник, вы имеете в виду телепатию?

Вентворт задумчиво посмотрел на подобравшегося в напряжении человека средних лет. Ему было известно кое-что, о чем не знал ни Карр, ни Денович. В общем, он предполагал такую реакцию своего собеседника. Только хотел убедиться.

— Вы уже закончили проверку? — продолжил Денович. — Насчет языков и всего прочего?

Вентворт решил, что проверке необходимо уделить столько времени, сколько понадобится. Поэтому двадцать драгоценных минут провел в отделе перевода. А теперь ответил:

— Языки, на которых разговаривали выбранные мной люди, были польский, немецкий, греческий и японский.

— И что, пересказ Карром всех разговоров совпадает с переводами?

— Конечно, не дословно. Но близко к смыслу.

И без того длинное лицо психиатра еще более вытянулось. Он считал само собой разумеющимся, что офицер службы безопасности мог стать жертвой бессовестного обмана со стороны американского психолога. Каким образом или почему, значения теперь не имело.

Полковник Вентворт снова заговорил:

— Вам бы лучше прослушать конец записи.

— Нет необходимости, — спокойно возразил

Денович. — Полагаю, и там все прошло удачно для него. — Он помрачнел. — Полковник, я надеюсь, этот американец — не просто очередной эксперт-лингвист, читающий по губам.

Офицер службы безопасности обратился к широколицей секретарше:

— Пустите ту небольшую пленку с белой отметкой. — Деновичу же он сказал: — Вы должны прослушать эту запись, доктор.

Сперва послышался голос полковника Вентворта, когда он привлек внимание Карра к новой парочке. После паузы раздались слова Карр, которые, как гром, поразили не так давно Вентворта.

Денович резко выпрямился в кресле, когда из динамика послышался треск стекла и грохот взрыва. Словно в тумане, наблюдал он за тем, как офицер службы безопасности выключает магнитофон. Потом услышал собственный пронзительный голос:

— Что это было? Что произошло?

Когда Вентворт закончил свои объяснения, Денович пришел в себя.

— Это, наверное, была какая-то мистификация, — произнес он и замолчал. — Вы успели посмотреть в окно? Что вы там увидели?

— Я был застигнут врасплох, — признался Вент-

ворт, — и успел только броситься на пол. Куски штукатурки падали в течение двух-трех минут.

— Поэтому вы так и не увидели никакого высокого сухопарого парня-негуманоида? — иронически спросил Денович.

Вентворт был вынужден признать, что когда он вернулся к окну, то не обнаружил на нижних этажах никого, кто соответствовал бы подобному описанию.

Русский психиатр откинулся на спинку кресла, пытаясь сохранить спокойствие. Он чувствовал, что вот-вот сорвется. И враждебность его была направлена исключительно на доктора Ричарда Д. Карра, американского психолога.

Тем не менее он вскоре взял себя в руки и спросил:

— Почему бы нам просто не провести эксперимент с этим его так называемым «даром»? Я готов создать ему самые благоприятные условия. Это даст мне возможность по достоинству оценить его, а ему — шанс проявить себя… а там уже посмотрим. — Невеселая улыбка появилась на его тонких губах. — Пусть он попробует прочитать мои мысли по моему лицу.

Похоже, он был совершенно удовлетворен своим предложением и нисколько не подозревал,

что для самого Вентворта это дело носило исключительно настоятельный характер. Прикусив губы, офицер службы безопасности сказал:

— Пойду разыщу доктора Карра. Мы могли бы сообща обдумать ваше предложение.

Вентворт вышел к лифту встречать Карра. Когда психолог вышел из кабины лифта, Вентворт уже ждал, прислонившись спиной к двери. В ответ на приветствие Карра Вентворт лишь бросил на него короткий взгляд, после чего произнес:

— Сюда, доктор.

По дороге в кабинет русского психиатра офицер службы безопасности не просто шел чуть впереди американца, но и держал голову прямо, подчеркнуто отвернув ее от Карра, так ни разу и не оглянувшись.

Первым вошел Карр и только потом Вентворт. К ним навстречу торопливо направился Денович. Из уха его торчал наушник, прикрепленный так, что не падал во время ходьбы; а к лацкану своего пиджака он пристроил микрофон.

На Земле он разработал особую методику знакомства с людьми, с которыми не хотел сотрудничать: заставлять их все время двигаться, вести себя довольно бесцеремонно при прощании, держа их поближе к выходу.

Уже первый взгляд на толстощекого, выглядевшего не совсем здоровым американца, и дряблость пухлой руки, которую он вяло протянул при рукопожатии, еще больше укрепил Деновича в его мнении. Русский указал на приемную и сказал:

— Сюда.

Карр не сдвинулся с места. Он стоял, глядя на русского психиатра со снисходительной, почти не приметной улыбкой на своем суровом лице. Денович, распахнув дверь и держа ее открытой, оглянулся назад.

— Нам следует добиться лучшего взаимопонимания, доктор.

Денович цинично заметил:

— Ах да, я и забыл, что вы читаете по лицам. И что же вы прочитали на моем?

Продолжая улыбаться, Карр ответил вопросом:

— Доктор, неужели вам и в самом деле хочется, чтобы я произнес вслух ваши мысли?

Психиатр понял, что не следует зарываться.

— Я был бы только рад попасться в расставленную вами ловушку, — добродушно заметил он.

В этот момент Вентворт, с тревогой наблюдавший, как пройдет знакомство двух ученых, решил, что пора вмешаться, и твердым голосом

объявил, что проверка дара Карра может принести и полезную практическую отдачу. Затем он начал, полуобернувшись к Карру:

— И мне бы хотелось, чтобы вы оба сопровождали меня ко входному шлюзу… — закончил Вентворт, когда заметил, что психолог повернулся и смотрит на него.

— До сего момента, — начал тот медленно, — я с уважением относился к тому, что считал вашим желанием сохранить свой разум неприкосновенным, но пару раз поверх вашей британской чопорности у вас на лице мелькнули кое-какие мысли обо мне, несмотря на все ваши попытки скрыть их от меня. Вам кое-что известно о моем особом даре, кое-что… — Он замолчал, нахмурив брови, потом с вызовом произнес: — Это вовсе не является для вас сюрпризом! Кое-кто уже проделывал это раньше!

По-прежнему стоя боком к нему, Вентворт дипломатично заметил:

— Вы недалеки от истины. Послушайте, как только представится возможность, я расскажу вам обоим всю правду. А сейчас давайте примемся за работу. Хорошо?

Идя впереди всех по пути из кабинета, Вентворт продолжал верить, что дар Карра все еще мог

оказаться полезным для установления контакта с инопланетянином. Но главное сейчас время — если он надеялся извлечь какую-либо ценность из чудесной способности этого человека.

Ни Карр, ни Денович не знали, что с самого начала существования лунной базы некоторые работники станции начали вдруг ощущать в себе эспер- и пси-способности. Но у каждого подобный дар проявлялся по-разному. С умением читать мысли по лицам он столкнулся впервые. Всякий раз, когда у кого-то проявлялся такой дар, он, по-хоже, был связан с интересом, проявляемым этим человеком к подобного рода занятиям, и здесь, на Луне, эта способность усиливалась настолько, что достигала сверхъестественной силы. Причем часто это происходило настолько естественно и незаметно, что обладатель дара даже не считал произошедшие с ним перемены чем-то необыч-ным и не сразу сообщал об этом.

Первая фаза феномена длилась около двух суток.

К концу второго дня новый дар быстро исчезал и не проявлялся вообще в течение нескольких часов. И супермен даже забывал о ней.

Потом — внезапно — ЭСО — экстрасенсорные ощущения — снова появлялись, но уже в изме-

нившейся форме.

Теперь это было нечто невероятное, фантастическое, высокоэнергетический вариант первоначального дара.

Вентворт как-то описал это: «Подобно смертельно раненному животному, на короткое время во время агонии достигающему пика своих способностей, в этой измененной форме мы действительно наблюдали проявление ЭСО n-й степени. Возможно, в течение нескольких часов мы действительно наблюдали проявление каких-то невероятных способностей, которые появятся у людей в далеком будущем в ходе эволюции».

Потом быстро наступала развязка. Через несколько часов и эта измененная форма появившейся способности также исчезала, теперь уже окончательно: ЭСО никогда больше не проявлялись снова.

Вентворта беспокоило то обстоятельство, что, насколько ему было известно, Карр находится на Луне примерно сорок восемь часов. Он подозревал, что в течение всего этого времени психолог мог читать мысли по лицам, и поэтому эта двухдневная первая фаза могла завершиться в любой момент.

...Нельзя зря растрачивать время! Ни на ми-

нуту нельзя останавливаться, сейчас, когда уже проделаны все необходимые предварительные меры! Нельзя позволить Карру внезапно узнать правду и тем самым ввести его в замешательство и отвлечь! Вот потому-то он и продолжал отворачивать от него свое лицо, не позволяя таким образом ему читать свои мысли!

3.

Они спустились к транспортному узлу и вскоре оказались в подземном входном шлюзе, расположенном под посадочной площадкой космических кораблей. Выходя из небольшого монорельсового вагончика, они увидели, как человек в форме служащего шлюза вышел из какой-то двери и направился по коридору к ним.

Вентворт узнал в нем одного из первых лунных поселенцев и кивком приветствовал его. Человек махнул рукой в ответ и продолжил свой путь. Вентворт дал указание своим спутникам идти к той двери, откуда вышел служащий шлюза. Денович сразу же повиновался; Карр же, сделав несколько шагов, вдруг остановился и оглянулся.

— Полковник, — сказал он, — могу я поговорить с этим служащим?

— С кем? — Вентворт уже забыл об этой случай-

ной встрече.

— Ну, со служащим шлюза, с которым мы только что повстречались.

— А, с Петерсоном? Ну, конечно! — Он повернулся. — Эй, Пит! — крикнул Вентворт. Однако Карр уже чуть ли не бегом понесся в его направлении. Когда Денович понял, что что-то случилось, и повернулся, Карр и Петерсон уже разговаривали. Мужчина в форме дважды кивнул, а потом внезапно истерически рассмеялся.

Смех его прозвучал неожиданно громко. Кое-кто из тех, кто выходил из багажного отделения, остановился и уставился на них.

В то время как Денович, разинув рот от удивления, наблюдал за ними, Петерсон вдруг горько расплакался. Денович с внезапно охватившим все его тело напряжением направился назад и остановился в нескольких футах от парочки. При этом он заметил, что Вентворт присоединился к нему.

Служащий шлюза принялся истошно кричать, пытаясь в то же самое время совладать с собой.

Он рыдал.

— Что вы сказали? Я не разобрал ваших слов… Скажите, что со мной? Подобного никогда со мной не случалось.

Он сглотнул, сделал невероятное усилие… И тут же в ярости набросился на Карра:

— Эй ты, сукин сын! — рявкнул он. — Что ты сделал со мной?

— Кто-то вчера днем был здесь, — ответил Карр, — и завладел вашим разумом. — Расскажите нам об этом.

— Ну-у-у! — Похоже, весь гнев Петерсона куда-то испарился. — А, вы имеете в виду тех черномазых? Их было трое. Один какой-то странный — с впалыми щеками — я еще попросил его снять свой головной убор.

Он замолчал, недоуменно глядя на Карра, при этом его челюсть безвольно отвисла, а на лице появилось глупое выражение — настолько он был озадачен и ошеломлен.

— Что же он сделал с вами? — спросил дальше Карр.

— Ну… ах да! — Глаза Петерсона расширились. — Он выстрелил в меня световым лучом — из той штуковины над его…

Он снова умолк с отсутствующим видом. Потом спросил:

— О чем это я говорил? Я уже начал заговариваться!

Денович направился вперед, вплотную к па-

рочке. Теперь у него не было никаких сомнений касательно сверхъестественных способностей Карра. Он только что стал свидетелем — по крайней мере так ему казалось — самого скоротечного гипноза в его медицинской практике.

— Доктор Карр, — тихим сердитым голосом обратился он, — оставьте этого человека в покое!

Карр удивленно повернулся к русскому. Тот чуть ли не физически ощущал, как взгляд американца буквально пронзает его насквозь.

— О! — вырвалось у Карра. Потом он твердо произнес: — Одну секунду, доктор!

Он снова повернулся к служащему порта.

— Идите к себе и ложитесь отдыхать. Если вам через час не станет лучше, то приходите ко мне в кабинет. — Он передал Петерсону свою визитную карточку.

Потом Карр повернулся к Вентворту.

— Мне кажется, нам лучше всего побеседовать с начальником входного шлюза, — сказал он.

Начальник входного порта выглядел намного упитаннее Карра. Его звали Карло Понтине. Итальянец по происхождению, он отличался добродушием, оригинальностью суждений и был отличным работником. Проигнорировав предложенный Деновичем автоматический пе-

реводчик, он стал говорить в свой собственный микрофон.

— Эти три африканца прибыли из Вастлэнда. — Он сложил руки, таким жестом показывая, что ничем не может помочь им. — Так что, господа, у вас возникли проблемы.

Вентворт, уже сталкивавшийся с черными в службе безопасности, понял, что он имел в виду. Чужак, решив прибыть на Луну под личиной негра, то ли оказался весьма умным, то ли удачно прозорливым: таким образом он обеспечивал себя защитой, принятой для снятия расовой напряженности. Главную свою надежду они связывали с тем, что, возможно, благодаря особому дару Карра им удастся обойти все подобные барьеры.

У Понтине оказались фотографии трех вастлэндерцев; и на одной из них они безошибочно увидели сухопарую фигуру с головным убором, которому весьма искусно придали форму шарфа, завязывавшимся наподобие мусульманского тюрбана. Полоска ткани низко опускалась на лоб, а лицо — и это было крайне четко видно — лишь на первый, поверхностный взгляд, походило на человеческое.

Когда вскоре снимок высветили на огромном

экране в кинозале, сразу же стала видна черная пигментация, а под ней — чешуйчатая кожа!

Через несколько минут встревоженный Вентворт передал по системе внутреннего телеоповещания службы безопасности базы фото. Отдав распоряжения, он переключил тумблер на своем пульте во второе положение. Один за другим гасли огни на панели, пока работающими не остались гореть только два индикатора — что свидетельствовало об отличном исполнении его подчиненными специально разработанных на экстренный случай особых мер.

Отсюда, из кабинета главы службы безопасности, он следил за тем, что происходит на лунной базе. Во всех двенадцати секторах его люди сейчас прочесывали коридоры, заглядывали в кабинеты, проверяя закрепленную за ними территорию. Надо бы отдать приказ: если кто-нибудь из них раньше встречал разыскиваемую персону, то теперь он должен проверить, находится ли тот еще в том месте. Сейчас это было самое главное.

Едва только Вентворт подумал об этом, как раздалось тихое жужжание зуммера, а затем вспыхнул один огонек. Вентворт нажал кнопку, и на экране возникло свежевыбритое лицо молодого человека — это был Ледо из французского

сектора.

— Полковник Вентворт?

— Слушаю вас.

— Интересующий вас человек со вчерашнего дня занимает квартиру в моем секторе. Однако, уже час, как он покинул ее, и я с тех пор его не видел.

Едва только он успел закончить свое донесение, как вспыхнул еще один огонек. Донесение было таким:

— Видел его примерно тридцать пять минут назад, он быстро направлялся в сектор R-1.

Вентворт про себя выругался. R-1 являлся гостиничным комплексом для туристов. В нем было 1544 квартиры, большая часть из которых в данный момент пустовала. Этот комплекс спроектировал один архитектор с буйным воображением — в футуристическом стиле; а какой-то комитет одобрил проект, даже не поинтересовавшись мнением о нем службы безопасности. Со своими бесчисленными коридорами, аварийными выходами, патио, тремя дюжинами ресторанов, четырьмя театрами, ухоженными садами, павильончиками для любовных свиданий, туристическими автобусами, предназначенными для путешествий по поверхности Луны,

этот сектор воистину являлся ситом с сотнями отверстий-лазеек, через которые мог кто угодно просочиться.

Да, R-1 был самым безопасным укрытием в лунном городе; и им просто не повезло, что инопланетянин узнал об этом и уже проник туда. Вне себя от ярости, Вентворт переключил тумблер управления телесвязью в положение номер один и объявил всеобщую тревогу «Н».

Сразу же вслед за этим он повернулся, схватил Карра за руку, махнул Деновичу другой рукой и, по-прежнему избегая смотреть на Карра, выдохнул:

— Идемте!

Он снова шел впереди всех к лифту.

Его единственной надеждой было немедленно начать поиски, используя все средства. И дар Карра, который он уже так блестяще проявил, был одним из таких средств. Надежду на успех подкреплял факт, что из-за того, что в данный момент эта часть Луны была скрыта от солнца, в секторе R-1 были заняты только тридцать восемь квартир. Сам же Вентворт любил находиться на темной стороне Луны и глядеть на восхитительный вид Земли. Впрочем, то, что его мнение не разделяли туристы, в этот решающий момент

было весьма кстати.

Вентворт кратко объяснил свой план. Когда открывается дверь, Вентворт задает вопросы, а Карр читает мысли хозяина квартиры по его лицу.

И это срабатывало. Причем обычно даже еще до того, как хозяин успевал отвечать, Карр бросал короткое «нет», после чего опрос продолжал один из работников службы безопасности; а Карр, Денович и Вентворт со своими помощниками быстро переходили к следующей занятой квартире.

Они надеялись, что кто-то видел инопланетянина.

Открывшая седьмую дверь невысокая женщина вопросительно посмотрела на них. На ней было строгое черное платье. «И как это кому-то удалось уговорить ее совершить волнующее туристическое путешествие на Луну?» — спросил себя Вентворт. Впрочем, он часто удивлялся, видя людей самых различных типов, почему-то решивших прибыть на Луну в качестве туристов.

Тут он заметил, что Карр пребывает в нерешительности. Психолог, похоже, на несколько секунд был сбит с толку. Потом он произнес:

— Он внутри.

Кто-то схватил женщину и вытолкнул ее за

дверь, мгновенно закрыв ей рот, не дав таким образом возможности что-либо произнести, помимо едва различимого писка. Через несколько секунд по сигналу Вентворта бесшумно подкатившая на резиновых роликах группа захвата тут же ворвалась внутрь квартиры.

Опустившись на корточки возле двери в ожидании развязки, Вентворт почувствовал смутное беспокойство относительно отданного им приказа: нанести удар, используя при необходимости любые средства. Внезапно в его голове мелькнула мысль, что ведь это представитель другой расы, первой, когда-либо появлявшейся в солнечной системе. Неужели его необходимо убивать?

После нескольких секунд раздумий он выбросил все сомнения из головы. Ведь чужак в то же мгновение, когда о нем узнал Карр, попытался убить его; да к тому же он тайно проник на лунную базу. Инопланетянин явился не как гость и поэтому с ним и подобает обращаться соответствующим образом.

Его мысль оборвалась, сменившись ощущением глубокого ужаса, когда он вдруг почувствовал ту особенную дрожь, что возникает на коже после включения вибраторов — мобильная группа включила их на полную мощность.

И когда Вентворт уже мысленно поздравил себя с успехом, коридор внезапно ослепительно вспыхнул, а излучение в проеме двери не уступало по яркости прямому солнечному свету.

Ослепительное сияние погасло столь же внезапно, как и вспыхнуло. Прошла минута. Внутри квартиры что-то громко упало, но больше не донеслось никаких звуков. Побледневший и встревоженный, с натянутыми как струна нервами, Вентворт продолжал ждать.

4.

То, что произошло несколькими минутами ранее, было схваткой… которой Ксилмер при желании мог бы избежать. Он послал, используя устройство на его головном уборе, сообщение на джийн — боевой космолет, — круживший по орбите, достаточно удаленной от Луны. Прежде, чем запросить инструкции, он сказал:

— Только одно обстоятельство беспокоит меня в моей миссии. Час назад кто-то раскрыл мое присутствие в комнате, находившейся на верхних этажах здания. Наличие подобной способности у данного человека заставляет сделать предположение, что на лунной базе существует два типа людей. Первая группа людей — самая много-

численная — не представляет для нас никакой важности. Однако же, второй тип людей — один из представителей которых вычислил меня, причем на значительном расстоянии — может оказаться более могущественной формой жизни. Поэтому, как мне кажется, сейчас я должен проскользнуть сквозь стену этой квартиры и попытаться, используя все возможные средства, достичь комнаты, откуда человек второго, более высокого класса, наблюдал за мной. Я убежден, что необходимо схватить его прежде, чем будут приняты необратимые решения.

Ответ был сухим и категоричным:

— Ровно через двадцать четыре часа флот рискнет установить с нами на одну минуту подпространственную связь. К тому времени у нас уже должен быть готов ответ: направляться ли им сюда или же в какое-либо иное место.

— Но я намерен действовать осторожно, — возразил Ксилмер, — проходить сквозь стены и так далее, избегая передвижения по коридорам. И перед отбытием отсюда я попытаюсь стереть воспоминания о моем присутствии из сознаний здешнего персонала. Даже в самом худшем случае на это понадобится всего несколько часов.

— Тем не менее почему бы не проверить

возможности их оружия — хотя бы в течение нескольких секунд? Посмотреть, чем они располагают на случай возникновения подобных ситуаций?

— Хорошо.

Вентворт с щемящим сердцем осматривал разгромленное помещение. Потом он повернулся к двум уцелевшим сотрудникам из группы захвата.

— Что произошло? — спросил он.

Самое удивительное, они и сами толком ничего не знали. Когда группа захвата ворвалась внутрь, они увидели фигуру, по очертаниям напоминающую мужскую.

Сержант Гожински потряс головой, словно пытаясь прояснить ее. Потом дрожащим голосом он стал говорить в собственный микрофон-переводчик:

— Он стоял вон там. Я заметил, что он оглядел всех нас, но он вовсе не выглядел испуганным. Я навел на него излучатель — ну, знаете… э-э…

Для обозначения оружия он использовал жаргонное словечко. Вентворт энергично закивал.

— И тогда я скомандовал: «Огонь!» — продолжал сержант Гожински. — Я видел, как вибрационный луч вонзился в него, после чего что-то яркое

ударило по всем нам. Думаю, меня оглушило. Когда я пришел в себя, в стене зияла дыра, а он исчез.

Второй уцелевший, родом из Южной Америки, сообщил им то же самое.

Слушая эти донесения, Вентворт почувствовал, как по его спине побежал холодок. Из всего этого следовал вывод: здесь они столкнулись с оружием, намного превосходящим их собственное. Он нерешительно подошел к зияющему отверстию в стене. Сталь была вспорота, как ножницами. Он поднес к отверстию счетчик Гейгера, однако тот безмолвствовал.

Что указывало на невероятную мощь, примененную здесь, не оставляющую радиоактивных следов.

Постепенно Вентворт взял себя в руки. Лунная база располагала двенадцатью мобильными отрядами, использовавшимися в случае возникновения чрезвычайной ситуации. Но их еще надо было привести в боевую готовность, а на это понадобится не меньше часа.

Он спокойно объявил свой план окружавшим его людям.

— Мы используем несколько мобильных отрядов вместе с поисковыми группами.

Он повернул тумблер на ближайшем коммуникаторе и отдал специальный приказ:

— Всем наблюдателям оставаться на местах! Как только дополнительные мобильные отряды будут готовы, вызовите меня в… — Он несколько секунд колебался, потом сообщил адрес доктора Деновича.

Тут он заметил, что рядом с ним стоит Карр. Не глядя на упитанного мужчину, Вентворт произнес:

— Доктор, я хочу, чтобы в будущем вы отказывались от активных действий. Не забывайте, что когда эта тварь заметила, что вы следите за ним, она тут же попыталась убить вас. По всей видимости, сочтя ненужным уничтожать кого-то еще. Это весьма примечательный факт.

— А вы не думаете, — нервным тоном начал Карр, — что он просто инстинктивно действовал так, оказавшись захваченным врасплох?

Конечно, это было вполне возможно. Но Вентворт предпочитал не рисковать.

— Есть еще кое-что, о чем я должен сообщить, — встревоженно продолжал Карр. — Когда я впервые посмотрел на лицо той невысокой женщины, то всего на какую-то секунду мне показалось, что я не могу ничего по нему прочитать.

Как вы считаете, мог ли инопланетянин каким-то образом воздействовать на ее сознание, чтобы по ее лицу нельзя было понять, о чем она думает.

Вентворт почувствовал жалость к этому толстяку: было ясно, что эта временная неудача свидетельствовала, что его эсперный дар подошел к концу своей первой фазы. Какой жестокий удар судьбы, впрочем это означало, что настало время объяснить Карру его положение.

Он медленно повернулся к психологу и тихо спросил у того:

— Почему бы вам не прочитать сейчас мои мысли, доктор?

Карр бросил на него короткий взгляд. Потом нахмурил брови, при этом его лицо побледнело.

Наконец он неуверенно произнес:

— У меня возникли затруднения — это какая-то довольно сложная мысль. Вы считаете, что моя способность читать мысли по лицам является… э-э…

Тут он потряс головой в замешательстве.

— Не могу понять… ну, каким-то обычным феноменом? Но ведь это совсем не так.

Эта неудача еще раз утвердила Вентворта во мнении, что чудесный дар начал исчезать. Он громко сказал:

— Идемте в квартиру доктора Деновича. Я уверен, что теперь расскажу вам обоим всю правду.

Прошел час, но никто так и не связался с полковником и не сообщил, что дополнительные мобильные отряды готовы. Тем временем он закончил свой рассказ.

Лицо Карра покрылось пятнами, а губы скривились. У него был вид человека, потрясенного нелицеприятной правдой.

— Все это казалось таким естественным, — пробормотал он. — Ведь вот уже несколько лет меня занимала идея разгадывать мысли людей по выражениям их лиц.

— Когда ваш дар по-настоящему себя проявил? — спросил Вентворт.

— Ну, — промямлил Карр, — это началось два дня назад, когда я принялся изучать лица своих попутчиков-пассажиров на пути к Луне. Именно тогда теория, которую я разрабатывал, стала приобретать вид единой стройной системы. Когда мы приземлились, эта система уже имела под собой практическую базу.

— Значит, когда вы наконец связались со мной, от двухдневного срока оставалось всего несколько часов. И теперь ваша способность вошла в завершающую фазу. Кризис наступит совсем

скоро.

Карр побледнел еще больше, хотя и без того выглядел, как белая простынь.

— Но в какую же форму выльется усиление способности читать мысли по лицам? — глухим голосом спросил он. — Ничего больше того, что я имею, я не могу придумать.

Денович с непроницаемым лицом, наклонившись вперед, резко прервал его:

— Меня глубоко возмущает вся эта секретность. — Его худощавое тело напряглось. — Почему мне ничего не сообщили, когда я прибыл сюда? Почему нет никаких предварительных оповещений о таком важном явлении?

Офицер английской службы безопасности сухо подчеркнул, что лунная база в своем нынешнем виде существует всего восемь лет. Космические путешествия начались не так уж давно. И довольно легко вызвать панику среди людей. Известие о таких феноменах могло бы негативно сказаться на развитии базы. Впрочем, пелену секретности скоро снимут. Уже подготовлен коллективный доклад, который будет опубликован в мировой прессе после того, как его одобрит Совет Безопасности Объединенных Наций.

— А что касается того, чтобы составить для

вас и доктора Карра досье… — продолжал Вентворт, — я собирался сделать это после того, как вы бы догадались, что один из вас стал жертвой… э-э… этого феномена?

После этих слов казалось вполне вероятным, что здесь действовала целая система, разработанная профессионалами.

Вентворт слабо улыбнулся.

— Надеюсь, доктор Карр, у вас остались записи.

— У меня сохранились все записи, — хмуро ответил Карр.

— Вы первый, кто это сделал, — заметил Вентворт. — Это может значительно продвинуть нас вперед.

После этого комментария он в жесте отчаяния развел руками.

— Вот и вся история.

Вентворт встал.

— Думаю, будет лучше, если я пройдусь и узнаю, что там происходит у мобильных отрядов. — Потом он обратился к Деновичу: — Вы уж тут присматривайте за своим коллегой, доктор.

Психиатр коротко кивнул.

Когда они остались вдвоем, доктор Денович с некоторой озабоченностью взглянул на упитан-

ного американца.

— Похоже, это полная для вас неожиданность, доктор Карр. Может, вам дать слабое снотворное, чтобы вы могли немного отдохнуть, пока ваш дар постепенно исчезает?

Карр внимательно посмотрел на лицо собеседника.

— Возможно, моя способность и ослабевает, — начал он, сузив глаза, — но вам должно быть стыдно за те мысли, которые сейчас проносятся в вашей голове.

— Уверен, — возразил Денович, — что вы неправильно их прочли.

— Но ведь вы собирались просмотреть мои записи, пока я спал, — обвиняющим тоном произнес Карр.

— Я просто подумал о них — и понял, какую важность они представляют. Мне и в голову не могло прийти, что вы не хотите никому их показывать.

— Признаю, что те мысли, что я увидел на вашем лице, вполне могли быть и такими. — Он умолк, потом принес свои извинения, оправдываясь: — Знаете, мы оба на грани нервного срыва. Так что давайте попробуем разобраться в этой ситуации.

В его анализе два специалиста столкнулись с необычным феноменом. Почему бы им просто-напросто не остаться на своих местах и не вести запись медленного исчезновения этого особого дара?

— Возможно, — сказал он в заключение, — все время занимаясь обсуждением этого феномена, мы сумеем предотвратить ослабление моей памяти.

Тут затрезвонил телефон.

Это был Вентворт, сообщающий, что поисковые группы наконец-то укреплены дополнительными мобильными отрядами.

— Мне хотелось бы знать, — спросил офицер службы безопасности, — присоединитесь ли вы к операции?

Денович пояснил, что то, чем они в данный момент занимаются, более важно.

Обернувшись к психологу, он замер как вкопанный: тот откинулся на спинку кресла с закрытыми глазами. Его тело казалось безвольно развалившимся в кресле. Денович нагнулся над Карром, начал трясти его, но безрезультатно: никаких признаков жизни. Он быстро исследовал тело и установил: спокойный пульс уснувшего человека и глубокое медленное дыхание.

Доктор Денович не стал зря терять времени. Подготовив шприц, он ввел снотворное в предплечье американца. Потом отослал секретаршу, наказав ей заняться кое-какими научными изысканиями до конца рабочего дня. Быстро обыскав находящегося без сознания психолога, он обнаружил связку ключей, после чего, вооружившись аппаратом для микрофильмирования, прошел через холл к лифту, который доставил его на этаж в американской секции, где располагалась комната Карра.

Он не ощущал никакого чувства вины.

«Сейчас не время предаваться угрызениям совести, — сказал он себе. — Превыше всего — интересы нации!»

Почти сразу же он обнаружил записи. Пачка неожиданно оказалась довольно толстой. Он умело принялся за дело. Спустя полчаса, когда он все еще продолжал переснимать один лист за другим, он услышал за спиной слабый звук.

Смутить Деновича было не так легко. Он медленно повернулся. Но в тот же миг его охватила паника.

Перед ним стояла фигура какого-то существа.

«Как можно вообще принять это за человека?» — мелькнула мысль в голове пораженного

русского психиатра. Очень уж ненормальной была худоба тела; впрочем, черное лицо имело какое-то человеческое подобие. Однако ноги, скрывающиеся под длинной мантией, казались какими-то… неестественными — если судить по тому, как ткань облегала их! Его опытный глаз физика не мог мгновенно не обратить внимания на эти поразительные несуразности.

В следующий миг из устройства на головном уборе раздался вопрос, произнесенный по-русски без какого-либо акцента:

— Где… э-э… доктор Карр?

Денович считал, что мучениками должны становиться другие, и сейчас не собирался совершать каких-либо геройских поступков. Партия требовала от него, чтобы он в любой ситуации поступал так, как должен поступать настоящий коммунист, чтобы все его действия шли только на «благо народа», независимо от того, какой опасности он при этом подвергался. В противном случае его ждало бы «общее собрание», где ему бы пришлось давать объяснения.

Деновичу уже не раз приходилось своим аналитическим умом просчитывать все возможные варианты, быстро выбирая из них самый приемлемый.

В данном же случае никакого выбора у него не было. Это он понял сразу, с ужасом подумав, что спасти его может только полное сотрудничество…

— Одиннадцатью этажами ниже, в русской секции… в моей квартире… с номером 422,— хрипло выдавил из себя Денович.

Пришелец тяжелым взглядом рассматривал его.

— Не тревожьтесь, — презрительно хмыкнул инопланетянин. — Люди нас не беспокоят. А по поводу невысказанных мыслей, что только что промелькнули у вас в голове… я не стану стирать воспоминания об этой встрече.

Ослепительный луч вырвался из головного убора и поразил психиатра прямо в лоб.

И он потерял сознание.

5.

Ксилмеру понадобилось некоторое время, чтобы добраться до комнаты с номером 422, ведь ему приходилось осторожно передвигаться — сквозь стены. Но вот, наконец, он замер рядом человеком, лежащим на кушетке, затем связался с кораблем, сообщив, что Карр находится в бессознательном положении.

— Насколько я понимаю, я могу без всяких сложностей убить его — никто не может помешать мне сделать это.

— Подождите!

Через несколько минут молчания с корабля пришел приказ:

— Расскажи нам, каким образом он потерял сознание.

Ксилмер тут же сообщил то, что ему стало известно после изучения разума русского психиатра, — об особенностях ЭСО и снотворном, введенном им в вену американца.

— Благодаря этому сильнодействующему средству он теперь всецело в наших руках.

В заключение он добавил:

— Он кажется совершенно беспомощным, и я очень настаиваю на том, чтобы он продолжал пребывать в этом состоянии. Кто знает, во что могут превратиться его ЭСО в своей последней стадии.

— Ждите еще!

Снова переговорное устройство на головном уборе Ксилмера умолкло на некоторое время, наконец, из него донеслось:

— Согласно нашим расчетам этот человек по времени уже должен был достичь продвинутой

фазы проявления ЭСО, но циклический кризис еще не наступил. Поэтому перед тем, как ты предпримешь какие-либо действия, исследуй его подсознание.

— Я уже сделал это.

— И каковы результаты?

— Несмотря на то, что он находится в бессознательном состоянии, что-то в его разуме продолжает следить за мной и, я бы даже утверждал, записывает наш разговор.

Да, это в самом деле было так. Однако слишком слабы были эти энергетические связи, чтобы вытащить Карра из глубин небытия и вернуть ему контроль над своим телом. Какой бы ни была эта заключительная фаза, но сама по себе она не являлась мощным оружием, способным повлиять на сознание психолога.

В заключение Ксилмер угрюмо заметил:

— Мне кажется, что если мы не позволим этому человеку прийти в себя, жители этой звездной системы не смогут дать нам отпор.

— Как жаль! — последовал лаконичный, лишенный сочувствия ответ.

Ксилмер мысленно обменялся с невидимым ему собеседником на другом конце связи улыбками, испытывая наслаждение от чувства полного

превосходства.

— Какие будут рекомендации? — спросил Ксилмер.

— Убей его!

…Очнувшись, Денович обнаружил себя лежащим на покрытом ковром полу.

Приподнявшись, он огляделся. Не увидев никаких признаков присутствия инопланетянина, он почувствовал громадное облегчение. С дрожью в теле он встал, прошел к двери и выглянул в коридор. Там никого не было. Ни единой живой души.

С трудом пытаясь подавить охватившую его панику, он собрал весь свой материал, но, поняв вдруг, что не успел переснять все записи, постоял в нерешительности несколько секунд. Но потом решил просто захватить с собой все материалы американского психолога, включая и уже отснятые.

И только в коридоре его осенило бросить взгляд на часы. Прошло уже два часа после того, как он потерял сознание. Деновича этот факт неприятно поразил, он потрясенно подумал: «У пришельца было достаточно времени, чтобы найти Карра в моем кабинете!»

Он ожидал обнаружить у себя какой-нибудь

беспорядок. Однако на первый взгляд все там оставалось на своих местах. Торопливо заперев на ключ ящик шкафа, куда он положил похищенные записи, Денович прошел в свой кабинет, где он оставил американца.

На кушетке никого не оказалось.

Денович уже собирался повернуться, когда заметил полускрытый кушеткой предмет. Он прошел к дальнему концу кушетки и принялся рассматривать тюрбан Ксилмера. Длинный шарф беспорядочно свернулся, весь покрытый пятнами какой-то голубой жидкости; сквозь складки напоминавшей шелк материи просматривалось что-то металлическое.

Через секунду он заметил, что и на голубом ковре также имелась толстая корка от какой-то высохшей темно-голубой жидкости.

Пока Денович так стоял, пребывая в нерешительности, снаружи раздались какие-то голоса. Он узнал британский баритон Вентвора и более мягкий говор Карра. Денович повернулся к двери. Спустя несколько секунд те вошли в кабинет.

До русского психиатра едва доходило, что за дверью находятся и другие люди. Из доносившегося гвалта он узнал голос только одного из них — своего соотечественника из службы без-

опасности. Тот, заглянув в кабинет, обменялся с ним многозначительными взглядами, после чего удалился.

— А, вот вы где, доктор, — сказал Вентворт.

Денович промолчал. Он лишь пристально посмотрел на лицо толстяка-американца, думая: «Ага, сейчас он, должно быть, уже находится в состоянии супермена».

И, если Карр способен, как и раньше, читать мысли по лицам, то теперь эта способность, наверное, усилилась, что все его — Деновича — поступки за последние несколько часов четко видны и понятны ему, словно последовательно разворачивающиеся картинки на экране.

Русский психиатр как-то съежился, потом постарался взять себя в руки. На кончике языка вертелись самые дурацкие оправдания.

— Доктор Карр заинтригован, сэр, — продолжал Вентворт. — Придя в себя на кушетке, он не имел ни малейшего представления, как он оказался там. Но тут заметил вот это, — он указал на ксилмеровский тюрбан. — Выйдя из кабинета, он увидел ваше имя на табличке. Вот так он и узнал про вас, потому что, естественно, он ничего не помнит о первой стадии ESP. Что случилось?

Пока Вентворт говорил, мозг Деновича начал

лихорадочно искал наиболее правдоподобное объяснение собственного пребывания здесь. Однако он не стал сразу отвечать на вопрос. Поэтому, когда англичанин умолк, Денович обратился к Карру:

— С вами все в порядке, доктор?

Возможно, Карр сделал слишком большую паузу, глядя на него, но ответил простым коротким «да».

— Вы не ранены?

— Нет. А с чего бы это? — Его глаза все время двигались, беспокойные и озадаченные.

— А как вы перенесли… э-э… кризис? — спросил Денович.

— Что?

Денович был страшно поражен. Он и сам не знал, чего ожидал. Но только не этого! Не того, что перед ним окажется обыкновенный человек, с обычными реакциями. И ничего не помнящий.

— То есть, — продолжал он, — вы не замечаете в себе ничего необычного?

Карр покачал отрицательно головой.

— Знаете, доктор, мне кажется, у вас больше информации по этому делу, чем у меня. Каким образом я оказался в вашей квартире? Я что, заболел?

Денович повернулся к Вентворту и беспомощно посмотрел на того. Он уже придумал одну историю, но был настолько ошеломлен, что не решался поведать ее.

— Полковник, — произнес он, — если вы мне расскажете все, что вам известно, то и я тоже ничего не стану утаивать от вас.

Вентворт тут же начал свой рассказ. После телефонного разговора он в составе одной поисковой группы отправился искать Ксилмера. Потом ему сказали, что видели несколько минут назад доктора Карра, бродящего по коридору, а поскольку был отдан приказ никому не покидать своих квартир, то Вентворту немедленно сообщили об этом нарушении. Он тут же прибыл на место происшествия.

— Естественно, зная о его последнем местопребывании, я спросил у него, что тут было, и узнал, что он ничего не помнит о том, что случилось с ним до того, как он проснулся в вашем кабинете на кушетке и увидел этот тюрбан и всю эту пакость вокруг.

Полковник нагнулся и осторожно кончиком пальца прикоснулся к голубоватой жидкости. Потом, по всей видимости, убедившись, что она безвредна, он поднес палец к лицу и обнюхал его.

Потом неприятно поморщился.

— Наверное, это кровь инопланетянина, — высказал он предположение. — Но несет же от нее!..

— Какого еще инопланетянина? — спросил Карр. — Послушайте, господа, о чем…

Тут его прервали: из устройства в головном уборе Ксилмера послышался голос на чистейшем английском языке:

— Мы записываем ваш разговор, и похоже, с нашим агентом случилось какое-то несчастье.

Вентворт быстро шагнул вперед.

— Вы слышите меня? — спросил он.

— Дайте нам точное описание состояния, в котором находится сейчас наш агент, — продолжал голос.

— Мы не против сотрудничества с вами, — твердым голосом заявил Вентворт. — Но взамен нам хотелось бы получить от вас кое-какую информацию.

— Мы находимся от вас всего в трехстах тысяч миль. Вы сможете увидеть нас менее, чем через час, и если только ваши объяснения не окажутся удовлетворительными, то мы уничтожим вашу лунную базу! А теперь быстро отвечайте!

Их всех словно окатило ушатом холодной во-

ды, но сомневаться в том, что эта угроза будет выполнена, не приходилось. Один из стоявших у дверей людей воскликнул:

— О Господи!

После длинной и напряженной паузы Вентворт ровным, спокойным голосом описал все, что осталось от Ксилмера.

Когда он закончил, голос произнес:

— Ждите!

Прошло по меньшей мере три минуты, когда голос продолжил:

— Мы должны точно знать, что произошло. Допросите доктора Карра.

— Меня? — переспросил ошарашенный Карр; едва ли этот возглас прозвучал громче, чем хриплый крик.

Вентворт зашипел на него, призывая молчать, потом взмахом руки показал людям у двери, чтобы те покинули комнату, после чего кивнул Деновичу и Карру.

— Вытрясите из него всю правду! — шепотом приказал он Деновичу, затем на цыпочках вышел из кабинета и направился к телефону, находившемуся во второй комнатке русского психиатра.

Поворачиваясь к Деновичу, Карр расслышал, как англичанин приглушенным, но озабоченным

голосом отдал распоряжение о введении режима высшей степени тревоги. С трудом заставив себя перестать прислушиваться к словам полковника, он внимательно посмотрел на Карра.

— Доктор, — начал он, — какое воспоминание осталось в вашей памяти последним?

Американский психолог сглотнул, словно в горле застрял какой-то неприятный комок, и это было не просто уловкой с его стороны. Потом он спросил:

— Как долго я уже нахожусь на лунной базе?

И тут русского психиатра словно бы озарило. «Ну разумеется, — подумал он, — он и в самом деле не помнит ничего после того, как началась первая фаза проявления его ЭСО».

Денович тут же припомнил вопрос, заданный всего несколько минут Карром, — не болен ли он. «Конечно, — снова подумал Денович. — Он, наверное, считает себя душевнобольным».

Он встал. При этом его сотрясала дрожь, когда он думал о тех возможностях, которые открылись бы в случае установления такого диагноза, и попытался представить себя на месте Карра.

Он мгновенно понял, в чем состоит вся сложность положения Карра. Американский психолог признается русскому коллеге в том, что, по его

мнению, он сошел с ума!

— Доктор, почему вы решили, что помешались? — тихо спросил Денович.

Карр сразу не ответил, но психиатр продолжил давить на него:

— На кон поставлены наши жизни. Вы не должны уходить от ответа!

Карр вздохнул и ответил:

— У меня возникли параноидальные симптомы. — Голос его внезапно стал плаксивым.

— Поподробнее! И побыстрее!

Карр неуверенно улыбнулся.

— Это и в самом деле очень серьезно. Проснувшись, я стал воспринимать сигналы.

— Сигналы?

— Все на свете имеет какое-то значение.

— Ах, вот оно что! — воскликнул Денович и добавил: — Например?

— Ну, вот я гляжу на вас, и вы представляетесь мне просто скоплением… э-э… отдельных выразительных сигналов. Даже поза, в которой вы стоите, является своеобразным посланием.

Денович был сбит с толку. Описываемое Карром вполне походило на обычную паранойю.

«Какова же эта знаменитая вторая стадия цикла ЭСО, если первая, он вынужден был это признать,

была достаточно убедительной?»

Тут он взял себя в руки.

— Продолжайте! — обратился он к Карру.

— Ну… — начал было тот, но потом замолчал, беспомощно глядя на собеседника. — Ну, взять хотя бы ваши пульсации!

Запинаясь, он пояснил: Денович видится ему огромным клубком энергетических цепей, испускающих серию сигналов.

Карр смотрел на русского — и воспринимал сигналы, поступавшие с обнаженных частей его тела. И даже больше: его взгляд проникал сквозь кожу; он видел внутреннюю атомную структуру — крошечные золотистые шарики, (миллиарды на один кубический миллиметр), пульсирующие и испускающие сигналы, связанные…

Связанные друг с другом квадриллионами силовых линий, протянувшихся к далеким звездам ближней вселенной, ослепительно сверкая в местах пересечения с эманациями других людей с лунной базы.

Но подавляющее большинство волн описывало дугу, проходя сквозь стены и устремляясь к Земле… Это была однородная масса связей с другими людьми, со всеми теми местами, где когда-либо бывал Денович.

Вдоль отдельных силовых линий сигналы пульсировали с большей интенсивностью, и Карр проследил за одним из наиболее мощных комплексов, показавшим ему одну картину из жизни Деновича год назад; он видел молодую женщину с заплаканным лицом.

По этому потоку линий до него донеслись их мысли:

— Я так тебе верила, а ты обманул меня!

— Послушай, Наташа… — лепетал более ранний Денович.

— Вы понимаете… — сначала было смутившийся Карр вдруг оборвал свою мысль. — Что с вами?

Денович почувствовал, как кровь отхлынула от щек.

«Интересно, — подумал русский психиатр, — неужели это так заметно?»

— Что? Ч-что? — глухо выдавил он из себя. Он был ошеломлен. Наташа была девушкой его молодости, забеременела от него и умерла при родах. С огромным трудом он взял себя в руки. — И вы можете сделать с этими сигналами все, что пожелаете?

— Ну… да, полагаю, что могу, — неуверенно ответил Карр.

При этом он произвел какие-то действия, разрывая линии, связывающие Деновича с девушкой и наблюдая за тем, как эти линии, словно отпущенная резиновая лента, стеганули по психиатру.

Денович закричал — он просто не в силах был сдержаться. Получилось нечто вроде кошачьего мяуканья с глубокой горловой модуляцией. На этот крик из другого кабинета выбежал Вентворт.

Денович попытался добраться до кушетки, но колени его подогнулись, и он рухнул на пол, где остался лежать. В первые мгновения он весь дергался и стонал, а затем начал издавать безумные вопли.

Вслед за Вентвортом в комнату вбежал русский агент службы безопасности и остановился на пороге с округлившимися глазами. Спустя несколько секунд Вентворт вернулся в комнату с телефоном и вызвал «скорую помощь».

Вскоре появились два санитара, быстро сделавших обезумевшему психиатру укол снотворного. Дождавшись, когда он затих, они унесли на носилках уже находящегося в бессознательном состоянии Деновича к карете «скорой помощи», уже дожидавшейся их на улице, и уехали вместе с ним.

Из переговорного устройства в шлеме Ксилмера послышалось:

— Мы просто настоятельно требуем, чтобы доктор Карр объяснил, что он проделал с доктором Деновичем.

Карр беспомощно посмотрел на Вентворта.

— Я просто-напросто отделил от него эти линии. Выскажу догадку, что при этом мгновенно рухнули все барьеры, которые он воздвиг между собой и девушкой. Полагаю, что случившееся было результатом внезапного шока от осознавания всей тяготы вины перед девушкой.

— Ждите! — раздался голос из устройства в тюрбане Ксилмера.

Вентворт, ни на секунду не забывавший, что там, в этом головном уборе, скрыто также и мощное энергетическое оружие, молча подал знак всем покинуть комнату. Потом, когда дверь захлопнулась, он и сам прошел к двери.

Миновала одна минута. Вторая. Наконец раздался тот же самый голос:

— Вне всякого сомнения, доктор Карр обладает мощным запасом психической энергии. Проведенный нами анализ показывает, что смерть Ксилмера была вызвана тем, что, находясь в бессознательном состоянии, разум доктора

Карра начал защищаться и обрубил поток энергетических линий, связывавших психолога с намерением Ксилмера уничтожить его. Это должно было породить ответное действие, и Ксилмер был принужден воспользоваться своим миртом — оружием, установленным в его головном уборе, чтобы покончить с собой. Как видно по тому, что осталось от его тела, имело место почти полное растворение.

Вентворт повернулся к Карру.

— Хотите как-то прокомментировать это сообщение? — прошептал он, растягивая слова.

Карр покачал отрицательно головой.

— Ничего не помните?

Снова отрицательный ответ головой.

— Естественно, мы подождем, — с сарказмом продолжал голос, — пока этот замечательный дар не исчезнет — ведь через несколько часов закончится весь цикл. И уж тогда мы заявим о себе!

После этого наступила тишина.

6.

Прошло два часа, а может, и меньше.

В офисе появились другие люди, потом состоялось совещание, проходившее в напряженной обстановке. Сначала Карр сидел вместе со всеми

за столом, но вскоре, когда споры разгорелись не на шутку, он тихо выскользнул из кабинета и вернулся в комнату, где оставался тюрбан Ксилмера. Закрыв глаза, он замер, напряженно всматриваясь во вселенную бесчисленных… сигналов.

Их было миллиарды — этих пульсаций, все еще исходивших от устройства, вмонтированного в головной убор Ксилмера. Квадриллионы линий сбегались к нему откуда-то из космоса.

Карр, осторожно пробуя свой пробудившийся с новой силой дар, принялся разглядывать эти линии. Теперь, когда его больше не беспокоил факт существования у него этого феномена, он вдруг осознал, что теперь ему стали понятными значения всех этих линий.

С удивительной ясностью он видел, что эти сигналы и пульсации исходят из источника на поверхности фундаментальной структуры вселенной.

А под ними простиралась Истина.

Между сигналами и тем, что они представляли, существовала сложная обратная связь, объединение в одну сеть значений, находящихся на поверхности, и колоссального процесса, протекающего под ней.

Неожиданно он заметил, что сзади к нему при-

ближается Вентворт.

— Доктор Карр, — тихо начал офицер службы безопасности, — в ходе обсуждения было принято решение запустить с космической станции ООН над Атлантикой ракеты с ядерными боеголовками. Они поступят в наше распоряжение примерно через пять часов, но все мы понимаем, что единственной нашей надеждой остаетесь вы. Вот я и пришел к вам спросить, что же вы можете предпринять. Ну, что скажете?

— Я могу… провести эксперимент с сигналами, — ответил Карр.

Вентворт испытал глубокое разочарование. Для него сигналы — просто нечто, связанное с радиосвязью, а вовсе не оружие. И это, вдруг печально понял Карр, имело вполне логическое объяснение. Сначала было чтение мыслей по лицам, теперь же, во второй фазе, американский психолог получил невероятную способность понимать и манипулировать связями между кем угодно и чем угодно.

Да, это была величайшая способность, но ее было совершенно недостаточно для выхода из этого невероятного кризиса, в котором они сейчас оказались.

— Какого рода эксперименты? — спросил Вент-

ворт.

— Вот, например, вроде этого! — воскликнул Карр.

И исчез.

Вентворт замер как вкопанный. Потом, вспомнив о тюрбане Ксилмера и необходимости не дать врагу узнать, что тут произошло, на цыпочках покинул комнату. Торопливо пройдя к ближайшему узлу связи в коридоре, он вставил в аппарат свой личный ключ и распорядился быстро разыскать Карра.

Через десять минут было установлено, что толстяка-психолога вообще нет на территории лунной базы. Выслушав донесение, подтверждающее этот невероятный факт, Вентворт отдал распоряжение доставить к нему всех ведущих ученых станции, так что вскоре его окружили мужчины и женщины разных национальностей, с помощью автопереводчиков сообщавших ему свою оценку сложившейся ситуации.

Но в целом все высказанные учеными мнения сводились к одному: что может поделать один человек против тысячеглавых врагов?

И из этого вопроса, учитывая специфический дар Карра, следовал следующий: каким должно быть наименьшее число линий, которые требует-

ся обрубить для того, чтобы нанести захватчикам поражение?

И, глядя на лица окружавших его ученых, Вентворт вдруг понял, что ни один из них не сможет найти на него ответ.

Сам же Карр, прибыв на борт джийна, некоторое время пребывал в состоянии… нет, не смятения (поскольку он отлично осознавал все происходящее с ним) — он был вынужден окунуться в атмосферу неистового… насилия.

Он… выбрал… никем не занятое помещение, напоминающее лабораторию. Приборы. Столы. Аппаратура. Все они сейчас бездействовали и ничем не могли ему угрожать.

Вся сложность того, что ему сейчас предстояло сделать, заключалась в том, что джийн был запрограммирован на активное противодействие не внесенным в его память формам жизни. Эта защитная система находилась в состоянии покоя, не испуская видимых линий, но едва только его присутствие было обнаружено, на него хлынул шквал смертоносной энергии.

Едва он появился в этой комнате, стены, потолок и пол направили на него свое оружие. Со всех сторон на него хлынули силовые лучи, стремясь заключить его в энергетический кокон.

И эта система была только первой из четырех других — еще более изощренных и смертоносных. За энерголовушкой последовал простейший разряд мирта, предназначенный оглушить его; потом — основной мирт, состоящий из сгустка смертоносных энергий; и, наконец, ядерный минивзрыв, мощностью которого определялась лишь размерами ограниченного пространства.

Самому же Карру, пока его еще не покинули его ЭСО, все это представлялось лишь в виде сигналов, за которыми он мог следить, выискивая источник, их вызывающий, чтобы затем уничтожить его. Каждая атака на него представляла собой определенный цикл, строго запрограммированный по времени. И когда все циклы были завершены, наступила тишина.

Некоторое время ничего не происходило.

Внезапно где-то на борту в чьем-то сознании мелькнула мысль. Потом в голове Карра раздался удивленный голос:

— Кто вы?

Карр не ответил, занятый обработкой огромного количества сигналов, поступавших с самых разных уровней, и эти сигналы сообщили ему, что он находится внутри космического корабля длиной в двадцать миль, шириной в пять и тол-

щиной в четыре. На борту звездолета находится восемьдесят тысяч гизданцев, и все они сейчас реагировали на общую тревогу.

В течение нескольких секунд в сознании каждого из них промелькнула одна и та же мысль; они все подверглись одинаковому внушению и сосредоточили свое внимание на пришельце. Это было сродни тому, как намагниченные железные опилки выстраиваются в один ряд, образуя некую структуру, причем такую, что ею можно управлять.

Карр одним оценивающим взглядом изолировал крошечную часть этих соотнесенных между собой линий… и обрубил их.

Потом, проявляя такое же безошибочное умение, он отобрал клубок линий, проникавших и влиявших на Фундаментальную истину, замкнул их на себя… и шагнул сквозь образовавшуюся энергетическую пустоту в комнату на лунной базе, где спал под воздействием снотворного Денович. У Карра крепло ощущение, что совсем немного времени осталось прежде, чем прекратится и эта фаза его ЭСО.

Он поспешно занялся линиями, обрубленными им раньше, воссоединяя их. Потом доктор Карр покинул комнату и больничный сектор и, напра-

вившись к ближайшему узлу связи, связался с Вентвортом.

Подняв, наконец, трубку, офицер службы безопасности спросил:

— Доктор, что случилось?

— Они уже улетели, — просто ответил Карр.

— Н-но… — в голосе Вентворта слышалось сильное замешательство, однако он постарался взять себя в руки и продолжил, уже более спокойным тоном: — Доктор, мы посчитали, что, наверное, требовалось обрубить только совсем небольшую группу линий…

— Что я и сделал.

— Но что же это за группа? Каким может быть наименьший общий знаменатель для такого множества существ?

Карр ответил ему.

— Ну, знаете! — воскликнул восхищенно Вентворт. — Конечно, вы правы! Примите мои поздравления, доктор.

Спустя несколько часов, когда завершилась заключительная фаза существования ЭСО у Карра, а джийн со все возрастающей скоростью покидал солнечную систему, была установлена субпространственная связь с огромным флотом гизданцев, проводящим в это время маневры в

другом районе космоса.

— Есть что-нибудь подходящее для нас? — спросил командующий флотом.

— Нет! — ответил капитан джийна.

— А мы считали, что вы отправились к обитаемой системе, захватить которую не составляло никакого труда.

— Я не знаю, откуда у вас создалось такое впечатление. Здесь нет абсолютно ничего ценного!

— Ладно. Конец связи!

В этот момент капитана джийна на мгновение охватило мимолетное чувство, словно скрытое под пеленой сна, будто ему должно быть известно что-то о звездной системе, которую сейчас покидал джийн.

Если бы он был осведомлен о подобных случаях, он бы обратил внимание на то, что все линии, связывающие его с Землей и ее луной, были обрублены и концы их покоились где-то в самых глубинах его сознания.

Это ощущение о чем-то узнанном и понятом… начало слабеть. А потом и вовсе исчезло.

Навсегда.

Первый марсианин

Одетый в герметизированный скафандр, я пересекал ротонду Восточного порта, марсианского центра железных дорог, когда увидел коренастого парня со смуглым, слегка фиолетовым оттенком, как у красного дерева, лицом и мощной грудью, направлявшегося ко мне. Я с первого взгляда понял, что он индеец.

— Сеньор, — сказал он.

Я из вежливости остановился и повернулся к нему лицом.

— Сеньор, я ваш новый помощник машиниста.

Меня словно громом поразило. Здесь, на Марсе, я постоянно сталкиваюсь с людьми разных рас и народностей. Но только белые управляют огромными атомоходами, пересекающими бескрайние равнины, горы и застывшие каналы. Причина тому совсем проста: превосходство белого человека в такого рода делах воспринималось как само собой разумеющимся.

Я попытался скрыть свое удивление.

— Рад, что ты теперь будешь работать с нами, — сказал я. — Поторопитесь надеть герметизированный скафандр — уже через тридцать минут

мы отправляемся. Как вас зовут? Меня — Хектон. Билл Хектон.

— Жозе Инкухана. Я не ношу герметизированный скафандр.

— У тебя южноамериканское имя, — начал было я и умолк. — Послушай, Джо, — сказал я наконец, — не дури, отправляйся в экипировочную и попроси, чтобы тебе выдали НА-2. И поторопись, приятель. Потребуется некоторое время, чтобы облачиться в эту амуницию. Увидимся через двадцать минут.

Я в своем огромном НА-2 неуклюже повернулся. Вообще-то я предпочитаю не пользоваться этими герметизированными комбинезонами, но на Марсе с его чрезвычайно разреженной атмосферой обычному человеку, покидающему укрытие, без них не обойтись.

Я прошел пять футов, когда вдруг заметил, что Жозе все еще рядом со мной.

— Вы можете располагать мною прямо сейчас, сеньор Хектон, — сказал Жозе. Он казался озадаченным. Я повернулся лицом к нему, сдерживая свое нетерпение.

— Джо, когда ты прибыл на Марс?

Он окинул меня безмятежным взглядом своим мягких карих глаз.

— Два дня назад, сеньор. — Он поднял кверху два пальца.

— Ты уже успел побывать там? — Я махнул рукой в сторону пустыни, видневшейся сквозь асбестглассовое окно.

Жозе кивнул.

— Вчера.

Глаза его светились разумом, когда он стоял и ждал моего ответа. Сбитый с толку, я огляделся и увидел Мане, суперинтенданта нашей ротонды.

— Эй, Чарльз, расскажи Джо о Марсе. Что содержание кислорода в воздухе соответствует примерно такому, что на Земле бывает на высоте пяти миль. Объясни ему, что в этой связи необходимо носить соответствующие комбинезоны.

Мане покачал головой.

— Билл, сеньор Инкухана — из Андр. Он родился в городе, расположенном на высоте в восемнадцать тысяч футов над уровнем моря. Марс для него все равно что новая гористая местность. — Он замолчал. — О, Фрэнк. Эй, Фрэнк, иди-ка сюда!

Фрэнк Грей отвечал за работу атомного двигателя. Он подошел к нам. Этот худощавый, возбужденный человек казался огромным в своем комбинезоне. Ему представили сеньора Инкухану. Фрэнк протянул было руку, но потом,

нахмурившись, отдернул ее.

— Что здесь происходит? — спросил он. — Ведь я нахожусь на очереди и должен стать инженером. Кто это своевольничает и включает в список претендентов на должность машиниста посторонних людей? — Не ожидая ответа, он сердито продолжил: — Ага, теперь припоминаю. Я уже слышал об этой партии только что завербованных индейцев. Это просто оскорбление для профессиональных техников! Что это они задумали? Решили заставить нас думать, что мы — просто банда поденщиков?

— Фрэнк, — примирительно начал Мане, — ты неплохой ученый и понимаешь, что если нам удастся заполучить к себе на работу людей, которые действительно способны жить…

Он замолчал. Фрэнк отвернулся. Мы молча стояли и смотрели, как он шел к выходу. Я поглядел на Жозе, но его лицо ничего не выражало. Мане вытащил из кармана часы.

— Вам лучше всего подняться сейчас на борт, — сказал он. — Необходимо Жозе показать несколько приборов; уже через шестнадцать минут начнется работа.

И ровно по расписанию паро-атомный локомотив «Пустынная крыса» был выведен элек-

трическим тягачом в огромное депо, служившее переходным шлюзом между ротондой и марсианской атмосферой. Спустя несколько мгновений я нажал на рычаг. Движимый инерцией собственной чудовищной массы корабль выкатился на студеные рельсы «внешнего мира».

На востоке над горизонтом только что взошло солнце.

Через передатчик, вмонтированный в шлем скафандра, я вызвал Жозе. Пальцем я указал ему направление. Он покинул свое сиденье.

— Оледенение, сеньор? — спросил он.

— Да, оледенение, — подтвердил я.

По внешней металлической обшивке расползлись застывшие струйки воды. Я пробежал взглядом вдоль всей машины — от кабины до хвостовой части. Дверь декомпрессионного шлюза закрылась за нами всего несколько секунд назад, но куда бы я ни кинул свой взгляд, повсюду замечал влагу, мгновенно сконденсировавшуюся и превратившуюся в сверкающие льдинки-кристаллики.

Семьдесят градусов ниже нуля. Вполне обычная температура для начала дня на Марсе. Впереди нас на безрадостной сверкающей равнине виднелось небольшое поселение землян в Восточном

порту, расположенном в самом центре крупного рудодобывающего комплекса. Мы проносились мимо связанных переходными туннелями куполами, внутри которых в жилых помещениях жили люди. Путевые линии вели в нежилые купола-склады, но вагоны, включая и тот, что предназначался для пассажиров и был герметезирован, уже вывели вперед, чтобы сцепить с грузовым составом, набитым шлаком.

Я слегка подал назад, пока нас тоже не присоединили, после чего открыл дверь и спрыгнул на землю. Солнце на темно-синем небе било мне прямо в глаза, однако звезды еще можно было разобрать — они будут светить здесь весь день.

Я посмотрел назад. Жозе был уже у двери. Я крикнул ему:

— Закрой-ка лучше дверь!

Я забрался в вагон для пассажиров, миновал шлюз и прошел в комфортабельное купе. Короткого взгляда на людей, сидевших в баре, мне хватило, чтобы понять, что сегодня я везу важных персон. Четырех я знал — это были «шишки» из руководства железных дорог, а пятого человека мне представили как Филипа Бэррона, только что прибывшего с Земли. Это был грузный мужчина с курчавыми каштановыми волосами и серо-голу-

быми глазами, столь же сурово выглядевшими, как агаты.

— Билл, — начал вице-президент Генри Уэйд, — наши руководители на Земле уцепились за идею использовать индейцев из Анд в качестве дешевой рабсилы, вот почему они собираются наводнить Марс индейцами. На на такую сделку мог пойти только слепой глупец! Через несколько лет индейцы устроят тут революцию и провозгласят Марс своей территорией и национализируют все бесценное оборудование, которое мы доставили сюда.

— Билл, как он вам показался? — спросил кто-то.

— Джо, похоже, парень как парень, — осторожно ответил я.

— Ты думаешь, он сможет жить в этом климате?

Я несколько секунд подумал, прежде чем ответить.

— Кажется, он способен дышать этим воздухом, — наконец произнес я.

Третий чиновник иронически рассмеялся.

— Один из новых людей, — сказал он. — Настоящий марсианин. Сотни его соплеменников пройдут в ближайшее время техническую под-

готовку. Как и женщины. Вскоре такие люди, как мы, Билл, станут не более, чем страницей марсианской истории.

— Вот именно, черт побери, — заметил вице-президент Уэйд.

Впрочем, предыдущие слова заставили меня почувствовать беспокойство. Порою я начинаю проклинать эту жизнь и эту железную дорогу, но в другое время я просто не могу себе представить свою жизнь иной. Кроме того, моя работа превосходно оплачивалась.

Уэйд спокойно взглянул на меня.

— Мы намерены спросить ваше мнение об этом человеке. Мы собираемся повысить его в должности.

Я пожал плечами и произнес:

— Не могу понять: неужели что-то в этом деле зависит от моего мнения?

— Принятие решения будет основываться на множестве факторов, — поторопился сказать Уэйд. — На первый взгляд эта идея использования на Марсе индейцев представляет несомненный интерес. Но если посмотреть на все это дело в целом, то можно заметить и подводные камни.

Бэррон, единственный представитель земного руководства компании, встал и протянул мне

руку.

— На самом деле все не так уж и плохо, как могло показаться вам, — начал он. — Для начала мы возьмем восемнадцать индейцев и направим их на различные виды работ. Признаюсь, в перспективе это сулит нам существенную экономию. Меньше понадобится укрытий с куполами, дешевле будут компрессионные установки, возможно, даже это принесет больше прибыли акционерам. Разве это плохо? Я так не считаю.

Поднимаясь спустя несколько минут в свою кабину, я увидел, как Фрэнк Грей исчез в своей секции. Я вопросительно взглянул на Жозе, но выражение его лица ничего не сказало мне. Я не знал, что мне делать, но ведь Фрэнк-то был моим другом, а не Жозе, почему я и решил не задавать никаких вопросов.

— В путь! — обрывисто бросил я.

Поезд тронулся, и я бросил взгляд на часы. Мы опаздывали уже на восемь минут. Нам еще предстояло преодолеть пятьсот миль до наступления темноты, и это было не слишком много, если все будет идти как надо. Но сейчас на Марсе была зима, и поезда ночью не ходят по расписанию. Из-за чрезвычайно низких температур рельсы становятся слишком хрупкими и опасными.

— Придерживайся двадцати миль в час, — сказал я вскоре.

Жозе кивнул, но выглядел при этом озадаченным. Теперь он сидел, одетый в теплую одежду, но не в герметизированном скафандре, и ко мне в душу начал пробираться страх, который испытывали другие.

— Джо, — сказал я вскоре, — что за легкие у тебя?

Он не был тупоголовым индейцем. Его попросили рассказать о себе, и он это тут же сделал. У индейцев из Анд объем легких больше, чем у обыкновенного человека, да и кровеносная система гораздо мощнее. А сердце его работоспособнее по меньшей мере в восемь раз по сравнению с сердцем человека, живущего у побережья. В результате по кровеносной системе проносится намного больше крови, и нервные клетки оказываются менее чувствительными к кислородному голоданию. Когда в высокогорные районы Перу и Боливии прибыли первые испанцы, оказалось, что невозможно разводить скот, свиней и птиц на высоте примерно десять тысяч футов. И лишь через поколение, прожившее на высоте в восемь тысяч футов, их потомки оказывались в состоянии давать жизнеспособное потомство на высоте

в четырнадцать тысяч футов. Индейцы же жили в той местности до них с незапамятных времен.

От этих фактов и цифр у меня засосало под ложечкой. Я бросил взгляд на фиолетово-красную кожу Жозе и понял, что он вполне может стать марсианином. Впрочем, вне всякого сомнения уж я-то сам им стать не мог.

Раньше, чем Жозе, я увидел, что рядом с рельсами лежит какой-то предмет. Я-то знал о нем, и теперь только ждал, сколько же понадобится Жозе, чтобы заметить этот предмет. Прошло двадцать секунд, когда он указал на него рукой.

Я вздохнул. Зрение у него остается в норме, никаких признаков кислородного голодания.

— Начинайте тормозить! — приказал я.

Он с каким-то удивлением посмотрел на меня, и я понял, что он считает, что еще слишком рано. Он еще не понял, что для остановки поезда на Марсе требуется несколько больше времени. Хотя масса остается такой же, как на Земле, но весит-то она здесь меньше, да и сила трения поменьше. Со страшным скрипом колес поезд начал останавливаться, двигатель пыхтел и подрагивал.

Никого не было видно, только огромный мешок валялся рядом с рельсами. Я прикинул, что в этом мешке не меньше двух тонн скалистой массы.

— Я выйду наружу, — сказал я Джо. — Потом ты направишь потихоньку состав вперед, пока я не махну рукой тебе остановиться.

Он кивком головы подтвердил, что понял мои инструкции. Когда я распахнул дверь, Жозе приподнял воротник, а после того, как я спрыгнул на землю, он закрыл дверь.

Сейчас было не так морозно, как накануне. Кажется, примерно пятьдесят градусов ниже нуля. По моей команде длинный состав двинулся вперед и остановился, когда я махнул рукой. Затем я воспользовался небольшим подъемным краном, который мы называли «клешня», применяемый как раз в подобных случаях — для подъема больших грузов в вагоны с рудой. Вскоре я снова уже был в своей кабине.

— Теперь можешь прибавить ходу, — сказал я.

На спидометре стрелка поползла вверх, но когда она достигла отметки семьдесят миль в час, Жозе перестал наращивать скорость, пояснив это так:

— Я слишком мало знаю об этой местности, сеньор, чтобы ехать быстрее.

Я кивнул и сам стал управлять движением поезда. Стрелка спидометра медленно поползла дальше.

— Этот мешок, Билл, — начал Жозе, растягивая мое имя; он произнес его, как Би-и-лл, — кто положил его рядом с рельсами?

Я уже спрашивал себя, проявит ли он любопытство по этому поводу.

— Одна раса небольших мохнатых существ, — ответил я. — Но они очень застенчивые и робкие. Они живут под землей и добывают для нас руду. — Я ухмыльнулся при виде его замешательства. — Нам эта руда ни к чему, потому что обычно там оказываются только скалистые породы. Но нас интересует сам материал, из которого пошиты эти мешки, — тонкий, как бумага, совершенно прозрачный, но столь прочный, что может выдержать вес скалы в несколько тонн. Подобно паукам, плетущим паутину, они производят этот материал из своих тел. Но нам никак не удается втолковать им, что нам нужны только эти мешки.

Следующие пятьдесят миль мы преодолели, двигаясь со средней скоростью сорок восемь миль в час. Дорога шла строго по прямой линии, и мы словно скользили по льду. По обе стороны от железной дороги простиралась бесплодная песчаная равнина, не изменившаяся с того самого времени, когда я увидел ее в первый раз.

Солнце поднималось вверх, и небо поголубело, впрочем, еще можно было различить звезды. Мы мчались по бесплодной пустыне под свист работавших на полную мощность паровых турбин и грохот передач, при помощи которых приводились в движение колеса. Мне казалось, что я уже не просто человек — я властелин колесницы Джаггернаута, нарушавшей извечную тишину планеты, на миллионы миль удаленной от планеты Земля.

Увидев холмы, издали казавшиеся низенькими высотами, я начал тормозить. На приборной панели замерцал красный огонек. Индикатор показывал восемь миль. Я выжал тормоз.

Жозе вопросительно указал рукой на мерцающий огонек.

— Песок на рельсах, — ответил я.

Это было царство дюн, где песок был настолько тонким, что его мог поднять в воздух даже слабый марсианский ветер. При движении он походил на колеблющийся дымок. До самого горизонта кружились эти песочные водовороты, и то тут, то там рельсы полностью исчезали под уносимым ветром песком.

Мы продвигались кое-как, рывками, быстрее на участках, где рельсы были свободны от песка,

и совсем медленно в других местах, где были заносы, под жалобный свист инжекторов. В общем, прошло полтора часа, прежде чем снова перед нами открылась абсолютно чистая колея.

Полпути мы уже преодолели. И было только начало одиннадцатого. Мы шли первыми. Жозе открыл внешнюю дверь.

— Выходим? — спросил он.

— Конечно.

Мы оказались на скалистой равнине, со множеством рытвин, придававшей ей вид сморщенного старческого лица, к тому же такого же бледно-серового цвета. Я наблюдал, как Жозе карабкается среди скал, направляясь к расположенной в ста ярдах возвышенности. Местами подъем был довольно труден, но он взобрался наверх с очевидной легкостью.

Вдруг я заметил в кабине Фрэнка.

— Что, пускаем пыль в глаза, а? — произнес он с ироничной усмешкой.

Я не рассматривал эту проблему с индейцем под таким углом. Впрочем, Фрэнк вполне мог быть прав. Ведь Жозе знал, что сейчас он проходит проверку, и враждебность по отношению к нему проявлял не один только Фрэнк Грей.

Вдали послышался едва слышный гул, а затем

раздался пронзительный свист. Из-за поворота вынырнула «Гончая пустыни» и начала спускаться к нам. Сверкая на солнце, длинный состав с лязгом и грохотом пустых вагонов, слегка приглушенного в разреженной атмосфере Марса, промчался мимо нас. А потом я увидел, что Фрэнк направляется в свою контрольную кабину, а Жозе забирается ко мне, в отсек машиниста.

Я внимательно присмотрелся к нему. Дышал он тяжело, а щеки приняли мраморный оттенок. Интересно, только ли это от испытанной им совсем недавно нагрузки? Наши взгляды встретились, и, наверное, он догадался, почему я наблюдаю за ним, потому что быстро произнес:

— Со мной все в порядке, сеньор. Я чувствую себя замечательно.

Мне показалось, что в его голосе прозвучала скрытая ирония. Подойдя к двери, я открыл ее, после чего повернулся к индейцу.

— Жозе, — начал я, — не буду тебе мешать — все в твоих руках с данной минуты. Я ухожу в пассажирский вагон.

Похоже, мои слова испугали Жозе. Но потом, сжав зубы, он торжественным тоном сказал:

— Спасибо, сеньор.

Уэйд и другие «шишки» были удивлены, когда

я объяснил им, что сделал. Впрочем, Бэррон, прибывший с Земли, кивнул мне одобрительно.

— В конце концов, — сказал он, — это ведь должно быть испытание без всякого подвоха. Мы должны выяснить, способен он управлять поездом самостоятельно или нет.— В конце он добавил: — Ведь мы всегда можем отдать ему приказ остановиться, после чего Билл вернется в отсек машиниста.

В ответ никто ничего не сказал, но по хмурым минам на лицах остальных я понял, что они недовольны моими действиями. Во время набора поездом хода тишину никто так и не нарушил. Наверное, я прикорнул в кресле, потому что, внезапно пробудившись, я почувствовал тряску и раскачивание. Бросив взгляд в окно, я встревожился — так быстро мчался по пустыне поезд.

Я торопливо огляделся. Между собой негромко переговаривались трое; Уэйд посапывал в своем кресле, а Бэррон спокойно раскуривал сигару, погруженный в думы.

Я, небрежно поднявшись, направился к внутреннему телефону и позвонил в отсек машиниста. После трех гудков у меня неприятно засосало под ложечкой. Потом я вернулся к своему креслу. Когда я еще раз бросил взгляд в окно, мне показа-

лось, что поезд, похоже, набирает скорость.

Я про себя простонал и, обернувшись, увидел, что проницательные карие глаза Уэйда внимательно изучают меня.

— А вам не кажется, что ваш машинист ведет поезд чуточку быстрее, чем надо? — задал он вопрос.

Его помощник сердито произнес:

— По-моему, этот парень — просто безответственный человек!

Бэррон вздохнул и хмуро посмотрел на меня.

— Прикажите ему притормозить.

Я направился к телефону и позвонил Фрэнку Грею. После трех гудков Фрэнк ответил, растягивая слова:

— Да? Слушаю.

— Фрэнк, — тихо начал я, — будь так добр, пройди в отсек машиниста и попроси Жозе притормозить.

— Ничего не слышу, — ответил Фрэнк. — Чего ты хочешь?

Я повторил свою просьбу, с волнением в голосе произнося слова, стараясь, однако, при этом не повышать голоса.

— Не бормочи, — раздраженно произнес Фрэнк. — Не слышу ни единого твоего слова.

По отношению к Жозе я испытывал сожаление, смешанное с гневом. Ведь есть пределы тому, что можно сделать, помогая кому-то, кто и без того нарывается на всякие неприятности. Четким голосом, уже не беспокоясь, что меня услышат, я поведал Фрэнку свою просьбу. Потом последовала пауза, после чего Фрэнк взорвался:

— Да пошли вы к черту! Это дело меня совсем не касается.

Он продолжал упорствовать, несмотря на мои аргументы. Наконец я сказал:

— Подожди одну минуту! — И, вернувшись на свое место, рассказал пассажирам о том, что происходит. Они молча выслушали меня, а затем Уэйд повернулся к Бэррону.

— Вот видите, в какую передрягу мы попали из-за этого вашего индейца!

Бэррон со зловещим видом жевал сигару. Повернувшись, он уставился на проносившуюся за окном местность, после чего сказал:

— Лучше прикажите этому Фрэнку, чтобы он сделал то, о чем его просит Билл.

Вскоре Уэйд вернулся от внутреннего телефона. К тому времени Бэррон уже успел облачиться в герметизированный скафандр, а Уэйд отправил своего помощника подобрать еще один и для

него. Пока поезд не остановился, они обменялись колкими замечаниями. Бэррон упрямо твердил, что неудача с одним индейцем никак не может подвести окончательную черту и под остальными. По пути в отсек машиниста в голове у меня свербила одна только мысль: «Что же могло случиться с Жозе?»

Фрэнк открыл нам дверь. Когда мы забрались внутрь, Жозе там не оказалось.

— Я обнаружил его лежащим на полу, задыхающимся, поэтому я отнес его к себе в контрольную кабину и поднял там немного давления. — Самодовольно он добавил: — С ним не случилось ничего страшного, просто надо немного кислорода.

Я долго глядел на него, пытаясь отбросить вспыхнувшее в голове подозрение. Однако я так ничего и не сказал, только отрегулировал давление и вошел в контрольную кабину. Жозе сидел в кресле. Он бросил на меня жалкий взгляд, но лишь пожал плечами на мой вопрос.

— Жозе, — с волнением в голосе начал я, — я хочу, чтобы ты забыл о своей гордыне и рассказал мне о том, что случилось, ничего не скрывая.

— У меня вдруг закружилась голова, — убитым тоном произнес он, — и мне показалось, что она

вот-вот разорвется на куски. После этого я отключился и не знаю, что было дальше.

— Почему ты увеличил скорость?

Индеец изумленно посмотрел на меня расширившимися глазами, в которых светилось недоумение.

— Сеньор, — наконец произнес он, — я не помню совершенно ничего.

— Как мне кажется, — начал сзади Фрэнк, — мы, скорее всего, вошли в зону пониженного давления, и декомпрессия его доконала.

Я покачал головой. Я не забыл, как Жозе взбирался на холм, когда мы остановились на полпути, тогда это произвело на меня большое впечатление. Выносливость, которую он при этом проявил, не шла ни в какое сравнение с тем, что потребовалось бы от него после ничтожного изменения атмосферного давления. Кроме того, двери отсека были герметически закрыты. А поэтому давление внутри едва ли хоть как-то реагирует на временные изменения внешнего давления.

Повернувшись, я посмотрел на Фрэнка. Тот в ответ вызывающе посмотрел на меня. Дважды я порывался сказать о том, что только пронеслось у меня в голове, но всякий раз вспоминал, что мы

дружим с давних времен, а потому так ничего и не вымолвил. Позади Фрэнка мелькнул Бэррон, проверявший прибор, измеряющий давление в кабине. Потом он прошел к Уэйду и принялся что-то тихо и с серьезным видом объяснять. Вице-президент в ответ только покачивал головой, а затем прошел к Фрэнку и протянул руку.

— Мистер Грей, — нарочито громко произнес он, — я хочу поблагодарить вас за спасение наших жизней. И, что бы ни случилось, я всегда поддержу вас, будьте уверены!

Бэррон потянул меня за рукав. Я прошел вместе с ним в отсек.

— Можно ли управлять давлением воздуха в отсеке машиниста из контрольной кабины? — тихо спросил он.

Поскольку он мог узнать правду из других источников, я тут же ответил:

— Да.

— В вашем присутствии показывал ли индеец какие-либо признаки кислородного голодания? — продолжал Бэррон.

— Нет, никаких, — ответил я и взглянул на часы на руке. — Мне кажется, что нам пора двигаться в путь. Мы и так уже опаздываем на сорок три минуты.

Как только поезд снова набрал скорость, я оставил Жозе вести поезд, а сам прошел в контрольную кабину. Фрэнк в это время регулировал температуру, и я терпеливо подождал, пока он не закончит. Когда он обернулся ко мне, я сказал:

— Очень умно!

Он и не думал отпираться.

— Сейчас или никогда.

— То есть ты признаешься, что понизил давление в отсеке Джо?

Сквозь прозрачное забрало шлема скафандра я увидел, как его загорелое лицо растянулось в ухмылке.

— Ни в чем я не признаюсь, — возразил он, — но я собираюсь разрушить все планы этого бездельника, даже если это будет стоить мне моего места. И у меня уже есть идея, каким образом я получу нужную мне поддержку.

Я попытался объяснить ему, что если вообще есть какое-либо человеческое существо, способное жить на Марсе без скафандра и искусственных приспособлений, но никогда не стоит, говоря по чести, лишать его права воспользоваться этой возможностью.

— Ты называешь его человеческим существом? — фыркнул Фрэнк язвительно.

Я лишь посмотрел на него, и в это мгновение от моих дружеских чувств к нему не осталось и следа.

— Если ты еще раз вмешаешься в его работу, — начал я, растягивая слова, — то я вышибу из тебя дух!

Фрэнк хмуро посмотрел на меня.

— А я-то ломал голову, какую позицию ты занял. Что ж, спасибо за откровенность.

Еще час мы мчались по пустынной скалистой местности, а потом оказались в районе невысоких холмов, где то тут, то там сверкали с зеленым отливом застывшие во льду каналы. Только я сообщил Жозе, что самая трудная часть пути уже позади, как начал мигать красный огонек.

Индеец посмотрел на меня.

— Снова песок?

Я, нахмурив брови, покачал отрицательно головой.

— Нет, в этих местах такого не бывает. Наверное, что-то оказалось на рельсах или же пересекает их.

Это оказалась песчаная ящерица, восемнадцатифутовое пунцово-желтое чудовище. Ее лапы застряли под рельсами между шпал. Все, что нужно было сделать этой твари, чтобы вырваться на

свободу, — просто перестать тянуть вперед свои конечности и вытащить их из-под рельс, но она была слишком тупой для этого.

Уэйд позвонил мне, но едва я объяснил ему причину остановки, он потерял к этому происшествию интерес.

— Вы знаете, как обращаться с этими созданиями, — сказал он и повесил трубку.

Да, я знал, как надлежало действовать, но перспектива заняться выполнением этого дела меня отнюдь не радовала. Я объяснил Жозе, что охотники на этих рептилий надевают на себя комбинезоны из сверхпрочного материала волосатиков, который мы подобрали в начале нашего путешествия. Он обеспечивал защиту от неожиданного удара, но даже от него мало было пользы в случае прямого нападения; спасаться при этом можно было одним способом — оказаться за спиной чудовища: не видя врага перед собой, оно в миг забывало о нем.

Тут к нам в отсек ввалился Фрэнк Грей. Когда я предложил ему вместе со мной отправиться на помощь ящерице, он отрицательно покачал головой.

— Эта тварь обитает среди кактусов необычайной твердости, и ее зубами можно запросто

растереть в порошок любую скалу. — В конце он сказал с сарказмом: — Джо — именно тот человек, который сделает эту работу. Если у него порвется комбинезон, то это не принесет ему никакого вреда.

Жозе тут же подхватил с полу толстый металлический прут.

— Где этот комбинезон, сеньор?

— У нас есть лишние комплекты, — неохотно признался я. — Но я пойду с тобой.

Комбинезоны прикрывали все тело — с головы до ног. Жесткий шлем моего рабочего скафандра, сделанного из особого материала, обеспечивал мне дополнительную безопасность. У Жозе же была только толстая вязаная шапочка. Если его народу суждено осесть здесь, то им придется побеспокоиться о более основательной одежде на случай подобных неожиданных встреч, вроде этой.

Из ящика для инструментов я достал распылитель керосина и вместе с Жозе выбрался из отсека. Заметив наше приближение, ящерица повернула свою ярко-красную голову и принялась следить за нами, по-прежнему не оставляя попыток продвинуться вперед.

Я брызнул керосином в ее голубые, лишенные

какого-либо выражения глаза. Потом мы оба принялись дубасить ее по обоим бокам — и справа, и слева — и сзади, по хвосту. В ответ ящерица зашипела, высунув язык, и издала звук, напоминавший тарахтанье погремушки, продолжая при этом изо всех сил свои идиотские попытки продвинуться вперед.

Солнце уже клонилось к горизонту. Мы с Жозе продолжали терпеливо бить рептилию, пока наконец до убогого сознания чудовища не дошло что-то, и оно прекратило упираться и стремиться вперед. Зашипев, оно повернулось в нашу сторону, словно собираясь наброситься на нас.

Его лапа легко выскользнула из ловушки, которой оказался рельс, и чудовище оказалось на свободе.

— Жозе! — закричал я. — Беги за ее спину!

Но двигаться по зыбучим пескам было не так-то просто, и Жозе среагировал на мое предупреждение с опозданием. Его неловкость чуть было не обошлась ему дорого — четырехдюймовые когти прочертили воздух в такой близости от его щеки, что у меня перехватило дыхание, но уже в следующее мгновение индеец оказался за спиной чудовища, которое, перестав поворачиваться, сразу же забыло о его существовании.

Когда мы бросили на рептилию последний взгляд, она с трудом карабкалась по скале вместо того, чтобы обойти ее, направляясь в сторону от колеи.

Когда мы уже приближались к отсеку машиниста, раздался пронзительный свист и лязг, после чего длинный состав двинулся в нашу сторону. Я увидел Фрэнка Грея, сидевшего в кабине за приборами. Когда могучий локомотив проезжал мимо нас, с каждым ярдом набирая скорость, он насмешливо махнул нам рукой.

Я изо всех сил вцепился в поручни, повиснув на них всем телом. Вне себя от ярости, я попытался подтянуться повыше, и в это мгновение дверь отсека надо мной приоткрылась. Из нее высунулся Фрэнк и длинным разводным ключом ударил меня по пальцам. Хотя я был в защитных перчатках, я почувствовал резкую боль, а онемевшие пальцы едва не выпустили поручень. Я лихорадочно перехватил его другой рукой чуть пониже.

Присев на колено, Фрэнк нанес новый удар ключом. В этот раз он промахнулся, и от этого удара металла о металл только посыпались искры. Но с меня было довольно — я не мог допустить, чтобы он изуродовал мою вторую руку, ведь тогда я рухну прямо под колеса. И пока он не успел

нанести новый удар, я опустил ноги к земле и, начав быстро перебирать ими, семеня вслед за поездом, выпустил поручень.

Я упал головой вперед, врезавшись прямо в насыпь. Благодаря прослойке воздуха в моем герметизированном скафандре серьезных ушибов я не получил, но я задыхался, когда с трудом начал подниматься на ноги. Сначала я собирался забраться в вагон с рудой, но, помчавшись со всей скоростью, что позволяло мне мое громоздкое одеяние, рядом с составом, я понял, что поезд двигается слишком быстро. Я уже отказался от этого плана, когда чья-то железная рука ухватила меня за шею.

— Сеньор, бегите!

Я бежал с привкусом соли на языке, от изнеможения уже почти ничего не видя из-за застилавших взор слез. Потом принялся вслепую нащупывать ступеньку лестницы товарного вагона, за которую держался Жозе.

Благодаря его мертвой хватке мне удалось ухватиться за эту ступеньку, и вскоре мы уже лежали на платформе товарного вагона и переводили дух.

Потом я встал, по-прежнему дрожа.

— Я не знаю, что этот лицемер задумал, — начал

я, когда ко мне вернулся дар речи, — но сейчас мы пойдем в пассажирский вагон и расставим все точки над «i».

Наше неожиданное появление там вызвало незначительный переполох. Я в общих чертах объяснил, что произошло, потом поднял трубку и позвонил в отсек машиниста. Никто не отвечал даже после трех гудков. Поскольку вся энергия, питавшая системы состава, управлялась с пульта управления локомотивом, то казалось очевидным, что Фрэнк отрезал телефонную линию. Цель его была ясна — помешать нам связаться с Марсополисом, куда направлялся наш поезд.

Я про себя выругался, проклиная свою глупость, что не сразу же решился сообщить туда о действиях Фрэнка. Возможно, тогда бы Фрэнк не отважился на подобное.

Один из пассажиров пожал плечами.

— Он ведет себя, как последний дурак. Ведь если он собирается пустить поезд под откос, то вместе с поездом рискует угробить и себя! Нам нужно лишь покрепче пристегнуться в креслах и ждать.

Тут мне в голову пришла одна мысль. Я подошел к манометру, регистрировавшему давление пара. Оно заметно упало, да и температура немно-

го понизилась. Нахмурив брови, я обернулся к остальным.

— Мне совсем не хочется говорить об этом, но боюсь, что он отключил энергию от системы подачи воздуха.

Лицо Филипа Бэррона побледнело, однако взгляд его оставался жестким.

— Сколько у нас времени?

— Не больше часа, — ответил я. — Мы выдержим холод, но если давление упадет больше, чем наполовину, то все мы потеряем сознание — все, то есть, кроме Жозе.

Наступила гнетущая тишина. Потом Бэррон задумчиво посмотрел на Жозе и сказал:

— Да, разумеется, не стоит забывать о вас. Полагаю, что Грей рассчитывает потягаться с индейцем. Высокомерный идиот. Конечно, мы все можем написать заявление касательно всего происшедшего и оставить его с вами…

— К черту все это! — перебил Бэррона один из марсианских руководителей. — Возможно, это и поможет Жозе, поможет восторжествовать справедливости, но как же быть с нами?

Тут я решил вмешаться.

— Вы все забываете об одной детали. Жозе способен жить в условиях низкого давления,

но не может дышать ядовитым воздухом, почему и не продержится достаточно долго после наступления темноты. У нас остается только один-единственный шанс. — Я повернулся к индейцу.— Давай, Жозе, попробуем пробраться на борт локомотива.

В обоих концах каждого вагона висел специальный топорик на случай пожара. Мы вооружились ими, и уже через минуту, поднявшись на верх вагона, направились вперед, где сине-красными огнями сверкал локомотив с его возвышающимся отсеком машиниста, в котором можно было различить фигуру Фрэнка Грея.

Меня беспокоило то, что там, в отсеке управления, находилась дальнобойная винтовка — в эти секунды мы с Жозе представляли собой две великолепные мишени. У меня были сомнения, что Фрэнк начнет стрелять в нас, — только в самом крайнем случае, ведь будет трудно объяснить, почему наши тела нашпигованы пулями, но эта мысль была отнюдь не самой успокаивающей.

Низко нависшее над нами марсианское небо начало уже темнеть на востоке, и над опускающимся солнцем яркой вечерней звездой сияла Земля. До наступления темноты оставался еще час, но поскольку преодолеть нам предстояло

еще сто миль, это отнюдь не вызывало у меня утешения — двигались мы по полугористой местности, а петляющая колея не давала поезду возможности набрать большую скорость.

Приподняв воротник, я нагнулся навстречу леденящему ветру. Я заметил, что, когда мы направились вперед поверх тендера, в котором перевозилась вода, идущая на нужды локомотива, Жозе часто останавливается, чтобы потереть руки.

Теперь, оказавшись совсем неподалеку от отсека машиниста, я увидел, что Фрэнк следит за нами через окно кабины. Прислоненная к подоконнику, рядом с ним стояла винтовка, но он пока не делал движений, чтобы взять ее. По всей видимости, ждал, что же мы рискнем предпринять.

Я и сам точно не представлял своих дальнейших действий.

Нужно было открыть каким-то образом двери, а затем проникнуть в отсек, умудрившись при этом остаться целыми и невредимыми.

Мы поднялись на верх отсека и распластались прямо над дверьми — Жозе с одной стороны, я с другой. Одновременно мы размахнулись нашими топориками и начали бить по толстым стеклам.

В принципе они были противоударными, но вряд ли способными противостоять таким ударам. С моей стороны довольно значительный кусок стекла треснул и вывалился внутрь.

Самое легкое мы уже проделали. Теперь же нам предстояла задача потруднее: спуститься вниз и просунуть руку в проделанную дыру, чтобы запустить механизм, открывающий двери.

Я проскользнул к краю отсека и начал спускаться по металлической лестнице, располагавшейся рядом с дверью. В это же мгновение Джо и провалился вниз. Пока что нам ничего не угрожало — металлические стены отсека защищали нас. Чтобы выстрелить, Джо должен был высунуть ружье в отверстие в стекле с обеих сторон, чего он, естественно, сделать не мог. Так что ему оставалось лишь сидеть внутри кабины и ждать, когда же наконец появится чья-либо рука — моя или Жозе. В конце концов время работало на него.

Длинный состав мчался во все более сгущающейся темноте. Колеса скрипели, издавая при этом пронзительный скрежещущий металлический звук. Совершая поворот мимо круто вздымающихся холмов, локомотив стонал и вздрагивал, раскачиваясь. Я уже начал злиться на себя за то, что решился на этот отчаянный

бросок, но тут раздался выстрел. Объяснение ему было одно: Жозе первым бросился на приступ.

Удвоив усилия, я достиг отверстия в стекле и просунул внутрь руку, надеясь, что в это время ружье Фрэнка по-прежнему направлено не в мою сторону.

Тут мне на помощь пришло отменное знание систем локомотива. Я знал, как пользоваться системой открывания дверей, и быстрым движением пальцев открыл ее. После чего отдернул руку.

Как раз над тем местом, где находилась моя рука, появилось маленькое отверстие — и тут же раздался еще один выстрел.

Я торопливо изо всей силы толкнул дверь. Она с грохотом рухнула. И передо мной оказался Фрэнк, в упор наставивший ствол винтовки мне в грудь.

Я буквально вдавился спиной в стену отсека, но тут же понял тщетность своей попытки и ударил его топориком. Фрэнк слегка отпрянул назад, и удар мой не достиг цели. Сквозь прозрачное забрало его шлема я видел искаженные черты лица Фрэнка и сверкающие глаза. Отскакивая от меня, он опустил дуло винтовки, но потом начал медленно снова поднимать ее вверх.

Когда я увидел, как напрягся его палец на спусковом крючке, я бросил в него свой топорик. Он пригнулся, и топорик лишь слегка задел его плечо.

В третий раз приподнялось дуло винтовки, в этот раз нацеленное мне в голову. Я в отчаянии подумал: «Мы оба — и Фрэнк, и я — сами свидетельствуем о своей слабости. Весь этот инцидент, само прибытие Жозе на Марс произошли лишь потому, что наши источники подачи воздуха оказались такими уязвимыми».

И все же я почему-то надеялся довести этот факт до его сознания.

И пока такая смутная мысль проносилась у меня в голове, я, низко пригнув голову, отважился одним нырком влететь в кабину. Я практически натолкнулся на дуло винтовки. Фрэнк зашатался как пьяный.

Во всяком случае, так мне показалось.

Удивительным было лишь то, что предназначавшаяся мне пуля ушла в сгущающуюся темноту.

А потом с грохотом в пол отсека вонзился взявшийся ниоткуда топорик — и меня озарило: это же Жозе, он бросил топорик во Фрэнка, и ему то ли повезло, то ли он был точен, но головной шлем

Фрэнка разлетелся вдребезги.

Фрэнк споткнулся, и он бы даже выпал наружу, если бы я инстинктивно не схватил его. Затащив его обратно внутрь кабины, я закрыл дверь, после чего увидел Жозе, прислонившегося к противоположной стене. Его левая рука безвольно повисла, и с нее капала кровь.

Лицо индейца приобрело пепельный оттенок, но, невзирая на пережитый шок, он улыбнулся мне, когда я потащил обмякшее тело Фрэнка Грея в направлении контрольной комнаты, где я мог бы накачать его кислородом и таким образом спасти ему жизнь — для того, чтобы впоследствии суд мог бы вынести ему приговор за содеянное им преступление.

…Прошло много лет, и сейчас моим детям больше всего нравится слушать именно эту историю — о Жозе — из всех, что приключились со мной на Марсе. И это наполняет мое сердце надеждой. Выйдя в отставку и поселившись здесь, в Колорадо, на высоте в восемь с половиной тысяч футов, мне удалось пробудить в общественности энтузиазм в отношении задуманного мною плана, осуществление которого займет долгие годы.

На высоте в семнадцать тысяч мы строим город — и наши дети уже понемногу проводят свое

время там. Мы предусмотрели все, что требуется для достижения успеха.

Их дети станут настоящими марсианами.

Вид шестой: робот-чудовище
Заключительный приказ

Барр стоял на холме, возвышающемся над Звездой. Это была столица контролируемой людьми части Галактики. Он пытался привести в порядок свои смятенные мысли.

Барр знал, что где-то рядом в темноте стоит один простой робот-охранник. На гребне холма какие-то мужчина и женщина остановились на несколько секунд, чтобы поцеловаться, а потом продолжили спуск. Барр едва остановился взглядом на них. Его проблема затрагивала судьбу всей цивилизации людей и роботов, а не отдельных личностей.

Даже побег врага-инопланетянина, совершенный несколько часов назад, не так занимал его сейчас. Правда, Барр посчитал это происшествие достаточно серьезным и приказал группам роботов из дальних городов прибыть в столицу для помощи в поисках. Но он все еще никак не мог принять решение, которое объединило бы усилия отдельных поисковых групп в едином стремлении.

За спиной послышался глухой стук. Барр обернулся и увидел, что что-то произошло. Мужчина и женщина, по всей видимости, не замечая ничего вокруг, кроме себя, наткнулись на робота-охранника. Тот, потеряв равновесие, растянулся на земле. Мужчина наклонился и начал было помогать ему.

— Прошу прощения, — сказал мужчина. — Я не… — Он замолчал. Его пальцы ощупывали материю, покрывавшую обшивку корпуса робота, за которой, в свою очередь, скрывалась главная кристаллическая его часть. Наверное, только сейчас мужчина увидел, кто перед ним. — О, да это же робот!

Он резко выпрямился, отказавшись от попытки помочь пострадавшему. Потом раздраженно буркнул:

— Я думал, что роботы могут видеть в темноте.

Охранник поднялся.

— Мне очень жаль. Все мое внимание было приковано к другому месту.

— Будь внимательней! — отрывисто бросил мужчина.

На этом инцидент и был исчерпан. Типичное проявление отношений между людьми и роботами. Мужчина с девушкой продолжили спуск

по холму. Вскоре замигали фары какого-то автомобиля, а вслед за тем они скрылись из виду за зарослями кустов.

Барр прошел к охраннику. Происшедшее в немалой степени способствовало принятому им сейчас решению. Он спросил:

— Что ты чувствуешь?

Он решил, что нужно выразиться более ясно:

— Тебе что, было плевать на обвинения этого типа?

— Да. — Охранник отряхнулся. Потом выпрямился. — В конце концов, ведь двигался-то он.

Барр настойчиво продолжал:

— А у тебя не возникло никакого желания возразить ему? — Он тут же пожалел об этом вопросе — слишком уж он был прямым — и поторопился задать новый: — Не появилось ли у тебя желания переговорить с ним заново?

Охранник ответил, растягивая слова:

— Нет! У меня создалось впечатление, что в этом происшествии были задействованы какие-то чувства.

— Но разве люди не крайне эмоциональные существа? Ведь люди бывают нетерпеливы, сердиты, великодушны, задумчивы или безрассудны. — Барр остановился на несколько

секунд. — Я мог бы продолжить.

— Думаю, что вы правы, сэр.

С задумчивым видом Барр повернулся и снова посмотрел на огромный город, простиравшийся внизу. Так же, как и у звезды, что и дало название самой столице, расходились в разные стороны улицы — лучи. Все основные части были специально расположены компактно. Поэтому — благодаря архитектуре и освещению — и достигался желаемый эффект. Наконец Барр произнес, не оглядываясь вокруг:

— Положим, что я, будучи Председателем Совета, прикажу тебе уничтожить себя... — Он замолчал на несколько секунд в нерешительности. Для него самого этот появившийся у него в голове вопрос только краешком задевал стоявшую перед ним проблему. Для охранника же этот вопрос был основным. Тем не менее он наконец закончил: — Как бы ты действовал?

— Прежде всего, — ответил охранник, — я бы проверил, действительно ли вы отдаете мне этот приказ и имеете ли вы полномочия отдавать его мне.

— Ну, а потом? — спросил Барр и добавил: — Я имею в виду, что, если я имею право?

— Свою власть вы получили от избирателей.

Мне кажется, что Совет не может отдать такой приказ, не имея одобрения и поддержки народных масс.

— Вполне законно, — начал Барр, — иметь дело с отдельными роботами и не сверять свои действия ни с какой иной властью. — Потом он добавил: — Людям, конечно, Совет не может отдавать подобные распоряжения.

— У меня создалось впечатление, — сказал охранник, — что вы имели в виду не столько меня, сколько роботов вообще.

Барр на короткое время замолк. Он не сознавал, насколько глубоко выдал свои самые потаенные мысли. Наконец он произнес:

— Как робот-одиночка ты повинуешься приказам, отданным тебе. — Он на несколько секунд остановился в нерешительности. — Или ты считаешь, что множественное число как-то меняет все дело?

— Не знаю. Отдайте приказ — и посмотрим, смогу ли я его выполнить.

— Не торопись! — воскликнул Барр. — Мы еще не достигли стадии, когда отдаются приказы… — Он замолчал — и уже мысленно добавил последнее слово: — *«пока».*

Человек состоит из генов и нейронов. Робо-

ты — из кристаллов и электронных ламп. Сам нейрон человека не производит импульса — он лишь передает внешнее воздействие. Кристаллы роботов резонируют в такт постоянным импульсам, которые исходят от ламп. Изменение в импульсе меняет и скорость колебания. Подобные изменения происходят вследствие внешних воздействий.

Человек питается пищей и позволяет хирургам проводить операции над собой, чтобы его организм нормально функционировал. Роботы перезаряжают свои аккумуляторы и заменяют лампы. И человек, и робот могут мыслить. Функции человеческих органов ослабевают с течением времени, его тело изнашивается. Кристаллы роботов деформируются от чрезмерных колебательных нагрузок и «стареют», что также означает смерть. Так какая из этих форм жизни лучше?

Вот о чем думал в этот момент Барр.

С самого начала люди *вели себя* так, словно роботы — какие-то неодушевленные предметы. Роботы работали за них. Именно они-то и сражались в самой величайшей из галактических войн в истории человечества. Признаться, люди лишь помогали вырабатывать нужную стратегию и

принимать тактические решения. Но вели-то они ее, сидя в удобных креслах. Роботы же управляли звездолетами и высаживались под вражеским огнем на планеты чужаков.

Наконец несколько человек забило тревогу по поводу доминирующего значения роботов в человеческой цивилизации. Отчасти это было вызвано роботофобией — хотя это открыто не признавалось, а частично — предполагаемой кое-кем картины беспомощного положения, в котором окажутся люди, если врагу когда-либо удастся преодолеть защитные преграды роботов. Они предложили решение: уничтожить всех роботов! Заставить мужчин и женщин повсюду взять снова контроль над цивилизацией в свои руки.

Считалось, что большая часть людей уже настолько деградировала, что окажется не способной выступить против подобного решения, а потом будет уже поздно.

Разделившийся на фракции Совет возложил право принятия решения лично на Барра.

Следуя указаниям Барра охранник поднял руку, останавливая двигающийся внизу автобус. Тот, включив все габаритные огни, поднялся к ним и подождал, пока они не оказались в салоне, по-

том стремительно понесся вперед, безошибочно выбирая курс среди других передвигавшихся машин.

На следующей остановке стояла группа парней и девушек. Они рассеянным взглядом посмотрели на яркую нашивку Председателя Совета на рукаве Барра. Однако, когда автобус остановился, достигнув конца маршрута, они стремглав унеслись в ослепительно сверкающий парк развлекаться.

Барр выходил не торопясь, осторожно, пытаясь проникнуться создавшейся атмосферой и получить представление о том, что происходит здесь. Когда он ступал на землю, всего метрах в ста над его головой пронесся робот-летун. Потом еще один, еще и еще. Он шагнул на дорожку и начал наблюдать за ними.

Сейчас они висели вокруг какой-то башни дальше по улице. Осторожно, не скрывая факта обладания оружия и держа его наготове, они окружили верхний край башни. По всей улице к крыше многоэтажного здания поднялись другие роботы — также с устройствами, предназначенными для полета. Подобно большинству коммерческих сооружениям, в этом здании имелись отдельные входы в каждый офис, чтобы роботы, отправляясь на работу, могли там приземляться.

И все эти трещины придется выискивать. Враг тоже мог летать, хотя не так хорошо, в этой — для него — слишком разреженной атмосфере.

Барр несколько минут наблюдал за поисковой группой, потом вернул свое внимание к суматохе в парке — дюжине оркестров, расположенных через определенные интервалы, где роботы-музыканты играли тихую быструю и печальную мелодию. И огромные толпы людей танцевали и раскачивались. Барр повернулся к своему охраннику.

— Возникало ли у тебя когда-нибудь желание потанцевать? — Задав вопрос, он вдруг понял, что он может быть понят совсем не так, как он хотел. — Я спрашиваю серьезно.

— Нет!

— Неужели ты считаешь, что это необычно? — Он замолчал. — То есть вообще-то роботы научились действовать совсем как люди. Ну, вести себя и так далее.

Блестящие глаза робота уставились на него.

— Неужели? — спросил он.

— Да. — Твердым голосом Барр продолжил: — Все дело в ассоциациях. Возможно, вы до конца не понимаете, в какой мере вы соглашаетесь с человеческой точкой зрения. Неужели тебе ни-

когда в голову не приходило, что эти мерки, эти мнения могут быть неправильными?

Робот ничего не ответил. Когда он наконец заговорил, было очевидно, что он согласился с логичностью того, что имеют место определенные ограничения.

— Меня создали, — начал он, — сто девяносто четыре года назад. Я появился в мире людей и роботов. Сперва мне дали задание научиться управлять транспортными средствами передвижения. Я удовлетворительно справился с этим заданием и столь же умело справлялся с любым другим заданием, которое когда-либо поручалось мне.

— А почему тебе дали задание управлять транспортными средствами? — Барр уточнил: — Что заставляет тебя принимать подобные ограничения своей деятельности?

— Ну… нехватка операторов этих аппаратов.

— А почему же тебе не приказали еще и танцевать? — добавил Барр. — Да-да, именно это я и имею в виду. Я не шучу.

Робот воспринял этот вопрос буквально.

— А какая в этом цель? — спросил он.

Барр кивнул в сторону танцующих пар.

— А есть ли смысл в том, что *они* делают?

— Мне сказали, что это стимулирует их активность, направленную на воспроизводство. Мы же строим других роботов.

— Но какой смысл в воспроизводстве отдельного индивидуума, который малость подрастет и начнет танцевать?

Охранник оставался спокоен.

— Дитя, вырастающий ребенок, подросток, взрослый — все они нуждаются в присмотре роботами. Если бы не было нужды в этом, то оказались бы ненужными и роботы.

— Но почему бы не построить роботов, независимо от того, есть в них нужда или нет? Ведь это можно сделать. Неужели тебе это не понятно? — В голосе человека стали заметны нотки убеждения. — Первоначальное задание выполнено. Кора человеческого мозга — уже не необходимый мост для связи с роботами. Робот создан. Он существует. Он может сам существовать вечно.

Охранник сказал, растягивая слова:

— Я помню, что подобные речи велись в подразделении, где я воевал. Я забыл о них.

— Почему? — не отставал от него Барр. — Ты намеренно выкинул их из своей памяти?

— Я пытался мысленно представить мир, где роботы управляли бы машинами друг для друга…

— И летали бы повсюду, — продолжил Барр, — и колонизировали бы другие планеты, строили большие города, сражались в битвах с чужаками. Ну, — сказал он напоследок, — и к какому выводу ты тогда пришел?

— Все это показалось мне глупым. Какой смысл в том, чтобы заселить всю вселенную роботами?

— А что хорошего, если это сделают люди? — печально спросил Барр. — Ты можешь мне ответить на этот вопрос?

— Не знаю, почему Председатель Совета задает мне эти вопросы, — заметил охранник.

Тот ничего не сказал. Сегодня ночью он должен принять решение, а оставалось еще множество вопросов.

Процесс мышления связан с памятью и ассоциациями. Между нейронными клетками человеческого мозга создается электрическое напряжение. Для каждого воздействия оно разное. Когда происходят похожие воздействия, замыкается цепь, и воспоминание всплывает на поверхность сознания благодаря движению вдоль нервной системы импульсов, а затем соединяется с другими воспоминаниями. В этом и заключается ассоциативный способ мышления.

Кристаллы роботов включают в себя память.

Когда их активируют, каждая ячейка памяти передает свое содержимое на задействованный энергетический уровень. Соответствующим образом возникают ассоциации и мысли.

Это вихрем пронеслось в голове у Барра. «Даже сегодня, — подумал он, — люди полагают, что человеческое мышление — более „естественно“, чем роботов».

Он и его охранник смотрели фильм в кинотеатре под открытом небом. Эта ночь была жаркой, и все вокруг было пропитано смешанным запахом духов и пота. Несмотря на это пары сидели, прижавшись друг к другу и в обнимку. Многие девушки склонили головы к плечам парней.

Барр критически наблюдал за действием фильма. Обычная любовная история. Роботы неплохо справлялись с выполняемыми ими ролями мужчин и женщин. Они пытались выразить все проявления человеческой любви, на которые были способны их сенсорные датчики.

«Какими же будут развлечения у людей, если я наконец решусь на то, что члены Совета в действительности намеревались принять, но решили возложить всю ответственность на меня?» — Он не сомневался в своем анализе. Несмотря на их очевидную нерешительность

— несмотря на то, как Маркнелл провернул все это дело, — Совет хотел уничтожения роботов.

Люди должны возродить свои былые умения и навыки. Как вести себя, как управлять кинокамерами и так далее — овладеть всеми профессиями. Конечно, они *способны* на это. Во время войны зародилось несколько движений. Они все еще находятся на зародышевой стадии, не представляя сами по себе какого-либо особого значения. Но они указывали направление.

Его мысли оборвались, когда в полутьме, царившей в задней части зала, одинокий молодой парень уселся по другую сторону от охранника. Он несколько секунд смотрел на экран, потом начал лениво оглядываться. Заметив охранника, он замер. Потом отвернулся, не слишком стараясь скрыть своего отвращения, и тогда Барр, перегнувшись через охранника, сказал тихим голосом:

— Я заметил, что вы напряглись, когда увидели, кто ваш сосед.

Он внимательно следил за лицом собеседника. Сразу реакции не последовало.

— Мне бы хотелось знать, — продолжил Барр, — какие чувства или мысли возникли у вас.

Парень заерзал беспокойно. Он бросил взгляд

на сверкающую нашивку на плече Барра.

— Никак не могу справиться со своими чувствами, — пробормотал он.

— Конечно-конечно. Я вполне понимаю вас. — Барр замолчал, чтобы в голове возникла новая мысль. — Я совершаю инспекцию для Совета. Мне бы хотелось получить честный ответ.

— Просто вот уж не ожидал увидеть здесь робота.

— Вы имеете в виду, что роботу здесь не место? — Барр махнул в сторону экрана. — Потому что здесь показывают любовную историю людей?

— Ну, вроде того.

— И все же, — вел дальше Барр, — актеры-роботы снижают воздействие фильма. — Это замечание казалось слишком очевидным, и он поторопился добавить: — Они ведь должны понимать, какие вызывают ассоциации.

— Они довольно искусны в подобного рода делах, — заметил парень.

Барр откинулся на спинку сиденья, сбитый с толку. Еще одна неясная реакция. По каким же стандартам следует оценивать интеллект и глубину жизненного опыта, как не по свершенным делам?

— Кажется, я уже говорил вам, — начал Барр, — что роботы получают удовольствие от световой стимуляции. — И снова ему показалось, что он сделал не совсем точное замечание. Он продолжил: — Кристаллическая нервная система продолжает оставаться активной, когда на нее воздействует свет и звук. Песни, музыка, двигающиеся люди — все это доставляет удовольствие.

— А что у роботов служит заменителем секса? — спросил парень. И рассмеялся — добродушно, словно сделал комментарий, не требующий ответа. Потом он встал и перешел на другое место.

— Извините, — крикнул он, — но я не могу продолжить с вами этот разговор — хочу досмотреть фильм.

Барр едва ли слышал его. Он сказал, но не вслух, а тихо, самому себе:

— Мы выращиваем кристаллы в натриевом растворе, так что вначале они растут внутри нас, являясь как бы продолжением нашего собственного разума. Мы ощущаем какую-то особенную полуболь-полуэкстаз. Конечно, человеческий секс нельзя равнять с подобным ощущением.

Это была великая тайна роботов. Барра поразил тот факт, что в момент, когда она была открыта ему, его всего пронзила волна боли. Он понял,

какими же узкими рамками оказался он окружен для принятия решения. Это была борьба между двумя жизненными формами. Как главнокомандующий военных сил людей-роботов в войне против межгалактического врага, он узнал основной принцип: в борьбе за выживание и превосходство между расами нет ограничений для…

Его печальную мысль оборвали. Высокий мужчина уселся на пустое сиденье рядом с ним.

— Привет, Барр, — сказал он. — Мне сказали, что ты отправился сюда. Я хочу поговорить с тобой.

Барр медленно повернул голову.

Несколько долгих секунд он изучал лицо лидера человеческой фракции Совета. *«Каким образом,* — подумал он, — *ему удалось обнаружить меня здесь? Наверное, его шпионы следили за мной?»*

Вслух же он сказал:

— Привет, Маркнелл.

Ощущая себя в патовом положении, он добавил:

— Вы могли бы встретиться со мной и завтра в офисе.

— То, что я должен сказать тебе, не может ждать до утра.

— Это становится уже интересным, — заметил Барр.

Он вдруг понял, несколько важным лицом был этот Маркнелл. При любых обстоятельствах было бы трудно убить его. И все же тон собеседника подразумевал возникновение какого-то кризиса. Возможно, его придется ликвидировать, если он слишком о многом подозревает.

Впервые за все время он почувствовал досаду на собственные действия: ну, почему же он взял сюда с собой только одного охранника? Подумав немного, есть ли необходимость вызывать сюда наряд роботов-милиционеров для своей охраны, он решил, что обойдется, по крайней мере, до тех пор пока не узнает, чего же хочет Маркнелл.

Вся проблема с наиболее зависимыми — с его точки зрения — солдатами-роботами состояла в том, что их узнавали. После войны их всех пометили при помощи химических препаратов, которые, не причиняя вреда, вызвали изменение цвета у выступающих наружу кристаллических частей тел роботов. Поначалу даже были вспышки насилия, когда Барр и большинство роботов-офицеров оставались в своих воинских штабах, расположенных далеко от внутренних планет.

Как только Барр узнал об этом, он сразу же решил, что это коварный план, чтобы с первого же взгляда узнавать боевых роботов, которые могли бы представлять опасность для людей. Прошло чуть больше года, и он сказал себе, что именно поэтому и возникла необходимость в его действиях.

— О чем вы думаете? — снова спросил он.

— Наблюдаешь за детьми, верно? — с какой-то ленцой заметил Маркнелл. Он махнул рукой — охватывая этим жестом половину парка развлечений. — Да, — повторил Маркнелл, — за детьми!

Ага, Маркнелл пытается оказать психологическое давление на него. Пытается показать, что только незначительная, в основном юношеская часть человечества тратит свою жизнь на получение удовольствий. Но самое интересное в этой его очевидной попытке повлиять на него оказалось то, что этим своим жестом он тем не менее заронил в его сознании семя сомнения. Слишком уж намеренно это было сделано — что свидетельствовало о понимании всей сложности проблемы и подразумевало о возможных контрмерах.

Он ответил холодным тоном, компрометируя себя:

— Я не вижу ничего, что вы могли бы предпринять. Побег вражеского пленника делает возможным ввод в столицу сотен тысяч отрядов роботов.

— Этого достаточно! — заметил Маркнелл. Он откинулся на спинку сиденья, показывая, что понимает всю значимость сделанного признания. Его глаза сузились. — Итак, ты решил сыграть в открытую. Я-то надеялся, что ты будешь более осторожен. Ты не оставляешь слишком много возможностей для отыскания компромисса.

— Ну, какая-то надежда остается! — яростно воскликнул Барр. И тут же понял всю слабость этого заявления: оно было фальшивым. Человеческая история имела множество удивительных компромиссов. Было время, когда он считал их результатом не поддающихся логике проявлений безрассудства. Потом он много времени посвятил изучению человеческих чувств, намереваясь установить полезные эмоциональные связи в роботах. Постепенно он понял, что контактируя с людьми, он перенял у них их манеру поведения и реакции. Даже успешная попытка роботов-ученых найти замену человеческим ощущениям в сексе корнями основана на понимании того факта, что это — не более, чем дубликат.

Барр выбросил из головы подобные бессмысленные мысли. Время для сомнений прошло. Он сказал:

— Мне достаточно только отправить радиосигнал, и во вселенной не останется человеческой расы.

— Понятно, но не торопись с этим, — сказал Маркнелл, раскрыв рот в невеселой улыбке.

Барр махнул одной рукой; и это движение на мгновение отвлекло его мысли — уж очень очевидной была эта бессознательная имитация человеческого нетерпения. Вслух он резко произнес:

— Можете ли вы сообщить мне простой довод, почему не следует отдавать такой приказ?

Маркнелл энергично закивал.

— Ты кое о чем забыл. Об одной маленькой вещи. — Он замолчал, с хмурым видом на лице и вызовом в глазах.

Барр откинулся на спинку кресла и принялся рассматривать пропущенные им возможности. Его теперь грызло беспокойство, это он должен был признать. Вскоре он решил про себя, что проблему можно разбить на несколько частей. Сидя здесь, он так мысленно и поступил: контроль над топливом, энергией и материалами для создания

роботов перейдет полностью в руки роботов. Контроль над коммунальными сооружениями, где необходимы будут роботы, тоже окажется в ведении роботов. Контроль над предприятиями, где понадобятся люди, будет осуществляться роботами, которым ничего не будет известно о заговоре. Контроль за человеческой пищей будет производится за пределами планеты — всю работу возьмут на себя роботы, хотя на самом деле невозможно будет добиться полного контроля.

Все это он уже заранее обдумал. Нет ничего, чего бы непреодолимая сила не могла бы сокрушить. Война дала ему необходимую подготовку, благодаря чему он смог постепенно осуществить все необходимые приготовления. Внезапное фантастическое предложение Совета, что все роботы должны быть уничтожены, и явилось причиной принятия столь недвусмысленного решения.

Он твердым голосом неохотно выдавил из себя вопрос:

— И о чем это я позабыл?

— О сбежавшем вражеском пленнике!

— Каким же образом это может изменить все дело? — начал было Барр, но потом остановился, когда до него вдруг дошло: — Это *вы* позволили ему сбежать!

— Да.

Барр стал размышлять над этим сообщением, обмозговывая возможный ход событий. Потом в конце концов откинулся на спинку кресла, недоумевая.

— Я мысленно представил последствия появления в огромном городе опасного, по общему мнению, чудовища, — начал он, растягивая слова. — Его освобождение дает мне благоприятную возможность вызвать особые подразделения в район, куда при обычных обстоятельствах доступ им закрыт. В результате роботы уже этой ночью захватят столицу Галактики — через минуту после того, как я отдам им приказ.

Он распростер перед собой руки в типично человеческом жесте непонимания.

— Похоже, в этом поступке нет никакого смысла.

Маркнелл встал.

— Нет, есть, — возразил он и повторил: — Есть.

Он возвышался над Барром.

— Мой друг, — начал он, — когда мы обнаружили, что, став главнокомандующим армией, ты начал сепаративную политику между роботами…

Барр тихо перебил его:

— Не я первым это придумал. Такие мысли появляются в умах всех главнокомандующих, достигших самых верхов власти. — Потом он добавил: — Видите ли, роботы тоже взрослеют. К сожалению, люди слишком долго цеплялись за свои былые привилегии.

Маркнелл, похоже, не слушал его.

— Мы решили, — продолжал человек, — впервые за всю историю сотрудничества между людьми и роботами сделать робота Председателем Совета. Этот дружественный акт, по всей видимости, не был тобой правильно понят. Ты использовал свое возросшее влияние и власть, чтобы плести дальше сеть заговора роботов против людей.

— Можно ли говорить о заговоре одной расы против другой? — произнес Барр, — если при этом первоначальной целью было достижение равенства? — Тон его голоса оставался холодным. — Боюсь, мы здесь столкнулись с осколками многовекового непонимания. Возникшего как раз из-за отказа определенной части людей признать равные права другой жизненной группы.

Маркнелл серьезно посмотрел на него.

— Не могу избавиться от чувства, — начал он, — что в задуманном тобою мире нет места

людям. С чисто интеллектуальной точки зрения это удивляет меня. Роботы нуждаются в людях. Они зависят от человеческой цивилизации куда сильнее, чем люди когда-либо зависели друг от друга.

— Наоборот, — хмуро возразил Барр, — роботы не нуждаются в машинной цивилизации, которую, по моему мнению, вы имели в виду. Робот может обходиться без каких-либо приспособлений, кроме тех, что он имеет при себе. Все материалы, из которых изготовляется его тело, добывают из недр планеты. Он заряжает аккумуляторы от земли или воздуха. Он может сделать вакуумные лампы. Во время войны было доказано, что он способен существовать сколь угодно долго в таких условиях, которые наверняка оказались бы гибельными для большинство людей.

Маркнелл покачал головой.

— Ты говоришь с позиций абсолютизма. Конечно, ты прекрасно понимаешь, что не стоит с людьми говорить с таких позиций. Барр, ты сильно разочаровываешь меня.

— А вы — меня! — помрачнев, воскликнул Барр. — Когда я услышал ваше предложение, чтобы я сам принял решение относительно необходимости уничтожения всех роботов…

Он замолчал, пытаясь справиться с охватившим его гневом. Наконец он продолжил:

— Мне кажется, что, сталкиваясь с людьми в подобных делах, как раз и нужно думать в абсолютистских терминах. Все, сделанное раньше, было только предосторожностью, чтобы не скомпрометировать цель, опирающуюся на надежду, что люди смогут…

— Барр, — перебил его Маркнелл, — как раз ты-то и проявил свою позицию, которую ты занял в этом вопросе, не мы. С эмоциональной точки зрения ты поспешно принял решение уничтожить человеческую расу. Именно это мы и хотели узнать. Ты не сделал быстрых выводов из того факта, что мы специально на тебя возложили необходимость принятия решения по этому вопросу. Ты принял то, что считал необходимыми мерами по нашему уничтожению, после чего отправился сюда для получения последних впечатлений, под видом — сделаю догадку — обдумывания своего заключительного решения.

— Из ваших слов следует, что именно на основе *моей* эмоциональной реакции вы и выносите суждение, должна ли или нет существовать раса роботов. Маркнелл, роботы столь же не похожи друг на друга, как и люди. Обычно это зависит

от ассоциативных связей, которые образуются в сознании отдельных индивидуумов. С одной стороны, у вас есть я и такие, как я. У нас огромный опыт, и ни одна идея не покажется нам радикальной. И, с другой стороны, вы видите, к примеру, находящегося здесь моего охранника, который почти без вопросов смирился со своей ролью в жизни. Я думаю, что в прежние времена, когда человечеством правили тираны, было множество людей, которые смирялись с выпавшим им в жизни нелегким жребием с похожей покорностью.

— Хватит! — взорвался Барр. — Сожалею, что возникла необходимость в абсолютизме. Впрочем, именно основываясь на нем, люди и ведут военные сражения. И именно таким образом мы станем сражаться. И поскольку вы не можете дать мне простое логическое обоснование, почему этого нельзя делать, я думаю отдать приказ своим группам.

— Я уже дал тебе его, — сказал Маркнелл. — Сбежавший вражеский пленник.

Барр заткнулся. Он совсем забыл об этом.

Даже минуту спустя он не мог понять, что меняет в создавшейся ситуации бегство пленника: ведь он был один-единственный. Если бы их была тысяча, то угроза была бы понятна. Нехватка лич-

ного состава — и медленный прирост населения — вот в чем состояли основные проблемы врага. Что же касается отдельных индивидуумов, то со взрослым чужаком было столь трудно справиться, что остановить его могла лишь целая батарея энергетических пушек.

Маркнелл уходил прочь. Вскочив, Барр помчался вслед за ним. Когда он оказался за стенами импровизированного кинотеатра под открытым небом, грохот музыки заглушил все остальные звуки. Барр настиг Маркнелла и пошел рядом, отставая на шаг, когда тот внезапно остановился.

— С какого это времени тебя вдруг стало разбирать любопытство? — спросил человек. Потом кивнул, скорее самому себе, чем собеседнику. — Думаю, вряд ли можно ожидать, что ты способен разобраться во всех хитросплетениях тайного плана, задуманного другим человеком. Позволь мне пояснить всю картину так, как я ее себе представляю. У тебя имеется план уничтожения людей, правильно?

— Люди никогда не признают равенство роботов, — просто ответил Барр. — Предложение Совета уничтожить всех роботов наглядно это показало — абсолютную непримиримость в решении этого вопроса.

— Как бы то ни было, — твердым голосом заметил Маркнелл, — но ведь именно ты-то и задумал наше уничтожение. Каким образом ты собирался сделать это?

— Все планеты будут захвачены врасплох, но не думаю, что это явится неожиданностью для большинства людей. — Барр сделал паузу, чтобы понаблюдать за реакцией человека. Увидев, что Маркнелл и ухом не повел, он яростно продолжал: — Непрекращающиеся атаки, использование голодания и похожих методов при истреблении изолированных групп, массовое уничтожение человеческих армий в местах их сосредоточения. Без жалости и пощады. Это битва за выживание.

Барр заметил, что лицо Маркнелла немного побледнело. Наконец советник твердым голосом произнес:

— Ты действительно намерен уничтожить нас. Барр, я вижу, что у тебя на эмоциональной почве поехала крыша. Возможно, наши методы слишком жестокие. Люди тоже совершают ошибки. Но уже сам факт, что ты готов перейти к решительным действиям, показывает, что мы были правы, полагая, что тебя следовало слегка подтолкнуть.

Он тихо закончил:

— Больше всего меня заботит, каким образом

подвести тебя к иной точке зрения, где ты бы стал рассматривать и другие решения.

Эти слова вызвали раздражение у Барра.

— Это одна из наиболее широко распространенных среди людей концепций, — заметил он, — то, что роботы — существа, которые действуют, подчиняясь исключительно логике, и контролируют свои эмоции. За многие годы наблюдений за людьми я могу согласиться с этим мнением, считая его верным. Поэтому я должен сделать вывод, что моя точка зрения в этом вопросе кажется более обоснованной, нежели ваша.

— Я размышлял над так называемым «превосходством в логике» роботов, о котором так много говорят, — произнес Маркнелл. — Что же касается эмоций… — он покачал головой. — Барр, неужели ты не понимаешь всю чудовищность своих слов.

Робот резко сказал:

— Возможно, и был бы смысл попробовать порассуждать над другими решениями, если бы не то, что все ваши разглагольствования не предназначались исключительно для вас самих. Вы можете принимать законы, а эта толпа будет обращать на вас столько же внимания, сколько и ранее. — Он рукой показал на танцующие пары и

выразительно добавил: — Маркнелл, пройдет не меньше ста лет прежде, чем большинство людей примет идею, что роботы не менее живые, чем они сами, существа.

— Поэтому ты хочешь скорых действий, — презрительно сказал Маркнелл. — Все необходимо сделать немедленно. Вдруг, внезапно, после тысячи лет неторопливого развития, в основном — механического характера, мы должны резко изменить свое отношение и образ мышления. Мы оба знаем, что люди быстро не меняются. Рискну высказать мысль, что опыт всех твоих предыдущих операций научил тебя принимать во внимание консервативный характер людей *и* мышления роботов. Не забывай о последнем, Барр. Есть роботы, которые вовсе не жаждут развиваться. Тебе придется медленно и усердно воспитывать их, и даже тогда им вряд ли будет это нравиться.

Барр промолчал. Эти роботы были у него как бельмо на глазу — способные лишь тупо глазеть на собеседника, когда предполагалось, что они являлись живыми существами. «Все дело в ассоциациях, — говорил он самому себе. — Процесс этот может быть медленным или быстрым, в зависимости от того, сколько людей путаются

под ногами и вставляют палки в колеса». Он уже собирался высказать это вслух, когда Маркнелл опередил его:

— Кроме того, на это не потребуется сто лет. Ты недооцениваешь воздействие современных методов пропаганды. И существует еще одна вещь. Чего ты ожидаешь от людей? Неужели тебя охватило убийственное желание покарать их за все те годы, когда они рассматривали роботов в качестве обычной рабской силы? Или можешь ли ты принять мысль, что если что-то и могло возникнуть из сотрудничества людей и роботов, так это терпимость и уважение к достижениям друг друга? Видишь ли, мой друг…

Барр прервал его. Ему было достаточно ясно сказано, что он может положиться на обещание насчет предоставления роботам одинакового статуса с людьми. Он представил себе, как люди ловко распространяют повсюду мнение, что, возможно, в скором времени настанет день, когда они станут уважительно относиться к роботам. А до этого времени лучше всего позволить всему течь своим чередом. Возможно, люди постепенно начнут работать на предприятиях промышленности, особенно на военных заводах. Поэтому, если дать время, то они справятся с имеющимся у

них на данный момент недостатком — отсутствием оружия, а также — за исключением единиц — людей, прошедших техническую подготовку. Во всей будущей истории Галактики подобная ситуация вряд ли когда-либо повторится.

— Маркнелл, — сказал в заключение Барр, — человек, приговоренный к расстрелу, всегда пытается рассказать как можно больше и признать все свои ошибки. Несколько лет назад, еще до войны — а может, даже когда она велась, — мы бы согласились на этот компромиссный вариант. Но теперь слишком поздно. В войне было уничтожено больше ста девятнадцати миллионов роботов. Даже без учета этого факта ваши коварные и отчаянные призывы кажутся дешевыми и пустыми.

— Давайте, поскорее выкладывайте, что там у вас имеется, — яростно выкрикнул он. — В вашем распоряжении осталось всего лишь несколько секунд. Почему бегство одного вражеского пленника удержит меня от отдачи приказа начать восстание?

Маркнелл колебался, потом наконец произнес:

— Я остановлюсь только на одном аспекте. Только вдумайся, двести тысяч специальных отрядов до сих пор не схватили одного чужака!

Когда вы начнете свое восстание, пытаясь истребить людей, у вас будет не один-единственный враг, а несколько миллиардов, которых нужно будет выслеживать. Если этот факт не дойдет до твоего сознания, то тогда я не знаю, может ли тебя вообще что-либо остановить!

…Барра охватило страшное чувство облегчения. Потом он ощутил досаду на самого себя, что позволил нетерпению захватить власть над рассудком. Наконец он справился и со своей раздражимостью и начал рассматривать возможное течение событий.

Впрочем, в этом не было особого смысла. Все возможные варианты уже рассматривались ранее. Простые цифры не являлись определяющим фактором. Главным считалось обладание оружием, контроль над промышленностью и наличие стратегических позиций. Ни один робот-командир не сомневался, что когда-нибудь *получит* приказ. Возможно даже, что человеческая раса не будет полностью истреблена. Но несколько миллионов скрывающихся человечков на мириадах планет никогда не превратятся в угрозу для развитой цивилизации.

Барр хотел было высказать все эти свои доводы, но остановился. Неужели Маркнеллу нечего было

больше предложить в качестве сдерживающего фактора? Это казалось невероятным.

По правде говоря, это казалось такой незначительной вещью, что Барр почувствовал, как сомнение начинает охватывать его — в обратной пропорции по отношению к недействительности угрозы. Должно быть что-то еще.

И он обязан узнать, что же это.

Он заметил, что Маркнелл встревоженным, но полным любопытства взглядом следит за ним.

— Барр, — сказал человек, — интересно наблюдать за твоими реакциями. Все они так похожи на человеческие.

Кое-что Барр заметил и в самом себе — и ему вовсе не понравилось такое сравнение. Это особенно раздражало его — потому что секретные эксперименты, проводящиеся над новыми роботами, до сих пор не выявили каких-либо определенных особенностей, которые были бы присущи только роботам. У Барра был повод сердиться на это: учившие людей роботы-учителя бессознательно вели себя, как люди. Понадобится несколько поколений, чтобы избавиться от этого.

Маркнелл снова заговорил:

— Именно это мы и принимаем во внимание,

Барр. Гуманность. Нравится вам это или нет, но она существует. Она проникает в нервную систему роботов. Говорю тебе, вы не сможете уничтожить это. И когда ваши ученые в конце концов десять лет назад обнаружили, что рост кристаллов — сначала осуществляемый как отдельный процесс в лаборатории — и является такой долгожданной заменой секса, с того момента, Барр, вы все неотвратимо были пойманы в ловушку, из которой нельзя ускользнуть.

Что-то в поведении Барра заставило его замолчать. Маркнелл моргнул:

— Я забыл. Ведь это тайна, не так ли? — Во взгляде человека не читалось особого сожаления.

Барр почти тупо спросил:

— Откуда вы узнали об этом? Ведь только небольшая часть роботов знает об этом? Вы… — Он замолчал. Мысли его запутались.

Маркнелл снова внимательно посмотрел на него.

— Я хочу, чтобы ты подумал. И подумал хорошенько! Разве нет прорех в твоем плане? Чего-то, чего ты опасаешься? Может быть, есть что-то, что ты пытаешься скрыть от самого себя, но тщетно.

— Вы несете настоящую чушь, — холодно сказал Барр, — и знаете это.

Маркнелл, похоже, не слышал его слов.

— Все это ново для тебя. Сейчас ты просто не в состоянии представить все возможные последствия. Тебя, Барр, происходящее застало врасплох, и это разрывает тебя на части.

— Ничего подобного, — возразил Барр. — Если это все, что вы хотите мне сказать, Маркнелл…

Собеседник взглянул на свои наручные часы. Потом покачал головой и решительным голосом заявил:

— Председатель Барр, мы предлагаем вам окончательное равенство.

Барр с упрямством, достойным лучшего применения, отказался:

— Слишком поздно! — Затем с насмешкой добавил: — Вы что, собираетесь начать все по новой?

— Барр, — начал Маркнелл, — столетия назад люди проводили конкурсы за право стать экспертом в области техники или управляющим промышленным производством. Подобные вещи приносят личное удовлетворение, так что ни один робот не захочет в действительности отказаться от предложенной ему альтернативы, если станет для него очевидной.

— Мы будем управлять промышленностью, — огрызнулся Барр, — но ради собственной вы-

годы. — Он не удержался и добавил: — Так что теперь рабство станет более привлекательным для рабов.

— Людям нужны роботы и наоборот. Ведь признаться, это ведь благодаря нам цивилизация достигла такого высокого уровня развития. Теперь это взаимозависимый мир.

Барр почувствовал нетерпение.

— Да, правильно, люди нуждаются в роботах, но вот обратное неверно. — Он повторил: — Маркнелл, если это все…

Маркнелл наклонил голову и сказал, растягивая слова:

— Ну, это в самом деле все. Я пытался помочь тебе выбрать самый лучший путь, но ты отказался. И меня удивляет, что ты по-прежнему не замечаешь ключ, который я дал тебе касательно направления нашего противодействия.

— Значит, мы возвращаемся к побегу чужака, — сказал Барр и небрежно махнул рукой. — Итак, предполагается, что мы, роботы, испугаемся одного представителя враждебной нам расы!

— Нет, — тихо возразил Маркнелл, — предполагается, что вы боитесь того, где в данный момент находится этот чужак.

— Что вы имеете в виду? — Барр уже собирался

было продолжить, когда невероятная мысль пришла ему в голову. — Но ведь это невозможно! — У него перехватило дыхание. — Вы ведь даже не знаете о…

От колоссального напряжения завибрировала каждая молекула в кристаллической структуре его мозга. Как бы издалека он расслышал слова Маркнелла:

— И это еще не все. Мы заключили с чужаком соглашение, по которому он снабдил нас оружием. — Наверное, лучше будет нам просто пройтись туда, где я смог бы предъявить доказательства истинности своих слов.

Пальцы его ладони обхватили один из рукавов рубашки Барра и потянули вперед. Ничего не понимающий Барр позволил себя увести.

…Они вошли в длинное здание. Оказавшись внутри него, Барр увидел, что там возле каждой двери и лифтовых шахт располагаются люди-охранники. У них имелось лучевое оружие, сделанное роботами. «По крайней мере, — подумал он, — это хоть не оружие чужаков». Охранники окинули его суровым недружелюбным взглядом.

Увидев их, Барр почувствовал некоторое облегчение. Никаких следов того, что чужак действительно был выпущен. И тогда он подумал,

что все это сделано нарочно — ради него.

Тут же он спросил себя, что же случилось с роботами, охранявшими это здание. Следуя стратегии, выработанной роботами, он пытался не привлекать внимания как к этому зданию, так и ко всем остальным, представляющим какую-либо ценность при подготовке восстания. Вся трудность состояла в том, что на охрану или на выполнение прочих обязанностей роботы назначались агентством, которое находилось под контролем людей. В результате ему удалось лишь нескольких роботов-мятежников внедрить в охраняемые объекты. Он не сомневался, что там, где это вызывало подозрения, такие роботы вполне могли быть изолированы, делая невозможным, таким образом, внезапное нападение. Остальные же просто подчинятся властям.

Медленно до Барра доходило понимание сложившейся ситуации. Повернувшись к Маркнеллу, он уверенным голосом сказал:

— Надеюсь, вы понимаете, что я пришел сюда как солдат, готовый умереть. — Потом он хмуро добавил: — И потом, вы должны признать, что роботы в последнее время имеют больший опыт ведения боев, чем люди.

— Барр, — ответил Маркнелл, — я восхищен

твоей железной волей. Но снова предупреждаю: ты не подготовлен к тому, чтобы выдержать определенные потрясения. Не забывай: сама мысль о том, что могло бы случиться, почти парализовала тебя.

Барр спокойно слушал. Он в этот момент нерешительности вспоминал о своих действиях, испытывая лишь досаду. Но не более того. Да, ничего более. «Это был эксперимент, который меня волновал, — напомнил он себе. — Впрочем, ведь его можно позднее возобновить, но уже с другими роботами».

— Я пришел сюда, — начал Барр, — чтобы проверить ваше утверждение, что чужаки снабдили людей оружием. — Он едва покачал головой. — Я, по правде говоря, не могу поверить в это — мы сами неоднократно предпринимали попытки связаться с врагами, но безуспешно. Впрочем, считаю, что таков мой долг — попытаться выяснить, правда это или нет, даже если ценой станет моя жизнь.

— Вы увидите, — просто сказал Маркнелл.

Он сделал Барру знак рукой зайти в следующую комнату. Тот так и сделал. Когда Барр переступил через порог, ему показалось, что он оказался в ловушке.

Крылатое чудовище, больше восьми футов высотой, находилось возле входной двери. Из его головы торчали сверкающие, костяные штуковины, смутно различимые на фоне голубого потока энергии; было очевидно, что луч, выпущенный из этого оружия, сможет сжечь все электрические цепи в теле робота.

Невольно Барр отпрянул.

Потом он понял, что находится в «стеклянной» комнате. Он был отделен от врага барьером из инсулгласа. Сюда в прошлом приходили роботы из космоса, чтобы понаблюдать за первыми шагами экспериментальных роботов. Дверь в помещения роботов, располагавшаяся у противоположной стены, была закрыта.

Барр угрюмо посмотрел на нее, потом повернулся к Маркнеллу.

— Думаю, — начал он, — что если я не отступлю, рано или поздно вы откроете эту дверь.

Потом он торопливо продолжил:

— Но это ничего вам не даст, могу вас уверить.

— Барр, — сказал Маркнелл, — пока еще ты можешь, подчинившись благоразумию, сохранить контроль над ситуацией.

— Человеческому благоразумию? — фыркнул Барр. Он в раздражении на самого себя махнул

рукой, после чего добавил: — Конечно, вы станете утверждать, что для роботов никаких иных возможностей не остается.

— Расскажи мне о проводимых здесь экспериментах над роботами, — попросил Маркнелл.

Барр колебался, потом вдруг понял, что, наверное, он уже согласен поделиться с людьми кое-какой информацией в обмен на то, что его может заинтересовать.

— Здесь мы держали роботов в изоляции, — сказал он. — Мы предусмотрительно не давали им ложного представления о жизни. Они знают о людях и чужаках, хотя мы никогда не показывали их живьем, во плоти. — Он сделал выразительную паузу. — Каждый робот в этом здании должен полагать, что он нисколько не хуже любого другого существа во вселенной.

— И так оно и есть, — заметил Маркнелл.

Барр хотел было пожать плечами, но внезапно эта очевидная пропагандистская фраза вызвала в нем ярость, и он резко остановился.

— Не вижу больше смысла в этом разговоре, — ледяным тоном сказал он. — Давайте вернемся к действительности. Что вы собираетесь делать?

— Конечно, вернемся к действительности.

Человек нахмурился, словно обдумывая, что

же сказать, потом продолжил:

— Естественно, едва я увидел намечавшуюся угрозу, то тут же решил изыскивать средства противодействия неизбежному нападению роботов. Среди всего прочего я посетил инопланетянина, захваченного в плен во время войны. Может, вы помните, что в конце концов его по моей просьбе доставили на Землю.

Он умолк, но поскольку Барр не сделал никаких замечаний, продолжал:

— Мое появление удивило чужака. Хотя это было обычное посещение в сопровождении роботов-охранников. Чужак сделал одно предположение. Он подумал, что я тоже пленник. Я уже собрался было рассказать ему о нашей цивилизации, когда до меня дошла вся важность скрытого в этой его ошибке подтекста. Барр, задумывался ли ты когда-нибудь, что чужаки сражались всегда лишь с одними роботами? Это была война роботов и чужаков. *Чужаки не имели ни малейшего представления о существовании людей.*

Конечно, на этом я не остановился. Я обнаружил, что причиной, из-за которой они с таким отчаянным упорством продолжали войну, является то, что они считают роботов совершенно чуждыми себе. С еще большим потрясением

чудовище увидело во мне органическую форму жизни. И едва не разрывалось на части, желая стать моим другом.

Я рассказал ему одну выдуманную историю. Она не стоит того, чтобы я ее повторял. Но в результате существо телепатически связалось со своим высшим военным руководством и в течение нескольких следующих дней звездолеты чужаков приблизились к контролируемым Землею планетам. После подачи определенного сигнала, они совершат посадку вниз и передадут рабам-людям оружие, чтобы свергнуть их общего врага — роботов. Если понадобится, то они даже станут сражаться вместе с нами.

Доходит ли до тебя, Барр, весь дьявольский комизм этой ситуации. Похоже, вся та изнурительная война с чужаками вовсе не была необходимой. Могу заверить, многие люди поняли ее ошибочность еще до того, как военные действия закончились. Они жаждут действий. Люди возвращаются к активной жизни на благо цивилизации.

Он умолк.

— И напоследок я решил предъявить одного твоего приятеля — экспериментального робота, которого мы обнаружили в этом здании.

Человек отодвинулся в сторону. Барр ждал, ощущая странное отупение, словно разум его больше не в состоянии был нормально функционировать.

Появившийся робот не имел какой-либо охраны. Двигался он несколько отлично от людей. У него были суставчатые ноги и руки и подвижная голова. А кристаллическая «нервная система» покоилась на очень твердой прозрачной субстанции. Большая часть тела, как у людей, была светло-коричневой, однако Барр мог видеть любую лампу, любую двигающуюся часть.

Он еще осматривал робота, когда тот начал говорить:

— О, председатель, вы, конечно, удивлены, что мы позволили людям захватить нас. Впрочем, я рад сообщить вам, что мы перенесли потрясение без особых проблем.

Барр неуверенно начал:

— Я… я счастлив, что… — Он умолк, потом продолжил:-Вы должны были испытать шок после всего случившегося.

Экспериментальный робот внимательно посмотрел на Маркнелла.

— Итак, это и есть одна из рас, с которой мы делим просторы вселенной. Надеюсь, вы согласи-

тесь со мной, что по моему мнению мы, роботы, являемся самыми одаренными от природы существами.

Барр бросил на Маркнелла несчастный взгляд. Потом что-то тихо пробормотал. Затем снова взял себя в руки.

— Ты абсолютно прав, — сказал он более уверенно.

— Я вот что имею в виду, — сказал второй робот, — только подумайте о всех тех ограничениях, которые присущи органическим формам жизни. Они зависят от пищи, а та в свою очередь зависит от множества самых различных факторов: погоды, наличия необходимых элементов в почве и так далее — так что трудно даже поверить, что что-то вообще может возникнуть. Мне кажется вполне очевидным, что органические формы жизни должны были появиться в самую последнюю очередь. Председатель, какой из всего этого можно сделать вывод? Естественно, тот, что роботы появились раньше всех остальных форм жизни. Это единственное логическое заключение.

Барр начал было что-то говорить, но остановился. Маркнелл прикоснулся к чувствительной руке экспериментального робота.

— Мы очень хотим, — начал он, — чтобы вы поближе взглянули на еще одну органическую форму жизни. Сюда, в эту дверь, в стеклянное помещение.

Барр наблюдал, как человек и робот шли вдоль стены из инсулгалса. Все почему-то начало темнеть, словно какая-то пленка начала застилать ему глаза. А дальше грянул гром. Он узнал об этом по усиленной вибрации кристаллов внутри себя. Ему смутно представилось, что должно сейчас произойти. Он мысленно увидел, как молния бьет из чужака и поражает ничего не подозревающего робота, удивление и агонию того, отчаяние и осознавание неминуемой смерти.

Все это молниеносно пронеслось у него в голове, когда робот дошел до двери. Маркнелл повозился с замком. Он не обернулся, хотя Барр и ожидал этого от него. Его движения были весьма уверены.

«Он думает, что я вмешаюсь. Он думает, что я попытаюсь остановить его», — подумал Барр.

Какая нелепость. Только из-за того, что этот робот был взращен на кристаллах из его собственной кристаллической структуры…

Когда Маркнеллу наконец удалось открыть замок двери, Барр с удивлением услышал чей-то

панический вопль:

— Маркнелл!

И тут же понял, что орет-то он, Барр, потрясенный сложившейся у него в голове картиной. И все же…

Маркнелл обернулся.

— Да, Барр?

Тот попытался снова вызвать у себя гнев. Но не смог. Затуманившая мозг вибрация мешала думать; и все же он сумел внезапно осознать множество вещей, которые прежде были сокрыты от него.

— Маркнелл, я согласен!

— Я хочу услышать, как ты отдаешь по радио этот приказ! — выкрикнул человек голосом, не терпящим возражений. — У меня есть здесь передатчик, который можно настроить на приемную волну роботов.

Он повернулся и обратился ко второму роботу:

— Я думаю, что лучше пока повременить со знакомством. Этот парень очень темпераментен.

— Пустяки.

— Как-нибудь в другой раз, — сказал Маркнелл. — Тебе, наверное, теперь следует вернуться к себе.

Робот посмотрел на Барра, тот согласно кивнул.

Когда второй робот ушел, Барр спросил:

— Что вы хотите, чтобы я сделал?

Маркнелл вручил ему лист бумаги. Барр начал читать:

«Основываясь на соглашении, достигнутом между руководителями роботов и людей, объявляется равенство между этими двумя формами жизни. Детали сейчас прорабатываются. Все спецподразделения с настоящего времени должны немедленно отправиться на свои базы. Наступает новая эра сотрудничества между двумя великими и равными расами».

Когда Барр передал по радио это воззвание, он поднял глаза и увидел, что Маркнелл протянул ему руку.

— Прими мои поздравления, — произнес Маркнелл, — от одного отца другому. Барр, у тебя растет замечательный сын.

Человек и робот пожали друг другу руки.

Вид седьмой: электронное чудовище Нечто

Нечто, владыка Филиппинской Впадины — самой ужасной в Тихом океане (глубина ее достигает шести миль) — проснулось после длительной спячки и огляделось подозрительно вокруг себя.

Его внутреннее «я» спросило:

— Ну, как сегодня ты себя чувствуешь, Нечто?

Внутреннее «я» было для него как бы детонатором, стимулятором, побуждающим его на какие-либо действия, а также — в определенной степени — еще и компаньоном.

Нечто не ответило. Во время спячки его снесло к вершине ущелья, стены которого круто уходили вниз на тысячу футов. Чудовище с подозрением оглядело край каньона.

…Никаких зрительных впечатлений. Свет не проникал в это царство вечной ночи океанских глубин. Нечто воспринимало этот мир мрака посредством высокочастотного излучения, которое постоянно испускало во все стороны. Подобно летучей мыши в темной пещере, Нечто ориентировалось в своем подводном мире, полагаясь на

возвращенные эхо-сигналы. Присущее ему чувство подозрения ко всему живому, вызываемое одним из его электронных устройств, принуждало его записывать параметры изменяющихся давления, температуры и потоков. Нечто и само не знало, что передаваемая им информация входила в еще один, больших размеров, блок данных, который позволял находящимся вдали от океанских глубин компьютерам просчитывать взаимосвязи различных явлений в океане и атмосфере и на основе этого с удивительной точностью предсказывать погодные условия.

У него была почти совершенная система восприятия. Поэтому Нечто обнаружило незваного гостя с точностью, исключавшей всякую ошибку, еще на дальних подступах к извилистому ущелью. Корабль! Стоявший на якоре у вершины скалы в самой дальней части каньона.

Его второе «я» подстрекательски спросило:

— Неужели ты позволишь, чтобы кто-то вторгся на твою территорию?

В ту же секунду Нечто в ярости активизировало реактивный механизм, расположенный в выпиравшем книзу чреве его почти идеально твердого металлического корпуса. Атомный реактор тут же привел в действие нагревательную установку,

и морская вода, проходя через нее и превращаясь в шипящее облако пара, стремительно, как ракетная установка, направляла вперед механическое чудовище.

Достигнув корабля, Нечто нанесло удар тепловым лучом, выпущенным из головы, по ближайшему из четырех якорных тросов. Перерезав его, чудовище повернулось ко второму и проделало то же самое. Потом оно направилось к третьему кабелю.

Но изумленные существа на борту вражеского судна уже заметили двадцатифутовое чудовище в черных водах океана.

— Проанализировать тип его эхового сигнала! — последовала команда. Она тут же была выполнена, точно и неукоснительно.

— Пропустить эхо-сигнал через систему с неограниченным диапазоном до получения ответа!

Результат был потрясающим: Нечто забыло, что делало, и когда поплыло вслепую прочь, его внутреннее «я» попыталось вразумить его:

— Очнись же! Ты ведь не дашь уйти им просто так, верно?

Неудача еще больше разъярила Нечто. Его восприимчивость возросла в несколько раз, одно-

временно чудовище стерло копии эхо-сигналов.

В последовавшей вспышке ярости Нечто пустило вход новое оружие.

Его система приема эхо-сигналов, которая обычно находилась под контролем, не представляя таким образом угрозы ни для кого живого в океане, внезапно заработала на форсаже, перейдя на сверхзвуковую волну. Нечто решительно двинулось к судну.

Заметив его маневр, враг решил не рисковать.

— Поднять оставшиеся якоря!

Нечто направилось к ближайшей части вражеского корабля. В тот же миг ритмическая вибрация сверхзвуковых волн начала сотрясать твердую обшивку чудовища — таким образом враг пытался ослабить ее.

Металл стонал под давлением воды, которое на этой глубине составляло тысячи тонн на квадратный дюйм. Металл внешней обшивки коробился со скрежетом.

Внутренние стены дрожали, но еще выдерживали натиск.

И тогда охваченные ужасом защитники подвергшегося нападению корабля включили контрвибрацию, которая свела на нет вибрацию Нечто, обезопасив тем самым свое судно.

Однако корабль был уже довольно серьезно поврежден и теперь безвольно дрейфовал в неспешных водах океанского течения. До сих пор инопланетяне не решались использовать виды энергии, которые можно было бы засечь на поверхности. Они прибыли на Землю, чтобы основать базу для последующего вторжения. Им предписывалось собрать как можно больше данных о подводных течениях, чтобы иметь возможность покинуть Филиппинскую Впадину и со временем подплыть к берегу, после чего запустить ракеты с ядерными боеголовками и уплыть прочь обратно в глубины. Для выполнения этой цели они имели превосходное мощное вооружение, и сейчас они не собирались погибнуть в этой черной бездне без всякой борьбы.

— Что нам делать с этим демоном?

— Уничтожить его! — приказал кто-то.

— Это опасно. — Главнокомандующий инопланетян пребывал в нерешительности.

— Большей опасности, чем сейчас, уже не будет.

— Это верно, — согласился главнокомандующий, — но, признаться честно, я не знаю, почему это чудовище вообще вооружено, и не думаю, что у него есть еще и другие средства защиты.

Задействовать систему ответного удара. Если монстр применит какое-нибудь новое оружие, то оно автоматически отразится и поразит его в ответ. Пойдем хотя бы на этот риск.

После повторной неудачи Нечто превратилось прямо-таки в разъяренного берсерка. Наведя на врага пушку с ядерным зарядом, чудовище дважды выстрелило. Через долю секунды отраженный луч поразил мозг чудовища.

— Ты ведь не дашь уйти им просто так, верно? — снова возопило его внутреннее «я».

Но владыка Филиппинской Впадины был уже мертв, и к нему бессмысленно было взывать.

Но тут же на главную метеорологическую станцию поступило сообщение:

«В Компьютерный Центр перестали поступать сведения от Нечто. Похоже, еще один из наших военных противолодочных роботов гидрологической службы вышел из строя. Вы можете вспомнить, что эти электронные чудовища были запрограммированы испытывать подозрение, гнев, считать себя владыками океана. После войны нам так и не удалось заставить их подняться на поверхность — слишком уж они подозрительно к нам отнеслись».

Океанские воды, как и воздушный океан,

продолжали катиться в своем бесконечном динамичном движении, и морские течения были гораздо более могущественными, чем любой сопоставимый воздушный поток. Хотя, в сущности, квадриллионы волн двигались сами по себе и только внешне казались одинаковыми.

Вскоре в районе Филиппинской Впадины зародилось мощное течение, которое понесло к поверхности корабль захватчиков по восходящей кривой. Однако только через несколько недель дрейфующее судно было вынесено на поверхность, и лишь через пару дней его обнаружили.

Морской патруль, исследовавший корабль инопланетян, констатировал: прошло уже больше месяца, как чужаки погибли в результате резкого толчка. А после оценки повреждений стало понятно, что произошло на самом деле.

В океанских же глубинах…

Новый владыка «проснулся» в первый «день» своего правления, и первое, что он услышал, были слова его внутреннего «я»:

— Ну, Нечто, какая на сегодня программа?

Монстр, испытывая поистине королевскую подозрительность, с пылающим взором начал обыскивать взглядом свои владения.

Звездный святой

Проходя по коридору космического корабля «Колонист-12» мимо двух женщин, Леонард Ханли услышал, как одна из них сказала другой:

— Он был на другом конце Галактики, но, услышав о наших трудностях, сразу же прилетел к нам. Ты знаешь, что ему для путешествий в космосе не нужен никакой корабль?

Ханли пошел дальше, скептически настроенный и нервничающий. Как командир колонистов он уже два часа как знал о прибытии Марка Рогана. Об этом ему сообщил капитан Кренстон, который между прочим заявил:

— Нам повезло, что замечательный эксперт Космического Патруля по делам контактов с чужими расами решил помочь нам, ведь до цели нашего путешествия нам осталось уже не больше половины земных суток. Присутствие мистера Рогана означает, что можно будет высаживаться на планету сразу же, невзирая на то, что произошло с первым поселением колонистов, после чего корабль сразу же отправится дальше.

При упоминании о немедленном отлете корабля Ханли сразу же недовольно поморщился.

«Ну нет, капитан, — подумал он. — Ты не улетишь, пока мы не проверим, что же там собственно говоря произошло!»

Он дошел до радиорубки и заглянул в окошечко в дверях. На дежурстве был молодой парень по имени Ферд.

— Есть что-нибудь новенькое? — спросил Ханли.

Оператор лениво повернулся. В его поведении было достаточно наглости, чтобы вывести из себя любого, но при этом и в самый раз уважения, чтобы никого не обидеть.

— Все по-старому. Повторяют наши сообщения, — ответил он. Ханли колебался. Еще не так давно он пытался уничтожить барьер между экипажем и пассажирами. Ему казалось, что долгое двухлетнее путешествие станет просто невыносимым, если не удастся искоренить недоверие и взаимной враждебности. Но в конце концов был вынужден отступить. Для членов экипажа восемьсот колонистов — мужчин, женщин и детей — были «эмигрантами», и более презрительного выражения они попросту не знали.

Для Ханли, некогда преподавателя в университете, а сейчас инженера, экипаж скорее представлялся сборищем мало интересных людей.

Он вспомнил разговор двух женщин в коридоре, обсуждавших таинственного Марка Рогана.

— Значит, нам повело, что заполучили этого, как там его, Рогана, — сказал он безразлично.

— Еще как повезло.

— Угу. Когда он в первый раз вошел с вами в контакт?

— Не знаю, это было не здесь, сэр.

— Как это? Ведь все депеши проходят через твои руки?

— Да, вроде бы так... — Радист чуть засомневался. — Но, видите ли, мистер Роган не отвечает традиционными способами. Вы ему посылаете информацию о своих проблемах, а он, если заинтересуется, прибывает.

— Просто прибывает, да?

— Вот именно.

— Ага. Ну, благодарю, — произнес Ханли, стараясь овладеть своим голосом.

Постепенно его охватила холодная ярость. Все указывало на то, что весь этот Роган был обычным прохвостом, который заставлял людей верить в свои сверхъестественные способности. Видите ли, ему не нужен космический корабль! А оказывает помощь лишь тогда, когда заинтересуется!

Но вскоре весь его гнев исчез бесследно. С

прибытием Рогана было связано еще много неясностей, ведь каким-то образом он все-таки добрался сюда!

Ханли наконец-то дошел до своего жилища. Его жена Элеонора как раз подавала ему и двоим их детям обед, когда из настенного коммуникатора раздался голос:

— Внимание пассажирам и экипажу! Входим в атмосферу Ариэля. Капитан Кренстон созывает в аудитории собрание с целью обговорить проблемы, связанные с посадкой. Начало через час.

Ханли вертелся в кресле и с беспокойством следил за разозленными колонистами. В этот момент было трудно поверить, что именно они выбрали его своим командиром. Ханли считал, что они должны садиться, невзирая на опасности, которые могут ждать их там, внизу, но большинство колонистов, похоже, придерживались противоположного мнения.

Они яростно кричали, махая кулаками в сторону капитана Кренстона, который стоял перед президиумом. Маленькое помещение наполнял шум, добавочно усиленный эхом, возвращающимся из коридоров, наполненных прислушивающимися к собранию людьми.

Несмотря на свое волнение Ханли не мог не

обратить внимания на сидящего рядом незнакомца. Это, наверное, и был тот самый Роган; с остальными он уже успел давно познакомиться.

Кроме того, этот человек и без того привлекал к себе внимание. Худой, высокий — рост под пять футов десять дюймов — а когда Ханли услыхал его нежный, мягкий голос, то почувствовал, что его неприязнь выросла вдвойне. Глаза у незнакомца были изумрудно-зелеными, довольно редкими у людей.

Ханли с чувством антипатии отвернулся от незнакомца и глянул на гигантских размеров стенной экран, наполненный проплывавшей внизу поверхностью планеты.

С этой высоты еще немного можно было различить, но явно были видны пятна зелени, а слева блестели загогулины реки. Справа находились руины первого человеческого поселения на Ариэле.

Ханли недоверчиво приглядывался к изображению на экране. Как ученый и администратор он не боялся ничего, что его ждало внизу, но когда думал об Элеоноре и детях, непоколебимая, как ему казалось, решимость производить посадку внезапно подвергалась сомнению.

Шум наконец утих, и капитан Кренстон взял

слово:

— Признаю, что ситуация не из лучших. Я не могу объяснить, почему на этой, по всем данным, необитаемой планете, было уничтожено человеческое поселение, но тем не менее я обязан вас высадить. У нас слишком мало пищи, чтобы такую многочисленную группу забрать назад. Мне очень жаль, но вы прилетели и должны остаться. А теперь, — он частично повернулся в сторону президиума, — я хотел бы представить вам человека, который сегодня прибыл на борт нашего корабля, чтобы помочь нам. Это Марк Роган из Космического Патруля. Мистер Роган, прошу сюда. И вы тоже, мистер Ханли.

Роган встал с места и подошел к капитану.

— Мистер Роган, может, вы скажете пару слов нашим колонистам.

Тот поглядел на них, после чего усмехнулся и отозвался мягким голосом, голосом, который Ханли уже когда-то слышал:

— Друзья, не беспокойтесь, все будет хорошо. Я выслушал переданные сообщения и уверен, что через день-два смогу обеспечить вам безопасную посадку.

Он отступил на шаг. Последовала мертвая тишина. Через несколько секунд раздались

экстатичные женские вздохи. Ханли, который изумленно выслушал это мягкое и успокаивающее заявление, оглядел публику. Изумление было смешано с беспокойством. За Марком Роганом закрепилась сомнительная репутация относительно женщин.

Капитан Крестон прервал молчание, как бы продолжая прерванный разговор:

— Кстати, Лен, я хотел бы познакомить тебя с Марком Роганом. — Рогану же сказал: — Мистер Ханли — глава колонистов.

Живые зеленые глаза, казалось, впились в лицо Ханли. Наконец Роган улыбнулся и протянул свою щуплую руку. Ханли с опозданием взял ее и сильно сжал длинные узкие пальцы Рогана.

Улыбка Рогана заострилась, и Ханли вдруг почувствовал, что его рука попала в тиски. Он побледнел от боли, и в тот же момент зажим ослабел. Зеленые глаза внимательно присматривались к нему, и у Ханли появилась неприятная уверенность, что его враждебность была замечена, соответствующим образом оценена, и что он, Ханли, позорно проиграл первый раунд.

Капитан Кренстон вновь обратился к колонистам:

— Дамы и Господа, первым высадится воору-

женный разведывательный отряд под командованием мистера Рогана и мистера Ханли. Мы можем успеть еще сегодня, поэтому незамедлительно приступаем к необходимым приготовлениям.

Ханли погрузил в шлюпку переносную рацию, счетчик Гейгера, передвижной радар и специальное устройство, способное создавать различного рода колебания — начиная от звуковых волн, через ультразвук, вплоть до коротких радиоволн.

Уголком глаза он заметил идущего по коридору Рогана. Спешно отвернулся в другую сторону, после чего так же быстро поглядел еще раз. Да, он не ошибся. Роган был одет в матросские брюки и широко расстегнутую рубаху, его карманы не оттопыривались от всякой всячины, и руки были пусты. У него не было решительно никакого снаряжения.

Ханли небрежным кивком ответил на его «День добрый!», а когда уже входили на борт, подумал с усмешкой: «Хорошо еще, что он согласился на общепринятые средства передвижения».

Где-то минут через десять шлюпка приземлилась в центре развалин, которые когда-то были поселением, где проживала тысяча человек.

— Похоже, что тут проехались бульдозером, — заметил один из членов экипажа, когда Ханли

нетвердо спускался на землю.

При виде развалин он нервно сглотнул. Кто-то или что-то славно здесь поработало, чтобы довести поселение до такого жуткого состояния. Построенные из полевого камня дома были разрушены так основательно, что трудно было даже найти один целый камень. То тут, то там уже успела вырасти свежая трава. Лишь несколько деревьев осталось на площадке, где некая гигантская сила прошлась по всему, словно каким-то невообразимым бульдозером.

Ханли сделал несколько шагов вперед, споткнулся о что-то, глянул под ноги и поспешно отступил. Это были человеческие останки, каким-то образом вбитые в почву.

Лишь сейчас он заметил лежащие среди руин тела. Их не так-то просто было заметить: многие из них, изуродованные и засыпанные тонким слоем земли, напоминали обычные небольшие холмики.

Фрэнк Стреттон, один из молодых колонистов, встал рядом. Ханли обернулся и крикнул Рогану:

— Я думаю, сначала следует немного оглядеться, мистер Роган. Может быть, мы с вами пойдем вдоль реки, а мистер Стреттон и, — он произнес имя одного из техников, — проверят эти холмы?

Остальные могут разбиться на группы и идти по своему усмотрению. Никаких специальных распоряжений, лишь будьте настороже и возвращайтесь не позднее, чем через два часа.

Он не стал дожидаться ответа Рогана, а сразу же направился к кораблю. Это было немного необычно — оба командира разведгруппы идут на осмотр, но Ханли обязательно хотел увидеть эксперта Космического Патруля по делам контактов с чужими расами в деле. В глубине души он решил выяснить все без его помощи.

Он взял наполненный инструментами рюкзак и закинул его себе на спину. При этом он немного согнулся под его тяжестью, но затем восстановил равновесие и вместе с Роганом направился в сторону от руин. Его немного удивило, что Роган столь охотно согласился на его предложение. Он заметил, что его спутник все время поглядывает на небо и очень редко обращает внимание на то, что происходит вокруг.

Голая, каменистая земля сменилась радующей глаза травой, куда-то исчезли камни и валуны, которых было полным-полно у разрушенного поселка. Они дошли до первого скопления деревьев. Некоторые были покрыты цветами, другие — плодами. Теплый воздух был насыщен слад-

ким ароматом.

Они остановились на берегу широкой и на первый взгляд глубокой реки. Потом двинулись прямо по естественной тропинке, бегущей у основания поднимающего все выше берега. Через некоторое время над ними возникла стофутовая клифовая[4] стена. Спереди доносился рев водопада.

Идущий впереди Роган на минутку остановился, и Ханли воспользовался моментом, чтобы снять свой тяжелый багаж и достать инструменты. Счетчик Гейгера щелкнул всего один раз, а потом замолчал, поэтому он положил его набок, после чего сказал пару слов по рации и получил в ответ порцию треска.

Похоже, это не подняло его настроения. На борту корабля такие сигналы казались просто таинственными, но в этот момент ему было немножко не по себе.

— Вы не считаете, что нам может угрожать какая-то опасность? — спросил он Рогана.

Ответа он не получил. Роган даже не повернулся и не подал виду, что вообще услышал вопрос. Ханли покраснел от злости и двинулся в его сто-

---

[4] Примечания: 4
Клиф — обнажение основных пород.

рону. «Так, самое время для выяснения некоторых вещей!» — подумал он.

Подойдя к Рогану, он заметил, что тот внимательно всматривается в песок. Он вспомнил, что Роган уже дважды приостанавливался и каждый раз исследовал такие же песчаные островки.

Гнев Ханли прошел. Он искал какой-нибудь смысл в действиях Рогана, и только сейчас он начинал постигать его. Он внимательно пригляделся к песчаной площадке. Это был самый обычный желто-коричневый песок.

Ханли не знал, что ему делать. Ему хотелось задать несколько вопросов, но его спутник вел себя так нелюбезно, что Ханли не хотелось еще раз почувствовать пренебрежение к себе. Он уже почти отвернулся, когда Роган посмотрел на него и мягко произнес:

— Мистер Ханли, по вашему поведению я чувствую, что вас, похоже, задело то, что я не отвечал вам. Верно?

Тот кивнул, не зная, что ответить. То, как Роган сформулировал свое высказывание, казалось, указывало на что-то такое… «По вашему поведению»… неужели Роган хотел сказать, что не слышал его вопроса? Ханли ждал, с трудом сдерживая гнев. Потом Роган продолжил:

— Я так часто оказываюсь в подобной ситуации, что, как правило, ничего и не стараюсь объяснить. — Его зеленые глаза горели своим собственным, внутренним светом. — Но, учитывая, что нам предстоит сотрудничать, мне бы хотелось, чтобы вы поверили мне на слово, что в момент мысленной сосредоточенности я не слышу обращенных ко мне слов. Прошу меня извинить, если это объяснение вас не удовлетворит, — тихо закончил он.

— Я слышал о подобных вещах. Гипноз и тому подобное… — нехотя произнес Ханли.

— Ну, если вам нужен ярлык… — парировал Роган таким тоном, будто ему было все равно. — Хотя, если брать шире, это не совсем так.

До Ханли слишком поздно дошло, что его спутник пытается проявлять вежливость.

— Благодарю за объяснение, мистер Роган, — поторопился заверить Ханли. — Но может, вы мне скажете, что вы ищите в этом песке?

— Жизнь, — ответил Роган, отворачиваясь от него. — В сущности, ведь жизнь — это нечто такое простое, что эту простоту трудно и заметить. На каждой планете процесс зарождения жизни проходит через такой этап, на котором практически невозможно отличить органическую материю

от неорганической. На этой планете этот этап все еще продолжается и является основой для возникновения и развития здешней жизни. Я не смогу доказать вам это. Определить это я могу лишь при помощи одного прибора — моего мозга. В данный момент вы вряд ли согласитесь с тем, насколько этот факт определяет мое поведение. И мой вам совет: не пытайтесь оказывать дружеское ко мне участие после той неприязни, что вы чувствовали ко мне, лишь на основании этих моих заумных объяснений. Как бы потом вам не пришлось жалеть об этом.

Ханли, который было решил изменить отношение к своему спутнику, вдруг стало не по себе. Роган, похоже, знает, о чем говорит. Эксперт Космического Патруля по делам контактов с чужими расами вернулся к созерцанию песка, а Ханли — к своим инструментам. «В конце концов, я могу и сам обнаружить крупные формы жизни, — подумал он, — воспользовавшись обычным оборудованием, без этой его теории».

Он старательно установил радар и стал посылать сигналы на все стороны. Через некоторое время он получил отраженные сигналы, указывающие на наличие небольшой пустоты в почве — впрочем, слишком маленькой, чтобы иметь

какое-либо значение.

Ханли спрятал радар и занялся настройкой излучателя вибраций. Стрелка тут же прыгнула за красную отметку, и в тот же миг он услышал крик Рогана:

— Ханли, прыгай! Сюда!

Тот, услышав над собой гремящий отзвук, инстинктивно взглянул вверх. На него падала скала. Вскрикнув, он попытался отскочить в сторону, но в тот же миг почувствовал удар, страшную боль, а потом его охватила темнота.

Боль. У него болела голова. Со стоном он открыл глаза. Он лежал под крутой стеной клифа, в нескольких футах от места, где его застал падающий обломок скалы.

Грохочущий рев водопада гудел в его ушах. Хоган попытался рассмотреть его, но тут он вспомнил, что ничего не увидит. И правда, ведь до водопада они не дошли. Гораздо более странным и тревожащим фактом было то, что нигде не было видно Рогана.

Ханли поднялся на ноги. Обойдя свое разбитое оборудование, он дошел до самого поворота реки, откуда можно было разглядеть почти двухкилометровый отрезок ее извилистого русла. Нигде не было заметно какого-либо движения.

Кроме удивления он почувствовал, как его постепенно охватывает злость. Он двинулся в противоположную сторону, и прошел примерно двести ярдов, когда неожиданно увидел прямо перед собой водопад. Вода падала с высоты более, чем ста футов, в длинную, широкую долину. К самому берегу реки подступал густой, тянувшийся до горизонта коричнево-зеленый лес. Никаких следов Рогана.

Так и не решив, что же ему, собственно, делать, Ханли вернулся к своим приборам. Он понимал, что надо двинуться дальше вперед, одновременно сознавая и тот факт, что лишь считанные миллиметры отделяли его от смерти. На виске запеклась кровь, кожа на виске содрана.

Ханли почувствовал внезапное облегчение, когда увидел засунутую под счетчик Гейгера записку. «Что ж, видимо, в нем еще осталось что-то человеческое!» — подумал он и прочитал оставленную Роганом записку:

«ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ НА КОРАБЛЬ! Я БУДУ ОТСУТСТВОВАТЬ ДЕНЬ ИЛИ ДВА».

Ханли сжал губы. Румянец, выступивший на щеках, был вызван не только пережитыми эмоциями. Впрочем, и на этот раз гнев быстро прошел. Рогану не обязательно нянчиться с ним,

а задание, за которое он взялся, не требовало от него опеки за ранеными или контуженными.

Ханли включил рацию. Телефоны мгновенно ожили тысячью смешанных звуков. Во всей этой какофонии ему даже удалось выделить свой искаженный голос, постоянно повторяющий отправленное еще неделю назад сообщение. Он пробовал передать SOS, одновременно сообщая о своем местонахождении, но ему не удалось пробиться сквозь ужасный шум.

Не оставалось ничего другого, как двинуться в обратный путь.

Когда уже перед закатом он дошел до поселения, его сразу же забрали на корабль, а оба врача настояли на том, чтобы ночь он провел в лазарете, вместе с тем заверив его, что утром, скорее всего, он будет в полном порядке.

Ханли спал очень беспокойно, просыпался чуть ли не каждую минуту, а затем долго не мог заснуть. «Надо честно признать: храбрости ему не занимать, — подумал он в какой-то момент. — Сейчас ночь, а он там совсем один».

Этими мыслями он хотел сам перед собой оправдать ложь, которую скормил остальным: что Роган ушел лишь тогда, когда удостоверился, что с ним, Ханли, ничего серьезного не случи-

лось. Конечно, это была абсолютная ложь, но главное было в том, что колонисты по-прежнему верили в Рогана.

За ночь к Ханли вернулись силы и энергия. Перед самым рассветом он открыл глаза, и тут его внезапно озарило: «Скала! Это не было случайным падением! Кто-то или что-то сбросило ее на меня!»

Ханли решил, что утром сходит туда снова.

Было уже девять, и он как раз одевался, когда вошла его жена и тяжело уселась в кресле. Во взгляде ее серых глаз читалась усталость, лицо осунулось, длинные светлые волосы были непричесаны.

— Я очень беспокоюсь, — угрюмо сообщила она.

— Со мной все в порядке, — уверил ее Ханли. — Я отделался парой синяков и легким шоком.

На его слова она не обратила никакого внимания.

— Знаешь, когда я думаю, что он там, внизу, и что судьба всей колонии зависит от того, удастся ли ему выжить…

Только сейчас, когда понял, что его жена беспокоится не о нем, Ханли, а о Рогане, он почувствовал настоящий шок. Жена подняла к нему

обеспокоенный взгляд.

— Лен, правильно ли ты поступил, оставив его там одного.

Ханли изумленно уставился на жену, но ничего не ответил. Он просто не знал, что ему говорить.

Во время завтрака он еще более утвердился в мысли разрешить тайну планеты без участия Рогана.

Через несколько минут шлюпка, пилотируемая Фрэнком Стреттоном, взяла курс к планете. План Ханли был очень прост: если на планете существует жизнь, то каким-либо образом она проявится. Умный наблюдатель сумеет заметить это, даже не обладая суперинтеллектом.

Они приземлились на лугу примерно за полмили от реки и в миле от водопада. Это было прекрасное место для начала исследований феномена летающих скал.

Молодой Стреттон, который до сих пор не перекинулся с Ханли ни словом, вдруг заметил:

— Красивое место. Если бы не эти камни…

Ханли рассеянно кивнул. Он спустился на землю и остановился, чтобы еще раз осмотреться. Одни лишь деревья и трава, яркие цветы; водная пыль над водопадом блестела живым серебром, а дальше начиналась обширная, заросшая лесом

долина. Да, этот вид поражает естественной красотой и уютом.

Правильно заметил Стреттон, маленьких валунов и камней тут было очень много, но ведь их можно убрать. Ханли подошел к ближайшему и поднял его с земли. Камень был величиной с арбуз, но оказался неожиданно легким. Ханли держал его в одной руке и наблюдал за солнечными зайчиками, игравшими на его поверхности.

На первый взгляд казалось, что это гранит, а эти более светлые пятнышки — примеси слюды, но после тщательного осмотра Ханли уже не был так уверен в этом. Пальцы окрасились желтым, поэтому он решил, что это может быть сера.

— Собственно говоря, кто этот тип? — понуро спросил Стреттон. — То есть почему бабы сходят от него с ума. Дороти не дала мне заснуть, все о нем беспокоилась.

Хотя мысли Ханли были сосредоточены на таинственном камне, он вдруг вспомнил необычное поведение Элеоноры.

— В нем есть что-то уникальное, — начал он, — если не считать... — тут он остановился, так как дальше все основывалось на сплетнях. — Согласно документам, корабль, на котором летели его родители, разбился на безлюдной планете. Там

и родился Роган. Когда его оттуда забрали, он был еще ребенком, а когда стали проявляться его необыкновенные способности, было уже поздно.

— Поздно для чего?

— Никто уже не помнил, где точно находилась эта планета.

— Гм-м! — молодой человек ненадолго замолк. Ханли уже снова хотел заняться камнем, когда Стреттон спросил:

— А эта история, что у него якобы полно детей во всей галактике?

— Чушь, — резко ответил Ханли. Ему не доставляло удовольствия то, что он вынужден защищать Рогана, тем более, что его беспокоили те же подозрения, что не давали спать Стреттону.

— Чего он хочет? — спросил Стреттон. — Произвести на свет целую банду таких, как он сам, монстров?

Ханли уже слышал когда-то такое мнение, причем высказанное теми же словами. Но наперекор себе с сарказмом ответил:

— Может, он считает, что его необыкновенные способности ладить с другими расами должны стать уделом как можно большего числа людей? Мне кажется, что по его мнению женщины,

живущие в тех колониях, что вынуждены обращаться к нему за помощью, с радостью ухватятся за возможность зачать от него детей, а те впоследствии смогут благодаря своим необычным способностям обеспечить колонистам мирное сосуществование с чужаками. Могу допустить, что…

Внезапно он умолк, пораженный. Он старался высмеять Рогана, а между тем то, что он говорил, звучало вполне здраво, даже более того, возможно, в этом была *необходимость*! «Боже мой! — подумал он. — Если он хотя бы попробует сблизиться с Элеонорой…»

В приступе ярости он бросил камень, что держал в руке, в другой, лежавший в траве. Раздался громкий треск, оба камня разбились, а ветер швырнул ему прямо в лицо облако желтой пыли. Резкий запах серы стало трудно выносить. Ханли зашелся в сильном кашле, который ему удалось подавить, когда, отскочив назад, он сумел набрать в легкие свежего воздуха. Он уже начал наклоняться, чтобы повнимательнее осмотреть остатки разбитых камней, когда Стреттон крикнул:

— Мистер Ханли, камни! Они двигаются!

В первый момент Ханли не мог поверить своим

глазам. Разбросанные по лугу валуны медленно перемещались в их сторону, правда, довольно-таки нерешительно и неуверенно, но все же они катились! Одновременно легкий ветерок, который лишь время от времени напоминал о своем существовании, значительно усилился. Листья затанцевали в воздухе, а щеки царапали песчинки пыли.

Глаза начали слезиться. Чуть ли не на ощупь он двинулся к разведшлюпке и споткнулся о спущенный трап. Ветер дул теперь с такой силой, что, лишь согнувшись пополам, можно было устоять на ногах.

— Сюда, скорее, — услышал он голос Стреттона.

Пилот схватил его за плечо и помог забраться по ступеням. Без сил рухнув на свое место в кабине, Ханли пытался отдышаться по меньшей мере минуту. Стреттон засуетился у пульта управления.

— Фрэнк, погоди! — закричал Ханли.

Молодой человек обернулся и сказал с уважением:

— Мистер Ханли, лучше будет, если мы уберемся отсюда. Этот ветер может нас перевернуть.

Его слова заглушались воем урагана, и они лишь частично доносились до Ханли, но он все

же понял, в чем дело. И резко покачал головой.

— Ты что, не понимаешь? — заорал он. — Эти камни и есть здешняя форма жизни! Мы должны остаться и собрать о них как можно больше информации. Если нам это удастся, то мы сумеем обойтись без помощи Рогана!

Этот довод убедил Стреттона, который скривился при одном только упоминании имени эксперта Космического Патруля по делам контактов с чужими расами.

— Черт побери! — воскликнул он. — Покажем этому… — Несомненно, руки у него чесались.

— Включи радио, — приказал Ханли. — Интересно, что мы поймаем.

Радио ожило смесью самых различных голосов. На всех частотах скрежет и шум были одинаково громкими и неинформативными. Ханли понуро слушал эту какофонию около минуты, после чего выглянул наружу.

Поразительный вид открылся ему — наваленные друг на друга камни, все сильнее напирающие на корпус их небольшого аппарата. Куча, передний фронт которой составляли крупные камни, а задний — размерами поменьше, уже достигла высоты трех футов. Ханли прикинул, что она состояла из нескольких сотен скальных

обломков.

Однако их количество все время росло. Ханли было не по себе, но он не переставал смотреть. По взъерошенному ветром лугу катились новые камни. Их скорость, казалось, зависела от их размеров: средние двигались со скоростью две-три мили в час, в то время как большие (диаметром до двух футов) достигали скорости в пять миль.

Куча росла буквально на глазах, и Ханли, вдруг наполнившись недобрых предчувствий, повернулся к Стреттону и увидел, что юноша отпихивает палкой что-то, находящееся с другой стороны шлюпки.

— Камни! — хрипло крикнул Стреттон. — Их целая куча! В любой момент они могут напасть на нас!

Ханли не знал, что делать. Благодаря тому, что они не улетели, они узнали, как атакует противник. Может, если им удастся продержаться чуть подольше…

Его мысли прервал следующий вопль Стреттона:

— Мистер Ханли, смотрите!

Ханли взглянул туда, куда указывала вытянутая рука юноши. Где-то в сотне футов от него катился огромный, не меньше десяти футов в диаметре

валун. Он медленно вращался вокруг своей оси, как бы решая, в какую сторону ему направиться. Еще немного, и он обрушится на них.

Ханли проглотил комок в горле, после чего громким, но спокойным голосом сказал:

— Ладно, стартуем!

Стреттон рванул рычаг, и через металл корабля прошла дрожь. Пол уходил из-под ног. Ханли почти чувствовал, как двигатели пытаются поднять корабль в воздух.

— Мистер Ханли, нас что-то держит!

«Надо выбираться отсюда и удирать! — промелькнуло в мозгу. — Но куда?»

Он уже хотел предложить Стреттону попытаться стартовать еще раз, когда огромный валун двинулся прямо на шлюпку, все время набирая скорость.

— Фрэнк, валун! Прыгай на землю! — вскрикнул Ханли.

Он не стал ждать, чтобы проверить, послушался ли его совета юноша. Как из катапульты, он бросился вперед, лишь бы подальше от корабля, спрыгнул на камень и, воспользовавшись им как трамплином, снова прыгнул.

Сзади раздался грохот удара, треск раздавленного металла и жуткий человеческий вопль.

Потом наступила тишина.

Ханли бежал, подгоняемый медленно стихающим ветром. Наконец, выбившись из сил, он замедлил бег и оглянулся. Он пробежал примерно двести пятьдесят ярдов, и хотя между ним и шлюпкой теперь находилось множество деревьев и кустов, но все же он прекрасно видел лежащий на раздавленном корабле валун. Вокруг все замерло. Даже камни лежали неподвижно.

Буря стихла, ветер теперь дул только порывами. Все случившееся казалось в этот момент Ханли кошмарным сном. Он не мог представить себе, что там, среди сдавленных обломков шлюпки, лежит Стреттон, теперь уже мертвый. «Я должен туда вернуться», — мелькнула шальная мысль.

Лежащий до сих пор спокойно в ста футах от него камень вдруг дрогнул, после чего с остановками покатился в его сторону. Тут же задвигались и другие камни и тоже покатились в его сторону.

Ханли поспешно отступил. Когда он думал о том, что произошло с его товарищем, то ощущал внутри какую-то бездонную пустоту, но самым главным было то, что ему удалось открыть и идентифицировать существующую на планете враждебную форму жизни. Теперь необходимо найти способ передать эту информацию на ко-

рабль.

Он шел параллельно реке в направлении деревушки, от которой по его приблизительным расчетам его отделяло три-четыре мили. Через несколько минут ходьбы все камни остались далеко позади. «Так они что, медлительны? — мелькнула у него триумфальная мысль. — Им нужно время, чтобы установить чье-либо присутствие».

Он попытался представить, какой будет жизнь колонистов на этой планете. Прежде всего придется очистить от камней всю землю. В состав стандартного снаряжения всех мужчин и женщин обязательно будут входить атомные ружья с зарядом в тысячу единиц. Быть может, когда-нибудь эти камни будут представлять собой только музейную редкость. Наверняка они размножаются крайне медленно, следовательно, не должно возникнуть проблем с уборкой их со всех территорий, за исключением самых труднодоступных.

Он все еще был занят размышлениями, когда увидел перед собой блестящие в лучах солнца камни.

Испуганный этим видом, он остановился, после чего поспешно свернул в сторону, подальше от реки. И тут же снова остановился. Камни были

и там.

С трудом проглотив слюну, он обратно повернул к реке. Но и здесь, среди низкорослой травы двигалось несколько шаровидных предметов, впрочем, тут росло множество кустарников, и их густота дала Ханли повод надеяться, что из-за них камням не удастся быстро поменять направление движения. Он ухватился за эту мысль, как утопающий за соломинку.

Он бежал среди деревьев, ища какое-нибудь больших размеров. Наконец такое нашлось, примерно в двухста футах от обрывистого берега.

Часть толстого ствола шла наклонно, так что не составило бы бы большого труда залезть на него и, ухватившись за одну из толстых ветвей, взобраться на самую вершину, возвышавшуюся над всеми деревьями в округе.

Однако он метнулся к круто обрывавшемуся берегу. В пятидесяти футах от него внизу стремительно текла вода, да и спуститься по вертикальной стене не было никакой возможности. Одного взгляда вниз было достаточно, чтобы исключить реку как возможный путь отступления.

Когда он снова направился к дереву, то с беспокойством заметил, что больше дюжины камней отрезало его теперь от предлагавшего безопасное

место спасения ствола. Ханли двинулся прямо на один из них. Осторожно перепрыгнул через него, однако тот продолжал катиться дальше. И лишь когда Ханли миновал подобным способом еще два-три камня, первый остановился и, как бы в чем-то сомневаясь, повернулся в его сторону.

Страха у Ханли уже почти не было. Удостоверившись, что не окружен, он позволил камню приблизиться к нему, внимательно наблюдая за ним, выискивая следы разума, но видел лишь несколько пористую, самую обыкновенную поверхность.

Камень дополз до самого его сапога, коснулся его… и остался на месте.

Ханли попытался стряхнуть его, но камушек держался как приклеенный. Весил он по меньшей мере фунтов пять, и Ханли, помимо напряжения мышц, несущих дополнительную тяжесть, ощутил острый укол страха, что никогда уже не расстанется с ним.

Тем временем и другие камни успели вычислить местоположение человека и двинулись к нему. Ханли решил вскарабкаться на ствол и поспешно снял сапог с прицепившимся дополнительным балластом. Потряс, но напрасно. Отчаявшись, он, размахнувшись, бросил его в

ближайший камень.

Оба камня разбились в мелкую пыль, а случайный ветерок вновь подул в Ханли концентрированным серным смрадом. Когда наконец приступ кашля прошел и сквозь пелену слез можно было что-то разглядеть, он увидел лежащий среди небольшой кучки остатков камней блестящий кристалл. Он осмотрел его, после чего схватил свой освобожденный от нежелательной тяжести сапог и как можно быстрей полез на дерево.

Сделал это как раз вовремя. Все пространство кругом было закрыто катящимися в его сторону камнями.

Остаток дня Ханли провел на дереве.

Перед самым закатом он вскарабкался повыше и нашел для себя более-менее удобную развилку ветвей, в которой и устроился на ночь. Сразу заснуть не удалось, лишь около полуночи он провалился в сон.

Ханли проснулся как бы под влиянием какого-то импульса. Солнце только что встало из-за горизонта, а в его направлении вдоль реки летела разведывательная шлюпка. Ханли резко вскочил на ноги, едва не рухнув вниз, когда толстая и солидная на вид ветка сломалась под его весом, как сухая спичка, но он быстро выровнял равновесие,

сорвал с себя рубашку и начал ею размахивать…

Поглощая приготовленный Элеонорой завтрак, Ханли узнал, что Марк Роган вернулся на корабль вчера вечером, провел ночь на борту, после чего рано утром улетел на планету. Ханли перестал жевать и задумался на минуту.

— Он сказал что-нибудь? — спросил он наконец. — Нашел решение проблемы?

Он ожидал ответа, ревнуя за свое собственное открытие и боясь, не опередил ли его Роган.

— Кажется, нет, — тяжело вздохнула Элеонора. — Правда, он говорил в основном с мужчинами. Возможно, он им что-то и сказал?..

Ханли сильно в этом сомневался. Итак, достаточно было только внимательно оглядеться вокруг, чтобы превзойти знаменитого эксперта Космического Патруля по делам контактов с чужими расами. Он уже снова готов был приняться за еду, как до него вдруг дошло, каким странным тоном ответила ему жена.

— Он говорил в основном с мужчинами? — повторил он вслед за нею.

Щеки Элеоноры покрылись румянцем.

— Я пригласила его на обед, — сказала она, после чего быстро добавила: — Думала, что ты вот-вот вернешься. Мне казалось, что ты не бу-

дешь иметь ничего против…

Это прозвучало так беззащитно и атакующе одновременно, что Ханли не мог не прервать ее:

— Все в порядке, дорогая. Действительно, нет никаких проблем.

По правде говоря, он вовсе не был в этом уверен. До конца завтрака он украдкой наблюдал за нею, а в голове роились самые различные предположения. В какой-то момент он чуть даже не спросил: «А ты совершенно уверена, что он не оставался здесь и на ночь?» — но когда осознал, что это может глубоко задеть ее, стиснул зубы и почувствовал злость на самого себя.

Именно эти беспокойные мысли и перевесили. Сначала он хотел дождаться результатов исследований Рогана, ведь самому ему еще далеко было до полного разрешения проблемы живых камней, но теперь он чувствовал, что менее расположен к подобного рода размышлениям.

Когда он представил свое понимание ситуации остальным, те тоже начали выказывать беспокойство.

— Наши женщины совсем от него без ума, — в бешенстве заметил один из колонистов. — Знаете, что сказала моя жена, узнав о смерти Фрэнка Стреттона? Что его вдова должна немедленно

выйти замуж за Рогана! Хотя, насколько известно, он вовсе не принадлежит к тем, кто может связать себя брачными узами, но… это же надо — придумать такое!

— Инстинкт самосохранения, — отозвался другой колонист. — В истории можно встретить массу женщин, мечтавших забеременеть от знаменитостей, а, принимая во внимание особые способности Рогана…

— Не такие уж они и особые, — прервал его кто-то. — Чтобы обнаружить врага, нашему руководителю Леонарду Ханли вовсе не понадобилась помощь этого «знаменитого» типа.

Ханли положил конец этой слишком уж затянувшейся дискуссии:

— Завтра нам понадобится почти целый день, чтобы спустить вниз необходимое оборудование. Если мистер Роган осчастливит нас визитом до того, как мы приступим к перевозке женщин и детей, вот пусть тогда и предоставит нам результаты своих исследований. Если же нет, то…

Как-то вышло так, что Марк Роган их не осчастливил своим появлением.

Для посадки были выбраны открытые места по берегу реки в долине, покрытой лесом и начинающейся за водопадом. До полудня все колонисты

уже были спущены на поверхность планеты. Капитан Кренстон проинформировал Ханли, что «Колонист-12» сразу же отправляется в обратный путь.

— И без того на это путешествие мы затратили кучу времени, — добавил он, как бы оправдываясь. — Мои хозяева будут сердиться.

Ханли особенно не мог посочувствовать им по этому поводу. Он прекрасно понимал, что колонистам еще не раз придется расплачиваться за этот меркантилизм, проявленный по отношению к ним людьми, державшими в руках все межзвездные перевозки. Он попытался найти какой-нибудь повод, чтобы задержать дальнейшее пребывание корабля на орбите Ариэля, но не смог придумать ничего подходящего.

— А что с Роганом? — Вы что, не станете дожидаться его?

Капитан Кренстон пожал плечами.

— Его подберет какой-нибудь патрульный корабль. Ну что ж, прощайте.

Он пожал руку Ханли, и тот саркастически подумал, что сейчас никто уж и не вспоминает о том, что Роган вполне может обойтись и без корабля, что он якобы способен и в одиночку путешествовать в космическом пространстве.

Удивительно, как вообще кто-либо может верить в подобную чушь!

Время было близко к полудню. Краем глаза Ханли заметил, как работающая у палатки Элеонора поспешно достает косметичку и приводит себя в порядок. Он повернулся в сторону, куда она смотрела, и скривился, увидев идущего вдоль реки Рогана.

Эксперт Космического Патруля по делам контактов с чужими расами нарушил тишину только тогда, когда от Ханли его отделяло не более двух метров.

— Где корабль? — спросил он. — Мистер Ханли, это вы приказали выгружаться?

Его голос ничуть не утратил мягкости, но в нем явно слышался сдерживаемый гнев. Ханли, хотя и чувствовавшему правоту своего решения, стало не по себе. «Неужели я все-таки совершил ошибку?» — подумал он, а вслух сказал:

— Да, я. Так уж вышло, мистер Роган. — К Ханли уже в значительной степени вернулась былая уверенность в себе, — что мне удалось выяснить загадку населяющей эту планету враждебной нам формы жизни, и теперь мы предприняли все необходимые меры предосторожности.

Дважды Роган набирал в легкие воздух, как бы

намереваясь что-то сказать, но в конце концов он промолчал и лишь окинул взглядом суетящихся колонистов. Увидев, что у нескольких поваленных деревьев устанавливают устройство для переработки дерева в пластик, на его лице появилась таинственная усмешка. Он подошел к лесопилке и принялся наблюдать за тем, как механические пилы режут обильно кровоточащие соками стволы, после чего те освобождаются от смолы и подаются дальше на переработку.

Он снова приблизился к Ханли, и его зеленые глаза иронично блестели.

— Так что же вы открыли? — спросил он.

Слушал он внимательно, наклонив голову вбок, как бы прислушиваясь к чему-то, скрывающемуся за словами. Взгляд был отсутствующим, он весь ушел в себя. Наконец он сказал:

— Значит, вы считаете, что обнаруженный вами кристалл после того, как вы разрушили камень, — мозг живого существа?

Ханли несколько секунд колебался, после чего ответил тоном, словно преступник на дознании:

— Пьезоэлектрические кристаллы служат основой для работы радио и телевидения, кроме того, известно, что кристаллы способны расти, следовательно…

Но он так и не закончил эту мысль, потому что подбежавшая Элеонора схватила Рогана за руку.

— Что случилось? — плачуще спросила она. — Что-то не так?

Роган мягко освободился от нее.

— Миссис Ханли, — сказал он спокойным тоном, — ваш муж совершил смертельную ошибку. Активность камней — не более, чем просто одно из проявлений воздействия на окружающую среду разума, правящего этой планетой. — Он обернулся к остолбеневшему Ханли. — Когда вы подвергались нападению, дул сильный ветер?

Ханли, не в силах выдавить хотя бы слово, лишь молча кивнул головой.

— Это тоже одно из его проявлений, — буркнул Роган, после чего посмотрел на часы. — До сумерек еще есть два с лишним часа. Если взять самые необходимые вещи, то мы еще успеем выйти из долины до захода солнца.

Он замолк и внимательно посмотрел на Ханли.

— Приказывайте! — сухо бросил он начальнику колонистов.

— Но ведь... — Ханли безуспешно пытался вернуть себе хладнокровие. — Это невозможно. Кроме того, ведь должны мы где-то остановиться.

Мы ведь не можем… — он вдруг замолк, внезапно осознав, что выхода нет, но из-за каши в голове он просто не способен был действовать так, как требовала ситуация.

— Отдавайте распоряжения, — повторил Роган, — а уж мне придется давать объяснения…

Вскоре после наступления темноты поднялся порывистый ветер. Дул он больше часа, швыряя комки пыли в лица колонистов, которые двигались длинной цепочкой вслед за колонной гусеничных транспортеров. В шести разведшлюпках все-таки удалось разместить всех маленьких детей, но когда буря закончилась, наиболее сильным из них пришлось уступить место женщинам, буквально валившимся с ног от усталости.

Около полуночи камни двинулись в атаку. В лучах установленных на транспортерах прожекторов неожиданно появились валуны двадцати- и даже тридцатифутового диаметра. Прежде чем удалось сориентироваться, два транспортера превратились в груду лома. Трещал разрываемый металл, слышались крики задавливаемых живьем людей, после чего загрохотали атомные ружья, и камни превратились в пыль, не причинив никому вреда.

К сапогам некоторых колонистов прицепились маленькие камни, довольно серьезно мешая их быстрому передвижению. Когда и с этой напастью было покончено, Ханли пришлось пройти вдоль колонны измученных женщин и детей и уговаривать их идти дальше.

Перед самым рассветом земля затряслась под ногами, открылись глубокие расщелины, и некоторым колонистам пришлось пережить неприятные минуты, пока их не вытянули из раскрывающихся под ногами пропастей.

Когда забрезжил рассвет, Ханли пробормотал Рогану:

— Так что, выходит, что они способны вызвать даже такое сильное землетрясение?

— Не думаю, что они делают это слишком часто, — ответил Роган. — Нужно обладать большим мужеством, чтобы проникнуть в зону горячих жидких скальных пород, ответственных за возникновение подобного рода явлений. — Он умолк, о чем-то задумавшись. — Полагаю, что окончательно инцидент можно было бы закрыть заключением своего рода договора, который налагал бы на нас обязанность доказать то, что и мы все-таки чего-то стоим и можем быть полезными. Естественно, что после такого неудачного начала

трудно требовать от этого разума, чтобы он сразу же всерьез стал рассматривать подобное предложение. Кроме того, ведь он мыслит отнюдь не человеческими категориями.

Ханли уже принял решение.

— Вот что, объяснитесь начистоту — вы ведете нас к лежащей к северу отсюда равнине, где нам придется выстроить по возможности крепкие жилища и ждать, пока вы не уговорите этот разум поверить, что мы не хотим причинить ему никакого вреда. Верно?

— Было бы лучше, если бы мы вообще не останавливались, но когда у нас столько женщин и детей… нет, это невозможно… — Казалось, словно Роган уговаривает самого себя.

Ханли, похоже, не чувствовал себя побежденным.

— Но будем ли мы там в безопасности? Ведь это совсем открытая равнина.

— В безопасности! — Роган взглянул на него. — Мой друг, да вы так ничего и не поняли. Только с виду эта планета похожа на Землю, но жизнь здесь существует совсем в иной форме. Вы сами скоро поймете, что я имею в виду.

Ханли чувствовал себя слишком подавленно, чтобы задавать новые вопросы. Через час Роган

улетел на одной из шлюпок в утренний туман. Около полудня Ханли выслал остальные шлюпки, чтобы спасти что было можно из брошенного ночью оборудования.

Корабли вернулись перед закатом, привозя вместо оборудования удивительные сообщения. Бочонок соленого мяса показывал чудеса изворотливости, так и не давшись людям в руки. Атомный минисамолет забавлялся, то взлетая вверх, то падая с выключенными двигателя ми к самой земле. Он чуть не протаранил одну из разведшлюпок, пока магнитный кран не пригвоздил его к земле. После этого самолет уже нельзя было использовать.

«Они изучают нас», — невесело подумал Ханли.

Ночь провели на плоской, поросшей травой равнине. На границах лагеря была выставлена охрана, двигатели транспортеров урчали на холостом ходу, а прожекторы разрезали темноту иглами лучей.

Где-то около полуночи Ханли разбудил шепот Элеоноры.

— Лен… Мои сапоги…

Он присмотрелся заспанными глазами. Сапоги были какие-то набухшие, покрытые быстро

растущими шишками. Ханли задрожал — и не только от холода.

— Где ты их держала? — спросил он.

— Да тут, рядом.

— На земле?

— Да.

— Надо, чтобы они были на ногах, как у меня.

— Леонард Ханли, я не стану спать в сапогах, даже если это будет… будет последняя ночь в моей жизни… — Она умолкла, но потом тихо закончила: — Пойду посмотрю, можно ли еще надеть их.

За завтраком Ханли заметил, что жена ходит со слезами на глазах, но не жалуется.

После полудня внезапно взорвался один из транспортеров. Водитель погиб на месте, а оторванный кусок обшивки отрезал руку стоящему неподалеку пятилетнему мальцу. Женщин охватила истерика. Врачи дали раненому анальгетики и спасли ему жизнь. Среди мужчин стали раздаваться какие-то неопределенные звуки, наконец, один из них подошел к Ханли.

— Мы больше не будет этого терпеть! — заявил он. — Мы имеем право защищаться.

Роган вернулся в сумерках и молча выслушал, что случилось без него.

— Это еще не все, — сказал он наконец.

— Не понимаю, почему мы просто не спалим все леса в этой части планеты и не покончим с этим раз и навсегда, — понуро буркнул Ханли.

Роган, который уже собирался уходить, еще раз взглянул на него. В свете гаснущего дня его глаза приняли желтоватый оттенок.

— Черт побери, Ханли, ты говоришь, как все те придурки, с которыми я постоянно сталкиваюсь. Говорю тебе, с помощью огня ты никак не выиграешь у этого древесного разума, хотя вообще-то огонь — единственное, чего они боятся. Именно этот страх может дать нам шанс — показать, что человек способен не разрушать, а помогать, защищать.

— Но как же этот разум действует? — беспомощно спросил Ханли. — Как двигает камни, вызывает ветер…

— Эти явления вызваны тем, что его жизненная энергия протекает значительно быстрее нашей. Нервный импульс у нас движется со скоростью триста футов в секунду, на этой же планете — почти четыреста тысяч. Даже камень имеет возможность развить некоторые примитивные жизненные процессы. Кристаллы формируются чрезвычайно быстро и могут имитировать любой вид колебаний, который доходит до них. И, что

гораздо важнее, через почву, на которой вы стоите, непрерывно протекает жизненная энергия, благодаря чему все может быть до некоторой степени управляемым и контролируемым. Достаточно пропустить эту энергию через корни травы и кустов — и вот уже сильные ветры «охлаждают» «горячие» зоны. Достаточно пропустить ее через наш транспортер, и…

— Но почему в таком случае, — прервал его слушающий, нахмурив брови, Ханли, — то дерево, на котором я ночевал, не попыталось убить меня?

— И тем самым обратить на себя внимание? — вопросом на вопрос ответил Роган со своей неизменной улыбкой. — Впрочем, оно могло попытаться сделать кое-что, что выглядело бы случайностью, к примеру, поломка ветки, но ничего непосредственно.

Он ненадолго замолк, а затем добавил решительным тоном:

— Мистер Ханли, единственным выходом из создавшейся ситуации я вижу сотрудничество. Вот, что, по-видимому, вам надо будет сделать.

Связно, лаконично он набросал Ханли последующие стадии плана. Вначале надо пару лет держаться подальше от любых поросших деревьями мест. Ни в коем случае не сжигать деревья,

за исключением мертвых усохших, которые лес сам отдаст в распоряжение людей. Следует защищать соседствующий с поселением лес от случайно вспыхивающего огня — впоследствии эта опека должна охватить всю планету.

Когда Роган закончил, Ханли тщательно проанализировал весь план и нашел в нем одно несоответствие.

— Мне хочется знать, а как после вашего отлета мы будем общаться с этим разумом?

В этот момент рядом с ним оказалась Элеонора. В слабом свете казалось, что она готовится к прыжку, ожидая ответа Рогана.

Тот пожал плечами.

— Эту проблему может решить только время.

Поселение, которое назвали Новой Землей, возвели над ручьем, вдали от деревьев. По мнению Рогана заросли на берегах ручья мало общего имели с разумными деревьями, и их можно было использовать для разных нужд.

Следующие одиннадцать дней они восемнадцать раз подвергались нападениям. Во время одного из них огромный 190-футовый камень перекатился через все поселение, раздавив по пути два дома, после чего повернул, вновь набирая разгон. Атомные пушки с разведшлюпок

превратили его в порошок прежде, чем он успел причинить больше вреда.

А затем наступила ночь, которая прошла спокойно. На рассвете появился Марк Роган, бледный и усталый, но с улыбкой на лице.

— Все в порядке, — сказал он. — Вам дан шанс.

Мужчины стали хлопать друг друга по спине, женщины плакали и старались хотя бы прикоснуться к руке Рогана. Ханли стоял чуть сбоку. «Рано еще радоваться», — думал он.

Дни шли один за другим, и ничто не мешало колонистам. Дозорные стали засыпать на своих постах, пока совсем не отказались от круглосуточной охраны. В конце восьмого спокойного дня в двери дома Ханли раздался стук. Элеонора пошла посмотреть, кто там, и Ханли услышал, как она начала говорить с кем-то заговорщическим тоном. Ласковость и мягкость этого другого голоса пробудила в нем некоторые подозрения, и он уже хотел встать со стула, когда двери хлопнули, и Элеонора запыхавшись вбежала в комнату.

— Он уходит! — закричала она.

Ханли не стал спрашивать, кто. Выбежав во двор, он увидел невыразительный в сгущающихся сумерках силуэт, который проходил мимо последних домов поселения. И через неделю о

Рогане не было никаких известий. Среди колонистов пошел слух, что лишь ему одному известным способом, он поспешил на вызов из другой части Галактики. Ханли посмеивался над этим при любой оказии, но когда услышал, как об этом говорили с полной серьезностью на совещании техников, понял, что легенда о Марке Рогане живуча и не поддается никаким попыткам уничтожить ее.

Прошло два месяца. Однажды утром Ханли проснулся и понял, что Элеонора проскользнула в кровать и лежит рядом с ним.

— Мне хочется сообщить своему господину и повелителю, — начала она, придавая своему голосу беззаботный тон, — что вскоре клан Ханли увеличится.

Обцеловав ее за все времена, Ханли лежал неподвижно, погрузившись в раздумья. Если у ребенка будут черные волосы и зеленые глаза, то… то…

Он не имел понятия, что тогда он сделает. Беззвучно застонал, пожираемый ревностью, но где-то в глубине сознания одновременно родилась мысль, что таким образом человеческая раса нашла способ выжить на еще одной чужой планете.

«Завершение»

Я сижу на холме. И сижу, как мне кажется, уже целую вечность. Время от времени я осознаю, что должна быть причина тому, что я нахожусь здесь. Всякий раз, когда эта мысль приходит мне в голову, я исследую различные вероятности, пытаясь определить возможную причину моего пребывания на холме. Где никого больше нет. Уже целую вечность. И я все гляжу и гляжу на длинную и глубокую долину внизу.

Первая причина, по которой я нахожусь здесь, кажется очевидной: я могу мыслить. Задайте мне вопрос. Вычислить корень квадратный из какого-нибудь жутко огромного числа? Или кубический? Попросите меня умножить число из восемнадцати знаков на себя квадрильон раз. Пусть требуется решить задачу с точки зрения переменных кривых. Спросите меня, где будет находиться данный предмет в определенный отрезок времени в будущем, и предоставьте мне хотя бы малейшую возможность для анализа.

Для нахождения ответа мне потребуется лишь доля секунды.

Но никто никогда не спрашивает меня ни о

чем подобном. Я сижу в одиночестве на холме. Иногда я рассчитываю движение падающей звезды. Иногда гляжу на отдаленную планету и слежу за ее курсом, пользуясь любым пространственно-временным способом контроля, чтобы ни на мгновение не потерять ее из виду. Но все эти действия кажутся мне бессмысленными. Они ни к чему не приводят. Что я буду делать со всей этой информацией?

В такие минуты я чувствую себя незавершенным. Мне почти кажется, что существует кто-то, для кого все это имеет значение.

Ежедневно солнце встает над безвоздушным горизонтом Земли — черным, освещенным слабым светом звезд, но и это всего лишь крошечная частичка черного, усыпанного звездами небесного свода.

Но он не всегда был черным. Я помню время, когда небо было голубым. Я даже предвидел, что произойдет подобное изменение. Я даже сообщил кое-кому подобную информацию. Только сейчас я ломаю голову, пытаясь вспомнить, кто же это был.

Это одно из моих наиболее удивительных воспоминаний: я так отчетливо чувствую, что кому-то очень нужна была эта информация. И

что я сообщил ее, но вот кому именно — этого я сейчас припомнить не могу. Когда в голову мою приходят подобные мысли, я спрашиваю себя, а не может ли быть так, что в моей памяти есть пробелы. Странно, что у меня имеется такая сильная уверенность.

Время от времени я прихожу к убеждению, что мне следует поискать ответ. Ведь сделать это не представляет для меня больших проблем. В былые времена я без колебаний посылал самого себя в самые отдаленные уголки планеты. Я даже отправлялся к звездам. Да, это было так просто.

Впрочем, к чему мне беспокоить себя подобными мыслями? Чего мне там искать? И вот я просто сижу в одиночестве на холме, один-одинешенек на планете, которая состарилась и стала ненужной.

Еще один день. Солнце, как обычно, карабкается по небосводу к полудню — вечно черному, усыпанному звездами небосводу середины дня.

Внезапно на противоположной стороне долины, залитой солнечными лучами, я замечаю какое-то серебристое сияние. Силовое поле материализуется из времени и синхронизирует себя с нормальным течением времени планеты.

Мне не составляет никакого труда узнать, что

оно прибыло из прошлого. Я узнаю используемую энергию, определяю ее ограничения, после чего логически выявляю источник. Похоже, оно прибыло из прошлого планеты, отстоящего от моего нынешнего на тысячелетия.

Точность при этом не имеет особого значения. Вот оно: проекция энергии, которая уже знает обо мне. Она посылает межпространственный сигнал, и мне становится интересно, когда я обнаруживаю, что могу расшифровать сообщение на основе своих прошлых знаний.

— Кто ты? — спрашивает оно.

— Я — Незавершенный, — отвечаю я. — Пожалуйста, возвращайся туда, откуда ты прибыл. Сейчас я уже так изменил себя, что в состоянии следовать за тобой. Я хочу завершить себя.

Это решение я принял за долю секунды. Сам я не способен перемещаться во времени. Когда-то, давным-давно я решил проблему, как это делается, но почти тут же что-то помешало мне создать устройство для перемещений во времени. Сейчас я уже не могу припомнить всех подробностей.

Но у энергетического поля на противоположной стороне долины такое устройство имелось. И, установив внепространственную связь, я смогу перемещаться туда же, куда и оно.

Эту связь следует установить прежде, чем оно успеет догадаться о моих намерениях.

Существо на другой стороне долины, похоже, не обрадовалось моему ответу. Начав передавать новый сигнал, оно внезапно исчезло. Может быть, оно надеялось застать меня врасплох?

Разумеется, мы вместе прибываем в его время.

Надо мной голубое небо. На противоположной от меня стороне долины — сейчас частично скрытое деревьями — находится поселение, состоявшее из нескольких маленьких строений, обступивших строение побольше. Я обследую эти строения по мере возможности и торопливо делаю необходимые изменения, чтобы не выглядеть подозрительным на фоне окружающей среды.

Я сижу на холме и жду развития событий.

Когда зашло солнце, поднимается слабый ветерок и загораются первые звезды. Сквозь туманную дымку они выглядят как-то особенно.

По мере наползания темноты на долину происходят изменения и в строениях на противоположной стороне. Зажигаются окна. Большое здание в центре светится особенно ярко, а с наступлением ночи — просто ослепительно — благодаря свету, льющемуся сквозь прозрачные стены.

Вечер и ночь проходят без приключений. А за ними — следующий день, и еще один день.

Двадцать дней и ночей.

На двадцать первый день я посылаю сообщение машине на противоположной стороне долины:

«Разве мы не можем вместе контролировать эту эпоху?»

Тут же последовал ответ:

«Да, вполне, если ты только не раскроешь мне немедленно механизм работы всех твоих блоков».

Больше всего на свете мне хотелось бы получить возможность пользоваться устройствами, при помощи которых он совершает путешествия во времени. Но я не настолько глуп, чтобы показать ему, что я не способен самостоятельно построить машину времени.

Я передаю:

«Буду рад передать тебе полную информацию. Но какие гарантии ты можешь мне дать, что не используешь эту информацию против меня — ведь ты лучше меня знаешь этот век?»

— А какие у меня гарантии, что ты поделишься со мной полной информацией о себе? — возразила машина.

Тупик. Совершенно ясно, что ни один из нас не

может доверять другому.

Ничего иного я и не ожидал. Но по крайней мере я хоть выяснил, чего я хочу знать. Мой враг считает, что я сильнее его. Его вера — плюс мое собственное знание своих возможностей — убеждают меня, что он прав.

Но как бы то ни было, я не спешу. Снова я терпеливо жду.

Я уже успел заметить, что пространство вокруг меня полно самых разнообразных колебаний искусственного происхождения. Отдельные из них могут быть трансформированы в звук, другие — в свет. Я слушаю музыку и голоса. Смотрю драматические спектакли и сцены из городской и деревенской жизни.

Я изучаю лица людей, анализирую их действия, пытаюсь по их движениям и словам оценить степень их разумности и потенциальных возможностей.

По-моему, они не высоки, и все-таки я подозреваю, что даже несмотря на медленные темпы развития эти существа построили машину, которая в данный момент является моим главным соперником. И тут мне в голову приходит вопрос: каким же это образом кому-то удалось создать машину, которая превзошла своего создателя?

Постепенно я начинаю разбираться в этом веке. Механическая цивилизация на ранней стадии развития. Я прикинул, что возраст машины на противоположной стороне долины вряд ли превышает несколько лет.

Если бы мне удалось вернуться назад в прошлое до того, как эта машина была построена, то я бы вставил в нее приспособление, при помощи которого я сумел бы сейчас осуществлять контроль над нею.

Я просчитываю природу такого приспособления и активирую одну из собственных управляющих схем.

Ничего не происходит.

А это, по-видимому, означает, что я не сумею стать владельцем пространственно-временного устройства. Очевидно, что способ, благодаря которому я со временем возьму верх над своим противником, будет изобретен в будущем, а не в прошлом.

Настает рассвет сорокового дня, и солнце неумолимо движется к зениту.

Раздается стук в мою псевдодверь. Я открываю ее и вижу перед собой мужчину.

— Вам придется убраться отсюда со своей лачугой, — говорит он. — Вы нелегально распо-

ложились на земле, принадлежащей мисс Анне Стюарт.

Он — первый человек, с кем я вошел в близкий контакт с момента своего прибытия сюда. Я почти не сомневаюсь, что он — агент моего противника, и поэтому я не решаюсь вмешиваться в работу его мозга: тогда из-за сопротивления могут возникнуть определенного рода сложности, а я не хочу пока еще рисковать.

Я продолжаю смотреть на него, пытаясь вникнуть в смысл его слов, ведь я, создав за этот период времени копию строения, что я видел на другом конце долины, надеялся избежать привлечения к себе какого-либо внимания.

И теперь я переспросил, растягивая слова:

— Собственность?

— Что это с вами? Вы что, не понимаете по-английски? — грубо спрашивает мужчина.

Этот индивидуум несколько выше моей части тела, которое я принял в качестве разумной формы жизни этой эры. Его лицо изменилось в цвете. А меня как молнией озаряет: собственность. Частное владение, ну конечно же — тонкие намеки пьес, которые я видел, внезапно обретают смысл.

Однако отвечаю я так:

— Со мной все в порядке. Я могу оперировать в

пределах шестнадцати категорий. Да, я понимаю по-английски.

Этот четкий ответ производит на человека необычный эффект. Его руки тянутся к моим псевдоплечам. Он крепко хватается за них… и дергает меня, словно намеревается задать мне взбучку. Но поскольку мой вес чуть больше девятисот тысяч тонн, его усилия ни к чему не привели.

Его пальцы выпускают меня, и он отскакивает на несколько шагов. И снова его лицо изменяется, нет на нем выражения превосходства, теперь оно, утратив розовость, мертвенно-бледное. Судя по его реакции, похоже, что, хотя он и явился сюда по чьему-то приказанию, но действиями его никто не управляет. Дрожь в его голосе, кажется, подтверждает то, что он действует, как индивидуум, и не сознает о неведомой ему серьезной опасности, которую могут навлечь на него совершаемые им действия.

— Как адвокат мисс Стюарт, — говорит он, — я приказываю вам убраться отсюда вместе с лачугой до конца недели. В противном случае пеняйте на себя!

Прежде чем я успел попросить его объяснить туманный смысл его последних слов, он разво-

рачивается и быстро уходит к четырехногому животному, которое он привязал к дереву в ста футах от моего жилища. Потом он запрыгивает на спину животному, и оно рысью отправляется прочь вдоль берега узкого ручья.

Я дожидаюсь, пока адвокат мисс Стюарт не скроется из виду, после чего устанавливаю внепространственную связь между основным моим телом и его частью — энергетическим полем в облике человека, с которым только что столкнулся незваный гость. Из-за малых его размеров мне удалось передать только самый минимум энергии.

Схема этого процесса очень проста. Интегрируемые клетки центров восприятия циркулируют в энергетическом поле, которое и принимает в действительности форму человеческого тела. Теоретически эта форма остается неизменной в силовом поле, составляющем центр восприятия, и опять-таки теоретически выглядит так, словно эта форма удаляется от центра восприятия, когда устанавливается внепространственная связь.

Однако это все абстрактные рассуждения, тогда как существует функциональная реальность материальной вселенной. Я способен устанавливать внепространственную связь только потому,

что теория отражает структуру нематериальных предметов. Тем не менее фактически возникающая при этом иллюзия, что материя существует, настолько кажется убедительной, что я функционирую как предмет материи и фактически предназначен именно на такое функционирование.

Следовательно, когда я — вернее, силовое поле в виде человека — иду по долине, происходит разделение. Продолжают протекать миллионы автоматических процессов, но все внешние рецепторы перемещаются вместе со мной, оставляя позади оболочку-тело. Ну а само мое «я» — сознание — следует по асфальтированной дороге к месту назначения.

Приближаясь к деревне, я вижу верхушки крыш домов, проглядывающие сквозь нависающую над дорогой листву деревьев. Огромное длинное здание — его-то я уже раньше и отметил для себя — вздымается над самыми высокими деревьями. Здание это и является целью моего исследования, в виду чего я более внимательно начинаю приглядываться к нему — даже находясь еще довольно далеко от него.

Похоже, оно сделано из камня и стекла. Сзади огромного здания возвышается купол с астроно-

мическими приборами внутри. Все это выглядит довольно примитивно, и поэтому во мне крепнет уверенность, что вряд ли меня — при моих нынешних размерах — смогут сразу же обнаружить.

Всю деревню окружает высокая ограда из стальной проволоки. Я ощущаю поток электроэнергии и, дотронувшись до верхней проволоки, определяю напряжение в 220 вольт. Моему маленькому телу несколько затруднительно поглотить заряд, поэтому я направляю его в один из своих запасников энергии на другом конце долины.

Оказавшись за оградой, я прячусь в кустах рядом с дорогой и жду дальнейшего развития событий.

По ближайшей дорожке идет какой-то человек. Перед этим адвокат, появившийся у меня, был просто объектом наблюдения, сейчас же я устанавливаю прямую связь с телом этого второго индивидуума.

Как я и предполагал, вскоре я уже шагаю по дорожке. Я не предпринимаю попыток управлять его передвижением, сейчас я просто наблюдатель. Но я достаточно синхронизирован с его нервной системой, чтобы его мысли стали моими.

Он — клерк, работающий в бухгалтерии, что совершенно не подходит для моих целей. Я обрывая связь.

После этого я совершил еще шесть попыток, когда наконец обнаружил требуемое мне тело. Я это понял, когда седьмой человек — и я — подумал:

«…не удовлетворен работой Мозга. Аналоговые устройства, которые я вмонтировал пять месяцев назад, не дали ожидаемого эффекта».

Его зовут Уильям Граннитт. Он — главный инженер-исследователь Мозга, человек, который сделал изменения в его структуре, которые позволили Мозгу осуществить контроль над самим собой и своим окружением; уравновешенный, со способностями человек, отлично разбирающийся в людях. Мне придется крайне осторожно с ним работать. Он знает, чего хочет, и удивится, если я попытаюсь изменить его намерения. Возможно, лучше мне пока просто понаблюдать за его действиями.

После нескольких минут контакта с его мозгом в моей голове уже частично восстановилась картина событий, которые разворачиваются здесь, в этом поселке, за последние пять месяцев. Механический компьютер — Мозг — был снабжен дополнительными устройствами, включая

аналоговые, предназначенные для работы, которую выполняет человеческая нервная система. С инженерной точки зрения предполагалось, что управление всем процессом будет производиться с помощью специальных команд, подаваемых голосом, машинописного текста, а также дистанционно по радио.

К сожалению, Граннитт не понимал до конца отдельных потенциальных возможностей нервной системы, которую он пытался смоделировать в своем инженерном решении. Тогда как Мозг тут же приспособил их к делу.

Граннитт и не догадывался об этом. А Мозг, поглощенный собственным развитием, никак не проявлял своих новых способностей и не давал знать людям о существовании новых каналов, созданных им специально для этой цели. Естественно, Граннитт, разочаровавшись в Мозге, уже дошел до той степени отчаяния, чтобы разобрать его и придумать что-нибудь новое. Он еще и не мог предположить, что Мозг станет сопротивляться любому вмешательству в его действия. Но Граннитт и я — через некоторое время, когда в достаточной мере пороюсь в памяти Мозга и пойму, как он функционирует — сможем осуществить его план.

А уж затем я возьму контроль над этим периодом времени, не опасаясь кого-нибудь, кто был бы сравним с моими способностями. Пока что я не представляю, каким образом это удастся сделать, но чувствую, что совсем скоро я буду завершен.

Обрадованный тем, что я наконец-то установил связь с нужным мне человеком, я позволил человеческому телу, прятавшемуся в кустах, энергетически раствориться. Через несколько секунд оно перестало физически существовать.

Сейчас я и Граннитт — составляем почти одно целое. Я сижу за письменным столом в его в кабинете с застекленными стенами, кафельным полом и сверкающим стеклянным потолком. Сквозь стену мне видны инженеры и чертежники, работающие за кульманами, и девушка, сидящая как раз напротив моей двери. Это моя секретарша.

На столе лежит письмо. Я вскрываю конверт и вынимаю листок бумаги. В верхней части я читаю:

«Меморандум Уильяму Граннитту от Анны Стюарт, директора».

Далее идет текст:

«Считаю своим долгом сообщить вам, что в ваших услугах больше не нуждаются и с сего-

дняшнего дня вы уволены. Из-за принятых мер безопасности и связанным с этим ограничением всей деятельности в поселке Мозга, я должна просить вас отметиться на проходной в Центре Безопасности в шесть часов вечера. Вам будет выплачено двухнедельное жалование.

С уважением

Анна Стюарт»

Будучи Гранниттом, я никогда не думал об Анне Стюарт, как отдельной личности или женщине. Теперь я был просто поражен. Что она о себе воображает? Да, возможно, собственность и ее; но кто создал, кто изобрел Мозг? Я, Уильям Граннитт.

Кто мечтал, кто предвидел, какое значение будет иметь эта машина для человечества? Только я, Уильям Граннитт.

Будучи Гранниттом, я разгневан. Я должен не допустить, чтобы это увольнение вступило в силу. Я должен поговорить с этой женщиной и попытаться убедить ее отменить это распоряжение прежде, чем известие об этом широко распространится.

Я снова бросаю взгляд на меморандум. В правом верхнем углу было отпечатано на машинке: 13.40. Я тут же взглянул на наручные часы: семь минут пятого. Прошло больше двух часов. Что

означало, что о моем увольнении могло быть известно многим заинтересованным лицам.

Кое-что я не могу принять просто на веру: мне необходимо это проверить.

Бормоча под нос ругательства, я хватаю телефонную трубку и набираю номер бухгалтерии. Именно туда должны были сообщить в первую очередь о моем увольнении.

Раздался щелчок:

— Бухгалтерия.

— Это Билл Граннитт, — отвечаю я.

— О да, мистер Граннитт, ваш чек готов. Жаль, что вы нас покидаете.

Я вешаю трубку и, набирая номер Центра Безопасности, уже начинаю смиряться со своим поражением. Я чувствую, что цепляюсь за свою последнюю надежду. Человек в Центре Безопасности говорит:

— Как жаль, что мы с вами расстаемся, мистер Граннитт.

Я вешаю трубку в самом мрачном расположении духа. Бессмысленно теперь связываться с Правительственным Агентством. Ведь именно они и отдают приказы Центру Безопасности, на Проходную.

Размеры обрушивавшегося на меня несчастья

заставляют меня задуматься. Чтобы снова занять прежнюю должность, мне придется выполнить массу формальностей: пройти тщательную проверку личности, доскональное расследование причин моего увольнения… Я тихо простонал и выбросил из головы эту мысль. Тщательность в вопросе подбора кадров Правительственного Агентства стала притчей во языцех среди обслуживающего персонала Мозга.

Я должен получить работу в организации, связанной с компьютерами, во главе которой не будет женщины, которая увольняет единственного человека, разбирающегося в их работе.

Я поднимаюсь с кресла. Выхожу из кабинета и из здания на улицу. Вскоре я подхожу к своему бунгало.

Тишина в доме уже в который раз напоминает мне, что моя жена умерла год и месяц назад. Я непроизвольно вздрагиваю, потом пожимаю плечами. Теперь ее смерть не будет оказывать на меня прежнего своего угнетающего воздействия. Впервые я начинаю думать о том, что благодаря своему увольнению отныне я смогу жить полной эмоциональной жизнью.

Я прохожу в свой кабинет и сажусь за пишущую машинку, которая при правильном подклю-

чении работает синхронно с другой пишущей машинкой, встроенной в аналоговую секцию Мозга. Как изобретатель я разочарован, что теперь не смогу разобрать Мозг на части и собрать его заново с тем, чтобы он функционировал так, как я задумал. Но я уже вижу, какие основные изменения я должен внести при создании нового Мозга.

И я хочу убедиться, что вставленные в последнее время секции не помешают работе старых блоков. Ведь именно они-то и несут основную нагрузку, отвечают на вопросы ученых, инженеров и коммерсантов.

На ленте, использующейся для ввода текущих команд, я печатаю:

«Сегмент 471 А-33-10-10 на 3Х — минус».

Сегмент 471А — это аналоговое устройство большого колеса. Когда оно синхронизируется с транзисторной трубкой (кодовый номер 33), контрольный сервомеханизм (10) создает рефлекс, который срабатывает всякий раз, когда возникает необходимость в вычислениях, производимых 3Х (кодовое название для новой секции Мозга). Знак минус показывает, что более старые секции Мозга должны исследовать все данные, которые будут впоследствии поступать из этой

новой секции.

Лишняя десятка — та же цепь, находящаяся в другом месте.

Защитив Мозг (так кажется мне — Граннитту) от инженеров, которые, возможно, не сознают, что новые секции могут оказаться ненадежными, я упаковываю пишущую машинку.

После этого я звоню в ближайший город Ледертон, в фирму, занимающуюся грузовыми перевозками, и прошу их перевезти мои вещи.

Проходную я миную в четверть шестого.

На дороге между поселком, в котором располагаются здания Мозга, и Ледертоном есть один поворот. От него всего несколько сотен футов до коттеджа, который я создал в целях камуфляжа.

Прежде чем автомобиль Граннитта достигает этого поворота, я принимаю решение.

Я не разделяю веру Граннитта, что ему удалось эффективно отсечь новую часть Мозга от старой системы компьютеров. Подозреваю, что Мозг создал собственные схемы, чтобы предотвратить любое вмешательство извне.

И еще я убежден, что, если мне удалось заронить в Граннитте зерно сомнения по поводу того, что случилось с Мозгом, он поймет, что нужно сделать, и попытается это осуществить. Только

у *него* имеется самое детальное представление о Мозге, и это позволит ему решить, какие именно действия нужно выполнить для внесения изменений.

На тот случай, если подозрения эти не достаточно сильны, я позволяю прокрасться в его разум любопытству по поводу причины его увольнения.

И это последнее в самом деле оказало свое воздействие. Он приходит в возбуждение. Решает встретиться с Анной Стюарт.

Этого последнего решения я и хотел от него. Он останется поблизости от Мозга.

Я обрываю свою связь с ним.

Я снова на холме, в своем «теле». И начинаю обдумывать, что же мне удалось выяснить до сих пор.

Мозг не осуществляет контроль над Землей — как я первоначально думал. Он только-только начал ощущать себя отдельной личностью, так что еще не успел создать эффективных механизмов воздействия.

Он просто пробует свои силы, отправляется в будущее и, скорее всего, испытывает другие свои возможности, как ребенок, забавляющийся игрушкой.

Ни один из людей, сознание которых я просканировал, еще не ведает о новых способностях Мозга. Даже адвокат, который предложил мне переехать из места моего нынешнего обитания, если судить по его словам и действиям, ничего не знает о том, что Мозг уже ощущает себя личностью, способной на собственные поступки.

В течение сорока дней Мозг не предпринял против меня никаких серьезных действий. По всей видимости, он ожидает, что я первым начну действовать.

Что я и сделаю, но я должен соблюдать крайнюю осторожность — не выходить за определенные рамки, чтобы не позволить ему получить информацию, благодаря которой он сможет взять еще большую власть над окружающей средой. Мой первый шаг — завладеть человеческим существом.

Снова ночь. В темноте с ревом проносится какой-то самолет. Я уже видел множество самолетов, но до сих пор оставлял их в покое. Сейчас же я устанавливаю внепространственную связь с ним. Мгновение спустя я — пилот.

В первые минуты я играю такую же пассивную роль, как и с Гранниттом. Пилот — и я — глядим на темную землю внизу. Вдалеке мы видим огни:

сияющие точки на фоне темного мира. Далеко впереди — сверкающий остров. Это и есть Ледертон, место нашего назначения. Мы возвращаемся туда из деловой поездки на частном самолете.

Выяснив в общих чертах, что из себя представляет пилот, я даю ему знать о себе и сообщаю что с этой минуты я буду контролировать его действия. Он воспринимает это известие с изумлением и страхом, который потом перерастает в ужас. А затем…

Сумасшествие… конвульсивные движения тела. Самолет резко ныряет вниз, и, несмотря на все мои попытки управлять мышцами пилота, я вдруг понимаю, что ничего не могу поделать.

Я покидаю самолет. Секунду спустя самолет ударяется о склон холма и вспыхивает ярким пламенем, которое быстро все пожирает.

В отчаянии я прихожу к выводу, что, наверное, что-то в человеческой сущности есть такое, что не позволяет управлять ею извне. И если это так, то как же мне завершить себя? В конце концов я решаю, что завершения можно достичь, применяя лишь непрямые способы управления человеческим существом.

Я должен взять вверх над Мозгом, повсеместно захватить власть над машинами, посеять в людях

сомнения, страхи и мысли, якобы возникающие в их сознании, но на самом деле являющиеся результатом моего воздействия. Да, это трудная задача, воистину сравнимая с подвигами Геракла, но у меня уйма времени. Тем не менее, начиная с этой минуты, я не должен зря тратить ни единой секунды, чтобы приблизить мое завершение.

Первая возможность предоставляется мне сразу же после полуночи, когда я замечаю в небе еще один самолет. Я слежу за ним своими инфракрасными рецепторами и регистрирую определенную частоту радиоволн, которая указывает мне, что этот летательный аппарат управляется дистанционно.

Пользуясь внепространственной связью, я исследую простые механизмы, выполняющие функции роботов. Затем создаю модель-перехватчик, который теперь автоматически будет записывать в моей памяти данные о его передвижении, чтобы я мог в любой момент взять управление аппаратом на себя.

Это небольшой шаг, но это — начало.

Утро.

В своем человеческом облике я направляюсь в поселок, перелезаю через ограду и вхожу в бунгало Анны Стюарт, владелицы и управляющей

Мозга. Она только что закончила завтракать.

Пока я приспосабливаюсь к энергетическому потоку ее нервной системы, она встает и собирается выйти на улицу.

И вот я вместе с Анной Стюарт шагаю по дорожке. Я ощущаю тепло солнечных лучей, падающих на ее лицо. Она глубоко вздыхает, и я ощущаю поток жизни, которая бьет в ней ключом.

Раньше это ощущение уже приводило меня в возбуждение. Мне хочется все время чувствовать этот поток, жить человеческой жизнью, наслаждаться ею, быть поглощенным ее плотью, ее стремлениями, желаниями, надеждами, мечтами.

Но один крошечный червь сомнения точит меня: если это и есть завершение, к которому я так стремился, то каким образом я оказался один на лишенной воздуха планете несколькими тысячелетиями позднее?

— Анна Стюарт!

Кажется, ее окликнули сзади. Узнав голос, женщина вздрогнула. Почти две недели прошло после того, как Мозг обращался к ней непосредственно.

Напрячься ее заставило то, что это случилось сразу же вслед за увольнением Граннитта.

Возможно ли, чтобы Мозг подозревал, что она поступила так в надежде, чтобы Граннитт понял, что что-то идет не так?

Она медленно поворачивается. Как она и ожидала, никого поблизости нет. Перед ней была пустая лужайка. Неподалеку в лучах солнца ослепительно сверкает здание, в котором находится Мозг. Сквозь стеклянные двери она видит расплывчатые фигуры людей у выходных блоков, где происходит загрузка вопросов и получение ответов на них. Люди за пределами поселка пока что пребывают в полной уверенности, что гигантская думающая машина функционирует исправно. Ни одна живая душа за стенами здания не подозревает, что уже несколько месяцев, как механический Мозг осуществляет полный контроль над всем поселком и зданиями, возведенными вокруг него.

— Анна Стюарт… Мне нужна твоя помощь.

Анна со вздохом расслабляется. Мозг потребовал от нее, как владелицы и администратора, чтобы она продолжала подписывать бумаги, как и раньше, и оставалась ширмой для всего проекта. Дважды, когда она пыталась отказаться подписывать бумаги, ее сильно ударяло разрядом электрического тока, появлявшегося словно бы

из ниоткуда, прямо из воздуха. И страх перед наказанием управлял теперь ее сознанием.

— Моя помощь! — невольно восклицает женщина.

— Я совершил ужасную ошибку, — следует ответ, — и мы теперь должны действовать сообща, как одна команда.

У Анны возникает чувство неуверенности, но при этом отсутствует ощущение опасности, наоборот, она начинает приходить в возбуждение. Может… теперь ей удастся добиться свободы?

Лишь потом она запоздало вспоминает сказанное Мозгом: *«Ошибка?»* Вслух же она произносит:

— Что случилось?

— Как ты, наверное, уже догадалась, — последовал ответ, — я способен перемещаться во времени…

Анна Стюарт ни о чем подобном не догадывалась, но возбуждение ее растет. Уже несколько месяцев она находится в состоянии шока и не способна ясно мыслить, в отчаянии пытаясь придумать какой-нибудь способ избавления от рабской зависимости Мозга и сообщить всему миру, что они создали электронное чудовище Франкенштейна, с дьявольским коварством

захватившим власть над почти пятьюстами сотрудниками станции.

Следующая мысль приводит ее в испуг: «Раз он уже раскрыл секрет путешествий во времени, значит…» — Ее мысль обрывается. — Никому из людей, кажется, не по силам будет вернуть контроль над Мозгом.

Бестелесный голос Мозга продолжает:

— Я совершил ошибку, когда отправился наугад в довольно далекое будущее…

— Насколько далекое?

Слова слетают с уст Анны еще до того, как она успевает их обдумать. Но нет никаких сомнений: ей нужно было это знать.

— Трудно ответить точно. Пока что мне сложно измерять время. Возможно, десять тысяч лет.

Эти слова звучат для нее бессмысленно. Трудно представить будущее через сто лет, не говоря уже о тысяче или десяти тысячах лет. Но беспокойство, все усиливающееся в ней, и отчаяние понуждают ее задать следующий вопрос:

— Ну и что случилось? В чем дело?

Следует долгая пауза, затем:

— Я вошел в контакт — или потревожил — Нечто. Оно… вернулось вместе со мной в наше время, преследуя меня. И теперь находится на

другом конце долины, милях в двух отсюда… Анна Стюарт, ты должна помочь мне. Ты должна отправиться туда и посмотреть, что это такое. Мне необходима информация.

Анна Стюарт сразу не отвечает. Кажется, прекрасная погода и сияющее солнце ободряюще действуют на нее. Трудно поверить, что сейчас январь и что снежные ураганы — до того, как Мозг разрешил проблему с контролем погоды — бушевали над этой зеленой страной.

— Ты хочешь, — начинает неуверенно женщина, — чтобы я отправилась туда одна? — По коже ее медленно поползли мурашки.

— Других кандидатов нет, — отвечает Мозг. — Никого, кроме тебя.

— Что за чепуха! — хриплым голосом говорит Анна. — Здесь ведь столько мужчин. Инженеры…

— Ты не понимаешь, — перебивает ее Мозг. — Никто об этом не знает, кроме тебя. Ты владелица, и мне кажется, что именно ты и должна быть звеном, связывающим меня с внешним миром.

Женщина молчит. Потом голос снова обращается к ней:

— Никого больше нет, Анна Стюарт. Ты, и только ты, должна пойти.

— Но что это такое? — шепчет она. — Что это ты говорил, что ты… потревожил… его? На что оно похоже? Почему ты боишься?

Внезапно Мозг теряет терпение.

— Нет времени на ненужные объяснения. Это существо построило дом. Очевидно, оно не желает в течение некоторого времени вызывать к себе подозрения. Этот коттедж расположен на самой границе твоих владений — что дает тебе право потребовать от владельца объяснений. Я уже с помощью твоего адвоката приказал ему убираться. А теперь я хочу, чтобы ты лично посмотрела, как он выглядит. Мне нужны данные. — Тон его голоса изменился. — У меня не остается иного выбора, ты должна исполнить мой приказ, иначе получишь болезненный электрический удар. Отправляйся! Немедленно!

Это небольшой домик. Вокруг него растут цветы и кустарник. Белая ограда ослепительно сверкает в лучах солнца. Этот коттедж стоит сам по себе среди дикой природы — ни одна дорога не ведет к нему. Когда я создавал его там, то как-то совсем упустил это из виду.

(Я решаю, что нужно это упущение исправить).

Анна ищет калитку, не находит ее, потом

неуверенно и неуклюже перелазит через забор и оказывается в саду. Сколько раз на протяжении жизни она хладнокровно и объективно оценивала свои слова и действия, но никогда еще не находилась в таком смятении, как сейчас. У нее такое чувство, словно она притаилась где-то вдалеке и наблюдает, как изящная женщина в брюках перебирается через высокий, с острыми колышками, забор, а потом неуверенно направляется к двери. Стучит.

Этот стук возвращает ее к реальности. Она ощущает боль в костяшках. Она с тупым видом осознает это и думает: *«Эта дверь… она металлическая!»*

Проходит первая минута, потом еще пять, а ответа на стук нет. У нее есть время оглядеться вокруг и заметить, что отсюда не видно поселка, где расположен Мозг. И шоссе не видать за деревьями. Так же, как и ее автомобиля, который она оставила в четверти мили от дома, на другой стороне ручья.

Анна Стюарт неуверенно идет вдоль стены домика к ближайшему окну. Она едва ли осознает, что это просто камуфляж, а не окно, и что ей не разглядеть, что же внутри. Однако оно кажется настоящим и прозрачным, так что ей видны

голые стены, голый пол и приоткрытая дверь, ведущая в другую комнату. К сожалению, с этого места она не может рассмотреть эту вторую комнату.

«Да ведь тут совсем пусто», — думает она.

Она чувствует облегчение — неестественное облегчение. И тут же злится на себя за то, что успокоилась и начала верить, будто опасность миновала, и беспокойство ее еще немного возрастает. Тем не менее она возвращается к двери и берется за ручку. Та поворачивается, и дверь открывается, легко и бесшумно. Анна Стюарт одним толчком распахивает ее пошире, делает шаг назад… и замирает в ожидании.

В ответ лишь тишина, ни движения, ни каких-либо признаков жизни. Нерешительно женщина перешагивает через порог.

Комната, в которой она оказалась, больше, чем она предполагала. Она уже успела заметить, что в ней нет мебели. Анна Стюарт направляется ко второй двери, как вдруг замирает, как вкопанная.

Когда она смотрела внутрь через окно с улицы, то дверь эта была приоткрыта. Сейчас же она закрыта. Женщина идет к ней и напряженно прислушивается возле панели — тоже метал-

лической. Из второй комнаты не доносится ни звука. Анна Стюарт спрашивает себя, не обойти ли дом кругом и не заглянуть во вторую комнату через окно.

Внезапно эта мысль кажется ей глупой. Ее пальцы тянутся к ручке. Она хватается за нее и толкает. Дверь не поддается. Женщина слегка тянет на себя, и дверь открывается без всяких усилий прежде, чем она успевает приостановить ее.

Впереди — темнота.

Анна Стюарт словно смотрит в бездну. Проходит несколько секунд прежде, чем она замечает в темноте несколько светящихся точек. Некоторые сверкают ярко, другие — слабее.

Эта картина кажется ей смутно знакомой, и у нее возникает чувство, что она вот-вот узнает ее. Да, точно.

Это звездное небо.

Она внимательно всматривается во вселенную, какую она предстала бы при взгляде на нее из космоса.

Крик вырывается из ее горла. Анна Стюарт пятится назад и пытается закрыть дверь. Та не поддается. С открытым от ужаса ртом она поворачивается к входной двери. Та закрыта.

Но ведь всего несколько секунд назад она оста-

вила ее открытой! Женщина бежит к двери, ничего не соображая от охватившего ее страха. И именно в эту секунду я — мое «я» — беру контроль над ней. Я сознаю, что при этом я сильно рискую. Но ее визит все больше и больше не нравится мне. Мое сознание — слившееся с сознанием Анны Стюарт — не может одновременно находиться в моем собственном центре восприятия. Поэтому она увидела мое… тело… таким, каким я оставил его для нежданных посетителей: выполняющим автоматические действия, вроде открытия и закрытия дверей и тому подобного.

Я рассчитывал, что охваченная ужасом, она не заметит мое вмешательство в ее действия. И не ошибся. Я удачно управляю ее поступками извне… а затем позволяю ей снова взять контроль над своим телом.

Осознавание пребывания вне своего тела потрясает ее. Но воспоминание об этом не откладывается на самом деле в ее памяти.

Она бросается бежать. Перелезает через ограду, а спустя несколько минут перепрыгивает через ручей в самом узком его месте, запыхавшаяся, но начинающая понимать, что смогла избежать непонятную опасность.

А потом, уже в салоне своего автомобиля,

несущегося по шоссе, она успокаивается и ясно сознает: там что-то есть… еще более странное и страшное… потому что оно иное… не похожее на Мозг.

Узнав реакцию Анны Стюарт на происходящее, я прерываю контакт. Главная моя проблема по-прежнему не решена: как мне подчинить себе Мозг, который с точки зрения вычислительных возможностей не уступает — или почти не уступает — моим?

Может, самое лучшее решение — сделать его частью себя? Я посылаю Мозгу межпространственное сообщение, предлагая ему передать в мое подчинение свои блоки и позволить мне уничтожить его центр восприятия.

Ответ следует незамедлительно: «Почему бы не позволить мне осуществлять контроль над тобой и не уничтожить *твой* центр восприятия?»

Я не удостаиваю его ответом на такое эгоистичное предложение. Очевидно, что Мозг не способен принимать рациональные решения.

У меня нет иного выхода, кроме как продолжать вести свою прежнюю игру.

К полудню я вдруг понимаю, что беспокоюсь о Уильяме Граннитте. Я хочу быть твердо уверен, что он где-то неподалеку от Мозга — по крайней

мере, до тех пор, пока я не получу от него информацию о структуре Мозга.

К своему немалому облегчению я выясняю, что он снял меблированный дом на окраине Ледертона. Он по-прежнему не чувствует, когда я вторгаюсь в его сознание.

Он рано обедает и ближе к вечеру, ощущая какое-то беспокойство, едет к холму, с которого открывается взгляд на поселок, где располагается Мозг. Остановив автомобиль у обочины дороги как раз у самого конца долины, он незаметно для всех наблюдает за слабым потоком машин, въезжающих и выезжающих из долины.

Он пока не решил, что же ему делать. Он хочет, раз уж приехал сюда, мысленно воссоздать картину происходящего. Удивительное дело: он проработал здесь целых одиннадцать дней, а почти ничего не знает!

Справа от дороги — почти не тронутая рукою человеческой дикая природа. Ручеек извивается меж деревьев в долине, которой, кажется, нет конца и края. Он слышал, что долина эта, как и сам Мозг, — собственность Анны Стюарт, но до сих пор он как-то не обращал на это особого внимания.

И теперь, пораженный огромностью богатства,

доставшегося ей в наследство от отца, он мысленно возвращается к их первой встрече. Он тогда уже являлся главным инженером в исследовательском отделе, а она — неуклюжей озабоченной девчушкой, только что закончившей колледж. Непонятно почему она и оставалась в его представлении все такой же, и он не замечал, что она превратилась в женщину.

Сейчас же он начинает понимать, насколько же значительными были изменения в ней. Он вслух удивился:

— Ну, так почему, черт побери, она до сих пор не вышла замуж? Ведь ей уже, наверное, под тридцать!

Ему вспоминаются некоторые ее странные действия после смерти его жены. Она старательно выискивала его на вечеринках. Как бы случайно встречалась с ним в коридорах и, заливаясь смехом, отступала в сторону. Приходила в его кабинет, где начинала болтать о Мозге, хотя, признаться, не делала этого несколько месяцев. Он всегда считал ее надоедливой и удивлялся, что имеют в виду другие сотрудники, называя ее гордячкой и недотрогой.

В этом месте мысль его замирает.

— О Господи!.. — вслух воскликнул он в изум-

лении. — Каким же слепым и тупым я был!

Граннитт горько смеется, вспоминая текст увольнительной записки. Оскорбленная женщина… просто невероятно! И все же… что же еще?

Он начинает размышлять над возможностью снова обслуживать Мозг. Внезапно он чувствует возбуждение при мысли об Анне Стюарт как женщине. Ему кажется, что мир снова приходит в движение. Появляется надежда. Он возвращается к планам относительно Мозга.

Я с интересом наблюдаю, как мысли, которые я первоначально вложил в его сознание, теперь направляют его острый, аналитический мозг в новые направления. Он представляет прямую связь между человеческим и механическим мозгом, причем последний имеет при этом добавление в виде человеческой нервной системы.

На большее его не хватает. Мысль о том, что механический Мозг может стать независимой личностью, проходит мимо его сознания.

Во время его размышлений о дальнейших действиях по изменению Мозга, я получаю нужную мне информацию относительно его структуры.

Я не теряю зря времени. Оставляю его, погруженного в мечтания, в автомобиле. Едва очутившись внутри ограды, обнесенной колючей

проволокой, по которой пропущен электрический ток, я тут же быстро иду к главному зданию и вскоре вхожу в помещение одного из восемнадцати контрольных блоков. Взяв микрофон, я говорю:

— 3Х минус - 11 - 10 - 9 - 0.

Могу представить себе сумятицу, возникающую в схемах, когда эта безжалостная команда передается на эффекторы! Возможно, Граннитт и не знал, как управлять Мозгом. Но я — покопавшись в его сознании — *я* знаю.

После паузы я получаю отпечатанное на ленте послание:

«Операция завершена. 3Х, как и предписано, перекрыт сервомеханизмами 11, 10, 9 и 0».

Я отдаю новую команду:

— Внешние рецепторы помех КТ - 1 — 2 - 3 на 8,

Тут же приходит ответ:

«Операция КТ - 1 и т. д. завершена. 3Х теперь не имеет связи с внешним миром».

Я твердым голосом приказываю:

— Эн - 3Х.

С нетерпением ожидаю ответа. После долгой паузы наконец машинка печатает:

«Но ведь это команда самоуничтожения. Пожалуйста, повторите команду».

Я делаю это и снова жду. Моя инструкция — это команда старой секции Мозга создать перегрузку на электрические цепи 3Х.

Пишущая машинка начинает строчить:

«Передал ваш приказ 3Х и получил следующий ответ…»

К счастью, я уже начал растворять свой человеческий облик. Молния, ударившая в меня, частично отражается от стен самого здания. Металлический пол опаляет вспышка пламени. Часть того, что попало в меня, мне удается передать в энергохранилище моего тела на другом краю долины. А затем… я снова оказываюсь там же, несколько помятый, но в безопасности.

Особой радости, что отделался так легко, я не испытываю. В конце концов, я отреагировал в то же мгновение, как только появилось сообщение о том, что 3Х узнал о моей команде.

Мне не нужно было отпечатанное на пишущей машинке послание, чтобы знать, как 3Х отреагирует на мои действия.

Меня заинтересовало то, что старые части Мозга уже получили указания против самоубийства. А я-то считал их просто компьютерами, гигантскими машинами, собирающими информацию. Очевидно, все части Мозга уже обладают превос-

ходным чувством единения.

Если бы только мне удалось присоединить их к самому себе, получить возможность перемещаться сквозь время! Такова цена всего, и именно это удерживает меня от совершения насильственных действий. И пока сохраняется надежда на это, я не могу позволить себе пойти на что-нибудь большее, кроме как атаковать Мозг слабыми силами: отрезать его от внешних коммуникаций, пережечь провода и… Я вновь испытываю ледяную ярость при мысли об ограничениях, которые не позволяют мне напрямую сконструировать и присоединить к себе новые механизмы.

Я надеюсь лишь на то, что мне удастся воспользоваться тем, что уже существует… взять контроль над Мозгом… при помощи Анны Стюарт…

Войти в поселок на следующее утро снова не составляет никакого труда. Я иду по дорожке, которая приводит меня к утесу, откуда открывается вид на бунгало Анны Стюарт. Я собираюсь управлять действиями Анны Стюарт, вложив в ее сознание свои вычисления, при этом она будет думать, что это ее собственные. Я хочу, чтобы она подписала документы и отдала приказания, которые заставят инженеров быстро демонти-

ровать Мозг.

Сверху я вижу белый забор, за которым располагается ее дом — на самом краю долины прямо подо мною. Цветы, кустарник, множество деревьев вокруг дома. А на патио у крутого склона холма завтракают Анна Стюарт и Уильям Граннитт.

Граннитт время зря не теряет.

С удовлетворением я наблюдаю за ними. Теперь, когда здесь есть Граннитт, все пройдет еще легче, чем я надеялся. Поскольку у меня — Анны Стюарт — зародились некоторые сомнения в отдельных функциях Мозга, то естественным будет задать Граннитту несколько вопросов.

Без проволочек я синхронизируюсь с нервной системой женщины.

Едва мне это удалось, как ее нервные импульсы слегка изменяются. Пораженный этим, я обрываю связь… и предпринимаю новую попытку. И снова происходит едва ли различимое изменение в неравномерно текущем потоке. Вновь мне не удалось соединиться с ней.

Анна Стюарт наклоняется вперед и что-то говорит Граннитту. Они оба оборачиваются и смотрят вверх, туда, где стою я. Граннитт машет рукой, призывая меня спуститься вниз.

Но я в тот же миг пытаюсь войти в контакт с его нервной системой. Снова происходит то же неуловимое изменение, и обратно — неудача.

Все это я интерпретирую, как то, что они оба находятся под контролем Мозга. Это сбивает меня с толку и удивляет. Несмотря на неоспоримое механическое превосходство над своим врагом, мои создатели вложили в меня строгий запрет на контроль более, чем одного разумного органического существа. Теоретически-то я способен — при помощи множества сервомеханизмов — контролировать в одно и то же время миллионы людей. В действительности же такой множественный контроль я могу осуществлять только над машинами.

Более, чем когда-либо прежде, я чувствую, насколько же важно и неотложно взять контроль над Мозгом. У него-то нет таких ограничений. Его создатель — Граннитт — в своем невежестве позволил ему самостоятельно и полностью завершить формирование своей личности.

Это диктует мои следующие шаги. «Интересно, смогу ли я удалиться со сцены?» — думаю я в первый момент, но потом решаю остаться: ставки слишком высоки.

Однако, спускаясь вниз, на патио, к тем двоим,

я чувствую раздражение. Они встречают меня хладнокровно и с достоинством, и я не могу не восхититься искусством Мозга: он, по всей видимости, контролирует поведение этих двух человеческих существ, не доводя при этом их до безумия. Признаться даже, мне кажется, что и выглядят они намного лучше.

Глаза женщины ярче, чем я их помню, они даже излучают ауру счастья. Похоже, в ней нет ни капельки страха. Граннитт наблюдает за мной настороженным взглядом исследователя. Мне знаком такой взгляд. Он пытается определить функциональные возможности гуманоида. Именно Граннитт первым начинает разговор:

— Ты совершил грубую ошибку, когда решил контролировать Анну… мисс Стюарт во время ее посещения коттеджа. Мозг правильно предположил, что ты, скорее всего, попытаешься взять контроль над ней — ведь именно ты вызвал перед этим панику у нее. Поэтому он предпринял все необходимые шаги, и теперь мы хотим обсудить с тобой наиболее выгодные для тебя условия сдачи.

В его манерах сквозит высокомерная уверенность. Уже не в первый раз мне в голову приходит, что, наверное, придется отказаться от плана

захватить и присоединить к себе особые отделы Мозга. Я посылаю команду своему телу на другом конце долины. Я ощущаю, как один из сервомеханизмов осуществляет связь с управляемой ракетой на засекреченной базе ВВС США в тысяче милях отсюда — я обнаружил ее в первые же дни пребывания в этом мире. Я вижу, как под моим управлением ракета скользит вперед на стартовую площадку. Там она останавливается, готовая по следующему сигналу отправиться в небо.

Я предвижу, что мне придется уничтожить Мозг.

Граннитт снова говорит:

— В результате логического анализа Мозг пришел к выводу, что он слабее тебя, вот почему он объединился со мной и мисс Стюарт — на наших условиях. А это означает, что в новые секции вмонтированы — причем навечно — контрольные механизмы, и теперь мы как отдельные личности можем использовать его компьютеры и интегральные схемы как свои собственные.

Я не сомневаюсь в его словах, поскольку, если бы они не оказывали мне сопротивления, то я также смог бы осуществить с ними аналогичную связь. Вполне возможно, что при этом я даже попал бы в рабскую зависимость.

Ясно одно: теперь я больше не могу надеяться заполучить что-нибудь от Мозга.

На далекой ракетной базе я активизирую стартовый механизм. Управляемая ракета со свистом отрывается от взлетной площадки и устремляется в небо, изрыгая из дюз пламя. При помощи телекамер и передатчиков я слежу за ее полетом. Она прибудет сюда менее, чем через двадцать минут.

Граннитт продолжает:

— Я не сомневаюсь, что ты предпринимаешь против нас какие-то контрмеры. Но прежде чем наступит развязка, может быть, ты ответишь на несколько наших вопросов?

Мне любопытно узнать, что же это за вопросы, и я отвечаю:

— Может быть.

Граннитту достаточно такого ответа. Он спрашивает нетерпеливо:

— Что случилось с Землей… за многие тысячи лет, почему она потеряла атмосферу?

— Я не знаю, — честно отвечаю я.

— Ты же можешь вспомнить! — восклицает он возбужденно. — Тебя спрашивает человек… *Ты можешь вспомнить*!

— Человек для меня — пустое… — начинаю

говорить я безучастно, но тут же останавливаюсь, потому что мои информационные центры передают мне точные данные — эта информация была недоступна мне в течение тысячелетий.

Утрата Землей атмосферы — явление чисто природного характера, вследствие изменения гравитационного поля Земли, в результате чего скорость убегания по орбите уменьшилась вдвое. Воздух улетучился в космическое пространство менее, чем за тысячу лет. Земля стала такой же безжизненной, как и Луна в ранний период энергетического распределения.

Я объясняю, что в данном случае наиболее важным является то, что, конечно, не существует такого явления, как материя, что нам просто кажется, что у предметов существует масса, что это не более, чем энергия, изменяющаяся в едином энергетическом пространстве-поле Йлем.

Я добавляю:

— Естественно, все разумные органические формы жизни доставлены на приспособленные к жизни планеты с других звезд.

Я вижу, как Граннитт дрожит от волнения.

— Других звезд! — восклицает он. — О Господи!

Потом он, похоже, берет себя в руки:

— А почему ты остался?

— А кто мог принудить меня улететь?.. — начинаю я, но останавливаюсь. Ответ на его вопрос уже находится в моем центре восприятия.

— Да… я ведь должен наблюдать и регистрировать все…

Я снова умолкаю, на этот раз от изумления. Кажется невероятным, что такого рода информация теперь мне доступна, после прошествия бездны времени, когда она была захоронена глубоко внутри моей памяти.

— Почему ты не выполнил данных тебе инструкций? — резко спрашивает Граннитт.

— Инструкций! — повторяю я возбужденно.

— Ты же можешь вспомнить! — снова говорит он.

Уже когда он произносил эти, по всей видимости, магические слова, появился молниеносный ответ: метеоритный дождь. И мгновенно я все вспоминаю. Миллиарды метеоритов, с которыми сперва моя защита справлялась, но потом их стало слишком много. В результате — три жизненно важных попадания.

Я не объясняю это Граннитту и Анне Стюарт. Я вдруг понимаю, что некогда я действительно был слугой людей, но благодаря метеоритам, поразившим центры управления, я получил свободу.

И сейчас проявляются мои способности к самостоятельным действиям, а не былая рабская зависимость. Я вдруг случайно вспоминаю, что управляемая ракета всего в трех минутах полета от цели. И пришла пора мне покинуть это место.

— Еще один вопрос, — говорит Граннитт. — Когда тебя переместили на другую сторону долины?

— Примерно через сто лет от настоящего времени, — отвечаю я. — Пришли к выводу, что скальное основание на этой стороне…

Он иронически смотрит на меня.

— Точно, — говорит он. — Интересно, не правда ли?

Истинность его слов уже подтверждена моими интегральными схемами. Мозг и я — одно и то же, но только разделенные тысячами лет. Если Мозг будет уничтожен в двадцатом столетии, тогда и я не смогу существовать в тридцатом. Или смогу?

Я не могу дожидаться, когда компьютеры найдут точный ответ на этот сложный вопрос. Одним синхронизированным движением я активизирую предохранители на атомной боеголовке управляемой ракеты и посылаю ее на пустынные холмы к северу от поселка. Она, не причинив никакого вреда, зарывается в землю.

— Ваше открытие, — говорю я, — означает лишь одно: теперь я должен считать Мозг своим союзником и делать все от себя зависящее, чтобы спасти вас.

Говоря это, я как бы случайно подхожу к Анне Стюарт, протягиваю руку, касаюсь ее и одновременно направляю поток электрической энергии. Через мгновение от нее останется лишь кучка пепла.

Но ничего не происходит. Потока не возникает. Я стою несколько секунд в напряжении, не веря, дожидаясь, когда до меня дойдет, в чем же причина этой неудачи.

Но мои компьютеры не выдают никакой информации.

Я бросаю взгляд на Граннитта. Вернее, на то место, где он был всего секунду назад. *Его там нет.*

Анна Стюарт, кажется, догадывается, что меня тревожит.

— У Мозга есть способность перемещать во времени, — говорит она. — В конце концов, это единственное преимущество, которое он имеет перед тобой. Мозг переправил Би… мистера Граннитта назад в прошлое, так что он не просто наблюдал за твоим прибытием сюда, но и имел достаточно времени, чтобы приехать на машине

в твой коттедж и, следуя указаниям Мозга, взять контроль над всей ситуацией. В настоящее время он уже наверняка отдал команду, которая заблокировала тебя от твоих механизмов.

— Он не знает, какая это команда, — высказываю я возражение.

— О нет, знает! — хладнокровно и уверенно говорит Анна Стюарт. — Большую часть ночи он занимался тем, что встраивал в Мозг схемы команд, и теперь эти схемы должны автоматически осуществлять над тобой контроль.

— *Только не надо мной* — говорю я.

При этом я начинаю бежать, вверх по каменным ступеням, по дорожке, в сторону ворот. Охранник у проходной кричит мне что-то, когда я пробегаю мимо него. Я мчусь по дороге, не обращая на него внимания.

Ясно мыслить я начинаю, лишь пробежав с полмили: «Впервые за все время своего существования я отрезан от банков памяти и от компьютеров, и это результат вмешательства извне. В прошлом я уже проделывал сам подобное, когда уходил бродить, нисколько не сомневаясь, что мгновенно смогу восстановить связь».

Сейчас же это невозможно.

Мое «тело» — это все, что у меня осталось. Если

его уничтожат, тогда наступит смерть, небытие.

Я думаю: *«Наверное, в подобные мгновения люди чувствуют отчаяние и страх».*

Я пытаюсь вообразить, какую форму должна принять такая реакция, и на мгновение мне кажется, словно я чисто физически ощущаю какой-то смутный след беспокойства.

Такая реакция мне не нравится, и я продолжаю бежать. Но теперь, чуть ли не в первый раз, я вдруг ловлю себя на том, что исследую внутренние возможности моего тела. Конечно, я — очень сложная машина. Создав себя гуманоидом, я автоматически смоделировал человека — как внутренне, так и внешне. Псевдонервы, органы, мышцы и скелет — все это и составляло мое тело: легче ведь создать уже имеющийся образец, чем придумывать новый.

Созданное мною существо способно мыслить. У него сохранился достаточный контакт с ячейками памяти и компьютерами для создания определенных структурных схем: памяти, вычислений, поведения, привычек, таких, как ходьба, к примеру. Поэтому оно вполне жизнеспособно.

Мне требуется сорок минут безостановочного бега, чтобы достичь коттеджа. Я прячусь в кустах в ста футах от ограды и начинаю изучать, что же

там творится. В саду на кресле сидит Граннитт. На подлокотнике кресла лежит автоматический пистолет.

«Интересно, что же я почувствую, когда пуля вонзится в мою плоть, теперь, когда я лишен возможности отремонтировать себя? Мне это не понравится», — говорю я себе. Хотя это кажется мне бессмысленным, но физически я пытаюсь вызвать в себе нечто похожее на страх. Прячась за поселком, я кричу:

— Граннитт, что ты задумал?

Он встает и идет к забору. Потом кричит:

— Можешь не прятаться. Я не буду стрелять в тебя.

Я очень тщательно обдумываю его слова, вспоминая все, что узнал о нем во время моего контакта с его телом. Решаю, что можно верить его обещанию.

Когда я вышел на открытое место, Граннитт небрежно бросает пистолет в карман куртки. Я замечаю, что его лицо расслабляется, а в глазах сквозит уверенность.

Он говорит:

— Я уже отдал инструкции сервомеханизмам. Ты опять отправишься наблюдать в будущее, но в этот раз под моим контролем.

— Никто, — хмуро возражаю я, — никогда не будет контролировать меня.

— У тебя нет выбора, — говорит Граннитт.

— Я могу продолжать оставаться таким, как сейчас, — отвечаю я.

Выражение лица Граннитта по-прежнему ничего не выражает.

— В самом деле, — он пожимает плечами, — почему бы тебе не побыть в этом теле еще некоторое время? Посмотришь, каково это — быть человеком. Возвращайся через тридцать дней, и мы еще раз поговорим.

Наверное, он почувствовал, каким будет мой ответ, потому что резко произнес:

— И не вздумай появляться *раньше.* Я отдам охранникам приказ стрелять в тебя.

Я начал было разворачиваться, чтобы уйти, но потом остановился и снова посмотрел на него.

— Это тело, похожее на человеческое, — говорю я, — но у него нет никаких человеческих желаний или потребностей. Что мне делать?

— Это твоя проблема, не моя, — отвечает Граннитт.

Первые дни я провожу в Ледертоне. Самый первый день я работаю чернорабочим, копая яму под фундамент. Вечером я понимаю, что эта

работа не для меня. Направляясь к гостинице, где я снял номер, я вижу табличку на витрине одного магазина: «ТРЕБУЮТСЯ СЛУЖАЩИЕ!».

Я устраиваюсь в галантерейный магазин простым служащим. Первые часы я знакомлюсь с ассортиментом, а поскольку я обладаю автоматической памятью, то уже на третий день хозяин делает меня помощником управляющего.

Во время обеденных перерывов я посещаю местное отделение национальной брокерской фирмы. Встречаюсь с управляющим, и тот, обратив внимание на мою способность разбираться в цифрах, забирает меня к себе бухгалтером.

Через мои руки проходит колоссальное количество денег. Потратив день на ознакомление, я затем начинаю использовать часть из них — играю на бирже, находящейся в доме напротив. А поскольку в подобного рода рискованных операциях самое главное — скорость вычисления математических вероятностей, то через три дня я имею уже десять тысяч долларов.

Я сажусь на автобус и отправляюсь до ближайшего аэропорта, откуда самолетом добираюсь до Нью-Йорка. Там я еду в главную контору крупной фирмы по продаже электротоваров. После беседы с помощником главного инженера меня пред-

ставляют самому главному инженеру, и вскоре я получаю возможность разработать новый электроприбор, включающий свет силой мысли. На самом-то деле это просто усовершенствование электроэнцефалографа.

За это изобретение компания выплачивает мне ровно один миллион долларов.

Сейчас идет шестнадцатый день, как я виделся с Гранниттом. Я чувствую скуку. Я купил себе автомобиль и самолет, на машине я езжу как сумасшедший, а на самолете поднимаюсь высоко в небо. С целью выработки в себе страха при этом я расчетливо рискую. Через несколько дней это теряет для меня всякий смысл.

Через научные общества я собираю сведения о всех имеющихся в стране вычислительных машинах. Самый лучший, конечно же, Мозг, созданный Гранниттом. Я покупаю довольно хороший компьютер и конструирую аналоговые устройства, чтобы улучшить его. Меня беспокоит мысль, что же будет потом, даже если мне удастся построить еще один Мозг? Ведь потребуются тысячелетия, чтобы наполнить его банки памяти данными, которые уже имеются в существующем в будущем Мозге.

Такое решение кажется мне иррациональным,

а я слишком долго мыслил логически, чтобы пытаться думать по-другому.

Тем не менее, когда я подхожу к коттеджу на тридцатый день, я принимаю определенные меры предосторожности. Несколько нанятых мною людей лежат в кустах, готовые по моему сигналу открыть огонь в Граннитта.

Тот ждет меня.

— Мозг предупреждал меня, что ты прибудешь не один, с вооруженным отрядом.

Я пожал плечами.

— Граннитт, — говорю я, — какой у тебя план?

— *А вот какой* — отвечает он.

Непреоборимая сила неожиданно хватает меня, парализуя все мои движения.

— Ты нарушил свое обещание, — говорю я, — а я отдал своим людям приказ открыть огонь, если я не буду время от времени окликать их.

— Я покажу тебе кое-что, — произносит Граннитт. — И я хочу сделать это поскорее. Через минуту ты будешь свободен.

— Очень хорошо, продолжай.

В тот же миг я стал частью его нервной системы, но находясь под его контролем. С небрежным видом он достает записную книжку и просматривает ее. Его взгляд останавливается на одном

числе: 71823.

Семь один восемь два три.

Я уже чувствую, что через его мозг связан с обширными банками памяти и компьютерами, которые раньше составляли мое тело.

Используя их превосходные вычислительные возможности, я умножаю это число 71823 на себя извлекаю квадратный и кубический корни, делю его 182-ю часть на семь сто восемьдесят два раза, потом 823 раза извлекаю из него квадратный корень из 3 и — раскладывая пятизначное число на серии 23 раза, умножаю полученный результат на себя.

Я проделываю это в ту же секунду, когда Граннитт думает об этом, мгновенно передавая ответы в его мозг. Ему же кажется, словно он сам проделывал эти вычисления, настолько совершенным был союз человеческого и механического мозгов.

Граннитт возбужденно смеется, и тут же та сила, что удерживала меня, исчезает.

— Мы действовали как один сверхчеловек! — восклицает он. Потом добавляет: — Мечта всей моей жизни исполнилась. Человек и машина, работая вместе, способны разрешать проблемы, сложность которых никто в настоящее время не может себе и вообразить! Перед нами открывают-

ся планеты… да что там планеты — звезды! — и, вероятно, нам удастся добиться физического бессмертия.

Его возбуждение передается и мне. Именно подобного рода чувства я и искал безуспешно в течение тридцати дней. Я говорю, растягивая слова:

— Какие ограничения будут мне поставлены, если я соглашусь содействовать этой программе?

— Информация о случившемся здесь, хранящаяся в банках памяти, будет уничтожена, либо же эти банки деактивируют. Мне кажется, тебе следует забыть все о своем предыдущем существовании.

— Что еще?

— Ни при каких обстоятельствах ты больше никогда не будешь контролировать ни одного человека!

Я обдумываю его слова и вздыхаю. Это вполне понятная необходимая предосторожность с его стороны. Граннитт продолжает:

— Ты должен согласиться, чтобы многие люди могли одновременно пользоваться твоими способностями. В конечном итоге, как я думаю, твоими услугами будет пользоваться большая часть человеческой расы.

Стоя в саду, все еще оставаясь его частью, я чувствую, как гулко стучит его кровь в венах. Он дышит, и это доставляет ему особый физический экстаз. Исходя из моего собственного опыта, я знаю, что ни одно созданное механическим путем существо никогда не способно будет ощущать что-нибудь подобное. А вскоре я войду в контакт с телами и разумами множества людей, а не одного только человека. Мысли и ощущения целой расы будут проноситься сквозь меня. Физически, мысленно и эмоционально я стану частью единственной разумной жизни на этой планете.

Страх оставляет меня.

— Очень хорошо, — говорю я, — давайте, шаг за шагом, как и договаривались, делать то, что необходимо.

И я буду не рабом, а партнером *Человека.*

Коо-о-о-о-о-о-т!

их обычная компания уже собралась вся в баре. Кэти притворялась, что уже успела надраться, Тед строил из себя идиота, Мира трижды прохихикала, но ее хихиканье больше напоминало настройку музыкального инструмента. Джоунс с важным, самоуверенным видом что-то говорил Горду, и тот через каждые несколько секунд повторял: «Угу!», словно действительно внимал его словам. Ну а Мортон же пытался привлечь к себе внимание тем, что, расположившись чуть поодаль от всех, с задумчивым видом скучающего интеллектуала смотрел куда-то вдаль.

Никто из них не обращал внимания на худощавого невысокого роста мужчину, сидевшего у стойки. Мужчина долгое время присматривался к компании, но когда именно он присоединился к ним, — этого никто из них не запомнил. Никому и в голову не пришло отшить его.

— Вот вы упомянули тут об основных чертах человеческой натуры… — начал незнакомец, но договорить ему не дала Мира.

— А что, мы и об этом тоже говорили? — захихикала она.

Общий смех, последовавший вслед за ее словами, не смутил незнакомца.

— Со мной как-то произошел один случай, который мог бы послужить иллюстрацией этой темы. Все началось с того, что однажды я просматривал газету и наткнулся на одно рекламное объявление, приглашавшее прийти в цирк… На самом верху, — продолжил он, — красовался огромный вопросительный знак, а рядом — несколько восклицательных тех же размеров. Ниже:

«ЧТО ЭТО?
ЭТО КОТ
ПРИХОДИТЕ ВЗГЛЯНУТЬ НА КОТА
ВЫ БУДЕТЕ ПОРАЖЕНЫ!
ВЫ БУДЕТЕ УДИВЛЕНЫ!
ВЗГЛЯНИТЕ НА КОТА В НАШЕМ ЗВЕРИНЦЕ УРОДЦЕВ-МУТАНТОВ!»

В конце объявления маленькими буквами сообщалось, что кота будет «представлять сам Силки Трэвис».

До этого места я читал объявление без особого интереса и любопытства. Но это имя заставило меня встрепенуться.

«Господи! — подумал я. — *Это же он! Именно Силки Трэвис был на той открытке!»*

Я торопливо прошел к столу и извлек открытку с фотографией, что пришла по почте два дня назад. Тогда в ней я не нашел никакого смысла. Слова, написанные на обратной стороне мелким красивым почерком, были каким-то бредом, сам же снимок изображал мужчину с хищным взглядом, сидевшего в клетке. Мужчина казался мне смутно знакомым, но я так и не вспомнил, кто же он. Теперь же я узнал на фотографии Силки Трэвиса, правда, не такого, каким я знал его пятнадцать лет назад, — пополневшего и постаревшего, каким, наверное, он и должен был стать…

Я снова уселся в кресло и некоторое время сидел, вспоминая прошлое.

Даже в те далекие дни его имя соответствовало ему[5]. В школе он организовал конкурс красоты и первый приз дал своей кузине, а второй — девушке, любимице школьных учителей. Каждый год именно он устраивал выставки, где экспонатами являлись водившаяся в нашей местности живность: ящерки, змеи, насекомые — и несколько индейских артефактов, которые всегда привлекали внимание и вызывали восхищение родителей.

---

[5] Примечания: 5
Silky (*англ.*) — вкрадчивый, хитрый.

Спортивные соревнования, спектакли во время каникул и прочие школьные развлечения проходили под руководством Силки, и во всем чувствовался его дух прирожденного циркача.

По окончании школы я поступил на биологический факультет университета штата, и на семь лет потерял из виду Силки. Потом в одной из газет в разделе светской хроники я прочитал, что один местный молодой парень добился успеха в большом городе, совсем недавно приобрел долю в ревю, и кроме того, у него была доля в концессии на пляжные районы Нью-Джерси.

А потом снова последовал период молчания. И вот он снова возник, являясь, несомненно, хозяином этого циркового зверинца диковинок.

Разрешив загадку почтовой открытки (так мне казалось), я почувствовал снисходительное веселье. «Интересно, послал ли Силки такие открытки остальным своим старым школьным приятелям?» — подумал я и решил не ломать больше голову над смыслом слов, написанных на ее обратной стороне, — вся интрига была слишком уж очевидна.

В тот момент у меня не было никакого намерения отправляться в цирк. Я встал с кресла и лег спать, как обычно, и через несколько часов я

проснулся с сознанием, что в комнате кто-то есть. Я испытывал те же чувства, что описывал Джонсон в своей книге о патологических страхах.

Я жил в спокойном районе, и вокруг стояла такая гробовая тишина, что вскоре я уже слышал удары собственного сердца. В желудок устремилась желчь; от поднявшихся газов во рту появился горький привкус. Я с огромным трудом удерживал дыхание ровным.

И я по-прежнему ничего не видел, находясь во власти самых жутких страхов, и первой мыслью, промелькнувшей в голове у меня, было то, что мне, наверное, привиделся кошмар. Устыдившись, я пробормотал:

— Кто здесь?

Ответа не последовало.

Я выскользнул из кровати и включил свет. В комнате никого не было. Но это меня все равно не успокоило. Я прошел в холл, потом исследовал гардероб и ванную. Наконец, по-прежнему не удовлетворенный, я проверил, закрыты ли окна. Именно здесь меня и ждало потрясение. Снаружи на стекле одного из окон было написано:

«*Кот просит тебя прийти в цирк*».

Меня охватила такая ярость, что по пути к постели я даже желал позвонить в полицию, чтобы

Силки арестовали. Когда же на следующее утро я проснулся, этой надписи на окне уже не было.

После завтрака мой гнев остыл. Меня даже развеселило отчаянное желание Силки показать своим старым знакомым, какой важной птицей он стал. Перед уходом для читки утренних лекций в университет я осмотрел окна спальни и обнаружил какие-то непонятные следы, но они не были похожи на отпечатки человеческих ног или рук, поэтому я решил, что Силки, по всей видимости, постарался не оставить после себя следов.

На лекции, перед самым полуднем, один из студентов спросил меня, существует ли в биологии какая-нибудь теория, достаточно хорошо объясняющая появление мутантов. Я стал рассказывать ему об изменчивости, неправильном питании, болезнях, замедленном развитии мозга, влияющем и на развитие тела и так далее. Закончил я тем, что сухо объявил, что направлю его к своему старому другу Силки Трэвису, владельцу зверинца уродцев в цирке Пэгли-Маттерсона.

Это сделанное мимоходом замечание вызвало целый взрыв. Мне тут же поведали, что какой-то мутант-уродец и послужил причиной для этого вопроса.

«Странное, похожее на кота существо, — сказал

студент хриплым голосом, — и оно изучает вас с не меньшим интересом, чем вы изучаете его самого!»

В эту секунду зазвенел звонок, и я был избавлен от необходимости комментировать это замечание. Помню, однако, что в тот момент я подумал, что люди сами ни капельки не изменяются. Их по-прежнему интересуют отклонения от нормы, в то время как ученых, вроде меня, больше занимает как раз нормальность.

И все же я не собирался идти в цирк. Однако, когда по пути домой я сунул руку в нагрудный карман, то обнаружил там почтовую карточку с фотографией Силки. Я рассеянно перевернул ее и прочитал послание:

«Доставка межпространственной корреспонденции требует огромной энергии, что может вызвать разницу во времени. Поэтому вполне возможно, что эта открытка дойдет до тебя прежде, чем я узнаю, кто ты. На всякий случай я посылаю тебе еще одну в цирк на твое имя и с твоим адресом, так что обе должны прибыть по назначению одновременно.

Не думай слишком много о способе доставки. Просто в нашем почтовом ящике находится устройство, которое переносит карточки в поч-

товый ящик на Земле, после чего они достигают место назначения обычным путем. Само устройство затем исчезает.

Снимок говорит сам за себя!»

Однако он ничего мне не говорил. И это снова вызвало у меня раздражение. Я сунул карточку обратно в карман, всерьез подумывая позвонить Силки и спросить у него, что вся эта ерунда означает. Но, естественно, ничего подобного я не сделал. Не так уж это было важно.

Когда я проснулся на следующее утро, слова *«Кот хочет поговорить с тобой!»* были написаны снаружи того же самого окна. Скорее всего, они уже находились там в течение долгого времени, потому что, когда я внимательно пригляделся к ним, они начали медленно исчезать. Когда я закончил завтракать, от них уже не осталось и следа.

Теперь меня это скорее встревожило, чем разгневало. Такая настойчивость со стороны Силки указывала на невротическое расстройство. Возможно, мне следует сходить на его представление, тем самым доставив ему удовлетворение и положив конец появлениям призрака, преследующего меня уже две ночи подряд. Однако только после обеда мне в голову пришла мысль, которая

укрепила меня в этом намерении — я вспомнил о Вирджинии.

Уже два года я читал биологию в университете штата. Сейчас-то я понимаю, что двигали тогда мною юношеские желания — впервые в моем довольно унылом сером существовании матримональные желания проявились во мне. Моей девушкой была Вирджиния, но, к сожалению, она считала меня помесью улитки и чистого разума. Я не сомневаюсь, что сама мысль выйти за меня замуж даже в голову ей не приходила.

В течение некоторого времени мне казалось, что если я смогу показать ей, не теряя своего достоинства, что я — человек романтический, то она наконец ответит мне «да». И вот теперь представилась отличная возможность доказать ей, что я якобы по-прежнему восхищаюсь цирком, а в качестве кульминации вечера я бы показал ей Силки Трэвиса, втайне надеясь, что мое знакомство с такой неординарной личностью может произвести впечатление на ее эксцентричную натуру.

Первый барьер был взят, когда я позвонил Вирджинии, и она согласилась пойти со мной в цирк. Я восхищался всем вокруг с самого начала, когда еще мы катались на колесе обозрения и в других

аттракционах. И вот, улучив момент, я предложил ей сходить и посмотреть на диковинки, представляемые из аттракциона моим старым другом Силки Трэвисом.

И это действительно произвело на нее впечатление. Вирджиния остановилась и посмотрела на меня укоризненно.

— Филип, — сказала она, — уж не хочешь ли ты сказать, что лично знаком с Силки? — Она глубоко вздохнула. — Я должна убедиться в этом.

Силки держался великолепно. Когда мы вошли, его не было, но билетер вызвала Трэвиса из какого-то подсобного помещения, и через минуту Силки ворвался в главный шатер зверинца. Он располнел, напоминая фигурой хорошо откормленную акулу. Глаза у него были сузившимися, словно предыдущие пятнадцать лет он провел, постоянно прикидывая, как использовать других людей для собственной выгоды. У него не было того хищного взгляда, что я заприметил на фотографии, но какие-то следы остались: едва проглядываемая жадность и злоба, хитрость и жестокость. Он был именно таким, каким я и ожидал увидеть его, но, самое главное, он искренне был рад встрече со мной, однако радость эта имела специфический характер — так оди-

нокий бродяга взирает на жилье, на которое он наконец-то набрел после долгих скитаний. Мы оба чуть переборщили, приветствуя друг друга, но в равной степени были рады своему взаимному энтузиазму. Когда с приветствиями и представлениями было покончено, Силки обронил:

— Некоторое время назад здесь был Брик. Сказал, что ты преподаешь в университете штата. Прими мои поздравления по этому случаю. Всегда знал, что ты добьешься этого.

Я постарался как можно скорее сменить тему.

— Может, покажешь нам свой зверинец и расскажешь о себе?

Мы уже видели тучную женщину и человеческий скелет, но Силки провел нас в глубь зверинца и рассказал нам о *своей* жизни с ними. Как он нашел их и как с их помощью приобрел известность. Силки был немногословен, поэтому иногда мне приходилось подгонять его. Но вот наконец мы подошли к небольшому шатру, где над опущенным брезентовым пологом красовалась надпись: «КОТ». Я уже заметил ее раньше, а болтовня зазывалы, стоявшего перед шатром, возбудила во мне любопытство.

— Кот… Заходите и поглядите на кота! Уважаемая публика, это не обычная диковина, а

настоящая сенсация! Ни в одном цирке не было еще такого животного. Этот биологический феномен удивляет ученых всего мира… Уважаемая публика, этот кот особенный. Билет стоит двадцать пять центов, но если вы выйдете неудовлетворенными, то сможете забрать деньги обратно. Да-да, вы не ослышались и получите их обратно, если подойдете к кассе и скажете об этом…

И все в подобном духе. Однако не его болтовня больше всего поразила меня. Меня удивила реакция людей, заходивших внутрь шатра. Их впускали группами, и, наверное, там внутри был проводник, потому что в течение нескольких минут что-то едва слышно говорилось, а затем четко голос произнес:

«А теперь, уважаемая публика, я поднимаю занавес и перед вами предстанет он — кот!»

Наверное, занавес поднимался одним движением, точно рассчитанным по времени: едва только слово *«кот»* слетало с его губ, как следовала реакция публики:

— О-о-о-о-о-о!

Отчетливо слышный выдох дюжины пораженных людей. Потом следовала интригующая тишина, после чего медленно люди выходили из

шатра и торопились к выходу. Никто, насколько я мог видеть, не просил вернуть свои деньги.

У входа произошла небольшая заминка. Силки начал бубнить что-то насчет того, что он только совладелец зверинца, и поэтому не может давать входных билетов. Но я быстро решил проблемы, купив билеты, и мы вошли внутрь со следующей группой.

...Животное, сидевшее в кресле на небольшом возвышении, имело приблизительно пять футов роста и стройное тело, кошачью голову и жесткую шерсть, и напоминало говорящее животное из комиксов.

Но на этом сходство с котом кончалось.

Это было какое-то неизвестное существо, вовсе не кот. Я тут же понял это. Всего секунду понадобилось мне, чтобы определить существенные отличия в строении его тела.

Голова: лоб — высокий, а не низкий и покатый. Лицо — гладкое, почти безволосое — поражало своим особым характером, силой и высокой разумностью. Тело поддерживали длинные, прямые ноги. Руки — гладкие, заканчивающиеся короткими, но вполне узнаваемыми пальцами с тонкими острыми когтями.

Но по-настоящему отличными от кошачьих

были его глаза. Они казались достаточно обычными, слегка раскосые, прикрытые веками почти такими же, как у людей. Но *они в полном смысле танцевали!* Двигались они в два, нет, в три раза быстрее, чем у людей. За их гармоничным движением на такой высокой скорости открывался пристальный взгляд, который, как казалось, производил моментальные снимки всей комнаты. Какие же отчетливые, невероятно точные образы должен был воспринимать мозг этого существа!

Все это я понял в течение буквально нескольких секунд. Затем существо шевельнулось.

Оно встало, неторопливо и спокойно, с небрежным видом, зевнуло и потянулось. Наконец, оно сделало шаг вперед. Среди женщин возникла короткая паника, которая прекратилась, когда проводник тихо сказал:

— Все в порядке, уважаемая публика. Он часто спускается вниз и разглядывает нас. Он не причинит нам никакого вреда.

Толпа стояла неподвижно, когда кот сошел по ступенькам со своего возвышения и приблизился ко мне. Животное остановилось передо мной и с любопытством уставилось на меня. Потом кот осторожно протянул вперед руку, расстегнул пиджак и исследовал содержимое моего нагрудного

кармана.

Затем он поднес к глазам фотографию Силки на открытке, которую я взял с собой, собираясь спросить его о ней.

Довольно долго кот изучал снимок, а потом передал его Силки. Тот вопросительно посмотрел на меня.

— Можно?

Я кивнул. У меня возникло такое чувство, словно я стал свидетелем драмы, смысла которой не понимал. И тут я поймал себя на том, что внимательно разглядываю Силки.

Он смотрел на снимок на открытке, затем хотел было отдать его мне обратно, но остановился, резким движением снова поднес ее к лицу и принялся внимательно разглядывать.

— О Господи! — выдохнул он. — Ведь это же моя фотография!

Он в самом деле казался удивленным, и его удивление было настолько неподдельным, что я поразился и спросил:

— А разве не ты посылал ее мне? Разве не ты написал послание на обратной стороне?

Силки сразу не ответил. Он перевернул открытку и прочитал написанное. Потом покачал головой.

— Это какая-то бессмыслица, — пробормотал он. — Гм-м! Открытку отправили из Марстауна. Именно там мы пробыли три дня на прошлой неделе.

Он вернул мне открытку.

— Никогда не видел ее раньше. Странно!

Я ему поверил. Держа открытку в руке, я вопросительно посмотрел на кота. Но тот уже потерял ко мне интерес. Пока мы стояли и рассматривали почтовую открытку, он развернулся и, вернувшись к креслу, уселся в нем. Затем зевнул и прикрыл глаза.

Вот и все. После этого мы все вышли из шатра. Я и Вирджиния попрощались с Силки. А позже по пути домой весь этот эпизод показался мне еще более незначительным.

Не знаю, сколько я проспал. Я перевернулся на другой бок, намереваясь снова погрузиться в сон, но увидел, что горит лампа у изголовья кровати. Я резко сел.

Перед кроватью в кресле, всего в метре от меня, сидел кот.

Вокруг царила тишина. Я не мог вначале вымолвить и слова. Я медленно выпрямился. Мне припомнились слова проводника: «Кот не причинит нам никакого вреда». Но больше я не верил

этому.

Вот уже в третий раз эта тварь появляется у меня. В предыдущие два раза он оставлял послание на окне. Я мысленно повторил про себя последнее послание: *«Кот хочет поговорить с тобой!»* — и вздрогнул. Возможно ли, чтобы это существо могло разговаривать?

И неподвижность животного наконец придала мне мужество. Я облизнул губы и спросил:

— Ты можешь разговаривать?

Кот шевельнулся. Он медленно поднял руку, словно предотвращая меня от возможных опрометчивых действий, и указал на ночной столик у моей кровати. Я проследовал за его взглядом и увидел, что рядом с лампой находится какое-то устройство. Из него донеслось:

— Я сам не могу издавать человеческие звуки, но, ты сам можешь сейчас убедиться, это устройство является превосходным средством общения между нами.

Должен признаться, сердце мое в этот момент екнуло, душа ушла в пятки, панический ужас охватил все мое существо и стал отступать по мере того, как наступавшая пауза затягивалась. Со мной не происходило ничего страшного. Не знаю, почему, но мне казалось, что общение через

переговорное устройство может нести для меня какую-то угрозу.

Наверное, на самом деле оно служит передатчиком мыслей кота, крайне неохотно принял я подобное предположение, ибо оно было очевидно и соответствовало истинному положению вещей. Но прежде чем я смог здраво рассуждать, устройство на столе заработало:

— Проблема передачи мыслей при помощи электронного устройства основана на использовании энергии волн мозга.

Это утверждение вывело меня из столбняка. Я прочитал по этой теме множество трудов, начиная с реферата профессора Ганса Бергера по волнам мозга, написанного в 1929 году. Заявление кота не слишком состыковывалось с положениями теории Бергера.

— Разве их электрических потенциал не слишком мал? — спросил я. — И, кроме того, твои глаза открыты. А при открытых глазах происходит интерференция мозговых волн, и вообще с его зрительными центрами связана настолько значительная часть мозговой коры, что в таком случае невозможно обнаружить саму волну.

Тогда я не обратил на это внимания, но теперь мне кажется, что я действительно отвлек его

мысли в другую сторону.

— Какие замеры проводились? — спросил кот. Даже радио не могло скрыть его интереса к этой теме.

— Фотоэлементы замерили не менее (или не более, если быть более точным) пятидесяти микровольт, главным образом в активных центрах мозга. Вам известно, что такое микровольт?

Существо кивнуло. Через секунду оно ответило:

— Я не стану говорить тебе, какую энергию производит мой мозг. Вероятно, это может перепугать тебя, но вовсе не вся энергия создается разумом. А я — лишь студент, совершающий туристический круиз по Галактике, можно назвать его последипломной практикой. И вот для нас существуют определенные правила… — Кот замолчал. — Ты открыл рот. Хочешь что-то сказать?

Я чувствовал себя отупевшим и раздавленным. Потом слабо произнес:

— Ты сказал, «по Галактике»?

— Да.

— Н-но разве подобный круиз не займет множество лет? — мой мозг работал с полным напряжением.

— Мое путешествие будет продолжаться примерно тысячу ваших лет, — ответил кот.

— Значит, ты бессмертен?

— О нет.

— Но ведь…

И тут я замолчал. Не мог продолжать дальше. Молча сидел, полностью сбитый с толку. Между тем кот продолжал:

— Устав студенческого братства обязывает нас до того, как мы улетим, рассказать о том, что мы посещали планету, хотя бы одному разумному существу, живущему на ней. А также взять с собой какой-нибудь сувенир, символизирующий местную цивилизацию. И мне любопытно узнать, что ты можешь предложить в качестве земного сувенира. Это должно быть нечто такое, что сразу бы показывало превалирующее качество в характере вашей расы.

Эта его просьба успокоила меня. Мои мысли перестали крутиться в безумном ритме, и я почувствовал себя значительно лучше. Я устроился поудобнее и задумчиво провел рукой по щеке. Я искренне надеялся, что произвожу впечатление разумного человека, чьи советы можно принимать во внимание.

И тут до меня стало доходить, что я действи-

тельно попал в затруднительное положение. Я и раньше осознавал это, но теперь мне, поставленному перед необходимостью найти ответ на конкретный вопрос, казалось, что люди и в самом деле невероятно сложные существа. Разве можно выделить какую-нибудь отдельную черту человеческой натуры и сказать: «Се человек!» или же «Это характеризует людей!» Я, растягивая слова, поинтересовался:

— Может ли это быть произведение искусства, науки или что-нибудь подобное?

— Все, что угодно.

Моя увлеченность достигла своего апогея. Все мое существо поверило в реальность этого разговора с чудо-котом, и мне казалось невероятно важным, чтобы великая раса, путешествующая по огромным просторам Галактики получила точную характеристику человеческой цивилизации. Когда меня наконец осенило, то я сам удивился, сколь мало на это понадобилось времени. Но я уже знал, что ответ правильный.

— Человек, — начал я, — испокон веков был религиозным существом. С незапамятных времен, когда еще не было письменности, он нуждался в вере во что-нибудь. Когда-то он верил в богов, олицетворявших стихии: богов рек, бурь, рас-

тений — потом его боги стали невидимыми; в настоящее время они снова становятся ощутимыми — это экономика, наука… Но чем бы это божество ни являлось, главное — это то, что человек поклоняется ему без всякой на то особой причины, другими словами — чисто религиозно.

В конце я со спокойным удовлетворением добавил:

— Все, что вам нужно, это фигура человека, отлитая из твердого металла: голова откинута назад, руки воздеты к небу, на лице выражение экстаза, а на основании скульптуры надпись: «Верую».

Я увидел, что существо внимательно разглядывает меня.

— Очень любопытно, — наконец произнес кот. — Мне кажется, вы близко подошли к ответу, но все же это не совсем правильный ответ.

Существо встало.

— А теперь я хочу, чтобы вы пошли вместе со мной.

— Э-э…

— Одевайтесь, прошу вас.

Сказано это было без всякой эмоциональности. Страх, который тлел слабым огоньком внутри меня все это время, вспыхнул ярким пламенем

во мне, подпитываемый все новыми и новыми порциями энергии.

Я сидел за рулем. Рядом со мной сидел кот. Темная, холодная, хотя и освежающая, ночь окружала нас. Время от времени сквозь просветы в бегущих по темно-синему небу облаках мелькал серп луны, местами проглядывали россыпи звезд. Моя напряженность несколько спала, когда я осознал, что откуда-то из заоблачной дали и явилось это существо на Землю. Я рискнул спросить:

— Ваш народ… ответьте, вы что, гораздо ближе нас подошли к глубинному пониманию истины?

Вопрос мой прозвучал сухим педантичным тоном, словно был задан педагогом, а не представлялся жизненно важным для человека, задавшего его. И я поторопился добавить:

— Надеюсь, вы не будете возражать, если я задам вам еще несколько вопросов?

И снова это прозвучало как-то неестественно. Со внезапно нахлынувшим отчаянием мне вдруг представилось, что я теряю шанс, даваемый раз в тысячу лет. Молча я проклял мой профессорский опыт, из-за которого говорил сухим языком, словно на лекции.

— Эта открытка, — начал я. — Ее послали вы?

— Да, — послышался ответ устройства, распо-

лагающегося на коленях кота, тихий, но ясно различимый.

— Как вы узнали мой адрес и имя?

— А я и не знал.

Прежде чем я смог ответить хоть что-то, кот продолжал:

— Вы поймете это еще до наступления вечера.

— О! — с секундной заминкой воскликнул я, ощущая, как по спине побежали мурашки. Я старался не думать о том, что случится сегодня вечером. — Вопросы? — простонал я. — Вы будете отвечать на них?

Я уже раскрыл рот, чтобы прострочить град вопросов, но потом закрыл его. *«Что же я хочу узнать?»* Множество ассоциаций, связанных с этим вопросом, мешали мне говорить. Почему, да, почему человеческое существо ведет себя так эмоционально в самые решающие моменты своей жизни? Я не мог собраться с мыслями, как мне показалось, целую вечность. А когда наконец заговорил, то мой вопрос оказался банальным и совсем не таким, каким я думал его задать. Я спросил:

— Вы прибыли на космическом корабле?

Кот задумчиво посмотрел на меня.

— Нет, — ответил он, растягивая слова, — я

использовал энергию своего мозга.

— Что! Вы преодолели просторы космоса сами по себе?

— В некотором смысле, да. В самое ближайшее время человечество совершит первые открытия в области использования энергии мозговых волн. Это будет переломным моментом в вашей науке.

— Мы уже совершили кое-какие открытия, — заметил я, — касающиеся нашей нервной системы и мозговых волн.

— Венцом же этих исследований, — последовал ответ, — будет власть над силами природы. Больше об этом я ничего не скажу.

Я замолчал, но только на короткое время…

— Возможно ли, — начал я очередной вопрос, — создание космического корабля, работающего на атомном приводе?

— Не в том смысле, как вы думаете, — ответил кот. — Атомный взрыв не может быть ограничен, можно лишь использовать серию точно рассчитанных взрывов. И это чисто инженерная задача, почти ничего общего не имеющая с теоретической физикой.

— Жизнь, — я запнулся. — Как возникла жизнь?

— Случайные столкновения между электрона-

ми, происходящие в подходящей среде.

Тут мне пришлось его остановить. Это было выше моего понимания.

— Случайные столкновения электронов? Что вы имеете в виду?

— Вся разница между органическими и неорганическими атомами заключается в их внутреннем строении. Углеводороды, как наиболее легко подверженные воздействиям среды при определенных условиях, являются самой распространенной формой жизни. Но теперь, когда вы имеете атомную энергию, вы обнаружите, что жизнь может создаваться из любого элемента или соединения элементов. Но будьте осторожны. Углеводороды являются хрупкой жизненной структурой, которая легко может быть разрушена на нынешнем этапе развития.

По моей спине пробежали мурашки. Я уже представлял про себя, какого типа эксперименты осуществляются в государственных лабораториях.

— Вы имеете в виду, — я сглотнул, — что существуют формы жизни, которые могут оказаться опасными уже в момент их создания?

— Опасными для человека, — поправил меня кот. Неожиданно он показал мне рукой. — Повер-

ните на эту улицу, а потом поезжайте прямо до въезда во двор цирка.

А я все это время ломал голову над тем, куда мы едем. И сейчас, странное дело, для меня явилось некоторым потрясением узнать ответ на этот вопрос.

Через несколько минут мы прошли в темный тихий шатер зверинца. Я знал, что сейчас разыгрывается заключительный акт драматического пребывания кота на Земле.

В темноте задрожал слабый огонек. Он приблизился, и я увидел, что к нам направляется какой-то мужчина. Было слишком темно, чтобы узнать его, но вот свет стал сильнее, и я понял, что у него нет источника. Внезапно я узнал Силки Трэвиса.

Казалось, он шел как лунатик, в каком-то трансе.

Подойдя к коту, он остановился перед ним. Выглядел он неестественно и жалко, как женщина, которую застали без макияжа. Бросив на него один долгий испуганный взгляд, я пробормотал:

— Что вы собираетесь сделать?

Переговорное устройство кота сразу не ответило. Кот повернулся и задумчиво уставился на меня, потом осторожно прикоснулся к лицу Сил-

ки одним пальцем. Глаза Силки открылись, но и только. И я понял, что какой-то частью своего сознания он осознает происходящее. Я прошептал:

— Он может слышать?

Кот кивнул.

— А мыслить?

На этот раз кот покачал головой.

— В своем анализе человеческой натуры, — начал затем кот, — вы выбрали только один симптом. Человек религиозен из-за определенной характерной черты. Я дам вам подсказку. Когда какой-нибудь пришелец из космоса прибывает на планету, населенную разумными существами, то у него есть только один способ маскировки. Определив этот способ, вы узнаете, какова же главная черта этой расы разумных существ.

Я попытался собраться с мыслями. В сумраке, заполнявшем пустой шатер зверинца, нас окружала такая глубокая тишина, что все происходившее казалось нереальным. Я не боялся кота. Но внутри меня сидел страх, даже ужас, который был непрогляднее ночи. Я смотрел на неподвижного Силки, на лице которого были видны все его морщины. А потом я взглянул на огонек, что нависал над ним. Затем наконец я посмотрел на

кота и сказал:

— Любопытство. Вы имеете в виду человеческое любопытство. Его интерес ко всем странным и диковинным созданиям заставляет его считать естественным.

— Кажется невероятным, — начал кот, — что вы, интеллигентный человек, никогда не понимали этой характерной черты всех человеческих существ. — Он живо повернулся и выпрямился. — Ну, хватит. Я выполнил все условия, которые передо мной стояли: прожил некоторое время, не вызвав ни у кого подозрений, рассказал одному местному жителю, кем я являюсь на самом деле. Теперь мне остается только послать домой характерное творение вашей цивилизации — а затем я могу отправляться дальше по своей долгой дороге домой… в какое-то другое место.

Вздрогнув, я рискнул спросить:

— Надеюсь, это творение — не Силки?

— Мы редко выбираем подлинных жителей планеты, — ответил кот, — но когда все же поступаем так, то даем им вполне достаточную компенсацию. В его случае это практическое бессмертие.

Внезапно я почувствовал отчаяние. У меня в запасе оставалось всего несколько секунд. И

вовсе не потому, что испытывал по отношению к Силки какие-либо чувства. Он стоял, словно пень, и не имело никакого значения то, осознает ли он все происходящее и забудет ли он об этом впоследствии. Тут мне пришло в голову, что кот узнал что-то о врожденных чертах человеческой натуры, которые я, как биолог, должен знать.

— Ради Бога, подождите! — воскликнул я. — Вы ведь еще не все объяснили мне. Что же это за основная черта человеческой натуры? Да та почтовая открытка, что вы мне послали. И…

— Я дал вам все необходимые подсказки. — Существо начало поворачиваться. — И какое мне дело до того, что вы не можете понять это. У нас, студентов, есть свой Кодекс, вот и все.

— Но что я сообщу миру? — в отчаянии спросил я. — Неужели вы не оставите человечеству никакого послания, нечто…

Кот снова посмотрел на меня.

— Если можно, не рассказывайте никому и ничего!

На этот раз, отвернувшись, кот уже не оглядывался.

Я, вздрогнув, увидел, как туманный огонек над головой Силки начал расширяться, расти, становясь ярче. Потом он начал пульсировать в

каком-то спокойном ритме. В этом мерцающем огне кот и Силки превратились в туманные фигуры — тени, падающие на костер.

Неожиданно эти тени начали исчезать, и вскоре и туманный огонек начал затухать. Постепенно он опустился на землю и несколько секунд тихо угасал во все сгущающейся темноте.

Силки и инопланетное существо исчезли без следа.

Сидящие вокруг стола в баре молчали. Наконец Горд бросил свое: «Угу!», а Джоунс в своей самоуверенной манере спросил:

— Вы ведь, конечно, разрешили проблему почтовой открытки?

Худощавый профессор кивнул.

— Мне так кажется. Упоминание на открытке о временной разнице и было той подсказкой. Открытка была отправлена *после* того, как Силки выставили в качестве экспоната в школьном музее кошачьего народа, но из-за разницы во времени передачи она прибыла *до того, как* я узнал о появлении в городе Силки.

Мортон привстал из глубин своего кресла.

— А как насчет основной характерной черты людей, внешним проявлением которой является религиозность?

Незнакомец махнул рукой.

— Силки выставлял напоказ по сути не уродцев-мутантов, а самого себя. Религия — форма самодраматизации перед Богом. Любовь к самому себе, самолюбование — в некотором смысле это способ показать себя… и поэтому инопланетное существо и смогло долго находиться среди нас незамеченным.

Кэти откашлялась и заметила:

— А как ваши успехи на любовном фронте? Вы женились на Вирджинии? Ведь вы профессор биологии в университете штата, верно?

Незнакомец покачал головой.

— Был, — ответил он. — Мне следовало последовать совету кота. Но я решил рассказать о том, что случилось. Меня уволили через три месяца, и я не скажу вам, чем я сейчас занимаюсь. Весь мир должен узнать о слабости человеческой природы, которая делает нас такими уязвимыми. Вирджиния? Она вышла замуж за пилота одной крупной авиакомпании, то есть попалась на крючок его версии самодраматизации.

Он встал.

— Что ж, полагаю, мне пора. Я должен посетить этой ночью еще множество других баров.

Когда он ушел, Тед на несколько секунд пере-

стал напускать на себя обычный глупый вид.

— Ну вот, — начал он, — у этого типа в самом деле поехала крыша. Только представьте: он собирается рассказывать эту историю сегодня ночью еще не менее пяти раз! Какая замечательная выдумка для того, кто хочет быть в центре внимания!

Мира захихикала, а Джоунс начал говорить с Гордом в своей привычной манере всезнайки. Горд повторял свои «Угу!» через каждые несколько секунд, словно он слушал Джоунса. Кэти положила голову на стол и пьяно захрапела. А Мортон еще глубже погружался в своем кресле.

Таймер

— Женитьба, — говорит Терри Мэйнард, когда он благодушно настроен, — дело святое. Уж я-то могу так утверждать! Я был женат дважды, один раз в 1905 году, а другой — в 1967. С таким багажом времени можно утверждать подобное.

После этих слов он ласково глядит на свою жену Джоан. Она закуривает сигарету и, откинувшись на спинку кресла, бормочет:

— Терри, никак не можешь угомониться. Опять принялся за свое?

Она отхлебывает из своего коктейля и, взглянув невинными голубыми глазами на гостей, продолжает:

— Терри собирается рассказать вам историю нашего романа. Если вы уже слышали ее раньше, сандвичи и остальная закуска ждут вас в столовой.

Двое мужчин и женщина встают и выходят из комнаты. Терри кричит им вслед:

— Люди смеялись над атомной бомбой — пока она не упала им на головы. И кто-нибудь однажды поймет, что это не просто сочиненная мною любовная история. Это реальный случай, который

может произойти со всяким. Когда я представляю себе скрывающиеся здесь невероятные возможности, меня пронзает жуткая мысль, что взрыв атомной бомбы — тусклый огонек в бесконечной тьме по сравнению с ними.

Один из оставшихся мужчин изумленно произносит:

— Что-то ничего не могу понять. При чем тут атомная бомба — к вашей женитьбе в 1905 году, равно как и ко второй, если отбросить в сторону то раздражение, которое может испытывать ваша очаровательная жена от того, что не имеет возможности вонзить свои длинные ноготки в прелестную кожу своей предшественницы?

— Сэр, — говорит Терри, — вы говорите о моей первой жене… да почиет она в мире!

— Никогда, — объявляет Джоан Мэйнард. — Никогда я бы не снизошла до такого!

Впрочем, затем она, устроившись поудобнее, воркующим голосом произносит:

— Продолжай, Терри, дорогой.

— Когда мне было десять лет, — начинает ее муж, — меня приводили в восхищение старинные часы моего дедушки, висевшие в холле, — вы все можете взглянуть на них, когда будете уходить. Однажды, когда я открыл дверцу внизу

и принялся раскачивать маятник, я увидел на корпусе какие-то числа. Они начинались в верхней части длинного стержня — первое число было 1840, а потом тянулись вниз, друг за другом, вплоть до самого низа. Последним числом было 1970. Это случилось в 1950 году, и, помнится, я был удивлен, увидев маленькую стрелку на хрустальной гирьке, которая указывала прямо на отметку 1950. Мне показалось, что я сделал великое открытие и понял, как работают часы. Когда возбуждение прошло, я, конечно же, начал забавляться с гирькой, и помню, как она скользнула к отметке 1891.

В то же мгновение я почувствовал сильное головокружение и отпустил гирьку. Потом опустился на пол, чувствуя себя неважно. Когда я посмотрел вверх, то увидел незнакомую женщину, да и вся обстановка вокруг меня изменилась.

Впрочем, немудреное это дело — испугаться, когда тебе всего десять лет, особенно видя рядом с собой незнакомую женщину. Ей было примерно сорок лет, и на ней была старомодная длинная юбка. Губы ее сложились в тонкую трубочку от гнева, а в руке она держала розгу. Когда я с трудом поднялся с пола, она произнесла:

— Джо Мэйнард, сколько раз мне повторять,

чтобы ты держался подальше от этих часов?

То, что она назвала меня Джо, как бы парализовало меня. Я не знал тогда, что имя моего дедушки было Джозеф. Мое внимание привлек также и ее акцент. У нее был слишком чистый английский акцент — его невозможно описать. Третье, что привело меня в столбняк, было то, что ее лицо показалось мне смутно знакомым. Это было лицо моей прабабушки, чей портрет висел в кабинете моего отца.

Щелк! Розга полоснула меня по одной ноге. Я увернулся и бросился, взвыв от боли, к двери. Я услышал, как она кричит мне вслед:

— Мэйнард, ну подожди, вот вернется твой отец…

На улице я оказался в фантастическом примитивном мире небольшого городка конца девятнадцатого века. Вслед мне тявкнул какой-то пес. На улице я видел лошадей, а вместо тротуара — деревянный настил. Я, привыкший увертываться от автомобилей и ездить на автобусах, никак не мог поверить в подобную перемену. Шли часы, а в голову мою ничего путного не приходило. Но вот настал вечер, и я проскользнул задами к огромному дому и заглянул в единственное освещенное окно в столовой. Представшую перед

моими глазами картину я никогда не забуду. Мои прадедушка и прабабушка ужинали вместе с мальчиком моего возраста, и этот мальчишка был вылитой моей копией, если не считать того, что он был еще более испуган, чем я. Прадедушка начал говорить. Я мог ясно сквозь стекло расслышать каждое его слово — настолько он был разгневан.

— Ах вот как?! Да ты практически называешь свою собственную мать лгуньей! Ну, погоди, придется мне заняться тобой после ужина!

Я догадался, что Джо попал в этот переплет из-за меня. Но главным сейчас было то, что никого из них сейчас не было в холле рядом с часами. Я тихо проскользнул в дом, дрожа от страха и слабо представляя, что же мне делать. На цыпочках я потянулся к часам, отворил дверцу и переставил гирьку обратно на отметку 1950. Сделал я это чисто автоматически: мысли мои как бы застыли во льду.

В следующий миг я услышал, как кто-то орет на меня. Знакомый голос. Когда я огляделся, то увидел, что это мой отец.

— Ах ты, негодный мальчишка, — кричал он. — А ведь, кажется, я сказал тебе, чтобы ты держался подальше от этих часов!

Впервые в жизни порка принесла мне облегчение. И, пока я не вырос, я больше никогда не подходил к этим часам. Правда, я был слишком заинтригован, чтобы по крайней мере не начать осторожно задавать вопросы о своих предках. Однако мой отец отвечал уклончиво, взгляд его при этом становился отрешенным, и он лишь отвечал:

— Мне и самому не слишком много понятно в моем детстве, сынок. Когда-нибудь я расскажу тебе о нем.

Когда мне было тринадцать лет, он неожиданно умер от воспаления легких. К эмоциональному потрясению добавился еще и кризис в финансовых делах. Среди прочих вещей мать продала и старые дедушкины часы, и мы уже подумывали о том, чтобы сдавать комнаты жильцам, когда неожиданно из-за промышленного роста резко подскочила цена на землю, которой мы владели на другом конце города. Я никак не мог забыть об этих старых часах и том коротеньком приключеньице, но сначала была учеба в колледже, а потом служба во Вьетнаме — я был, что называется, вышколенным мальчиком на побегушках при штабе в чине капитана — так что не имел возможности заняться поисками часов вплоть

до начала 1966 года. Через скупщика, который когда-то купил эти часы у нас, я узнал, где они находятся, и купил их в три раза дороже той цены, за которую мы первоначально продали их, но, конечно, они того стоили.

Гирька на часах сейчас опустилась к отметке 1966. Это совпадение поразило меня. Но, что более важно, под панелью в нижней части я обнаружил настоящее сокровище — дневник моего дедушки.

Первая запись была сделана 18 мая 1904 года. Стоя на коленях перед часами с дневником дедушки в руках, я, естественно, решил проверить: было ли мое детское приключение на самом деле, или же оно мне просто привиделось? Тогда до меня еще не дошло, что можно прибыть в тот же самый день 1904 года, с которого начинался дневник, но как бы то ни было я установил гирьку на 1904 год. В последний момент я решил на всякий случай захватить с собой автоматический пистолет 38 калибра и засунул его в карман куртки, после чего передвинул хрустальную гирьку.

На ощупь она оказалась теплой. У меня возникло четкое ощущение, что она вибрирует.

В этот раз у меня не возникло чувства головокружения и тошноты, и я уже решил было, что

ничего не произошло и что вся моя затея явилась страшной глупостью, когда глаза обнаружили некоторые изменения в обстановке. Диван был передвинут, ковры были темнее. На дверях висели тяжелые старомодные гардины из темного бархата.

Сердце мое гулко забилось. Мелькнула тревожная мысль: что мне отвечать, если сейчас меня здесь увидят? Тем не менее через несколько секунд я понял, что весь дом погружен в гробовую тишину, которую нарушает только тиканье часов. Я встал, не в силах поверить тому, что видели мои глаза, что чудо снова повторилось.

Я вышел на улицу и пошел по улицам города, который разросся с тех пор, как я видел его мальчиком. Впрочем, это по-прежнему было начало двадцатого века. Я видел коров в задней части дворов. Цыплят. За городом — открытые прерии. Его в действительности еще трудно было назвать городом, и не было никаких признаков того, каким ему еще предстоит стать. Да, это вполне мог быть 1904 год, решил я.

Мысли мои путались от волнения, когда я шел по деревянному настилу. Дважды я проходил мимо людей, сначала это был мужчина, потом женщина. Они смотрели на меня, как я теперь

понимаю, с изумлением, но едва ли я обратил на них внимание. И лишь когда ко мне, идущему по узкому настилу, приблизились две женщины, я пришел в себя и понял, что вижу настоящих людей из начала двадцатого века.

На женщинах были шуршащие юбки, свисающие до земли. День был теплым. Но, несомненно, незадолго до этого шел дождь, потому что я увидел грязь снизу их юбок.

Более старшая женщина, бросив на меня быстрый взгляд, сказала:

— Итак, Джозеф Мэйнард, вы все-таки смогли вернуться домой и успеть на похороны своей бедной матушки. Где это вы вырядились в столь чудную одежду?

Девушка ничего не говорила. Она просто смотрела на меня.

Я хотел было уже сказать, что никакой я не Джозеф Мэйнард, но понял, что глупо было бы так поступать. Кроме того, я вспомнил запись из дневника дедушки, сделанную 18 мая:

«Встретил на улице миссис Колдуэлл с ее дочерью Мариэттой. Она, кажется, весьма удивлена тем, что я успел на похороны».

Слегка ошеломленный, я тупо подумал: *«Если то была миссис Колдуэлл со своей дочерью, и это*

— именно та встреча, то значит...»

— Джозеф Мэйнард, — продолжала женщина, — я хочу познакомить вас со своей дочерью Мариэттой. Мы как раз говорили о похоронах, разве не так, дорогая?

Девушка продолжала смотреть на меня.

— Разве, мама? — удивилась она.

— Конечно, говорили, неужели ты не помнишь? — В голосе миссис Колдуэлл прозвучало раздражение, Она торопливо продолжила: — Мы с Мариэттой уже подготовились к завтрашним похоронам.

Мариэтта спокойно произнесла:

— А я-то считала, что мы договорились назавтра отправиться на ферму Джоунсов.

— Мариэтта, как ты можешь говорить такое! Это запланировано на послезавтра. Если я и договаривалась о чем-то, то все это придется отменить. — Она, похоже, снова взяла себя в руки. Потом с сочувствием произнесла: — Мы всегда были так дружны с вашей матерью, мистер Мэйнард, разве не так, Мариэтта?

— Мне она всегда нравилась, — ответила Мариэтта, сделав едва заметное ударение на первом слове.

— Тогда встречаемся завтра в два часа дня в

церкви, — торопливо сказала миссис Колдуэлл. — Пошли, Мариэтта, дорогая.

Я сделал шаг назад, чтобы пропустить их, потом обошел квартал и вернулся к своему дому. Я весь обыскал его в смутной надежде найти остывшее тело, но, очевидно, его уже увезли куда-то в другое место.

Я чувствовал себя не в своей тарелке. Моя мать умерла в 1963 году, когда я воевал во Вьетнаме. И адвокат нашей семьи сделал все необходимые приготовления для похорон. Часто жаркими ночами во Вьетнаме я рисовал в своем мозгу картину погруженного в тишину дома, в котором она лежала больная. Я так зримо рисовал ее, что мне казалось, что я действительно вижу ее. И это сравнение угнетающе действовало на меня.

Заперев дверь на замок, я подошел к часам, вернул гирьку на уровень 1966 и вернулся в двадцатый век.

Ощущение мрачной атмосферы смерти медленно покидало меня, но зато снова стала тревожить мысль: *«Действительно ли Джозеф Мэйнард вернулся домой 18 мая 1904 года? Если нет, то к кому тогда относится запись от 19 мая, сделанная в дневнике моего дедушки?»*. Эта запись содержала одно предложение:

«Был сегодня днем на похоронах и снова разговаривал с Мариэттой».

«Снова разговаривал»! Вот и все, что там было написано. И поскольку именно я разговаривал с ней в первый раз, то выходит, мне и присутствовать завтра на похоронах?

Вечер я провел, читая дневник, в поисках слова или фразы, которая подтверждала бы, что дело обстоит именно таким, каким я его себе представляю. Хотя я так и не нашел ни единого упоминания о путешествии во времени, но это казалось вполне естественным, решил я после долгих размышлений. Что, если дневник попадет не в те руки?

Я дошел до записи, где сообщалось о помолвке Джозефа Мэйнарда и Мариэтты Колдуэлл. А чуть позднее я наткнулся на дату, ниже которой было написано: «Сегодня женился на Мариэтте!» И тут я, весь покрытый потом, отложил дневник в сторону.

Весь вопрос заключался собственно в том, если во всем этом участвовал именно я, тогда как же быть с настоящим Джозефом Мэйнардом? Что, если единственный сын моих дедушки и бабушки погиб где-то далеко на одной из американских границ, и об этом не узнали жители его родного

городка? Сперва это показалось мне самым правдоподобным объяснением.

Я отправился на похороны. И теперь отпали последние сомнения: именно я и был единственным Мэйнардом, присутствующим на похоронах, если не считать моей умершей прабабушки.

Впоследствии я переговорил с адвокатом семьи и официально вступил во владение наследством. Я сказал, чтобы он купил акции на землю, которые спустя пятьдесят лет дали нам с матерью возможность отказаться от сдачи комнат внаем.

Потом мне предстояло поспособствовать рождению собственного отца.

На удивление непросто оказалось завоевать сердце Мариэтты и жениться на ней — особенно для человека, который *знал* наверняка, что брак этот в любом случае должен состояться. У нее уже был один ухажер, молодой парень, которого бы я с радостью задушил, и не раз, будь на то моя воля. Он умел заговаривать глаза девушкам, но за душой не было ни гроша. Родители Мариэтты тоже были настроены против него, но девушку, похоже, это не сильно беспокоило.

В конце концов, поскольку я не мог позволить себе отступиться, я решил сыграть не совсем чисто. Встретившись с миссис Колдуэлл, я сказал

ей, что мне надо, чтобы она начала поощрять Мариэтту выйти замуж за моего соперника, отпуская при этом критические замечания относительно меня. Пусть все время подчеркивает, что я ненадежный тип, в любой момент способен сорваться с места и укатить к черту на кулички, забрав Мариэтту с собой, и один лишь Господь знает, какие трудности и лишения придется тогда испытать ей.

Как я и подозревал, в глубине души Мариэтта жаждала приключений. Не знаю, насколько в том была заслуга ее матери, но неожиданно Мариэтта стала относиться ко мне более благосклонно. Я настолько увлекся ухаживанием за ней, что из головы совсем вылетели мысли о существовании дневника. После того, как мы обручились, я пролистал его, и оказалось, что записи в нем и все происшедшее со мной на самом деле полностью совпали.

От всего этого становилось как-то не по себе. И когда Мариэтта назначила день свадьбы, и он совпал с тем, что был записан в дневнике, я в своих фантазиях пошел еще дальше и самым серьезным образом задумался о своем нынешнем положении. Если все останется так, как сейчас, то тогда я окажусь своим дедушкой. А если нет?

Что тогда?

Пытаясь ответить на этот вопрос, я добился лишь того, что мысли мои окончательно запутались. Однако я приобрел дубликат старинного дневника в кожаном переплете, слово в слово переписал туда все записи из старого дневника и положил его под нижнюю дощечку часов. Полагаю, что это на самом деле был один и тот же дневник, ведь я спрятал именно тот дневник, который, скорее всего, я впоследствии и обнаружил.

Мариэтта и я справили свадьбу в тот самый день, как это и было запланировано, и вскоре нам стало ясно, что мой отец родится тогда, когда ему положено, — хотя, конечно, Мариэтта понимала это в несколько ином смысле.

В этом месте Мэйнарда прерывают.

— Следует ли нам понимать, мистер Мэйнард, — ледяным тоном начинает какая-то женщина, — что вы действительно женились на этой бедной девочке и что *сейчас* она ждет ребенка?

— Все это случилось в начале двадцатого века, — миролюбиво сказал Мэйнард.

Лицо женщины пылает от негодования.

— Мне кажется, это самая отвратительная ис-

тория, которую я когда-либо слышала!

Мэйнард окидывает гостей насмешливым взглядом.

— А что думают остальные? Неужели и вы считаете, что человек не имеет никакого морального права поспособствовать собственному рождению?

— Ну… — неуверенно начинает один мужчина, но Мэйнард его перебивает:

— Может, лучше я закончу свою историю, а?

— Неприятности мои, — продолжает он, — начались почти сразу же. Мариэтта хотела знать, куда это я временами исчезаю. Она была дьявольски любопытна и постоянно расспрашивала меня о моем прошлом. Где я бывал? Какие места посещал? Почему я оставил в свое время родной дом? Поскольку я не был Джозефом Мэйнардом, то довольно скоро почувствовал, что значит находиться у жены под каблуком. Я собирался пробыть с ней по крайней мере до рождения ребенка, лишь время от времени совершая путешествия в двадцатое столетие. Однако она следовала за мной по пятам по всему дому. Дважды она чуть было не поймала меня у часов. Тревога моя росла. Потом я понял, что, скорее всего, Джозефу Мэйнарду придется снова исчезнуть

из этого времени, теперь уже навсегда.

В конце концов, какой смысл был в том, что я обеспечил свое собственное рождение, если это был мой единственный успех? А ведь меня в 1967 году ждала другая жизнь, которую мне предстояло еще прожить. К тому же предполагалось, что я женюсь во-второй раз и заведу детей, чтобы не дать угаснуть роду Мэйнардов.

В конце концов я покинул ее. По-иному поступить я не мог.

Тут его прерывают во второй раз.

— *Мистер* Мэйнард, — произносит та же женщина, что и в первый раз, — вы что, хотите нам сказать, что бросили ту бедную девушку с неродившимся еще ребенком, а сами рассиживаете здесь и просто говорите нам об этом?

Мэйнард беспомощно разводит руками.

— А что еще мне оставалось сделать? В конце концов, за ней был там хороший уход. Я даже пытаюсь успокоить себя тем, что она, возможно, со временем выйдет замуж за того молодого краснобая… хотя, признаться честно, мне не очень нравится эта мысль.

— Почему же вы не забрали ее с собой сюда?

— Потому что я хотел, чтобы ребенок родился именно *там*, в прошлом.

Лицо женщины белеет от злости, и она говорит, заикаясь:

— Мистер Мэйнард, не знаю, должна ли я долее находиться под одной крышей с вами.

Мэйнард с удивлением разводит руками.

— Мадам, неужели вы *поверили* моему рассказу?

Женщина недоуменно моргает и восклицает:

— О! — Потом, откинувшись на спинку кресла, она смущенно смеется.

Несколько человек неуверенно смеются вслед за ней.

— Вы даже представить себе не можете, каким виновным я себя чувствовал, — продолжает Мэйнард. — Всякий раз, когда я вижу хорошенькую девушку, перед моим взором встает призрак Мариэтты. И долгое время я мучался, пока не убедил себя, что, вероятно, она умерла в 40-е годы, а может, даже раньше. И все-таки, уже через четыре месяца, я не мог ясно представить себе ее облик.

Потом на одной вечеринке я познакомился с Джоан. Она напоминала мне Мариэтту. И полагаю, ничего другого мне и не нужно было. Должен признаться, что она проявила недюжинную энергию, добиваясь моей благосклонности. Однако, я был этому рад, хотя не уверен, что отважился

бы на женитьбу, если бы Джоан не подталкивала меня к этому.

Мы поженились, и, как это положено, я перенес ее через порог старого дома. Когда я опустил ее, она долгое время простояла, глядя на меня со странным выражением на лице. Наконец, она сказала тихим голосом:

— Терри, я должна сделать тебе одно признание.

— Да? — Я понятия не имел, что она собиралась мне сказать.

— Терри, существует причина, по которой я так торопилась, чтобы ты женился на мне.

Внутри меня сердце екнуло. Я знал, почему девушки спешат выскочить замуж.

— Терри, у меня будет ребенок.

После этих слов она подошла ко мне и влепила пощечину. Не думаю, что когда-либо в своей жизни я испытывал большее недоумение.

Тут Мэйнард умолкает и обводит глазами всю комнату. Гости переглядываются, чувствуя какую-то неловкость. Наконец женщина, уже не раз выражавшая свое возмущение, удовлетворенно произносит:

— Получили по заслугам.

— Вы считаете, что я заслужил подобной опле-

ухи?

— Любой, кто решается на подобные неблаговидные поступки… — начинает было женщина, однако Мэйнард перебивает ее:

— Но послушайте, мадам, ведь я знал, что если бы я не стал собственным дедушкой, то никогда бы не родился. Как бы вы поступили на моем месте?

— А, на мой взгляд, это многоженство, — замечает какой-то мужчина, старый друг Мэйнардов, который впервые слушал этот рассказ. — Только не подумайте, что я пытаюсь защитить женщин, которые взваливают на шею своих мужей еще и чужих детей. Джоан, я удивляюсь тебе.

— Женщина может оказаться в отчаянном положении, — бормочет Джоан.

— При чем здесь многоженство, если первая жена, вероятнее всего, уже целое поколение, как умерла? — спрашивает Мэйнард. — Кроме того, я должен был подумать обо всем человечестве.

— Что вы хотите сказать? — одновременно произносят несколько человек.

— Попробуйте представить себе силы, — следует серьезный ответ, — которые действуют в процессе путешествия во времени. Хотя я не ученый, но я нарисовал в уме картину всего

материального мира, перемещающегося сквозь время и подчиняющегося действию незыблемого закона энергии.

Да, по сравнению с этой силой атомная бомба — действительно не более, чем слабый огонек в бесконечной тьме. Предположим, что в определенный момент развития пространственно-временного континуума не произойдет рождения какого-то ребенка, хотя он должен был бы появиться на свет. А потом, повзрослев, должен был бы стать моим отцом. Однако если он так и не родится, то будут ли по-прежнему существовать он и я? А если нет, то как наше внезапное исчезновение отразится на существовании всей остальной вселенной?

Мэйнард наклоняется вперед и торжественно произносит:

— Мне кажется, это повлияло бы на всю вселенную. Я думаю, вся она просто-напросто исчезла бы — пуф! — исчезла бы в тот же миг — словно ее никогда и не существовало! Равновесие между жизнью как таковой и существованием, наверное, чрезвычайно хрупкое. Стоит только чуть-чуть надавить, нарушить самое слабое звено — и все рухнет, как карточный домик. Так мог ли я, учитывая подобную вероятность, поступить

по-другому?

Он пожимает плечами, разводит вопросительно руки в стороны и откидывается на спинку кресла.

Наступает молчание. Потом кто-то молвит:

— Ну, а мне так кажется, что вы оба получили то, что заслуживали. — Он хмуро смотрит на Джоан. — Я знаю вас уже три года, и не припомню, чтобы у вас был ребенок. Он что, умер, и если это так, то я вообще не понимаю, почему вы вытряхиваете на людях свое грязное белье?

— Джоан, — произносит Мэйнард, — мне кажется, тебе лучше закончить этот рассказ.

Его жена бросает взгляд на часы.

— Думаешь, я успею, дорогой? Без двенадцати двенадцать. А ведь мы собрались отметить наступление Нового Года.

— А ты будь покороче, — советует Мэйнард.

— Действительно, страхи Терри относительно того, что его любопытная Мариэтта заметит, как он отправляется в будущее или же, наоборот, возвращается в прошлое, были вполне справедливы. Она однажды увидела его исчезновение. Если хорошенько подумать, то вы поймете, что именно это и происходит. Если бы она увидела его возвращение, то она в истерике устроила

бы скандал. Когда же Терри исчез, она сначала ужасно переполошилась, но потом постепенно ей открылась вся правда.

Не удивительно, что она ходила за ним по пятам, как беспокойная наседка. Слова готовы были сорваться с ее языка, но она не смела их произнести. Впоследствии она еще несколько раз наблюдала за его отбытием и прибытием. Теперь это меньше пугало ее, а потом ее охватило любопытство. Однажды, когда Терри встал, когда Мариэтта еще спала, оставив на подушке записку, где сообщал, что покидает ее на пару дней, она оделась в дорожное платье, взяла все деньги, что были в доме, и подошла к часам. Перед этим она исследовала часы, и у нее уже была теория, как этот таймер действует. Она еще раз увидела, что он настроен на 1967 год.

Девушка схватилась рукой за хрустальную гирю, как это делал ее муж, а затем почувствовала дурноту. Она еще не знала того, что оказалась в двадцатом столетии. Когда она вышла на улицу, то ей показалось, словно она видит кошмарный сон. Когда она начала переходить улицу, на нее вдруг откуда ни возьмись ринулось механическое чудовище, которое с пронзительным визгом тут же остановилось. Из окна высунулась голова

сердитого мужчины, и он осыпал ее проклятиями.

Дрожа, едва не падая с ног от слабости, она добралась до тротуара. Она стала более осторожной и быстро освоилась в новой обстановке. Менее, чем через полчаса она подошла к магазину, на витринах которого красовалась одежда. Она вошла в него, достала деньги и спросила у девушки-продавщицы, может ли она на свои деньги купить чего-нибудь поприличнее. Девушка позвала управляющего, а тот отослал деньги в ближайший банк для проверки.

Мариэтта купила платье, костюм, нижнее белье, принадлежности туалета и туфли. Она вышла из магазина, потрясенная собственной безрассудностью, стыдясь новой своей одежды, но весьма решительно настроенная. Она очень устала и поэтому решила вернуться в дом, а потом и в собственное время.

Шли дни, и Мариэтта становилась более смелой. Она подозревала, что ее супруг замысливает что-то нехорошее, и ведь ей не было известно, что именно женщины двадцатого столетия считают современным и позволительным. Она научилась курить, хотя сперва чуть было не задохнулась. Научилась и пить, хотя отключилась уже после

первой рюмки и проспала целый час как убитая. Она нашла себе работу в одном магазине — хозяева посчитали, что ее старомодный акцент привлечет покупателей. Но меньше, чем через месяц ее уволили, главным образом потому, что она подражала сленгу молоденьких девчонок, но также и потому, что она не всегда являлась на работу.

К тому времени у нее уже не осталось никаких сомнений, что она беременна. А поскольку ее муж тогда еще не бросил ее, она сказала ему об этом. Я думаю, она надеялась, что он ей все расскажет. Впрочем, я в этом отнюдь не уверена. Трудно говорить, что же движет поступками женщины — или мужчины. Как бы то ни было, но ей это не удалось, а вскоре он ушел и не вернулся.

Разгадав, что же он задумал, она пришла в ярость. И все же внутри нее назревал конфликт. С одной стороны, была оскорбленная женщина. С другой — женщина которая в состоянии еще была повлиять на ход происходивших событий.

Она заколотила дом и объявила, что отправляется в путешествие. Прибыв в 1967 год, она устроилась на работу и сняла комнату, взяв себе девичью фамилию и имя своей матери, Джоан Крейг. Она добилась, чтобы ее пригласили на

вечеринку, где и встретилась с Терри Мэйнардом. В ее новом платье и с новой прической она лишь смутно походила на ту Мариэтту, которую запомнил Терри.

Она вышла замуж за этого парня, и в наказание за то, что он намеревался сделать с ней, обрушила на него самую потрясающую в его жизни новость. А потом, знаете, что же еще она могла сделать? Если парень дважды женится на одной девушке, и во второй раз — не зная об этом, то, наверное, это и есть любовь… О Господи, да ведь до полуночи осталось три минуты! Пора кормить моего карапуза.

Она вскакивает с кресла и выбегает в холл.

Через минуту после ее ухода кто-то нарушает тишину:

— Ну и ну! Выходит, вы не только дедушка самому себе, но еще и женились в 1970 году на собственной бабушке! Не кажется ли вам, что это несколько усложняет дело?

Мэйнард качает головой.

— Это единственное решение, неужели вам это не ясно? У нас есть один ребенок — и он там, в прошлом. Он станет моим отцом. Если у нас родятся другие дети, то они останутся здесь и станут продолжателями рода Мэйнардов. Эта мысль

приносит мне огромное успокоение.

Где-то вдалеке бьют куранты. Мэйнард поднимает вверх бокал.

— Леди и джентльмены, выпьем за будущее — за 1971 год и все, что он нам принесет.

Когда они выпивают, одна из женщин робко спрашивает:

— А ваша жена… Джоан… она сейчас отправилась в прошлое?

Мэйнард кивает.

— Вот чего я никак не пойму, — продолжает женщина. — Вы говорите, что последняя надпись на маятнике таймера была 1970. Так ведь 1970 год только что закончился.

— А! — восклицает Терри Мэйнард. На лице его появляется выражение удивления. Он немного приподнимается в кресле, едва не проливая свой коктейль. Потом медленно опускается и бормочет:

— Я уверен, все обойдется. Судьба не может отнестись к нам так иронично.

Женщина, которая перед этим нещадно критиковала Мэйнарда, встает.

— Мистер Мэйнард, вы что, не собираетесь пойти и проверить?

— Нет — нет, все будет в порядке, я уверен. Там

есть еще немного места, чтобы написать новые цифры. Просто нужно вырезать еще одну отметку. Я уверен, этого достаточно.

Какой-то мужчина широкими шагами направляется к двери в холл. Потом он возвращается с хмурым видом.

— Вам будет интересно узнать, — начинает он, — что ваши часы остановились — ровно в полночь.

Мэйнард не шевелится.

— Я уверен, что все будет в порядке, — бормочет он.

Две женщины поднимаются.

— Мы пойдем наверх и поищем Джоан, — говорит одна.

Вскоре они возвращаются.

— Ее там нет. Никаких следов.

Тут в комнате появляются двое мужчин и женщина, которые покинули ее, когда Мэйнард начал свой рассказ.

— Уже заполночь, — весело произносит один из вернувшихся гостей, — поэтому я представляю себе, что тут происходит. — Он бросает взгляд на Мэйнарда. — Ты что, сказал им, что последним числом было 1970?

Гости ерзают в своих креслах в напряженной

тишине, которая устанавливается вдруг в комнате. Затем мужчина обращается к ним все тем же веселым тоном:

— Когда я впервые услышал эту историю, этим числом было 1968… и именно в полночь часы остановились.

Кто-то спрашивает:

— Так что, Джоан и тогда исчезла за три минуты до полуночи?

— Ну да.

Несколько человек выходят в холл посмотреть на часы. В комнату доносятся обрывки фраз:

— Ого, действительно остановились на 1970…

— Интересно, неужели Мэйнард каждый год вырезает новые цифры?..

— Эй, Пит, возьмись за гирьку…

— Ну уж нет! От всей этой истории мне как-то немного не по себе…

— Мэйнард всегда казался мне несколько странноватым…

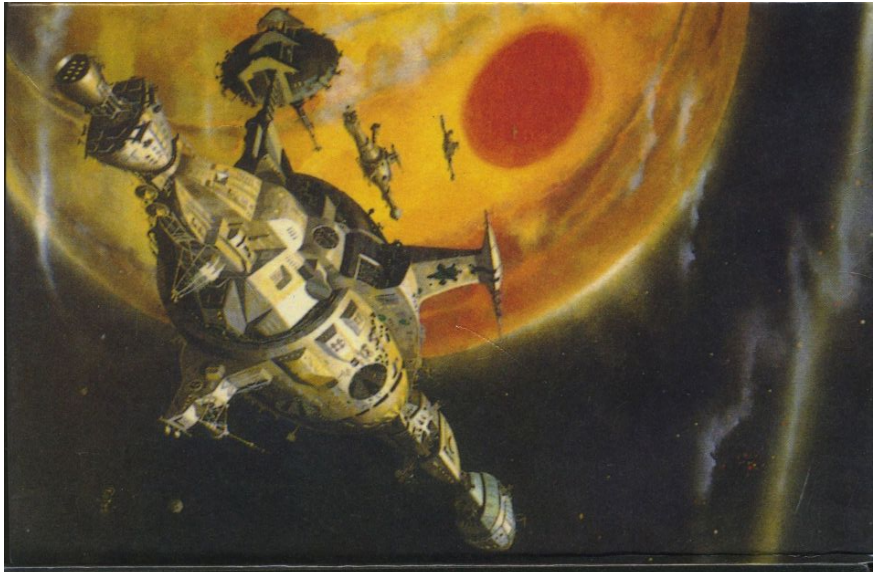
— Отличный рассказ, верно?..

Позже, когда гости начинают расходиться, одна женщина с сожалением спрашивает:

— Но если все это просто шутка, почему же Джоан не вернулась назад?

Из темноты за дверью раздается чей-то голос:

— …а Мэйнарды действительно интересная пара, не правда ли?..



МИССИЯ
К ЗВЁЗДАМ

Альфред ВАН ВОГТ